Эд Георг Баше

КОНТРАБАНДА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Эд Баше
Контрабанда

https://litres.ru/74626044
SelfPub; 2026

Аннотация

Шалопай – воспитанник деда, замкнут. Будучи студентом – хулиганит. Работает в Донбассе. В науке не уживётся. Спроектирует уникальные объекты. Пригласят в Главк, потом в Ведомство. В лихие девяностые станет контрабандистом

Эд Георг Баше
Контрабанда

Глава 1. Шалопай

Черти в подъезде

…Расходились поздно ночью. Фадя жил в этом же подъезде, и ему оставалось лишь подняться на второй этаж. Темный ушел раньше всех к своей зазнобе Ирке Полищук, она жила на другой – восточной стороне северного пригорода.

Перельцвейг, выйдя с Клиновым из подвала, участливо спросил:

– Федь, что-то тебя качает, ты к себе-то доберешься?

– Не знаю, Боб, а вообще-то, не хочется мне туда, – язык шалопая заплетался, его вело из стороны в сторону.

– Давай потихоньку двигай, тут тебе еще десять шагов. Все, пока, – и, похлопав приятеля по плечу, скрылся в своем подъезде.

Во всей вселенной Клинов остался один, огромному и чужому миру был безразличен ученик электрослесаря.

«Никому я не нужен, и от меня нет никакого проку. Все меня бросили, и дома я не нужен. Хотя нет, врешь, Клинов, Арина точно ждет и не спит. Сволочь я, сволочь», – в его памяти громоздились разбитые электрички, Лианозовский цех и зубило, потом выплыл Южанин в шинели без фуражки…

Перед самым подъездом его повело в сторону. Сделав усилие, он громко чертыхнулся, навел резкость, чтобы перестало двоиться, еще раз помянул черта и ухватился за ручку па-

радной двери.

Тяжело войдя в тускло освещенный подъезд, шалопай снова пошатнулся, но равновесие удержал.

Дом спал.

Он сделал шаг, его опять качнуло, он схватился за батарею отопления, оторвал взгляд от ступенек и не поверил своим глазам: на перилах с правой стороны друг за дружкой сидели четыре бурых черта с умильными рожами, маленькими ушками торчком и длинными хвостами до ступенек.

Отшатнувшись к стене, он закрыл глаза, полагая, что видение исчезнет, но черти по-прежнему сидели на перилах, только теперь, повернув рожи, все четверо смотрели на Клинова. Его же до мороза по коже, до жути поразили совершенно беззлобные, даже, казалось, доброжелательные морды чертей…

Перебирая руками по стене и не отрываясь от видения, которое не исчезало, шалопай медленно поднимался по ступеням, а поганые рожи провожали его до тех пор, пока не исчезли из поля зрения...

Дом в Северном пригороде

Второй месяц Клиновы жили в Северном пригороде. Четырехэтажный дом, стоящий покоем, не потревожив чьих-либо интересов, очень удачно вписался в дачный пейзаж северного пригорода.

Инициаторы строительства дома – Георгий Клинов и Григорий Беридзе – не сомневались, что лет через десять-пятнадцать здесь, в этом уютном местечке, от которого до столицы рукой подать, будет построено много больших домов, откроют магазины, появится метро и даже православная церковь.

Они не только не ошиблись, но и представить себе не могли, как далеко в своем развитии шагнет заштатный пригород, став частью столицы, полноправным участником и потребителем. Пока же добротный дом в свои три подъезда понемногу начал принимать постояльцев.

Первыми поселенцами стали Клиновы и Беридзе.

Поскольку Григорий занимал одну из трех руководящих позиций в Тресте, он, жена Валентина и ее шестнадцатилетний сын Федор Руцкок, приблатненный парень, получили стометровую квартиру на третьем этаже среднего подъезда. Паренек работал учеником токаря, вечерами посещал вечернюю школу, которую терпел только потому, что этого требовала мать.

Ниже этажом, в такой же квартире, с женой Ариной, преподавателем китайского языка, поселился Георгий, черноглазая трехлетняя дочка Этелла и ученик десятого класса Федор.

«Это пока он просто юноша, – рассуждал А-Клинов, – что взять с недоросля, но в основе его генетического кода есть все, что необходимо командору; то, что он станет командором, – сомнений нет, другое дело – путь из шалопаев в

командоры трудный и долгий, ждут его утраты и обретения, однако результат того стоит».

Юноше еще полгода предстояло ездить в школу, сначала на электричке, потом еще одну остановку на метро.

Федоры облюбовали лестничную площадку у окна между вторым и третьим этажами. Курили «Приму», кляли домашний террор, делились текущими событиями, обменивались взглядами на женскую доступность и коварство.

Рядом с квартирой Руцкока поселилась Майя – полненькая восьмиклассница с шикарными русыми косами. Отец школьницы Саша Литвин – второе руководящее лицо Треста – считался первым преферансистом в узком кругу трестовских игроков. Его элегантная жена Марина служила в центральном аппарате горного ведомства и пользовалась привилегиями аристократической дамы.

В силу романтического возраста Клинов и Майя заметили друг друга, при этом он испытал противоречивые чувства: девочка понравилась, но она никак не для него, он был уверен, что не понравился ей.

– Как тебе Майка, твоя соседка? – как бы между прочим спросил Клинов.

Приятели, как обычно, курили на лестничной площадке.

– Толстовата, – ухмыльнулся Руцкок, – но вообще кадр в порядке, – и добавил: – А тебе, брат, я смотрю, она понравилась, да?

– Да нет, это я так, безо всяких, – Клинов густо покраснел.

– Да не тушуйся ты, если что, организуем тебе эту девочку.

– А ты, я вижу, мастер по этой части.

– Мастер, не мастер, а на Красной Горке живет Ритка, так у меня с нею все в ажуре.

– В каком смысле «в ажуре»?

– В том, в каком тебе нравится Майка. – Руцкок затянулся, похлопал ладонью по кулаку и с каким-то превосходством прибавил: – Дает, когда приезжаю к ней!

Странным человеком казался Руцкок. Когда над ним поселилась семья Федюкиных, в которой был мальчик и довольно-таки интересная сестра, Руцкок, можно сказать, загорелся ею.

Федотиха, как звал ее про себя Клинов, казалась ему взбалмошной девчонкой и очень смахивала на манерную Кутузову, которая портила ему жизнь в школе. А приятель тем не менее как-то, когда Татьяна поднималась домой, вдруг сказал:

– Что-то в ней есть!

– Ну и что в ней такого есть?

– Пока не знаю, посмотрим.

Вячеслав Анисимович, отец Татьяны, служивший начальником бюро бурения шахтных стволов Треста, избегал застолий с руководством, а в преферанс его не приглашали. Ко всему прочему, он не курил, а какой же преферанс, если игрок на прикупе не выпивает и не курит. Да и вообще, слыл

он в Тресте человеком некомпанейским, хотя свое дело – бурение – знал досконально.

На перепутье

Выпускной вечер с вручением аттестатов зрелости, прощанием со школой, классом, мечтами о прекрасном будущем – все эти волнующие моменты и события состоялись без Клинова: за сочинение на выпускном экзамене он получил двойку. Такого убийственного поражения самолюбия у него еще не было.

– Аттестат об окончании средней школы получишь осенью, – отводя глаза в сторону, объясняла Елена Владимировна, классный руководитель 10-го «В». – Тебе надо будет прийти в школу 25 августа, в учительской буду я или Василиса Никаноровна, получишь три темы на выбор и напишешь сочинение.

– Понял, – Клинов демонстрировал полнейшее равнодушие.

– Только хочу тебя попросить, Федор, – доверительно понизив голос, сказала Елена, – выбери тему попроще, знакомую, и не пиши так много, как на выпускном экзамене.

– Ладно, не буду, – Клинов всем своим видом показывал, что его тяготит разговор.

Тем временем одноклассники сидели за учебниками и по-

собиями, готовились к поступлению. Самым популярным считался университет на Ленинских горах.

Грустью и сожалением в душе Клинова отложилась случайная встреча с Иванкиной. Он покупал билет в метро на станции «Ботанический сад», а Татьяна как раз сходила с эскалатора. Разминуться было нельзя, хотя Федору не хотелось с нею встречаться. Они увиделись и отошли в сторону. Татьяна готовилась к экзаменам на биофак Университета имени Ломоносова.

С тех пор как Федор увлекся Кутузовой, они будто стали незнакомы. Татьяна изменой была уязвлена и расстроена, даже плакала, ее душила не столько сама измена, сколько откровенное безразличие к ней Клинова. Кашенцев журил приятеля, но тот как с цепи сорвался.

– Как поживаешь, изменник? – совершенно без зла, легко, даже с некоторой долей превосходства заговорила Татьяна.

Со временем ей стала понятна натура Федора – слабая, неустановившаяся, часто неумная, хотя по-детски искренняя. Она знала, что никакого продолжения у него с Кутузовой не случилось, собственной обиды уже не было, и она просто жалела непутевого юношу.

– Да ничего хорошего, Тань, ты же знаешь про мои проблемы. – Клинов новыми глазами смотрел на симпатичную девушку: стройную, в хорошем настроении; он видел, что она свободна от него, и это слегка огорчило.

– Я уверена, ты преодолеешь эту черную полосу. Не вешай

носа, и пока!

– Желаю тебе удачи, Татьяна, в университете!

Лето прошло скучно, Клинов слонялся в своей комнате из угла в угол, иногда брал гитару, повторял гаммы, выходил на улицу, в парк. Ничего не хотелось, тем более видеться с одноклассниками.

Познакомился с парнями, поселившимися в его доме. Леха Буров жил в третьем подъезде, Боб Перельцвейг – в том же подъезде, только на первом этаже. В первом подъезде на втором этаже жил Фадин Виталик с младшим братом Колей.

В августе, 25-го числа, Клинов запасся шпаргалками, пришел в школу, из трех тем сочинений, предложенных учительницей, выбрал знакомую, получил чистые листы и расположился за партой. Василиса развернула газету «Правда» таким образом, чтобы ее не было видно. Клинов, не таясь, достал похожее сочинение и принялся за работу.

– Я закончил, – убирая шпаргалку, сообщил он газете.

Газета тут же была сложена.

– Хорошо, сдавай работу.

Клинов положил перед учительницей три листка и вопросительно посмотрел на экзаменатора.

– Присядь.

Она, не торопясь, прочитала сочинение, что-то исправила, сложила в сумку и встала.

– Все нормально, за аттестатом зрелости придешь через неделю.

Дома все вертелось вокруг Этеллы. Клинов старался бывать там как можно реже, обычно запирался в своей комнате, старательно избегал Южанина. С матерью был предельно лаконичен, хотя она была единственным человеком, принимавшим в нем участие и терпеливо сносившим его грубости.

Боб Перельцвейг осваивал профессию чертежника, Темный работал учеником токаря, Виталик слесарил в «Промвентиляции», Леха уже учился в автодорожном институте.

Не мой он сын

Теплым сентябрьским вечером отец Клинова – Георгий по прозвищу Южанин и закадычный приятель - Саша Трофименко устроились на новенькой веранде, еще пахнущей свежей сосновой доской, с отменной закуской, чтобы обмыть недавно построенную Сашину дачу в Переделкино. Их жены - Галина и мать Федора - Арина немного посидели с мужьями, пригубили имеретинского вина и ушли прогуляться по поселку.

Лето было на исходе. В преддверии осени уже слышались густые запахи отцветающей зелени, во всем чувствовалась безмятежность и покой. Никто не мешал закадычным друзьям.

– Пристроил бы моего оболтуса к своим монтажникам, а, Саш?

В середине сороковых годов друзья уехали на строительство тоннеля под Амуром. Георгия взяли горным мастером, Саша возглавил бригаду электромонтажников.

Теперь у Александра Егоровича было достаточно возможностей для личного строительства, он запросто мог бы возвести не просто дом, а имение не хуже дворянского поместья. Тем не менее обмывали стандартный домик, не шире и не выше, чем это разрешалось.

Георгий тоже мог бы построить – если не дворянское поместье, то двухэтажный коттедж наверняка.

Арине очень хотелось лето проводить на собственной даче, но на все ее просьбы и увещевания Георгий твердил одно и то же: «Хочу спать спокойно!»

Впрочем, как предположил Федор, не нужна ему дача: ему принадлежит третья часть двухэтажного особняка в центре города, который являлся древней столицей Колхидского царства, куда направлялись аргонавты к царю Айэту за золотым руном.

Южанин разлил водку по рюмкам, посмотрел на приятеля:

– Так как? Возьмешь?

– А почему бы не взять? Только ты мне, Жорик, скажи: что ты так гнобишь его? Это видно невооруженным глазом. Мне парень симпатичен, разве что несколько замкнут, так он еще юноша, нецелованный, наверное, и девок еще не пробовал. А, Жорик?

– Давай, Саша, выпьем, а потом я тебе скажу как есть.

Приятели чокнулись, посмаковали, перехватились малосольным огурчиком.

– Понимаешь… – Георгий задумался. – Сразу хочу предупредить, чтобы ты никому – ни Гале, ни Маргарите – ни в коем случае. Договорились?

– Какие могут быть возражения, Жора? Ты же меня знаешь больше двадцати лет, я тебя хоть раз подводил?

– Не было такого. – Георгий разлил водку. – Давай еще по одной. – Они выпили, помолчали, и Южанин заговорил:

– То, что я тебе скажу, меня мучает давно. Как погляжу на него, так прямо что-то темное во мне просыпается. А все потому, что не проходит подозрение, что не мой он сын.

– Никогда бы не подумал, – Трофименко не знал, что говорят в таких случаях, он растерялся, удивился. Попытаться разубедить или посочувствовать – вряд ли уместно, оставалось молчать.

Георгий помрачнел, жалел, что разоткровенничался: что толку от того, что он поведал товарищу сокровенную тайну? Ничего не изменится.

– Ладно, считай, ничего я тебе не говорил. Так как, пристроишь или мне поискать в других местах?

– Конечно, устрою, пусть приезжает в Лианозово завтра. Там в одном из цехов наш трест ведет электромонтажные работы. Начнет учеником электрослесаря, а дальше будет зависеть от него самого. Я же прослежу и, где надо, помогу.

Невыспавшийся, мрачный и голодный Клинов, как всегда, опаздывал и торопился на станцию, где с трудом втиснулся в переполненную электричку.

В полутемном тамбуре среди дремлющих слесарей, токарей, швей-мотористок и продавцов до Москвы ехать двадцать минут. С Северного на Савеловский вокзал – автобусом, и снова тамбур, набитый пролетариатом, и еще двадцать пять минут до Лианозово.

Бригада, в которую его взяли учеником, начинала в восемь утра. Ученику велели бить штробу в стене. Он с тупым упорством и отвращением колотил молотком по зубилу, бетонная стена поддавалась плохо, едкая пыль щипала глаза. Молоток соскользнул, и болезненный удар пришелся по руке.

«Да провались этот цех вместе с заводом, с Трофименко, пошли они все к ebeni feni!»

Один день, отработанный на заводе, Клинов считал за два. Ему меняли задания, приставляли к лучшим мастерам, но все усилия были напрасны. Бригадир из Калуги, суровый, но справедливый мужик, подсказывал, пробовал с ним найти общий язык, но встретил глухое нежелание разговаривать.

Слесари из бригады открыто говорили, что от новичка нет пользы, а когда закрывали наряды, то возмущались, что ему платят, как и всем. Но и у новичка терпение было на пределе.

«Все, сегодня последний день, только бы получить зарплату – и адью!» Наскоро проглотив в обед бутерброд с доктор-

ской колбасой и пакетом кефира, он подошел к бригадиру.

– Николай Сергеевич, могу ли я получить зарплату за октябрь?

– Можешь, конечно, только зарплата у нас будет на следующей неделе.

– Да я нашел другую работу, мне бы сегодня получить расчет, и я больше не буду у вас обузой.

– Что за работа? – с облегчением спросил бригадир.

– Нормальная работа, Николай Сергеевич, недалеко от дома. Так как можно получить расчет?

– Слушай, а Александр Егорович знает, что ты уходишь?

– Пока нет, но в воскресенье узнает.

Предопределенность

Клинов не был фаталистом, но в приметы верил, поэтому перестал садиться в первые три вагона электрички.

Судьбе было угодно не подвергать юношу опасности; очевидно, у попечителя и хранителя Клинова имелись на него какие-то далеко идущие планы.

Расставшись с постылым цехом навсегда, с зарплатой под расчет, не торопясь, смакуя предстоящий выходной, Клинов возвращался домой.

В Лианозове ему пришлось пропустить несколько битком набитых автобусов, однако его это не только не огорчило, а,

наоборот, даже порадовало: «Фадя из своей Промвентиляции появится не раньше шести вечера, Темный тоже освободится примерно в это же время, так что где-нибудь часиков в семь-восемь, не раньше, все и соберемся. А что на свою электричку опоздаю, так это ерунда – сегодня же суббота».

Настроение было отличное, предстоящее объяснение с Южанином не беспокоило.

На Северном вокзале стоял тревожный гул. Электрички не ходили. Скопилась огромная толпа пассажиров, а народ продолжал прибывать. Из невольно подслушанного разговора Клинов узнал, что в первых трех вагонах электрички, шедшей из Москвы, держась за поручни распашных дверей, гроздьями висели люди. В это же время на вокзал под посадку в Москву шла пустая электричка. Поезда встретились на перегоне, и всех людей, висевших гроздьями, как бритвой срезало насмерть.

Оказывается, после неоконченного ремонта рельсы параллельных путей сдвинулись настолько близко, что между встречными поездами практически не было просвета, там всех и срезало. В тот трагический день погибли и были покалечены от пятнадцати до двадцати пяти человек, в основном молодых парней.

И тут страшная мысль рассекла сознание: «А приехал бы я на Северный вокзал вовремя…» Клинов остановился, его передернуло морозом, и только теперь по-настоящему осенило, что невидимая рука отвела от него гибель в железно-

дорожной катастрофе: как и все, Федя часто вис, держась за поручни в распашных дверях электрички.

…Не неведомая рука отвела от него гибель, а его попечитель и хранитель – А-Клинов, неустанно и повсеместно сопутствующий ему при всех обстоятельствах, возникающих в жизни пока еще непутевого шалопая…

Опустошенный и отрешенный Клинов появился в желтом доме Ссеверного пригорода только в шесть: пришлось пропустить несколько переполненных электричек, первые вагоны которых были практически пустыми. Не заходя домой, он прямиком направился в подвал первого подъезда, где ребята частенько коротали время.

– Что так долго? – Фадин резал на газете колбасу. – Мы уж в пинг-понг сгоняли, а тебя все нет.

– Вы что, ничего не слышали?

– Слышали, – Темный мятой газетой протирал стакан, – что наши танки утюжат Будапешт, венграм накостыляли так, что долго не забудут. А что еще мы не слышали?

– Сегодня еду я с работы, – лицо Клинова казалось осунувшимся, – приезжаю на Северный вокзал, а там тьма народу: электрички не отправляются и не прибывают, а из репродукторов одно и то же: «Дайте дорогу носильщикам…»

– Так, может быть, они какой-нибудь секретный груз доставляли? – Перельцвейг, как всегда, попытался иронизировать.

– Ты прав, Боб, они точно доставляли груз, и этим гру-

зом были погибшие парни и мужики. Произошло все из-за ремонтных работ: расстояния между путями почти не осталось. Всех, кто висел в дверях, срезало встречной электричкой.

Все притихли.

– Ну, дела, – Перельцвейг посерьезнел. – Я ведь тоже иногда аж две остановки еду, держась за поручни.

– А я… – Фадин отложил колбасу и стоял, раскрыв рот. – И я, бывает, тоже еду висяком.

– Знаете, мужики, вам повезло, – Темный поставил стакан, налил водку. – Тезка, давай бери, помяни погибших и поблагодари Бога, что можешь сейчас выпить с нами.

– Помяну, конечно, мир их праху. – Клинов выпил, крякнул, вытерся рукавом. – Решил я послать этот почтовый ящик куда подальше.

– Смотри, как бы предок тебя не послал куда-нибудь еще дальше, – Перельцвейг хорошо знал крутой нрав Южанина.

– Ну, уйдешь, а куда подашься? – Фадин из всех был самым сердобольным и по себе знал, как достается приятелю дома.

– Тут вот рядом с нами начинают дом строить, вот туда и пойду, хотя бы ездить по два часа не буду.

– Это надо обмыть, чтобы все у тебя получилось путем, – Темный перевернул бутылку. – Водки-то больше нет. Фадя, твоя очередь, жми за водкой да бери сразу два пузыря.

– Держи деньги, сегодня я банкую, – Клинов отдал Вита-

лику сто рублей. – Купи еще колбасы и «Приму».

– «Приму» не надо, у меня есть «Честерфилд», а если что, то могу предложить «Кемел».

– Что-то ты раздобрился, а, Темный, с чего бы это?

– У тезки событие: живой остался, работу меняет. А ты что подначиваешь, Боб, схлопотать хочешь?

– Ну, ну, парни, кочумай, – Фадя загородил крутым плечом щупленького Перельцвейга. – А ты, Темный, не хвалился бы сигаретами, подумаешь, «Честерфилд», нам и с «Примой» хорошо!

Расходились поздно ночью. Фадя жил в этом же подъезде, и ему оставалось лишь подняться на второй этаж. Темный ушел раньше всех к своей зазнобе Ирке Полищук, она жила на другой – восточной – стороне северного пригорода.

Перельцвейг, выйдя с Клиновым из подвала, участливо спросил:

– Федь, что-то тебя качает, ты к себе-то доберешься?

– Не знаю, Боб, а вообще-то, не хочется мне туда, – язык шалопая заплетался, его вело из стороны в сторону.

– Давай потихоньку двигай, тут тебе еще десять шагов. Все, пока, – и, похлопав приятеля по плечу, скрылся в своем подъезде.

Во всей вселенной Клинов остался один, огромному и чужому миру был безразличен ученик электрослесаря.

«Никому я не нужен, и от меня нет никакого проку. Все меня бросили, и дома я не нужен. Хотя нет, врешь, Клинов,

Арина точно ждет и не спит. Сволочь я, сволочь», – в его памяти громоздились разбитые электрички, Лианозовский цех и зубило, потом выплыл Южанин в шинели без фуражки…

Перед самым подъездом его повело в сторону. Сделав усилие, он громко чертыхнулся, навел резкость, чтобы перестало двоиться, еще раз помянул черта и ухватился за ручку парадной двери.

Тяжело войдя в тускло освещенный подъезд, шалопай снова пошатнулся, но равновесие удержал.

Дом спал.

Приобщение к труду

Недалеко от четырехэтажного желтого дома, стоящего покоем в северном пригороде, начиналось строительство жилого дома.

«Ничего лучше и придумать нельзя, – решил Клинов, – как только устроиться на стройку кем угодно. Оставался один неясный вопрос: как туда попасть? Обращаться к родителям – последнее дело, опять куда-нибудь зашлют, хватит с меня Лианозова».

Сила подлинно настойчивой мысли, засевшей в волевом отделе мыслительного аппарата шалопая, излучала сигнал неизвестной пока природы такой мощности, что суть передаваемой информации не могла не быть принятой теми

людьми, от которых зависело решение.

В субботу, когда шалопай доедал бутерброд, на кухню зашла Арина.

– Доброе утро, сынок. Ты знаешь, в нашем доме живет Иван Игнатьевич, он строил Останкинскую башню.

– Ну и что? – пробурчал грубиян.

– Он будет строить жилой дом рядом с нашим, – Арина давно и терпеливо сносила бестактность сына.

– А мне-то что? Строил башню, теперь дом, – но уже на слове «дом» тональность изменилась. – Я его вообще не знаю.

– Я с ним вчера разговорилась во дворе. Он рассказал, что назначен начальником строительного участка, набирает рабочих, вот я и подумала…

– Ну и чего ты подумала? – по привычке продолжая хамить, грубиян сообразил, куда клонит мать. Низкие тона в голосе смягчились. – Так он что, приглашает, что ли, меня, или как?

– Он просто сказал, что набирает рабочих, – Арина сдержалась от проявления заинтересованности и, как бы между прочим, повторила: – Набирает рабочих.

В тот же день, преодолев вздорное самолюбие, Клинов попросил переговорить о том, что хотел бы работать на строительстве. Арина позвонила Хирному.

– Добрый день, Иван Игнатьевич, это Арина вас беспокоит. Вчера вы сказали, что набираете рабочих, так вот, нельзя

ли устроить к вам нашего Федора?

– Ну почему же не устроить, любезная Арина, не знаю, как вас по отчеству…

– Леонидовна, – вставила Арина. Голос Хирного с ярким малороссийским выговором был сама любезность:

– Пусть зайдет ко мне, я живу в сорок первой квартире, и мы с ним обо всем договоримся.

Строительство нового жилого дома, инициаторами которого являлись Георгий Клинов и Григорий Беридзе, затевал трест «Шахтспецстрой».

Новая работа пришлась Федору по душе. Недели две он бегал по стройплощадке разнорабочим, выполнял поручения прораба. Тот на планерке похвалил исполнительность парня, и с того дня, оставаясь разнорабочим, он стал помощником прораба.

Деньги ему платили пустяковые, но для Клинова главной являлась свобода передвижения, близость дома, ощущение независимости и незримой защиты. Дома его видели редко: приходил Федор поздно, доставал из холодильника котлеты и сразу шел к себе в комнату. Арина иногда спрашивала про работу, он лаконично отвечал, и так продолжалось почти полгода.

– Он у тебя что, так и будет разнорабочим бегать? – Георгий, только что вернувшийся из командировки, сидел на кухне и ждал ужин.

– Я сделала то, что смогла: поговорила с Хирным. Теперь

мальчик при деле, во всяком случае, не как Вовка Калмыков, который вот уж месяц как вернулся из колонии, нигде не работает и наших ребят подбивает. – Арина разогревала котлеты, накрывала на стол, всячески стараясь угодить мужу, который явно был не в духе.

– Арина, знаешь что, сходи-ка в гараж за вином. Устал я что-то: командировка была тяжелой, два самолета, потом двести с лишним километров на вездеходе по казахским степям. А что касается Федора – надо бы подумать…

– Сейчас, сейчас, Жорик, я мигом.

Для Арины разговор с мужем послужил новым импульсом к устройству Федора. К этому времени из Военного института иностранных языков ГРУ она перевелась в Институт стран Азии и Африки к профессору Илье Ошанину, который работал над «Большим китайско-русским словарем» в четырех томах.

Работая над словарем, Арина в силу природной доброжелательности поддерживала связи с коллегами по кафедре китайского языка в военном институте.

Скажем прямо: была и романтическая история. Начальник восточного факультета полковник Сидихменов, родом из Хабаровска, окончивший тот же университет, что и Арина во Владивостоке, участник разгрома Квантунской армии Японии, настойчиво предлагал ей руку и сердце и, несмотря на категорический отказ, продолжал добиваться ее расположения и согласия.

Преодолев врожденную скромность, Арина решилась позвонить:

– Василий Яковлевич, это Арина Леонидовна. Решила Вас побеспокоить.

– Я очень рад Вас слышать, Арина! Как поживаете? – Звонок Арины был для полковника полной неожиданностью, и он сначала несколько растерялся.

– Жизнь моя, Василий Яковлевич, похожа на тысячи жизней в России: дом, дети, заботы. А как Вы?

– У меня тоже, как и у всех, с одной особенностью: часто вспоминаю Вас. Вот Вы сейчас позвонили – и все во мне всколыхнулось, захотелось увидеть Вас.

– Я бы с удовольствием приехала на кафедру повидать всех, с кем работала, у меня остались самые хорошие воспоминания, но так много всяких дел.

– Рассказывайте, Арина, Вы же не просто так позвонили.

– Вы правы, есть вопрос, в котором, я надеюсь, Вы могли бы посодействовать.

Арина рассказала про сына, что хотела бы устроить его на другую работу, чтобы там была дисциплина: все-таки такой возраст, когда нужен глаз да глаз.

Полковник расспросил про Федора, обещал подумать, попросил время, сказал, что есть некоторые соображения и что сам позвонит. Арина не сомневалась: раз полковник взялся, значит, сделает все, что от него зависит. Однако вскоре стремительно возникшие события вытеснили поиск новой рабо-

ты для Федора.

Опухшие глаза Этеллы не открывались; ее лечили в Филатовской больнице, потом в Одессе. Зрение частично утратилось, и очки, которые сопровождали Этеллу всю жизнь, стали неотъемлемой частью ее облика.

Когда проблема с глазами сошла на нет и девочка стала привыкать к очкам (они ей даже нравились), неожиданно позвонил Сидихменов:

– Разрешите доложить, любезная Арина: Ваше поручение выполнено!

– Какое поручение? – опешила Арина, смутно припоминая разговор полугодичной давности, но, спохватившись, добавила: – Простите, Василий Яковлевич, дочь очень сильно болела, опасались потери зрения, буквально недавно стала поправляться.

– Понимаю, в таких ситуациях здоровье ребенка становится главным. Вашему сыну надо будет позвонить мне, и я расскажу, куда и к кому обратиться.

– Большое спасибо, Василий Яковлевич! Скажите, пожалуйста, что это за работа?

– А это, Ариночка, из той сферы, в которой действовал Ваш батюшка.

– Да что Вы, Василий Яковлевич, он же еще несмышленыш, куда ему такая работа?!

– Не пугайтесь, это гораздо проще. Организация находится в Москве, основной контингент – офицеры, так что дис-

циплина обеспечена. Более того, юноши могут только мечтать о такой работе. Одним словом, Арина, пусть действует, а там посмотрим. Да и я здесь, в случае чего, помогу.

– Не знаю, как и благодарить, Василий Яковлевич! Спасибо большое еще раз!

Декабрист

Будь вольнодумцем! Помни наш зарок:
Святоша – узок, лицемер – жесток.
Звучит упрямо проповедь Хайяма:
Разбойничай, но сердцем будь широк!

Ну кто ж из нас на палубе большойНе падал, не блевал и не ругался?

…В прекрасном настроении, по легкому морозцу, боксеры прогулялись по улице Горького до площади Маяковского, взяли две бутылки водки и двинули в центровую столовую на углу Садового кольца и улицы Горького, точно наискосок от памятника Владимиру Маяковскому.

Федор входил вторым, за ним Гусаров. Перед гардеробом одевались трое нетрезвых интеллигентов. Что-то неприятное выделяло их в тусклом прокуренном свете фойе: то ли голоса, то ли предмет разговора. Одним словом, они не понравились.

Расстегивая плащ-реглан, Клинов услышал рядом чмокающий звук и тут же увидел: один из троих, раскинув руки, завалился на одевающихся людей. Интеллигента нокаутировал Голиков. Без раздумий шалопай наотмашь треснул дру-

гого интеллигента. Рядом ругался и дрался Гусаров. Кто-то крикнул: «Милиция!»

Федор несся к Садовому кольцу. В вечерних огнях искрился легкий пушистый снежок, бежать мешал перелицованный костюм и бутылка в расстегнутом плаще. Споткнувшись о подножку, он упал, с размаху проехался животом по скользкому тротуару, перевернулся. Не отпуская костюма, увидел довольную рожу в милицейской шапке. «А бутылка-то не разбилась», – мелькнула приятная мысль.

Боксеров погрузили в милицейскую машину и привезли в Столешников переулок. В пятидесятом отделении милиции, в знаменитом «Полтиннике», куда доставляли фарцовщиков с «плешки», студенты разглядели, кого избили, а вернее – кому испортили лица.

Наутро был суд. Первым на прием к судье пошел Голиков. Клинов шел вторым. В маленькой комнате за письменным столом сидел пожилой человек с усталым лицом.

— Сколько получил, приятель?

— Пять суток.

— Тебе тоже пять суток, позови следующего, – судья махнул рукой и что-то записал.

Студентам дали по пять суток и заключили под стражу в камеру предварительного заключения «Полтинника»...

Военная разведка

В мастерскую влетел заполошенный Неволин:

– Пошли к Подчуфарову, – лейтенант был сильно взволнован.

– Зачем? – испугался Клинов.

– Бросай дела, там узнаешь.

Они бегом двинулись в конец длинного коридора к кабинету начальника. В углу кабинета, поникнув головой, маялся Ермаков, возле двери нервничал дежурный по гарнизону майор Чухиль. Огромный Подчуфаров был вне себя.

– Где передатчик, остолопы! – зарычал полковник. Неволин мотнул Клинову головой в сторону двери, как бы говоря: «Неси!» Клинов принес инструменты и остановился посреди кабинета, растерянно глядя по сторонам.

– Твоя работа? – орал багровый полковник. Клинов молча кивнул.

– Ломай! – приказал Неволин.

Федор присел на пол, разогнул алюминиевое шасси, пассатижами выдрал сопротивления и оторвал контур из медной проволоки. Подчуфаров еще метал грозные взгляды, но офицеры сосредоточились на демонтаже передатчика и даже несколько забылись.

Оказывается, передачу и передатчик, ничтоже сумняшеся, запеленговал капитан Ермаков и сразу доложил по под-

чиненности. Шифровка, пройдя по ведомственным линиям связи, попала к Подчуфарову после того, как новость уже перестала быть новостью; более того – стала известна там, наверху.

Для командира части экстраординарное событие вылилось в административные неприятности, а вольнонаемный старший фотолаборант сразу же прославился на весь гарнизон.

К занятиям на подготовительных курсах в Пищевом институте Клинов отнесся со всей серьезностью. Он отчетливо понимал, что с его неуравновешенностью и болезненной обидчивостью армию не выдержать, поэтому он должен поступить в высшее учебное заведение.

С каждым днем он все отчетливее представлял, что его жизнь будет совсем дрянь, если он не попадет в институт.

Какой? Да в любой, например, в Пищевой!

Арина, передав Феде телефон Сидихменова, сказала, что этот человек предложит работу, о которой многие юноши могут только мечтать, чем очень заинтриговала парня, и он позвонил.

– Здравствуйте, Василий Яковлевич, я Федор Клинов.

– Здравствуй, Федор Клинов, – по голосу командор понял, что человек снисходительно улыбается, – запиши, Федя, телефон, скажешь – от Сидихменова, понял?

– Понятно, Василий Яковлевич, спасибо большое.

– Действуй!

На работу в военную разведку Клинов оформлялся в самом центре Москвы. Вывесок не было, но со слов Сидихменова Федор знал, что это и есть здание ГРУ.

И воображение заиграло яркими красками. Военная разведка – да это просто фантастика, всем приятелям на зависть: он станет разведчиком, будет заброшен куда-то за границу.

Действительность была прозаичнее. Разве что неожиданным оказался внутренний порядок в ГРУ: в конце и начале двух коридоров, которые пришлось пройти с сопровождающим, стояли часовые. В остальном – обычная рутина: анкета, фотография, удостоверение. Необычной была должность, на которую его оформили: старший фотолаборант. Военная часть находилась в Лефортове.

И началась работа в военной разведке.

Обязанности новичка были настолько разнообразны и бессистемны, что назвать их одним словом было нельзя. Никакой фотолаборатории в части не было. Связь с фотоделом подтвердилась лишь однажды. Распорядитель работ майор Чухиль показал несколько ящиков с трофейными фотоаппаратами, молотком разбил объектив у одного и приказал сделать то же самое с остальными аппаратами, потом вырыть яму и все закопать.

Впрочем, одна обязанность носила постоянный характер. Каждое утро он шел к капитану Ермакову, получал задание и привозил к двери его комнаты необыкновенные чемоданы,

которые мало кто видел, ну разве что в зарубежных фильмах: из светло-коричневой кожи с темным кожаным ободком и никелированными замками с секретом.

В чемоданах было что-то очень тяжелое, во всяком случае, как решил лаборант, там не смена рубашек. Вечером чемоданы снова стояли у двери, Клинов грузил их на тележку и отвозил в специальную комнату.

С тем чтобы парень понимал серьезность организации, не трепал языком о своей работе, в один из теплых погожих дней майор Чухиль, построив взвод солдат срочной службы, велел Клинову повторять за ним слова клятвы «держать язык за зубами». А в трудовой книжке появилась синяя печать: «Торжественное и клятвенное обещание дано». Печать красовалась на первой странице трудовой книжки.

Новичка представили двум молодым лейтенантам, почти ровесникам, и с того дня он стал принимать участие в проверке и подготовке к отправке специальной радиоаппаратуры и звукозаписывающей техники.

С Борисом Неволиным Клинов подружился сразу. Узнав, что Федор учится игре на гитаре, Неволин – ас не только в специальной аппаратуре, но и во всех тонкостях радиодела – предложил сделать электрогитару. Клинов уже слышал об электрогитарах, но как они устроены, не имел представления.

– Федя, приезжай ко мне в субботу, – лейтенанту авиации Неволину импонировал старший фотолаборант, ему также

нравилась джазовая музыка, а особенно гитара, – будем делать электрогитару.

– Ура! – воскликнул Клинов. – А как будем делать? Ведь надо иметь какой-нибудь пример.

– Примера у меня нет, у тебя тоже, но голь на выдумки хитра, что-нибудь придумаем, – лейтенант потер небритый подбородок. – Ты вот что: нужен ящик для усилителя.

– У меня дома есть старый патефон Columbia, подойдет?

– В самый раз, главное, чтобы стенка ящика была толстой.

Однажды на перекуре Неволин затушил папиросу и, уходя, как бы между прочим, бросил взгляд на Клинова: тот смотрел пособие по математике для поступающих в институт.

– Послушай, Федор, а что, если тебе на вступительный экзамен взять радиостанцию, а кто-нибудь из твоих приятелей, да хотя бы и я, откуда-нибудь рядом примет от тебя вопросы и станет передавать тебе ответы?

Обалдев от неожиданного предложения, Клинов растерялся, но тут же загорелся: «Вот было бы здорово, так вообще я все экзамены могу на пять баллов сдать», – и так же быстро сник: «Нет, нереально: где такую радиостанцию взять?»

– А ты попроси Ермакова, – предложил, улыбаясь, Горшков, – только тебе придется нанять двоих носильщиков: один с питанием для радиостанции, другой с радиостанцией.

– Эх ты, Горшков-Какашкин, человек серьезен, а тебе бы

только посмеяться.

– Знаешь, Клинов, идем в мастерскую, я сделаю для примера простой передатчик, и попробуешь, а там дальше решим, нужен ли будет носильщик.

С удивительной легкостью, не без гордости, у всех на виду Борис скрутил из толстой медной проволоки несколько витков, контур укрепил на алюминиевом шасси, припаял сопротивления, установил радиолампу, подключил питание от аккумуляторной батареи. Немного повозившись с наладкой, лейтенант пригласил народ на испытание.

Куда-то в неизвестность, на короткой, неучтенной волне, полетел счет: «Раз, раз, два, три, идет проверка передатчика на частоте…» Для убедительности Неволин поднес к медным виткам лампочку от карманного фонаря. Лампочка замерцала синхронно с голосом. Клинов тихо млел от восторга и представлял себя агентом разведки.

Утром следующего дня, когда еще только офицеры переодевались для спортивных занятий на территории части, изобретателей вызвал Подчуфаров.

– Не робей, – напутствовал Клинова Неволин, – полковник объявит тебе выговор, ты же нарушил дисциплину и торжественное клятвенное обещание, так положено в армии. Борис уже получил свое: «предупреждение о неполном служебном соответствии», более тяжелого наказания он избежал благодаря отцу – боевому летчику, Герою Советского Союза.

Забыв про обиды, Горшков, сочувствуя парню, положил руку на его худенькое плечо и сказал: – Ты, Федор, не смотри, что он такой важный и грозный, это он с виду такой, полковник поругает и отпустит.

По длинному коридору к кабинету Подчуфарова шалопай шел, кляня и ругая себя за глупость и легкомыслие. Так хорошо все начиналось, и вот сейчас всему конец. Он не сомневался, что выгонят, шел медленно, как если бы его вели на расстрел.

– Ну и что мне с тобою делать? – Подчуфаров расхаживал по кабинету, ворот гимнастерки был расстегнут, он укоризненно посматривал на виновника неприятнейшей истории, а Клинов как вошел, так и стоял у двери с поникшей головой, будто рассматривая свои ботинки.

Виновник молчал, не зная, что сказать.

Полковник сел за стол: – Нечего там стоять, как сирота. Если виноват, то так и скажи.

– Виноват, товарищ полковник, – не поднимая головы, Клинов продолжал стоять у двери.

– Сядь, – приказал полковник.

Федор бочком отошел от двери, вопросительно посмотрел на грозного начальника и осторожно присел на краешек стула возле его стола.

– Наделал ты делов, все уже наказаны, – Подчуфаров налил в стакан воду из пузатого графина, отпил. – Что с тобой делать – ума не приложу, – полковник помолчал, из пачки

«Беломора» достал папиросу, прикурил от зажигалки.

— Тебя рекомендовал человек, который хорошо знает нашу работу, я и про твоего деда слышал, – полковник затушил папиросу, – выговор тебе будет объявлен, из зарплаты вычтут пятьдесят процентов, не обессудь, другого бы просто уволили.

О тебе положительно отзывается майор Чухиль, лейтенант Кокарев и даже лейтенант Горшков, – полковник улыбнулся, – какая у него двойная фамилия?

– Поработай, подумаем, как приравнять к службе в армии, порекомендуем в военное училище…

– Все, работай и помни, что я тебе сказал!

– Спасибо, Александр Николаевич.

Выбор

По правде сказать, Клинов не очень-то и рассчитывал использовать радиостанцию. Не хотел он и поступать в Пищевой институт. Преподаватели подготовительных курсов, они же принимали вступительные экзамены, настойчиво уговаривали парней идти к ним, недвусмысленно намекая, что поступление гарантировано.

Разговор с Подчуфаровым заставил Федора крепко задуматься. Военная карьера – это же на всю жизнь, но Подчуфаров говорил не о пехоте и не об артиллерии, а о таких вещах,

которыми занимаются в военной разведке. Может быть, надо поговорить с Сидихменовым? Это же он, наверняка, просил меня не выгонять.

Для Клинова перспектива спецслужб представлялась сплошным туманом. Да и само по себе военное дело – это же всю жизнь быть в чьем-то подчинении – не соответствовало его натуре, и он мысленно решил отказаться от плана Подчуфарова, но не посвящать в свое решение других.

Каждый раз по дороге на подготовительные курсы, проезжая мимо авиационного института, Клинов втайне вздыхал: «Эх, не по Сеньке шапка, а здорово бы было учиться в Авиационном!»

Как-то сидели у Бекметовых. Братьев, в силу осетинских корней, для простоты звали Беками. Выпивали, но без фанатизма и без девочек, одним словом, экспромт.

Зашел разговор о вузах. Поступать собирались Клинов, Фадин и Андрюха Лобанов, которого, само собой, звали Лоб.

Оба Бека уже учились в Горном институте: старший, Виталий – умный, веселый, радушный, – ему оставалась защита дипломного проекта (через четыре года, работая в шахте в Болгарии, он погибнет в забое при странных обстоятельствах); младший – Вовка-Бек, сухой, спортивный, ироничный и себе на уме, – учился на втором курсе (через двадцать лет за строительство тоннелей БАМа получит высшую государственную награду, одному из тоннелей присвоят его имя, он возглавит «Главтоннельстрой» и построит знамени-

тый Лефортовский тоннель).

В том же Горном, тоже на втором курсе, занимался Боб Перельцвейг, балагур, весельчак и кладезь анекдотов. Питал Боб странную любовь к брюнеткам, но женился на блондинке. Десять лет он будет строить горную часть «Норильского никеля», привезет оттуда черную «Волгу» с черепом Агафьи в шляпе. При торможении глаза Агафьи в зеркале заднего вида автомобиля загорались трагическим огнем.

Тот, что жил в одной квартире с Беками, в комнате поменьше, но с балконом, – Вадим, сын второго человека в Мосбассе, отличался высокомерием и заносчивостью, за что частенько бывал бит. (Вадим построит одну линию московского метрополитена и вернется в горную школу, где всю жизнь с удовольствием будет преподавать сопромат и изобретать крепление подземных выработок).

Проблему поступления в институт обсуждали со знанием дела и интересом. Клинов с Темным не раз бывали на капустниках в Горном, им нравилась шумная компания, но Темному еще год учиться в вечерней школе, а днем работать токарем – точить болванки на заводе. (Через три года он будет валить лес в Приполярном Урале. Лагерная наука зоны пойдет ему впрок. Он окончит исторический факультет престижного института, прославится в студенческих отрядах, однако никогда не утратит блатных привычек и характерный взгляд, усвоенный в заключении).

Клинов не хотел поступать в Горный, потому что в этом

случае получалось, что он пошел по стопам своего родителя – Южанина, а это никак не вписывалось в концепцию упрямца и гордеца.

Андрей Лобанов написал названия нескольких институтов, скатал бумажки в рулончики, высыпал в шапку и дал Клинову тянуть первым. Клинов вытащил МАИ. Это было удивительно.

Жребий больше никто не тянул. Лба устраивал Авиационный институт, потому что жил на Красной горке в Покровском-Стрешневе. Забегая вперед, необходимо сказать, что Фадин практического интереса к высшему образованию не проявил и продолжал работать в «Промвентиляции». Жизнь его сложилась неважно: сначала пришлось тянуть срок по делу, в котором он с Темным шел прицепом, потом были регулярные запои.

Первый вступительный экзамен в Авиационный институт Лоб провалил и, здраво оценив свои возможности, как в части способностей, так и в части средств на учебу, других попыток не делал. Всю жизнь благополучно трудился типографским мастером; бывало, пересекались они с Клиновым в бане – парился Андрюха мастерски и по пиву был спец.

Легкомысленная бумажка из шапки явилась неким указанием свыше: исчезли сомнения и неопределенность, словно их и не было вовсе. Появилась уверенность и спокойствие, а главное – состоялся выбор.

Прорыв

Все время с октября по май Клинов где-то внутри чувствовал: Авиационный – это его! За два года после школы в нем уже можно было заметить проявления уверенности в себе: пусть небольшой, но для сдачи экзаменов достаточный опыт.

«Итак, – Клинов приступил к мобилизации воли, – стеснительность и чувства – в сторону, холодный расчет и учет своих возможностей, сколько их есть у меня, – все в дело!»

За три дня до экзамена по русскому языку он выполнил колоссальную работу: отобрал и разместил по карманам сто десять сочинений.

Однако, когда абитуриенты расселись, стало ясно, что инквизиция в лице наблюдателей ко всем этим ухищрениям основательно подготовилась. Широко расставленные столы, большое расстояние между сидящими, несметное количество патрульных в принципе исключали даже намек на возможность куда-то заглянуть и что-нибудь списать.

Казалось бы, все пропало. Как ни странно, это открытие ничуть не огорчило претендента. Внимательно выслушав речь старшего в аудитории о темах сочинений и минимальном объеме, Клинов выделил два важных обстоятельства: план сочинения можно не писать, а текста должно быть не меньше полутора страниц.

Что значит опыт, господа! Собранная в кулак воля! Посудите сами! Он прочитал названия тем, предложенных абитуриентам на выбор, и глубоко задумался, чего, скажем прямо, за ним ранее не водилось.

«Какие-то витиеватые, заковыристые темы, – рассудил Клинов, – что-то есть в шпорах, но вытаскивать указатель из рукава, потом из соответствующего кармана тянуть гармошку-сочинение, а потом еще и списывать, и все это на глазах у инквизиции, решился бы только ненормальный».

Выбор пал на свободную тему: что-то общественно-патриотическое, смысл которого был какой-то неопределенный. Вот тут-то и пригодился пусть небольшой, но опыт в военной разведке. Текст сочинения занял ровно полторы страницы, сложноподчиненные предложения он разбил на простые, а причастные и деепричастные обороты удалил вообще. Немного застрял на слове «интеллигенция», а поразмыслив, тоже удалил.

И вот вам потрясающий результат обдуманных действий, а не спонтанных порывов! На первом экзамене – четыре балла! И представьте себе, за что. За сочинение! Такого успеха командор не мог даже предположить!

Дело в том, что за сочинение на аттестат зрелости Клинов получил пару. Легкомыслие, да и только. Ну да, любил Маяковского, но зачем же строчить сочинение на десять страниц? Неудивительно, что ошибок было столько, что ни о каком «трояке» не могло быть и речи. Хорошо хоть про «неуд»

ему не сказали, а то б и другие экзамены с горя провалил. Кончилась та история пересдачей сочинения осенью.

Второй экзамен – математика – проходил в той же аудитории, с теми же наблюдателями. Но былого волнения Клинов не испытывал. В восьмом-десятом классах математику преподавала Тамара – вредная, крикливая тетка. Школьники ее не любили и боялись. Но Тамара так вела предмет, что Клинов был вынужден его знать.

Сев за стол, он выложил пособие по математике. Толстая книга мешала и давила на живот. Да и зачем взял? Ведь еще на сочинении стало ясно, что списать нельзя. Скажем прямо: пособие успокаивало.

Легко решив все примеры, Клинов подсказал ответы взволнованной девочке, сидевшей впереди, и уже собирался сдать работу, но вспомнил про книгу в столе.

Ему б плюнуть и оставить ее. Ан нет, решил забрать: чужое пособие, редкое, возвращать надо.

Рука шалопая уже скользнула под парту. Еще секунда – и пособие будет за поясом, но тут из засады возник наблюдатель и, радуясь трофею, завладел добычей. «Все! Пропал! Обидно, ведь не списывал. Но кто ж поверит?!» Опустошенный и безразличный, понурив голову, Клинов не знал, что делать.

Старший по аудитории пошептался с наблюдателем, что-то написал на Клиновских листках, отдал книгу и отпустил его с миром. По математике поставили три балла. Очевидно,

три – за то, что обнаружили пособие.

На последних двух экзаменах конкурса уже не было. Отсев произошел на первых двух.

У шалопая было прекрасное настроение, он праздновал победу! Это были приятнейшие моменты, раньше он таких радостных чувств не испытывал. Теперь он не где-нибудь в Пищевом институте и не в Горном, а в Московском авиационном институте. «Нет армии, будущее – класс! Пять лет студенческой жизни! Добился!» – ликовал Клинов.

Радостные чувства переполняли студента. Удовлетворение сохранялось долго и даже усилилось, когда выдали студенческий билет и зачетную книжку. От запаха простых студенческих атрибутов кружилась голова. А когда в военкомате недоверчиво рассматривали справку Клинова из института, его лицо светилось неподдельной гордостью.

Студент в деревне

Клинова зачислили в группу производственников. Кто-то, как Клинов, честно работал или отслужил три года в армии. Были, конечно, блатные: эти потолкались в институтских лабораториях, хорошо знали обстановку и некоторых преподавателей.

Серьезные армейские ребята сразу взяли власть в свои руки. Один из них проявлял чудеса карьеризма еще в ар-

мии, где вступил в партию. В институт приходил в армейской форме, демонстрировал политическую зрелость – одним словом, типичная сука.

В начале октября первый курс третьего факультета, где готовили специалистов по вооружению самолетов, вывезли в дальнее Подмосковье, поместили в просторных домах нескольких колхозников и велели с утра выходить в поле собирать картошку.

Сырой холодный ветер с моросящим дождем, мокрая одежда. Картошка не уродилась, но и то, что все-таки выросло, кто-то уже выкопал. Так что убирать было почти нечего. Это понимал и грузный бригадир, и эта сука в армейском, ставший старшим по уборке от третьего факультета. Однако не возвращаться же назад? Только простые и бесхитростные, пока не пообтерлись первокурсники, возмущаются. Ну да бог с ними, пусть себе поговорят!

Между тем, надо же кормить трудовое студенчество. Вечером бригадир объявил, что для них зарезан бычок, картошка есть, а если чего еще надо, то за этим делом ехать нужно километров эдак пятнадцать, а может, и с гаком, аккурат через две деревни.

Тут-то Клинова и объявили возчиком и велели на всех студентов привезти молоко и, конечно, «еще чего», а именно водки, которую продавали в Бродах. Может быть, и не назначили бы, но утром все видели, как, постелив телогрейку на пасшегося неподалеку одра, Клинов перевалился на ши-

роченный лошадиный круп и даже немного проехал верхом. Какой-то шутник взял да пощекотал одру под хвостом.

Конь, хоть и старый, а все же немного проскакал. Федора от неожиданности скосило, держаться у одра было не за что, он тихо съехал по теплой лошадиной ноге на землю и лежал, обхватив копыто, а конь виновато прял ушами.

Вечером бригадир сказал, где взять телегу, упряжь, бидон, и пояснил, как ехать. Утром, тяготясь больной с похмелья головой, Клинов отправился запрягать лошадь.

Недалеко от конторы ему показали вчерашнего коня, понуро стоявшего под огромным навесом, и телегу. Оглобли, укрепленные на осях деревянных колес, обитых железом, лежали на земле, дуга и прочие принадлежности были тут же. Возчик вчера все снасти здесь же и оставил, чтобы на следующий день ехать снова, но так набрался, что его искали, но не нашли.

«Все на месте, бери да запрягай», – сказал бригадир и ушел.

Клинов привел на поводу покорного коня, сдал его задом между оглоблями, сбегал за дугой и стал пристраивать ее на лошадиной шее.

Одр стоял спокойно и лишь косил темным глазом на взволнованного студента, который никак не мог понять, как же держится эта кривая деревяшка. Если бы не мужики, курившие возле конторы, не было бы ни молока, ни водки. И неизвестно, как повернулась бы вся дальнейшая жизнь.

«…допустим, не сумел запрячь коня, не поехал бы никуда, остался, копал бы картошку, был бы, как и все, глядишь – ничего бы и не случилось, потом институт потихоньку закончил, сидел бы в конструкторском бюро, создавал управляемые ракеты «воздух-воздух» и знать не знал бы никаких художников, пьющих на Маяковке…» Но мужики бросили курить, подошли и показали, и не только показали, но и принесли, надели и затянули на шее одра хомут. Дальше к хомуту – дугу, к дуге – оглобли, все скрепили ремешками из сыромятины. Мужики, добродушно матерясь, помогли с остальной лошадиной упряжью.

Клинов привязал к телеге тридцатилитровый алюминиевый бидон, положил рюкзак с пустыми бутылками и под одобрительные советы густым голосом протянул: «Ну, родимый, но-о-о-о-о-о, поехали!»

Дорога петляла по перелеску, потом полем, вдоль посадки. Лошадь шла неспешным шагом по знакомым ей местам, колеса дробно стучали по разбитому проселку, а телега на поворотах протяжно скрипела.

Чернели поля, да облетали с деревьев листья в посадках. Федор сидел на углу телеги, чуть натянув поводья, и от избытка чувств еле слышно напевал: «Степь да степь кругом…»

Небо потемнело, обдал легкий преддождевой ветерок, конь забеспокоился, слегка пернул и пошел быстрее. Подъезжали к деревне, где надо было получить молоко. Клинов

торопился.

Бабы на ферме быстро налили молоко, бидон привязали покрепче.

— Дорога впереди кривая, – улыбалась ему девка-молочница и изо всех сил зыркала на Клинова.

— Девка что надо, – глядя на полную грудь, размечтался возница, – но ничего не выйдет, мимо денег, а жаль!

Собравшийся было дождь так и не начался, небо прояснилось, дорога пошла под горку, конь ожил, выпустил мощного «шептуна», пошел резвее, ожил и Клинов, повеселел, но ненадолго.

Дело в том, что конь стал пердеть чаще и гуще. Сначала пахучие ветры не очень беспокоили, но постепенно они набрали силу и стали столь густыми, что сидеть рядом с выхлопом стало просто невыносимо.

Клинов попустил поводья и отсел подальше. Но куда же дальше? Дальше не сядешь. Перебрался на другую сторону. На другой стороне плохо править, неудобно.

«Твою мать, как только они ездят тут! Это ж чем его кормят, что он пердит не переставая!» – сердился Клинов, а конь, будто слыша, продолжал пускать ветры.

Волна шла за волной, и только деревня отвлекла внимание. Деревня доброго слова не стоит. Можно сказать, что и нет ее. Всего домов пять, ну может, шесть. Значит, до водки еще километров пять-семь, а если учесть русский гак, то и все десять.

Дорога стала ровнее, конь пошел веселее, видно, впереди та самая деревня с водкой.

Деревня Броды не была районным центром, хотя тут когда-то была церковь; ее остатки стояли немым укором советской власти, которая не знала, что существовать ей осталось всего тридцать три года. А вот не крушила бы церкви, глядишь – и была бы подольше.

В центре деревни, рядом с разрушенной церковью, Клинов увидел чайную, тут же магазин. Несколько бутылок водки за двадцать один двадцать он сложил в рюкзак, пристроил на телеге к бидону и отправился подкрепиться в чайную.

В заведении общепита пахло кислыми щами. Клинов попросил сто граммов водки, селедку с луком, два пирожка с капустой и подсел к трем труженикам села. Завязался разговор. Захмелевший студент взял еще сто пятьдесят, его провожали, говорили, как ехать назад, чем вконец запутали.

Мужики ушли добавлять, а студент, лихо гикнув коню: «Ну, пошел, старый пердун», – дернул вожжи, и телега двинулась в обратный путь.

Мерно покачиваясь, скрипела и подстукивала телега. Хмель стал слабеть, а Клинов забеспокоился, потому что места были как будто не те.

«С другой стороны еду – вот и кажется». Но это не успокоило, а наоборот: «Этих мест не проезжал, – твердил внутренний голос, – а если и проезжал, то где ж тогда деревня, в которой брал молоко у грудастой девки?»

Одр, не обращая внимания на тревоги своего возницы, продолжал идти по инерции, вожжи лежали на телеге, и тут Клинов со страхом заметил, что уже наступили сумерки.

Похмельный ступор разрешился очень просто: телега на повороте опрокинулась, и все, что на ней было, вместе с Клиновым оказалось в большой луже посреди дороги.

Умный конь хотел объехать лужу, но взял вправо несколько больше, чем надо. Телега и опрокинулась. Протрезвевший шалопай сидел в луже, водил руками по дну и извлекал бутылки с водкой. Собравшись с силами, мокрый и грязный, он вернул телегу в прежнее положение, нукнул коню, и они двинулись дальше.

Стемнело. Скоро показались слабые огоньки какой-то деревни. Клинов у первой же избы остановился, постучал; вышел человек и сказал, что его давно ждут и ругают.

Первая сессия

После сельскохозяйственных работ группа сдружилась. Они еще только начинали студенческую жизнь, но уже понимали, как это здорово! Лекции, семинары, лабораторные работы были совершенно не похожи на школу. С ней вообще не было ничего общего.

Федор с удивлением и постоянными открытиями в межчеловеческих отношениях, в большинстве случаев приятных,

впитывал новую, потрясающе интересную жизнь.

Более всего поражало уважительное, заинтересованное отношение преподавателей и, как бы в противовес, сволочизм нескольких руководящих студентов из группы. С ними сразу установилась дистанция.

Среди обязательных лекций и занятий на равных был и спорт. В отличие от общефизической подготовки в других институтах, в МАИ культивировалась спортивная специализация.

Неудивительно, что задира Клинов выбрал бокс, потому что еще на картошке сложились самые дружеские отношения с Голиковым и Гусаровым. Выяснилось, что тяга к знаниям у них примерно одинакова и не очень сильная; кроме того, все любили выпить и гульнуть.

Голиков боксировал в полутяжелом весе, имел первый разряд. Для того чтобы стать кандидатом в мастера, ему не хватало городских или областных соревнований.

Гусаров боксом интересовался не более чем Клинов. Его натура сполна отвечала фамилии: легкомыслен, весел, интересен, любит компании, поэтому с боксером Голиковым и бесшабашным командором ему легко и просто. В боксерскую секцию Гусаров подался исключительно из чувства солидарности с приятелями.

Троица боксеров – не разлей вода: их часто видят вместе, а на комсомольских собраниях критикуют за аполитичность и равнодушие к общественным мероприятиям.

Для Голикова бокс необходим как обязательный фактор не только для успешной учебы, бокс ему нужен еще и потому, что без него он не может. А Клинову с Гусаровым бокс – не более чем одно из занятий.

Однажды, во время одноминутного тренировочного боя, Клинов раскрылся и получил совсем не сильный прямой удар в челюсть. Перед глазами у бойца все поплыло, и он рухнул. Прямой удар в челюсть Федор запомнил на всю жизнь. Иллюзии по поводу преимущества левши окончательно рассеялись.

Шел к концу ноябрь. Приближалась первая зачетная сессия. Эйфория от студенческой свободы вытеснялась пониманием, что зачеты просто так не сдашь, а экзаменационная сессия – и того страшнее. В начертательной геометрии никак не давались следы на плоскости.

На коллоквиумах боксеры выглядели бледно. Им помогали, но помощь натыкалась на большие пробелы в знаниях и не давала результатов.

Мордобой

Второго декабря Федор получил перелицованный костюм из дорогой шерсти. Южанину он стал мал, но, как потом выяснилось, Клинову он не годился, потому что брюки в поясе были непомерно велики и к тому же коротки. А пиджак и

вовсе был пособием, как не надо шить.

Улицы подморозило, сыпал первый радующий снежок. Дождавшись, когда наконец Гусаров выйдет с зачетом по химии, лихая троица с перелицованным костюмом (будь он неладен) выпила первые две бутылки водки в закусочной на площади Белорусского вокзала. Чтобы костюм хорошо носился, решили, что нужно взять еще пару пузырей.

В прекрасном настроении, по легкому морозцу, боксеры прогулялись по улице Горького до площади Маяковского, взяли две бутылки водки и двинули в центровую столовую на углу Садового кольца и улицы Горького, точно наискосок от памятника Владимиру Маяковскому.

Федор входил вторым, за ним Гусаров. Перед гардеробом одевались трое нетрезвых интеллигентов. Что-то неприятное выделяло их в тусклом прокуренном свете фойе: то ли голоса, то ли предмет разговора. Одним словом, они не понравились.

Расстегивая плащ-реглан, Клинов услышал рядом чмокающий звук и тут же увидел: один из троих, раскинув руки, завалился на одевающихся людей. Интеллигента нокаутировал Голиков. Без раздумий шалопай наотмашь треснул другого интеллигента. Рядом ругался и дрался Гусаров. Кто-то крикнул: «Милиция!»…

Студентам дали по пять суток и заключили под стражу в камеру предварительного заключения «Полтинника».

Наказание

Они были первыми по вступившему с первого декабря 1958 года указу Верховного Совета о мелком хулиганстве.

В камере с деревянным настилом встретили приветливо, внимательно выслушали историю, обсудили. Сокамерниками оказались в основном интеллигенты – народ неунывающий, интересный и разговорчивый. Только пожилой проектировщик пускал слезу и ныл про жену и начальство.

В КПЗ боксеры быстро освоились, о предстоящих проблемах знали, но виду не подавали. Клинов с Гусаровым в сопровождении дежурного ходили за обедами в кафе «Арфа» в Столешниковом переулке.

На работу не водили, работы появились позже. Пять дней пролетели быстро и интересно: читали Есенина, играли в «Буру», «Очко», «Дурака», «66», «Кинг», рассказывали байки из жизни.

Через пять дней появился Южанин, посадил хулигана в свой «Москвич», и они молча поехали в сторону дома. На Сретенке, перед светофором, истомленный мрачным предчувствием наказания, шалопай выскочил из машины и пустился бегом по Сретенскому бульвару в сторону Чистых прудов.

Уговоры в «Полтиннике» не помогли: в институт бумага пришла еще до того, как подельники очутились на свободе.

В главном корпусе МАИ красовался рукописный плакат с осуждением боксеров, опозоривших дракой в пьяном виде звание советского студента.

В середине декабря дело рассмотрел комитет комсомола факультета, потом института. Выступил тот самый «сучара» из группы. Клинова и Гусарова исключили из комсомола. Голиков комсомольцем не был.

Теплилась наивная надежда остаться в институте. Поехали к избитым интеллигентам просить прощения. Те оказались художниками, а один из них – даже народный, Закитаев. Он-то и открыл дверь. Бойцы оторопели. Говорить было не о чем. Оба глаза у человека в халате были будто покрашены темной краской, начинающей отдавать в синий и красный цвета.

Закитаев молодцов узнал, понял, молча, выслушал. Голиков промямлил про институт, да тут же пожалел. Ничего не сказав, художник закрыл дверь. На этом Авиационный институт закончился, практически не начавшись. Впереди армия, которую Клинов боялся, как боятся тюрьмы.

В институт идти не надо. Гнетущая неясность и безнадежность. Приятели заняты своими делами. Нет любимой девушки, на грудь которой можно склонить беспутную голову.

Первая ссылка

Ничто не может вышибить из седла

…Подземный слесарь работой не перегружен. Спустился в забой, поставил скрутку на воздушный шланг к перфоратору, заменил катушку в пускателе или отрегулировал компрессор, и гуляй, Вася! Ну, конечно: сбегай, принеси, отнеси, подай, подержи, отключи, подключи. Клинов приветлив и безотказен. Надо так надо...

Тоска и уныние

Клинов даже мимолетно не хотел представлять себя солдатом в кирзовых сапогах, с автоматом, под командой ефрейтора с жесткими складками на толстом затылке.

Квартира Руцкока – этажом выше. Постучав по батарее, они встречаются возле окна между вторым и третьим этажами, подолгу курят, молчат, глядят на пустой холодный двор, снова и снова ведут разговоры о своих делах. Клинов больше молчит, он подавлен, хотя виду не подает.

Руцкок ловко прикурил сигарету и, слегка склонив голову от поднимающейся струйки дыма, не вынимая сигареты, спросил: «Тезка, что делать-то будем на Новый год?»

– Мои предки, – отбросив тяжелые и бесполезные раз-

мышления, сказал он, – уезжают к друзьям, сестру забирает нянька, хата будет свободна – это раз, сегодня прикормил нашу почтальоншу – это два. Ищи себе «кадра» – вот тебе и Новый год!

Темный, загадочно улыбаясь, поглядел на Клинова.

– Значит, говоришь, кадр у тебя есть, – он снисходительно похлопал приятеля по плечу и уже, не скрываясь, рассмеялся. – Знаешь, брат, пока ты Лидку кадрил, она мой диван уже опробовала.

Шалопай сник. И тут не везет. И здесь непруха. Сплошная чехарда неприятностей: институт, армия, дома – петля, хоть вешайся! По дамскому делу у приятеля нет отказов. С блатными повадками, с соболиными глазами, внимательно глядящими на вас из-под густых бровей, что и говорить: «Темный хорош собой!». Он знает о своей неотразимости, знает и пользуется тем, что девки млеют от него.

Сейчас момент, когда как нельзя лучше можно проявить великодушие. Руцкоку это ничего не стоит – он тешит самолюбие:

– Знаешь, тезка, а мы с тобой ее поделим!

– Как поделим? – удивился Клинов.

– Да так, – Темный усмехнулся, – сначала я, потом ты!

Медленно тянутся тусклые декабрьские дни. Несколько раз звонил Гусаров. Он в таком же унынии. Ему, как и Клинову, грозит армия. А Голикову все нипочем. Его берут в какой-то институт, даже зная, за что он вылетел из МАИ.

При всей остроте безысходности Федор все-таки чувствовал, что какой-то выход есть. «В конце концов, неужели я настолько слаб и безволен, что не смогу отслужить в армии? Да, может быть, после армии жизнь моя сложится так хорошо, что сейчас я и представить себе не могу. Не урод же, да и не дурак вроде. Не может быть, чтобы пропал!»

На этапе

Вечером Южанин позвал сына – очень даже доброжелательно и приветливо:

– Федор, поедешь работать в Шураб, там организован прорабский участок Белгородского управления треста «Шахтспецстрой». Проходка уже начата. Пойдешь подземным слесарем, понял?

– Понял, – переспросить, что да как, он не решился.

Клинов такого не ожидал, молчал, не зная, что сказать, да и какие тут возражения? Поворот совершенно неожиданный.

Мигом, одним махом все решается. Нет армии, нет родительского контроля. А там, после, он поступит в какой-нибудь вуз или еще что-нибудь придумает. Ему и думать не хотелось о том, как будет потом. Все образуется!

– А когда ехать надо?

– Неделя тебе на приготовления: купи билет, сложи вещи

– и в путь. Имей в виду: это не хуже, но и не лучше армии!

Быстро полетели дни, образовались неотложные дела – мелочи, конечно, но которые надо успеть до отъезда. Это «до отъезда» стало своеобразным рефреном, не оставлявшим его до самой поездки.

«А если не вернусь? – витала захватывающая мысль. – А что? Здесь меня мало что держит, дома уже точно не сложилось – какой-то чужой, ненужный, а там…»

А там шалопай затруднялся представить себя, а то, что представить удавалось, ограничивалось почему-то шахтерским пейзажем и белозубой улыбкой запорошенного угольной пылью шахтера с отбойным молотком на плече.

Двенадцатого января 1959 года поездом Клинов отбыл в первую ссылку. Так началась самостоятельная жизнь. Его не провожали и не давали напутствий. Когда на прощанье курили с Темным, то как бы между прочим скупо вспомнили одну на двоих Лидку в новогоднюю ночь.

Клинов не мог, конечно, признаться, тем более приятелю, что Лидка для него – первая в его жизни женщина.

…Она нашла его в другой комнате, раздела, привела в надлежащее положение девственный инструмент, быстро подлегла под безвольное, скованное трепетным ожиданием тело. Все, что должно сойтись, сошлось ловко и мягко, Клинов содрогнулся, ойкнул.

«Ну вот и все, – шептала почтальонша, – успокойся, миленький, теперь у тебя будет все хорошо».

Три с лишним дня пути были неинтересными, за исключением разве что переписи населения, которая, оказывается, проводилась впервые после Великой Отечественной войны.

А вот и его станция – Мельниково. Полустанок. Отсюда перекладными он отправится в Шураб.

Ссыльный попытался мысленно найти точку своей дислокации на виртуальной карте Союза, но кроме глобуса с океанами да еще Волги с Уральскими горами увидеть ничего не смог.

Он посмотрел вперед, потом назад, вдоль навсегда покидающего его поезда, и обнаружил, что, кроме него, никто больше не сошел в этом чужом и диком краю.

Поезд ушел, а шалопай все стоял, один с гитарой и фибровым чемоданчиком, постепенно постигая собственную наивность и легкомыслие.

Вдали, в серо-синем мареве, виднелись силуэты гор. Клинов с поражающей ясностью понял, что в манящей новизне есть нечто жуткое и пугающее, что занесло его черт знает куда.

Не по себе стало парню: вот он стоит один, упрямый и несчастный, и никто не знает, как теперь повернется его жизнь.

Каторжанин

Только к вечеру автобусом до Ленинабада, затем другим

через Коканд до Исфары и, наконец, третьим автобусом, без стекол, вверх по горной дороге-серпантину Федор добрался до Шураба.

Деревянный барак, недавно переустроенный из детской колонии в общежитие Шахтспецстроя, он нашел на окраине шахтерского поселка, населенного в основном русскими.

В большой комнате с четырьмя кроватями за дощатым столом сидели трое парней, пили водку и играли в карты.

– Занимай кровать у окна, – не глядя на новичка, сказал белобрысый парень, – и давай к нам, водку пьешь?

– Пью. Я – Федор, – ответил Клинов, обращаясь к белобрысому. Сунул чемодан под кровать и подсел к столу.

– Суханов Виктор, – не бросая карт, представился белобрысый.

– Федя, – разливая водку по стаканам, спросил худенький паренек:

– Играть будешь?

– Во что играете?

– В буру, – включился в разговор, по-видимому, старший. Он посмотрел на Федора: – Слышал, что тебя на перевоспитание к нам прислали.

– Вроде того.

– А что натворил-то?

– Отстань от парня, – не глядя на старшего, заметил Суханов, – ты что ли будешь перевоспитывать?

– Во-во, – поддержал Виктора худенький, – человек толь-

ко что с дороги. Давай, Федя, выпьем за знакомство, а Сталиноговского, который тебя будет перевоспитывать, – он по-приятельски посмотрел на старшего, – звать тоже Виктор.

На следующий день ссыльного оформили подземным электрослесарем, выдали спецовку, каску, инструмент и велели приходить на работу к восьми утра.

Механик проходки Костя Клименков определил Клинова к спокойному добродушному бригадиру слесарей Матушкину. Виктору Ивановичу шел пятый десяток, работу свою он знал досконально, при этом обстоятельно и даже с какой-то заинтересованностью обучал новичка.

Свою первую получку – аванс – Клинов положил за пазуху: так ему было приятнее, он кожей чувствовал деньги, причем столько, сколько никогда не получал до того. В барак Федор возвращался вместе с Сухановым.

– Первую получку, Федя, полагается обмыть.

– Я порядки знаю, сейчас прикупим чего-нибудь закусить и обмоем.

Сегодня у Сашки Грунина и у Сталиноговского выходной.

– Тогда куплю две бутылки.

Здесь, в отрогах Туркестанского хребта, добывался уголь для местных нужд. В старой шахте было душно и жарко. Для улучшения проветривания выработок и строили новый шахтный ствол.

Сооружение достаточно простое. Вертикальный ствол диаметром семь метров, глубиной пятьсот семьдесят метров.

Стенки ствола закреплены бетоном. За бетоном – крепкие породы, а здесь, в горах, они имеют склонность к неожиданным горным ударам.

Подземный слесарь работой не перегружен. Спустился в забой, поставил скрутку на воздушный шланг к перфоратору, заменил катушку в пускателе или отрегулировал компрессор, и гуляй, Вася! Ну, конечно: сбегай, принеси, отнеси, подай, подержи, отключи, подключи. Клинов приветлив и безотказен. Надо так надо.

Ночью приехал горный мастер, растолкал Клинова, привез на шахту, в кузницу. Кузнец раздувал горн, укладывал в огонь отработанные пики отбойных молотков. Он мог бы и один, но это будет совсем не то. Для таких дел, когда много отработанных тупых пик, нужен молотобоец. До утра Клинов махал молотом; были оттянуты, а потом закалены все пики.

Из своих тридцати двух лет восемь кузнец провел в лагерях. Посадили за стог сена, увезенный с колхозного поля для своей коровы. Кузнец строен и силен, спокоен и застенчив, почти никаких следов лагерных повадок.

Он чрезвычайно любознателен, зачарованно слушает Клинова про Москву, институт, рестораны, музыку, бардаки и девчонок. Он не скрывает восхищения. Шалопаю это нравится, а кузня нравится еще больше.

Проходчиками работают молодые и сильные ребята из Старого Оскола, киргизы из Оша, чеченцы и ингуши с Се-

верного Кавказа. Шесть непрерывных часов на лопате, отбойном молотке или перфораторе. В забое – ни отдыха, ни перекура. Тяжеленными перфораторами бурят шпуры, закладывают взрывчатку, взрывают, грузят породу в кубовые бадьи.

За шесть часов проходят чуть больше метра. Работа сдельная. Между сменами замеряют, сколько прошли, при этом бывают острые разногласия. Детали таких конфликтов обсуждаются и потом, когда вместе пьют водку в общежитии.

Ребята с Северного Кавказа держатся в Шурабе особняком. Ценят дружбу и честность. Самолюбивы и обидчивы, просты, подозрительны и агрессивны. Узнав про южные корни Клинова, они часто звали его в свою компанию, но дальше этого не пошло. Все кавказцы имели за плечами различные сроки за бандитизм. Им не разрешалось жить даже в районных центрах, не говоря уж о городах.

В конце февраля в горах еще прохладно. А внизу, в Исфаре, уже набухли почки. Там со дня на день грянет весна. Здесь же, в русском Шурабе, как и в России. Только вот рядом горы и аулы.

Вольф Мессинг

В разгар лета Шураб с концертом посетил знаменитый гипнотизер Вольф Мессинг. На его выступление пришел

весь поселок. На открытой сцене в ряд стояли десять обыкновенных стульев. В переполненном летнем театре с нетерпением ждали гастролера.

И вот на сцене появился высокий мужчина в летах с гривой седых волос до плеч. Он быстро подошел к авансцене и заговорил. Тяжелый и внушительный голос медленно покатился над сидящими и стоящими зрителями.

Артист рассказывал, что свои способности обнаружил совершенно случайно, когда еще молодым человеком ехал без билета в поезде. Контролер попросил предъявить билет и, как будто так и надо, прокомпостировал простую бумажку, которую дрожащей рукой протянул ему Мессинг.

«А теперь я попрошу вас написать записки: например, Хочу бросить курить или выпивать, держите их в правой руке, чтобы было видно. Смотрите на блестящий предмет, который я держу, и внимательно слушайте».

Мессинг поднял руку, и все увидели едва заметный, но ярко мерцающий отблесками металлический шарик.

«Раз, – раскатисто произнес Мессинг, – вы засыпаете, теплые волны растекаются по вашему телу, два – вам тепло…, приятно..., три...».

Клинов напряженно смотрел на мерцающий шарик и старался заснуть. Он, как и многие, написал, что хочет бросить курить. (Выпивка не считалась пороком). Однако сон никак не шел к нему. Между тем некоторые уже спали или засыпали.

Мессинг был в возрасте. Снизу, из партера, он казался могущественным и недоступным. Длинные вьющиеся волосы дополняли его царственный облик.

С комментариями типа «вам хорошо и тепло» и так далее он досчитал до тридцати. Это заняло минут двадцать. И тут Клинов увидел, что убаюканных чарующим голосом гипнотизера достаточно много.

Из-за кулис вышли ассистенты. Мессинг пошептал им поручения, указывая величественным жестом на аудиторию. Ассистенты отправились в зал, привели сомлевших людей на сцену и усадили на стулья.

И вот тут начался сеанс гипноза.

Маг, стоя так, чтобы были видны подопытные, начал свое представление.

«Вы едете в автобусе из Шураба в Исфару», – объявил Мессинг. Сомлевшие, с закрытыми глазами, пассажиры виртуального автобуса тут же затряслись и стали мелко подскакивать на неровностях дороги, а фактически – на стульях (удивительно, как только они не развалились от такой тряски).

Они, невольно взмахивая руками на крутых поворотах разбитой горной дороги и чуть не падая со своих стульев, раскачивались из стороны в сторону. Объявив, что автобус остановился в Исфаре, великий маг велел покинуть автобус.

Продолжая удивлять зрителей, Мессинг из числа спящих на стульях пригласил подойти к нему девушку. Сказал, что

она на прогулке с любимым человеком в цветущем саду, светит солнце, они одни. Девушка немедленно закинула руки Мессингу на плечи, прижалась к нему и попыталась его поцеловать.

— Проснись, – приказал волшебник. Девица удивленно огляделась, отодвинулась, и было видно, как она приходит в себя.

— Спать, – снова раздался властный голос. Девица сникла, подошел ассистент и отвел ее к стулу.

Другому загипнотизированному молодому человеку Мессинг повелительным голосом объяснил, что в седьмом ряду, у человека, занимающего пятое место, находится его пиджак.

Парень медленно, но решительно отправился к седьмому ряду, безошибочно подошел к пятому месту и попытался забрать пиджак. Хозяин пиджака с удивлением и смущением отдавать его не хотел и сопротивлялся, загипнотизированный упорствовал. Маг велел проснуться, затем приказал спать, и так несколько раз.

Мессинг уехал, но его еще долго вспоминали, пробовали повторить номера, но ничего не получалось.

Возвращение

Осенью Шурабский участок Белгородского управления

треста «Шахтспецстрой» провожал Клинова в Москву.

Теперь это был другой человек – веселый и уверенный, без привычных страхов. Он уже начал понимать, что жизнь все-таки приятная штука, интересная и неожиданная.

Из Исфары Клинов летел на четырехместном одномоторном Як-12. Самолет шел на высоте пятисот метров. Горы с обеих сторон, а в некоторых местах они выше высоты полета. От плавного раскачивания из стороны в сторону приятно захватывало дух; на воздушных ямах пожилая таджичка вскрикивала и хватала летчика за руку.

Летчик, белобрысый ровесник Клинова, спокойно смотрел то в карту на коленях, то вниз, в ущелье, потом карту убрал и повел самолет вдоль ущелья и еле заметного ручья.

Через час полета они приземлились в Коканде, и Клинов пересел на Ан-2, на котором долетел до Ташкента, а оттуда до Москвы – на Ту-104.

Тульская одиссея

В жизни каждого человека должен
быть хотя бы один Ливень

…В полумраке комнаты было темно и уютно. Ночью снова пошел дождь. Тихо и нежно он сыпал капли на жесть подоконника. Струйки собирались в одинокий, журчащий под окном ручеек. Клинов умиротворенно слушал его, вглядываясь в яркие сполохи за темным окном.

Куда-то бесконечно далеко уходили протяжные раскаты грома. Тонкая фигурка, чуть слышно дыша, безмятежно спала рядом. Ее ладошка была в его руке...

После ссылки

Клинов отоспался, медленно, с наслаждением вымылся в ванне, ходил по квартире, не узнавая старые вещи, беспричинно радовался, поражался новым впечатлениям и ощущениям. В холодильнике обнаружилась кастрюля с борщом, нашел половник и, не разогревая, попробовал: «Да, это что-то необыкновенное!»

В Шурабе все было просто и сурово: отпахал смену, вымылся в бане, пришел в свой барак, а там или уже пьют, и тогда он тоже со всеми вместе, или играют в карты.

Здесь же, казалось бы, в своем доме, а точнее – в доме родителей, в безупречной чистоте и комфорте, где у него своя, отдельная комната, Федор испытывал неясное чувство гостя. Впрочем, как бы то ни было, вернуться в Шураб ему не хотелось, хотя жизнь в отрогах Туркестанского хребта вспоминалась с тайным чувством гордости.

— Ну что ж, – доставая из шкафа чистую рубашку и белые джинсы, купленные у Темного, размышлял Клинов, – надо, пожалуй, позвонить Перельцвейгу. Интересно, кончился ли у него академический отпуск.

— Здорово, Боб!

— Здорово… ух ты, ничего себе, ты откуда звонишь?

— Откуда, откуда, из соседнего подъезда.

— Так ты приехал, что ли?

— Ну да, вчера прилетел из Ташкента. Ты-то тут как? Все в академическом отпуске или уже нет?

— Отпуск кончился. Вчера вернулся из Белгорода, там меня предок устроил поработать «принеси, подай, сбегай, отнеси»; работа «не бей лежачего», но кое-что заработал, сейчас восстанавливаюсь на втором курсе Горного института.

— Так не мешало бы отметить, у меня тоже образовались кое-какие проходческо-слесарные сбережения.

— Отлично, Клин, рад, что ты вернулся.

— А что, Боб, были сомнения?

— Были или не были – неважно, надо собраться. Сейчас я

узнаю, вернулись ли Беки с Понедельником, загуляем у них.

— Хорошо, а я тем временем звякну Темному.

— Слушай, Федь, а ты что, ничего не знаешь?

— Чего я не знаю?

— Темный с Фадей срок схлопотали, – Перельцвейг понизил голос, – скоро будет полгода.

— Ни фига себе! – Клинов был ошеломлен, хотя где-то подспудно не раз его тяготила и раздражала хулиганская бравада приятелей. – Что же мне не сообщили?

— Ну, что тебя расстраивать, помочь ты не мог бы все равно.

Вечером Клинов купил две бутылки водки «Московская особая», полкило любительской колбасы и неспешно поднимался на третий этаж к Бекам и Понедельнику.

На втором этаже, в приоткрытой двери Клиновской квартиры, очевидно ожидая его, стояла мать. Она приветливо улыбалась: «Сынок, ты бы посидел с нами», – не то спросила, не то попросила. В голосе слышалось искреннее желание и даже заискивание: «Отец вчера приготовил сациви, есть вино».

Клинову стало жалко мать, но тут же всплыли постоянные назидания, тяжелое молчание Южанина, и он, остановившись и стараясь сдержать привычную грубость, сказал: «Я уже обещал ребятам, они тоже меня ждут».

Арина погрустнела: семейный ужин не состоится, Георгий молча выпьет, посмотрит футбол и ляжет спать.

«Как же они похожи: что отец, что сын, – безнадежно думала хранительница очага, закрывая дверь, – одна отрада: маленькая Этелла».

Братья Бекметовы и Понедельник вернулись в Северный пригород почти одновременно. Старший – Виталий – был на преддипломной практике, жил у родителей на Бобрик-горе; отец устроил его стажером к начальнику смены горнокапитальных работ на шахте.

Младший Вовка и Вадик Понедельник целый месяц провели на геодезической практике в Ашукинской, что недалеко от Загорска, и не столько с теодолитом и нивелирной рейкой, сколько на природе, у реки, вечером же – у костра с песнями.

Лехе Бурову, замкнутому долговязому парню-молчуну, на практике повезло меньше и было не так интересно: приучался к ремонту грузовиков на автобазе.

Руцкок отсидел полгода, отчим устроил его на электродный завод учеником токаря, а вечерами теперь он учился в вечерней школе и вместе с Федяевым находился под надзором милиции.

Оказывается, как позже рассказал Боб Перельцвейг, Темный и Фадя пили пиво в парке, сцепились со спартаковской шпаной, Темный в драке кого-то порезал – с финкой-то он не расстается, – вот они с Фадей и загремели.

Тульский Горный

С сыном Южанин всегда был строг и требователен и только в крайних ситуа С сыном Южанин всегда был строг и требователен и только в крайних ситуациях входил в положение, включал связи и вытаскивал его из передряг, которые тот будто притягивал к себе. Надо было устраивать беспутного парня: авось что и выйдет из него!

В Министерстве высшего образования Клинов долго ждал отца. Наконец тот появился. Ему удалось сначала получить протокол вступительных экзаменов Клинова в Московский авиационный институт, а позже – договориться о приеме шалопая в Тульский горный институт.

Такая вот узенькая беленькая бумажка с рукописным текстом о том, что такой-то зачислен на первый курс института. Всего-то – написать да печать поставить, а ведь жизнь без нее пошла бы по совершенно другому направлению, и вряд ли она принесла бы ту радость, которую сейчас испытывал Клинов.

Справку он сам принес в военкомат, хотя этого можно было бы и не делать: информация и так пошла бы по официальным каналам. Лейтенант посопел, дал десять конвертов с повестками и велел разнести по адресам. Клинов с нескрываемым удовольствием, смакуя каждый раз, когда вручал повестку, обошел призывников.

Студенческое братство

Пятиэтажное здание общежития в виде буквы «П» располагалось на окраине Тулы, на Гражданском проспекте, недалеко от автовокзала, в десяти минутах от Горного института. На третьем этаже помещалась прекрасная часть студенчества, на остальных жила остальная часть.

В комнате четыре кровати с панцирной сеткой, стенные шкафы из фанеры, в середине общий стол. Привычная, суровая и аскетичная обстановка была хорошо знакома Клинову. Кроме семиструнной гитары со звукоснимателем, он привез самодельный усилитель, сделанный с лейтенантом Неволиным в военной разведке.

Семинары, коллоквиумы, лабораторные занятия Клинов посещал нечасто, а на лекциях вообще не бывал.

К середине осени Клинов освоился в Горном институте и стал своим человеком в Туле. В столовой возле общежития он заложил студенческий билет, в институтской столовой – зачетную книжку; таким образом, питание, пусть скудное, было обеспечено, а чтобы не занимать денег на водку, в магазине на углу Коммунаров, у Людмилы, в качестве залога лежал его паспорт.

Ливень

В субботу он снова не поехал в Москву – не хотел, да и не ждут его дома. Пятилетняя сестра Этелла, появления которой Южанин ждал четырнадцать лет, совершенно вытеснила внимание к сыну. Очаровательная девочка больше всего тянется к отцу, а тот души в ней не чает. Вписалась в это благополучие и дородная служанка Жанна из Симферополя. Она хорошо чувствует обстановку, тонко угождает хозяйке и откровенно льстит главе семейства.

А у шалопая в Туле – своя и, скажем прямо, наиприятнейшая среда. В сто пятьдесят третьей комнате на пятом этаже общежития Клинов – свой человек.

По негласному правилу и режиму наибольшего благоприятствования коменданта по прозвищу Кембел, изрядно пьющего старика, сто пятьдесят третья комната предоставлялась только тем, кто каким-то образом завоевал его расположение. Во всем огромном здании на Гражданском проспекте балкон был только в этой комнате.

Из постоянных жильцов вместе с Клиновым ее занимают хрупкий Юлик из Харькова, волжский детина Иван из Саратова и, конечно, закадычный Федин друг – сирота из старообрядцев Вовка Клейменов.

Вся разношерстная компания пользуется безграничным доверием коменданта. Не раз и не два в дни стипендий он

их прикрывал от всевидящего ока неумолимого студсовета, да и они, а в особенности Клейменов, случалось, выручали коменданта. Частенько он захаживал к ним, чтобы выпить без огласки по маленькой.

В иные дни, а чаще к ночи, когда звучали песни под гитару, не все могли разместиться в сто пятьдесят третьей комнате. И тогда располагались на балконе, а то и в коридоре, прямо под дверьми.

Гости и хозяева выпивали, курили, играли в карты, приходили и по делу: занять лекции или подготовить курсовой проект. Здесь всегда царила атмосфера доброжелательности, демократии и справедливости.

В сто пятьдесят третьей любили всякого рода розыгрыши и с удовольствием участвовали в разных затеях. Как-то, играя в карты, завели разговор о силе убеждения. Приводились разные примеры.

Клинов, глядя на застенчивого Вальдмана, заявил, что ему надо два часа на то, чтобы соблазнить девицу, и что он готов это продемонстрировать: «Пусть все уйдут, а Юлик залезет в шкаф и слушает, как девок охмурять».

Клейменова отправили на третий этаж, как раз к той особе, что очень нравилась Вальдману.

С присущей ему серьезной убедительностью Клейменов поведал первокурснице, что сейчас в сто пятьдесят третьей комнате знакомый аспирант дает консультации по начертательной геометрии и что ей повезло: другого такого случая

не будет.

Надо сказать, что начерталка мало кому давалась, в том числе и Клинову. Полненькая, с наивными широко открытыми голубыми глазами, эдакая куколка, обрадовалась и засобиралась. Клейменов проводил девицу к Клинову, на полном серьезе представил их друг другу и ушел.

Юлик, сидящий в шкафу, вскоре понял всю абсурдность своего положения. Долго ему не просидеть: встроенные фанерные шкафы, по два на обе стороны комнаты, были небольшие, и ноги затекли мгновенно. В таком шкафу можно только стоять или, в крайнем случае, слегка согнув и уперев колени в стенку, менять позы. Впрочем, как потом выяснилось, это мало что давало.

Девицу несколько смутил возраст аспиранта, а главное – какой-то легкомысленный и потертый вельветовый пиджак. Кроме того, ей показалось, что она где-то уже встречала этого аспиранта.

Клинов уловил смятение зардевшейся девицы, понес чепуху про начертательную геометрию, сумасбродство преподавателей, следы на плоскости; при этом он как бы невзначай касался ее плеча, а иногда склонялся к ней значительно ближе, чем нужно. Вряд ли девица понимала что-то из того, что он ей объяснял. Да и сам он не очень понимал. Игра в сближения и касания нравилась обоим.

Так начерталка незаметно отошла на второй план, и пошла светская институтская тема: вспомнили сбор картошки,

колхоз, из которого недавно приехали. Время бежало быстро и незаметно.

Как и было условлено, через два часа народ стал возвращаться. Вальдман изнывал в шкафу, однако о том, чтобы выйти, не могло быть и речи.

Слух, что Клинов за два часа уговорит девицу раздеться, распространился по всем этажам, и в сто пятьдесят третью потянулись любопытные. Девица не ожидала такого внимания, раскраснелась, растерянно улыбалась, отвечала невпопад и все порывалась уйти, но ее отвлекали и ненавязчиво просили посидеть еще.

Те, кто знал интригу, многозначительно поглядывали на шкаф и на ничего не подозревающую девицу. В самый разгар эксперимента заявился ничего не знавший про затею Рыжий. Зачем-то, а может быть машинально, он открыл шкаф и замер. Из шкафа, скованный неудобной позой, мокрый от волнения, Юлик делал страшные глаза.

Рыжий надолго замолчал, все смотрел то на куколку, то на Вальдмана, закрыл шкаф и рухнул на кровать, зайдясь неудержимым хохотом. Все были в восторге!

За окном дразнил теплый июнь. Оставался один экзамен до того, как сессия превратится в историю. Впереди безграничное лето и свобода.

В школах начинались выпускные вечера. Как всегда, требовались оркестры. Клинов уже имел прицел на две школы в Заречье. На таких вечерах играть надо было с десяти ве-

чера и до шести утра. Платят хорошо – пятнадцать рублей на брата.

Электрогитара, труба, ударник, аккордеон, иногда контрабас. На четверых – шестьдесят рублей – классно! До утра дотягивала одна-две пары, заснувшие где-нибудь в спортзале друг у друга на плече. Поэтому лабухи уходили раньше. Они понимали, что все равно деньги сразу не дадут: некому!

С подписанным трудовым соглашением о музыкальном сопровождении выпускного вечера Клинов беззаботно шагал из Заречья. Он уже подходил к главной улице Тулы – улице Коммунаров, как закапал дождь. Он прибавил шагу, но дождь даже не думал прекращаться.

Шалопай бросился бежать и, не найдя ничего лучше, укрылся в телефонной будке, как раз напротив трамвайной остановки.

Дождь разошелся не на шутку и лил уже сплошным потоком. Протерев запотевшее стекло будки, он видел, как из подкатившего красно-желтого трамвая выскакивают пассажиры и врассыпную бросаются в разные стороны. Мужики ухают, дамы с сумочками над головами ласково ойкают. Под проливным дождем весело и шумно. Пожилая пара ткнулась в будку и ушла.

В этот момент Федор выделил из толпы легкое создание, беспомощно оглядывающееся по сторонам. Мокрое платье выразительно облепило тонкую фигурку.

Клинов, держа дверь открытой и весь превратившись в

приглашение, махнул ей рукой, и девушка, не раздумывая, влетела в будку. Растерянно улыбаясь и тяжело дыша, она невольно прислонилась к нему. Дверь закрылась. Рука опустилась на тонкую талию. Теплые капли дождя стекали с мокрых волос к нему на рубашку.

Ливень тем временем отправился дальше, а в будке не сразу заметили, что дождь стих. Тренькнул трамвай, город преобразился и ожил.

Она, слегка отстраняясь, с удивлением взглянула на него: «Сейчас уйдет», – мелькнула мысль. Он убрал руку, но она не ушла. Клинов нерешительно прикоснулся к ее ладошке, ладошка ответила согласием.

Это была славная неповторимая телефонная будка.

Они долго бродили по тульским улицам, болтали ни о чем; вдвоем было легко, просто и хорошо.

Поздно вечером Федя забежал в общежитие, попросил ребят уйти из комнаты на первом этаже и сказал девушке, как надо пройти мимо вахтера, чтобы тот не заподозрил чужую.

В полумраке комнаты было темно и уютно. Ночью снова пошел дождь. Тихо и нежно он сыпал капли на жесть подоконника. Струйки собирались в одинокий, журчащий под окном ручеек. Клинов умиротворенно слушал его, вглядываясь в яркие сполохи за темным окном.

Куда-то бесконечно далеко уходили протяжные раскаты грома. Тонкая фигурка, чуть слышно дыша, безмятежно спала рядом. Ее ладошка была в его руке.

Ранним утром Федор спрыгнул из окна, принял на руки подругу, обнял напоследок. Она села в пустой трамвай и уехала.

Уехала навсегда.

Три дня Клинов вновь и вновь приходил на остановку, ждал у телефонной будки, но все оказалось впустую.

Ее не было. Она не приехала.

Тогда на красно-желтом, громыхающем трамвае он проехал до конечной остановки, обошел места, где они гуляли, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь, что могло бы помочь отыскать ее. Но все было напрасно.

В тот день они даже не познакомились. В памяти остался только летний ливень, легкое платье на тонкой фигурке да жаркая ночь.

Тома

В предпраздничные ноябрьские дни Клинов заполучил халтуру на оружейном заводе в Заречье. Лабали танцы. Шел классный чес, в охотку, с настроением. Сакс-тенор изводил и заводил не только поддавших оружейников, но и лабухов. Девки откровенно строили глазки музыкантам.

Клинов отметил хорошенькую курносую блондинку. Ее нарасхват приглашали, а она соглашалась как бы нехотя.

Роман оказался серьезнее, чем он предполагал в тот

праздничный вечер. Федор это понял только через полгода, когда состоялись знакомства с друзьями и родственниками. Лавриневы, отец и сын, конструировали многозарядные охотничьи ружья в том же отделе, куда после школы поступила Тома, а мать и младший ее брат работали в цехе.

Клинова приняли вежливо и настороженно, поинтересовались, почему москвич учится в Туле. Он не скрывал правды, рассказал почти так, как это было, но без деталей. Пили чай с тульскими пряниками. Смотрины прошли легко и непринужденно.

Однажды, не предупреждая, шалопай с Томой появились в четырехэтажном доме в Северном пригороде.

Было ли их появление фурором или просто шоком для сурового Южанина и тихой Арины, мы сказать не можем. Как бы то ни было, утром Арина постучала к молодым в комнату и деликатно предложила Томе ванну.

Потом Клинов обнаружил на кухне сервированный на двоих стол. Федя приятно удивлялся, блондинка смущалась, о чем-то тихо переговорила с Ариной и вскоре вернулась к завтраку, запахнувшись в китайский халат.

Томка держалась молодцом, играла с Этеллой и вела светские беседы с Ариной. В воздухе витали свадебные дела и жилищные замыслы. Добрая, умная, веселая. Чего еще надо? Ан нет! Видно, что-то еще.

Вторая ссылка,

из чего следует, что одна уже была и что, как минимум, третьей не миновать...

В первой ссылке, в отрогах Туркестанского хребта, шалопай почувствовал вкус жизни, укрепил волю. Именно там смущавшийся по пустякам юноша возмужал; правда, слушая байки про успехи в амурных делах, по-прежнему краснел и потел. Нечем еще было похвастаться.

Знать бы ему тогда, что многие истории – не более чем плод мечтательного воображения.

Вторая ссылка, весьма прозаичная и непродолжительная, но полезная для становления личности не менее, чем остальные, проходила в деревне Липки, на сорок километров севернее Тулы, – одним словом, в знаменитом угольном бассейне.

Успешно преодолев первую сессию первого курса, Клинов на каникулы не поехал домой: чувствовал себя в родительском доме неуютно.

Он слонялся по полупустому общежитию, искал кого-нибудь из знакомых, но многие уехали домой, и раздосадованный студент уже было пожалел: «Чем тут одному, так уж лучше махнуть в Москву. Двинули бы с Бобом и Лехой по пиву на Серпуховку или еще куда-нибудь, потом с Темным завалились бы гульнуть к Бекам».

Представляя каникулы в Москве с приятелями, Клинов решительным шагом направился к себе в комнату, чтобы собраться и отправиться на вокзал. В комнате маялся Шатов – любитель неприглядных девчонок, преферансист и хронически неуспевающий студент.

Небольшого роста, широкий в плечах, Шатов выглядел значительно старше своих лет. Обходительность, приятный баритон и любезная убедительность позволяли ему, имея в каждую сессию по два «хвоста», третий год учиться на втором курсе.

— Плохие дела мои, Клинов, – мрачно объявил Виктор, глядя в подернутое морозом окно, – еле-еле уговорил декана; сказал, это в последний раз, он согласился. Один экзамен пересдам через неделю, два – до первого апреля.

— А стипендия? – поинтересовался Клинов, собираясь в дорогу.

— Какая там стипендия, – он с тоской поглядел на Клинова, – хорошо, что не отчисляют!

— Ну, раз все обошлось, это надо обмыть. Намерение ехать в столицу шалопай тут же отменил, достал и пересчитал деньги. – Добавляй, Вить, у меня не хватает, – но Шатов даже не шевельнулся.

— Слушай, Федь, денег у меня нет, но зато в нашем продовольственном магазине одна баба дает мне в долг.

— Баба-то, видно, страшная, – оживился Клинов, – все дает или только водку?

Шатов сделал вид, что его не задели клиновские двусмысленности: – Вот сходишь, возьмешь водку и спроси у нее сам!

— Не обижайся, Вить, все же знают, что ты, как бы это поточнее сказать... – Шатов прислушался, с любопытством глядел на насмешника, – ну, в общем, чтобы наверняка, ты клеишь таких, на которых никто внимания не обращает, и они сразу тебе дают все, что ты попросишь!

Шатов подумал, что так оно и есть, помолчал, затем поднялся, достал из стенного шкафа пальто: – Дай-ка мне деньги, я, пожалуй, сам к ней схожу, а за тобой закуска. Беру две бутылки, все равно после первой придется бежать за второй.

Он ушел, а Клинов отправился на третий – женский – этаж за закуской. Постучав в несколько дверей к знакомым и незнакомым, он уже было потерял надежду добыть закуску, как вдруг из самой дальней комнаты женский голос пригласил войти.

Плотная миловидная девушка в белом вязаном свитере, с массивной русой косой, выкладывала из сумок на подоконник банки с вареньем и промасленные свертки.

«Только что из дома, скорее всего, привезла сало, – глотая слюну, отметил шалопай, – я пришел в самый раз».

Присмотревшись к румяной с мороза студентке, он весело воскликнул: – Мне кажется, или я ошибся? Не вы ли совсем недавно опоздали к началу занятий?.. А?

Девчонка смутилась, отвернулась: – Да, было такое.

Известное дело: девчонки с вечера не могут наговориться, а с утра любят поспать, занятия же начинаются в полдевятого. На улице зима, стужа, темно. Тут не до завтрака. Успеть бы умыться, одеться, причесаться, портфель в руки – и бегом. Хорошо, что от общежития до института не так далеко, но все равно – бегом.

В то утро Катя оказалась в институте позже всех. Уже звенел звонок. Расстегиваясь на ходу, девушка скинула пальто дежурившим в раздевалке студентам и, не останавливаясь, с шерстяным платком на плечах побежала на лекцию.

А за нею шлейфом катились удивленные возгласы и странные усмешки, но ей и в голову не пришло, что это относится к ее персоне и что что-то неладное в ней самой.

Студенты уже расселись и ждали преподавателя. Опередив лектора, девушка влетела в аудиторию и, с трудом переводя дыхание, остановилась, ища, куда бы сесть.

И тут с аудиторией случилось что-то несусветное: студенты покатывались со смеху, показывая на нее, кричали, кто-то советовал сфотографироваться.

Русая Катина коса распустилась, платок свешивался с плеча до пола, а на девушке была лишь коротенькая комбинация телесного цвета с рюшками.

Пока Клинов вспоминал курьез с комбинацией, Катя справилась со смущением и вопросительно посмотрела на незнакомца. Немой вопрос был очевиден: мол, чего тебе надо?

– Да, мне бы перехватиться, – Клинов понял, что она его не помнит, но закуска была нужна, и он, стесняясь, сказал: – Я из сто пятьдесят третьей комнаты, у нас запасы кончились.

– А-а-а, – протянула девушка, – понятно, – и улыбнулась, – это пожалуйста, хочешь сало?

– Ну, если только немного, и хорошо бы хлеба.

Клинов получил сало и хлеб, отказался от варенья; тема исчерпалась, пора было уходить.

– Спасибо большое, – Клинов топтался в дверях и наконец решился, – меня зовут Федор, а тебя?

– Катя, – приветливо ответила девушка и закрыла за ним дверь.

– Вот тебе, Клинов, и закуска, и шикарная Катя. Он воодушевился, мысленно напел: «Скажите, девушки, подружке вашей…» и вернулся к себе в комнату, где его уже ждал Шатов с водкой.

Выпивка – необходимое и полезное мероприятие. Здесь и далее возмущения некоторой части общественности по поводу вреда или пользы выпивки безоговорочно опускаются ввиду их ханжеской направленности.

Приятели с удовольствием выпили первую бутылку. Сало оказалось что надо: мягкое, с красными прожилками, с чесночком. Обсудили учебные дела Шатова, плохие отношения Клинова с родителями и пришли к убеждению, что обе проблемы в обозримом будущем решения не имеют.

Шатов вспомнил нашумевший Куприяновский прыжок.

В тот день – день стипендии, когда не пьет только неправильный студент, пьяный Куприянов несся оленем по третьему этажу. Загоняли оленя опричники из студсовета. Силы оленя были на исходе, и он скрылся в женском туалете. Заходить туда опричники не решились и, стоя у двери, требовали, чтобы он сдался сам.

Куприянов молчал, надеясь отсидеться. Однако подоспело подкрепление в виде двух девиц-львиц из студсовета.

Не придумав ничего лучше, нарушитель сиганул из окна третьего этажа, слава богу, на газон.

Врач скорой помощи в окружении причитающих женщин перевернул бездыханное тело: у прыгуна половина лица была залита кровью. Толпа ахнула: «Убили!»

Куприянов приоткрыл левый глаз, потом другой – правый, окинул диким взором трагические лица, приподнялся, вскочил и дал деру. Только его и видели!

Ничего, обошлось, только на носу остался памятный шрам галочкой. Из института не выгнали и не отправили на шахту для перевоспитания.

Под вторую бутылку Клинов вспомнил не менее известную историю, когда на спор Вовка Клейменов поднялся по пожарной лестнице до третьего этажа общежития и перебрался на широкий карниз, идущий вдоль всего П-образного здания.

Раскинув руки, спиной прижимаясь к стене, самолюбивый гимнаст медленно дошел до середины здания и постучал

к девушкам в окно. Дело было поздней осенью. Девки только что в обморок не упали, окно открыли, приняли молодца, и с тех пор у Вовки от них не было отбоя.

В бутылке оставалась водка. У Клинова просилась еще одна история про то, как ровно в двенадцать часов ночи на городском кладбище выпивал с Клейменовым, Дукартом и Вальдманом – Вальдгаузе.

Но не просто так. Они бывали здесь, знали территорию и поэтому договорились разойтись, а к двенадцати ночи подойти в известное место. Так и сделали.

Шалопай не спеша шел своим путем.

«Кладбище хоть и городское, да все равно кладбище, – размышлял Клинов, – сколько бы ни говорили, что это самое спокойное место в городе, в этот непростой час, когда просыпается всякая нечисть, все может быть…» И в тот же миг ему показалось, что сзади кто-то есть.

Клинов остановился, посмотрел назад – никого, никакого движения. «Померещилось, а все потому, что вспомнил про нечистую силу…»

В памяти всплыли четыре бурых черта на перилах в подъезде дома, что стоит покоем в Северном пригороде.

Но как только он сделал несколько шагов, как снова почувствовал чье-то присутствие. Остановился, вглядываясь в просвет между темными кустарниками узенькой аллеи.

От напряжения зарябило в глазах, а по спине пробежал легкий озноб: совсем рядом послышалось всхлипывание, и

тут он явственно различил невесть откуда взявшееся белое пятно…

– Дукарт, гад, – осенило Федора, – если сейчас же не выйдешь, не пожалею бутылки, получишь в лоб.

– Ладно, ладно, выхожу, водку жалко!

Оказывается, Дукарт еще в общежитии втихаря запасся простыней и вместо того, чтобы пойти своей дорогой, двинулся за Клиновым: так ему было не страшно!

Тем временем Шатова стало клонить ко сну. Он прилег и моментально заснул.

Клинов допил водку, взял гитару и отправился к Кате, образ которой к этому времени приобрел романтический ореол: «Спою ей романс «Скажите, девушки…», это непременно произведет впечатление.

«А потом…»

«… О том, что будет потом, Клинов явно обольщался, но остатки здравого смысла уже были выпиты с последними каплями водки, и теперь все зависело от того, насколько благосклонна к нему судьба. Следует заметить, что его хранитель и попечитель – А-Клинов – все надеялся, что подопечный успокоится, образумится…»

К сожалению, и попечители могут ошибаться...

Час тому назад, когда Клинов удачно разжился салом и, скажем откровенно, произвел самое приятное впечатление на строгую Катю, она и предположить не могла, как безобразен и неприятен он в пьяном виде.

Речь гитариста была невнятной, лицо – красным и бессмысленным. Он качался, заваливался на девушку, пытался ее обнять. Его продолжало развозить. О, если бы шалопай увидел себя!

Как это ни прискорбно, но катастрофические моменты бывают у каждого в жизни. В таких ситуациях единственное верное решение – не сдаваться, а Клинов не выдержал.

Перепуганная и возмущенная Катя вызвала студсовет. Клинова подвергли традиционному наказанию: отправили работать в электромеханические мастерские шахты в Липках для перевоспитания.

Ссылка как ссылка, ничего нового – в одной он уже был.

В Липках шалопая взяла на постой крупная дородная тетка, показала небольшую опрятную комнату с видом на палисадник. Жила тетка одна, дети давно разъехались, муж погиб в шахте – был крепильщиком, в лаве и завалило.

Хозяйка была рада постояльцу. Вечером его ждала, готовила без изысков, но сытный ужин. Поев, Клинов каждый раз терпеливо слушал скорбную историю теткиной жизни: про войну, голод, энкавэдэшников, «не опоздать на работу», «отдадут под суд», о пьянстве мужа, семнадцати подпольных абортах да непутевых детях.

При всей безысходности жизни русской женщины Клинов ни разу не уловил нытья, брюзжания или озлобления. Она принимала судьбу как должное и неизбежное. Не знала она, что где-то лучше, знала только, что это ее крест и нести его

ей по жизни, ни на кого не рассчитывая.

Бригаду слесарей, в которую определили Клинова, отправили в подшефный колхоз монтировать механизированную раздачу кормов в свинарнике.

Стояла холодная и снежная зима. В бортовую машину погрузили швеллеры, сварочный аппарат, кабели и инструмент.

Бригадир, который первым шагнул за дверь свинарника, тут же пулей оттуда вылетел. Густой, сшибающий с ног запах стоял плотной завесой.

Потом привыкли.

Клинов работал наравне со всеми. Его простота и легкость пришлись по нраву бригаде: работал не хуже других, а если надо, мог и за водкой сбегать. Бригадир собственноручно написал характеристику, главный инженер подписал, и в апреле шалопай вернулся из своей второй ссылки в становившийся родным Тульский горный институт.

Пасха студента

Вернувшись в Тулу, первую ночь шалопай провел среди друзей, но уже нелегально: в общежитии ему было отказано как продолжение воспитательной меры. На следующий день недалеко от Гражданского проспекта он нашел каморку за десять рублей в месяц.

В частном добротном доме коротали старость старик со старухой. Так и хочется продолжить словами классика: «старик ловил неводом рыбу, старуха пряла свою пряжу…», однако Никодимыч никогда промыслом рыбы не занимался, хотя на Волге работал мотористом буксира, а его жена, Прасковья Ивановна, служила в речном пароходстве и умела вязать.

Дом был устроен в двух уровнях. Верхний – парадный, имел выход на улицу, куда можно было спуститься по широкому крыльцу с перилами и навесом, однако главным входом пользовались лишь по большим праздникам.

Клинов обычно ходил через двор, холодные сени, где стояла бочка с квашеной капустой. Далее была кухня, из которой, поднимаясь по крутой лестнице, он попадал наверх. Хозяйка показала маленький закуток без окна. – Видимо, раньше здесь был чулан, – решил студент. В чулане помещалась кровать, стул и тумбочка.

Клинов был неприхотлив, хозяева его видели только к ночи, ему не мешали и вопросами не докучали.

Хозяин, которого из-за характерной бородки Федор мысленно называл шкипером, читал газеты, а хозяйка вязала внучатам рукавички и шапочки.

Однажды, уже в сумерках, проходя сени, Федя обратил внимание на бочку с капустой: на доске поверх бочки лежало что-то, прикрытое тряпкой. Недолго думая, он приподнял тряпку: там красовался большой шмат сала.

Надо сказать, что день тот выдался трудным и голодным, поэтому, поглядев на сало, Федя почувствовал, как потекли слюнки. Тем не менее он поднялся к себе в каморку и сразу же завалился спать. Однако через час сон как рукой сняло.

«Сало должно быть с чесночком, – мечтал шалопай, – его б к жареной картошке с лучком и квашеной капусткой из той же бочки. – Эх, была не была, не просить же ночью Прасковью: мол, не дали бы мне немножко сала с капустой. Позорище-то какое! Нет, клянчить – ни за что!»

Клинов еще немного полежал, прислушался: дом спал. Он поднялся, сунул ноги в тапочки, вынул новенькое лезвие для бритья, вырвал чистый лист из тетради и, крадучись, спустился вниз.

В доме по-прежнему было тихо. Вышел в холодные сени, зажег свет и отрезал тончайший кусочек сала, затем в свернутый кульком тетрадный лист зачерпнул горстью капусту, подождал, пока стечет рассол, и, весь дрожа от холода, вернулся в каморку.

Сало и капуста были просто восхитительны. И пусть нечасто, но и не раз он совершал ночные вылазки к бочке с капустой и салом.

Когда под первыми весенними лучами стали чернеть сугробы, а на Гражданском проспекте побежали талые ручьи, смывая зимнюю грязь и копоть, шкипер остановил вечно спешащего постояльца, который, как всегда, опаздывал.

— Федя, ты вот что: в воскресенье никуда не уходи.

— А что будет, Пантелей Никодимович? – удивился Клинов.

— Пасха будет, – дед говорил медленно, с расстановкой. – Приедут наши дети и внуки, и ты тоже приходи, разговеемся, посидим.

Клинова осенило: точно, Пасха, то-то шкипер с Прасковьей еле ноги тянут, они же глубоко верующие люди – постятся сорок дней!

— Хорошо, Никодимыч, обязательно приду!

В воскресенье Никодимыч с Прасковьей вернулись с крестного хода под утро, прикорнули немного, а вскоре стала собираться многочисленная родня, тут уж было не до сна. Дочери привезли много закуски, сыновья запаслись выпивкой, народ шумел, радовался, и было видно, что семья большая, дружная и веселая.

Опрятная и тихая обитель стариков оказалась во власти родни: пока женская половина хлопотала на кухне и устраивала стол, а степенные мужья курили «Беломор» и вспоминали детство, детвора с криками и смехом носилась по двум этажам старинного дома.

Дед с Прасковьей оказались весьма и весьма плодовитыми: не меньше дюжины малышей – поди разберись, где чей, но все эти девчонки и мальчишки принадлежали двоим сыновьям и двум дочерям шкипера и вязальщицы.

Клинов из чулана не выходил, лежал, не зажигая свет, хотелось курить и есть. Он слушал чужую жизнь, невольно

сравнивал и находил, что в семье родителей не смог бы припомнить чего-либо подобного. Шум за дверью стал стихать, и тут к нему постучали.

— Заходите, – откликнулся студент и включил свет.

Вошел шкипер, он был в шевиотовом костюме и слегка навеселе.

— Христос воскресе!

— Воистину воскресе, – в тон деду ответил Клинов.

— Вставай, Федя, идем к нам, праздник ведь, а ты лежишь.

— Честно говоря, мне как-то неудобно, я никого не знаю, и меня никто не знает.

— А мы с Прасковьей? Неужто ты и нас не знаешь? – рассмеялся Никодимыч.

— Хорошо, я мигом!

Праздник был в самом разгаре. Пантелей Никодимович все больше молчал, поглядывал на внуков, что-то тихо говорил жене; та же, не скрывая своей радости от всего происходящего, смахивала платочком невольную слезу умиления.

Гости пили, закусывали, обсуждали заводские новости, а у детворы за отдельным столиком шла другая, только им понятная и интересная жизнь.

Пантелей Никодимович махнул рукой студенту: «Федя, иди, садись к нам. Прасковья Ивановна, надо бы покормить студента!»

— Это Федор, – постукивая по стакану вилкой, обратил-

ся к детям хозяин, – наш постоялец, студент из Горного института, прошу любить и жаловать. А ты, Федя, закусывай. Коля, налей студенту!

— Всенепременно, батя. Федор, тебе вина или водки?

— Можно водки, – скромничал шалопай, мысленно удивляясь такому вопросу.

— Всех поздравляю с праздником, – глядя на своих хозяев, объявил Клинов и залпом выпил.

— Вот это по-нашему, – поощрительно заметил Николай. Он, старший сын шкипера, очевидно, пользовался авторитетом, – надо бы повторить, ты как, не против?

— Да нет, – Клинов освоился, поднял рюмку, – за вас, Прасковья Ивановна, Пантелей Никодимович, за ваше здоровье. Мне у вас хорошо живется.

— А вот скажи, Федя, как тебе капустка с салом, понравилась? – спросил Никодимыч хитро, но доброжелательно.

От неожиданности Клинов густо покраснел и растерянно посмотрел на шкипера. Тот смотрел на него с лукавой улыбкой.

— Капуста понравилась, Пантелей Никодимыч, – справившись со смущением, сказал студент.

— Да нет, не эта, – не унимался дед, – а та, что в бочке.

Клинов заметил, что оба сына шкипера прислушиваются к их разговору, да и женская их половина навострила ушки. Все вопросительно смотрели на Никодимыча, ожидая объяснений.

— Что уж там, – шкипер поглядел на студента, – что было, то было, расскажу. Только ты, Федя, так и не ответил, понравилась капустка или нет.

— Понравилась, Пантелей Никодимыч, и сало тоже понравилось. Я и сам могу рассказать.

— Ну, расскажи!

И Клинов, уже справившись со смущением, рассказал, как под покровом ночи ходил за салом с капустой. От бесхитростного рассказа студента гости покатывались со смеху, восторгам не было предела.

Учебный процесс шел своим чередом и не мешал полнокровной студенческой жизни Клинова. Институт, лекции, семинары, курсовые занимали все больше времени и все больше создавали ощущение уверенности.

Он стал опытнее, на рожон не лез; на лекции, может, и не ходил, но нужные семинары и лабораторные посещал. Заметил он как-то, что в институте к нему стали заметно лучше относиться. Не будучи дураком, изменившимся положением пользовался с толком.

Можно было сказать, что он понемногу становился мудрее, однако до настоящей мудрости – ой, как далеко!

Тем временем в Северном пригороде

В Северном пригороде стало спокойнее. Арина и Южанин

тоже начали привыкать и принимать сына таким, какой он есть. Худо-бедно учится в институте, пусть не в Москве, а в провинции, и девушку привозил, которая Арине показалась очень симпатичной и доброй; впрочем, глава семьи мнения своего так и не высказал – промолчал.

Этелла ходила в детский сад, занималась фигурным катанием. По хозяйству в доме хлопотала жаждущая своей семейной жизни Жанна, или, как прозвал ее Клинов, – Жоржетта, – уверенная в себе и себе на уме.

В Туле Федор сдружился с отцом Лехи Бурова – Сергеем Леонидовичем. Это был высокий интересный человек пятидесяти с лишним лет, из офицерской семьи с дворянскими корнями, с благородными, даже аристократическими манерами.

В силу непокорного характера и министерских козней завистников Бурову пришлось оставить престижную должность в топливном ведомстве и возглавить в Туле монтажный трест.

Неделю он работал в Тульском тресте, а на выходные дни Буров забирал Федора, и старый водитель гнал служебную черную «Волгу» в Москву по узкому Симферопольскому шоссе. Благо в Москве они жили в одном четырехэтажном доме, в том самом, что и по сей день стоит покоем в Северном пригороде.

У Сергея Леонидовича были крепкие горняцкие связи, которые очень помогли шалопаю не расстаться с вузом. Фе-

дору импонировала простота и доверительность их отношений: не было нравоучений или, наоборот, подыгрываний. За четыре часа от Тулы до Москвы, а в воскресенье вечером – обратно, о чем только они не переговорили.

Впоследствии, когда кроме дружеских возникли деловые контакты, Клинов не раз отмечал, что со старшим Буровым гораздо больше общего, нежели с младшим. Поначалу это удивляло, а потом стало понятно: разница в возрасте – не определяющее обстоятельство, главное – схожесть философии и жизненных установок.

Южанин, может быть, и рад был бы приезду студента, да только вот дома шалопая вовсе не видел. Федор стал автономен и самостоятелен, даже стипендию получает, живет где-то там, в общежитии, в Туле, правда, в последнее время почему-то снимает комнату. Что выросло, то выросло.

Извечный вопрос: «Откуда у него такие манеры, привычки, почему дома ни на кого не смотрит и все больше молчит, разве иногда попросит у матери, да и то сквозь зубы, деньги? А как разговаривает с родителями!? Уму непостижимо. Стал выпивать, а подчас очень неумеренно. Это же ужас! В кого это он такой?».

«В кого, в кого, известно в кого, в вас, родители. Выпивать – это точно в Южанина, хотя не только».

Выпивка – это составляющая национальной культуры, средство общения, стиль жизни, не только в бытовой, но и в общественной, политической, наконец, деловой жизни.

В гости – выпить, переговоры – выпить, в командировку – если там не выпил, то или больной, или что-то не задалось, а если без причины, или совсем не пьет, то это, кроме подозрения, ничего не вызывает, и такого стараются избегать, держаться подальше, потому что от такого всего можно ожидать.

Молодые люди в четырехэтажном доме, стоящем покоем в Северном пригороде, идут в ногу с развитием общества, даже опережают и вносят свой вклад в ускорение этого движения.

Посиделки устраивались обычно у Беков. Компания размещалась в большой комнате, а для утех отправлялись в маленькую.

Здесь все и происходило: субботние, переходящие в воскресные развлечения с девочками, конфликтами и потасовками. Гуляли громко, до глубокой ночи, а вернее до раннего утра; Клинов и Темный пели неприличные песни, гремели буги-вуги, записанные на рентгеновских пленках.

Нельзя сказать, что братья Бекметовы дружили с Вадимом Понедельником, скорее они просто жили в одной квартире, которую устроил его отец, возглавлявший крупнейший комбинат в оружейном городе. Общественный вес Понедельника-старшего в те времена был никак не меньше главы города или секретаря обкома партии.

Отец братьев Бекметовых возглавлял трест, подчинявшийся Понедельнику. Вадим усвоил свою привилегирован-

ность, держался высокомерно, не скрывал и даже подчеркивал превосходство и часто страдал от этого.

Младший Бекметов, именно он – Бек, был немало одарен: учился легко, хорошо играл в волейбол, имел разряд, рисовал, особенно удавались шаржи, обладал быстрым, проницательным и ироничным умом.

Природные способности позволяли ему, несмотря на внешнюю непривлекательность, иметь успех, особенно у неглупых женщин. Однако таких не так просто встретить, и потому с девушками у Бека были трудности – приходилось довольствоваться посредственностями.

В отличие от добродушного старшего брата, младший был чрезвычайно и даже болезненно самолюбив, обиды не забывал, подчас на всю жизнь.

Первое время в Туле шалопай испытывал чувство человека временного, вынужденного по известным причинам оставаться здесь, хотя и недалеко от Москвы, но все же в провинции.

«Вот пройдет год, закончу первый курс, и снова в Москву, в столицу, а пока надо перекантоваться, а потом в московский Горный институт».

Такое же настроение, по понятным причинам, было и в Шурабе. Каждый день он мысленно приближал время возвращения, а если учесть отдаленность, условия и контингент, то правильнее было бы сказать не «возвращение», а «освобождение». Разница с тюремным заключением была

лишь в призрачной возможности в любое время покинуть эти столь отдаленные места.

Где-то через полгода московское высокомерие шалопая стало тускнеть, жизнь в Туле становилась многообразной и интересной, в Москве же – скука и назидание дома, а друзья-приятели заняты своими делами.

Глава 2. Хулиган

Третья ссылка

Жизнь расточай! За нею – полный мрак,
Где ни вина, ни женщин, ни гуляк
Знай (но другим разбалтывать не стоит!)
Осыпался и кончен красный мак!

Предвкушение

Вечером Тамара Кошаева училась в Горном институте, прилежно посещала семинары, внимательно слушала лекции, вовремя сдавала курсовые работы, а днем работала в пустяковом учреждении, о котором вспоминала с неохотой. Девушка была отлично сложена, грива огненно-рыжих волос была предметом гордости, и она хорошо пела.

Клинов и Янич тоже учились в Горном, правда, на очном отделении. Янича-пианиста, из-за недюжинной силы, звали Агрегатом, Клинов же был известен среди любителей самодельных электрогитар, но не как виртуозный исполнитель польки Соколовского, а как предприимчивый лабух, умеющий находить и договариваться о так называемых «халтурах», что в переводе означало играть популярные мелодии

на праздничных вечерах в московских организациях.

Будущим горнякам приходилось бывать на некоторых занятиях, но настолько редко, что это совершенно их не обременяло. В остальном, они были вольные студенты, исповедующие классические нравы мирового студенчества.

Оба музыканта любили выпить, хорошеньких и незатейливых девчонок, жили недалеко друг от друга, вечно испытывали недостаток в деньгах, но никогда не унывали!

Как-то, кажется в конце апреля, играли лабухи вечер в «НИИ чего-то непонятного» по случаю майских праздников. Там-то Клинов и снял рыжую Томку. Легкомысленное знакомство закрепилось, и вот они вместе едут к Яничу в Хотьково.

У его родителей к этому времени был обустроен и обжит двухэтажный дачный дом на большом участке в Сходне. В Хотьково же тоже был участок, но брошенный беспризорный.

Между тем теплый май будоражит студенческую кровь.

Среди приличных дачных строений, непаханая яничева земля выделялась своей неприкаянностью. Впечатление усиливал полуразвалившийся сарай, кое-как сбитый из собранных на свалках досок, кусков фанеры и рубероида. Кривой сарай, одиноко стоящий на краю десяти соток, заросших бурьяном, был немым укором ухоженным участкам рачительных хозяев соседних дач.

Дело было к вечеру, накрапывал дождь. В сарае валялись

старые лопаты, грабли, молотки и топоры без топорищ, да какое-то тряпье. В углу помещалась ржавая кровать с проваленной панцирной сеткой и древним затертым матрасом.

«Интересно, – размышляли лабухи и певица, – как мы тут все уляжемся?»

Возникала легкая интрижка.

Глядя в темноту сарая, Клинов предвкушал чувственные моменты, Янич жмурился, как кот от удовольствия и пикантности ситуации, двусмысленно похохатывал, отпуская пошлые шуточки.

Тома, как и всякая женщина, тяготела к авантюрам и тихо млела, не зная, во что все это выльется.

Тем временем, возле сарая у двери, развели незамысловатый огонь, в мятой кастрюле с отломанными ручками разогрели тушенку и, конечно, достали водку. Не хватало картошки. Агрегат отправился к соседям, принес миску картошки и сказал, что завтра за деньги соседи попросили вскопать огород.

Стемнело. Томка сварила картошку, смешала с тушенкой. Янич искал дрова, а Клинов разыгрывался на гитаре. Поели, выпили, некоторое время препирались, оставлять ли водку на завтра, в конце концов, остатки налили Агрегату.

Переглянувшись с командором и уловив нюансы момента, Янич исчез в глубине сарая, и, разложив тряпье, завалился спать. То ли на самом деле, то ли, чтобы дать понять, что спит, но буквально сразу раздался выразительный храп.

Ну и черт с ним, пусть слушает, – устраивая кровать, решил Клинов.

Он выглянул из сарая. Было тихо и темно, красные искры догорающего костра отлетали к соседям, дневная жизнь затихала, где-то брякала посуда и слышались приглушенные голоса.

Между тем уже начинали заливаться соловьи, правда, еще не очень, пока еще без страстной неистовости, пока еще только распевки. Вечерний воздух наполнялся неизъяснимым волнением и тревожным ожиданием.

«Томки все нет, а этот, там, в сарае, продолжает свои рулады, – нервничает Клинов, – вот ведь и не поймешь, то ли хочет, чтобы мы чувствовали себя одни, то ли ждать подвоха».

Куда же Рыжая запропастила? В такой темени, не потерялась бы!

– Где ты? – аукнул лабух в тишину. Ни ответа, ни привета…

«…только слышно на улице где-то одинокая бродит гармонь...»

Томка появилась незаметно, села рядом. Недаром Кошаева, – подумал Федя, – ну точно! Кошка! И никуда не запропастила, просто искала, где отлить, видит в темноте хорошо: она же кошка, – мелькало в пьяной голове.

Рыжая быстро и нежно прильнула к нему, забралась под рубашку, посмотрела в сторону сарая, – спит?

– Ага, – прошептал лабух, – где это ты была? – Дрожа от вечерней прохлады и жаркой певуньи, шелестел Федя.

– Тебя искала, а ты здесь, – она чуть слышно отвечала, жарко дышала, а ее теплые губы касались щеки, отчего сладко кружилась голова.

Янич храпел, что есть мочи, заглушая широким диапазоном своих октав ночных певцов любви, которые, надо сказать, уже набрали силу.

Сердце лабуха колотилось в бешеном темпе, в горле пересохло, он потянул певунью в темноту сарая, и они рухнули на кровать.

Кровать тоже рухнула. Глухо стукнул угол панцирной сетки, громыхая, по сараю покатилось, невесть откуда взявшееся ведро.

Федя в обнимку с Томкой скатились с кровати, а по сараю и далеко за его пределы в ночной хотьковский покой несся страстный хохот Агрегата.

Предчувствие

Голубоглазый блондин Леня Надеенский по прозвищу Эврибади, долговязый Виталик Васильев, обремененный женой и сыном Кирюхой, красавчик Циханович он же Стаканович и Клинов, прозвища к которому никак не приклеивались, шли в парк культуры имени Горького.

Летели теплые весенние дни. Сессия проходила легко и

незаметно. До последнего экзамена оставалось целых четыре дня.

В парке несколько заведений, в каждом на видном месте: «приносить и распивать спиртные напитки запрещается». В закусочной «Лето» Стаканович, по которому сохло немало девок, сразу же отправился в подсобку, очаровал уборщицу и принес бутылку за четыре рубля. Выпили. Оживились.

Отправили Стакановича за второй. Выпили вторую. Стало хорошо. Завязался легкий приятный разговор о летних планах. Еще только середина дня. Постоянные клиенты начнут собираться часам к семи, а пока студенты да случайные люди.

После третьей бутылки компания стала распадаться. Виталик уехал к ревнивой жене, Циханович бегал в подсобку и все дольше там задерживался. А голубоглазый блондин заговорил на английском языке. Здесь, в этом невзрачном, заплеванном шалмане, куда гости из туманного Альбиона еще никогда не заходили, английская речь звучала, по меньшей мере, странно. Однако Эврибади ничто не смущало: он уверенно нес околесицу из иностранных слов, и было видно, что это ему доставляет удовольствие.

Водка, между тем, кончилась, скудную закуску съели, Федор курил пижонский «Дукат» и с пьяной настойчивостью уговаривал приятеля заткнуться.

Леню остановить было нельзя. Он вошел во вкус, говорил с выражением, иногда казалось, что это вовсе не чепуха, а

вполне себе внятная речь. Как ни странно, публика благосклонно смотрела на пьяного блондина, а один посетитель принял его за англичанина.

Пожилой дядя из-за соседнего стола принес недопитую бутылку, Клинов не стал отказываться, выпили еще. Дядя крякнул и обратился к Лене на английском языке.

– You obviously speak some kind of dialect, don't you? (Вы, очевидно, говорите на каком-то диалекте, не так ли?)

Леня оглянулся вокруг, его маленькие глазки выразили неподдельное удивление, он замолчал, потому что в английском был слаб.

– Не знаю, что вы такое ему сказали, но я услышал слово диалект, – Федя затянулся, стряхнул пепел на пол, – так вот: приятель мой ирландец, побочный сын одного из руководителей Ирландской республиканской армии, будьте, пожалуйста, с ним поосторожней.

С этими словами, командор допил водку, поднялся, покачиваясь между столов, вышел из закусочной, и неуверенной походкой направился в Горный институт, который, к сожалению, был рядом.

Он медленно шел, прикидывая, что занятия на вечернем факультете только-только начались и, что пока суд да дело, удастся увидеть рыжую Томку и махнуть с ней куда-нибудь.

С Томкой он чувствовал себя легко, ей с Федей было интересно, весело и приятно: он играл на гитаре, она хорошо и чувственно пела старинные русские песни и романсы, да

и наедине у них была полная гармония. Каждый невольно прикидывал друг друга в семейном качестве, и оба находил, что это могло бы быть совсем неплохо.

Но, надо заметить, что в те поры брак, в представлении Клинова, был равносилен тюрьме или плену.

Куда можно было бы махнуть, командор представлял плохо, а если по правде, то совсем не представлял. И уж совсем он не мог предположить, что идет сейчас в Горный институт для того, чтобы разрушить лишь недавно налаженную, ясную, с хорошей перспективой, жизнь!

Если Клинов не мог себе даже представить, какие потрясения его ждут в ближайшее время, то А-Клинов – его верный и преданный хранитель и попечитель - напротив, знал предстоящее и уже неоднократно подавал знаки. Но силы были неравные, и знаки не были приняты.

А-Клинов не мог противостоять своему подопечному. В этих обстоятельствах его влияние напрочь блокировалось. Он корил себя за попустительство, когда пили первую бутылку – «пусть мальчики немного развлекутся - вот и развлеклись! А ведь можно было увести после первой!

Он мучился своим бессилием, но было поздно. «Хотя бы снизить уровень опасности», - решил попечитель и собрался с силами.

Хранитель Клинова - ровесник человечества, но прошлым не перегружен, не отягощен. Каждый раз, когда его отправ-

ляли к новому подопечному, он ассоциировался с ним и все начиналось сначала. Прежний опыт купировался, сохранялся в нем и извлекался лишь при крайней необходимости.

Обычно, А-Клинов все решал сам и только в чрезвычайных обстоятельствах обращался за советом, что всегда было крайне нежелательным...

Приятно представляя рыжую певунью, Клинов поднимался из парка к институту задними дворами. Он прошел мимо столовой института Стали, через правую арку вышел на площадь Горного, постоял некоторое время, глядя на восьмерых непьющих шахтеров и, несмотря на протесты А-*Клинова*, решительно двинулся в здание альма-матер.

Танкист из ГРУ

Не торопясь, по мраморной лестнице, Федор поднялся на пятый этаж. Здесь, по его предположению, и надо было искать подругу.

Неожиданно его охватила тревожное чувство. Он с беспокойством и подозрением отметил странное отсутствие студентов в длинном широком коридоре, освещенном косыми лучами весеннего солнца. Тряхнул головой: «Пить надо меньше, приятель, или больше закусывать!»

Он приоткрыл дверь аудитории и, обращаясь к девице за первым столом, пьяным полушепотом спросил: «Скажите,

пожалуйста, нет ли здесь Кошаевой Тамары?» Девица оглянулась, тихо повторила, и фамилия покатилась по рядам. Рыжей здесь не было.

Клинов извинился, закрыл дверь, осмелел и открыл дверь следующей аудитории, потом еще одной и еще...

Может быть, все и обошлось, не появись эти двое. Их не заметил командор. За ним с явным интересом, стоя у окна, уже некоторое время следили, сначала издалека, потом ближе и ближе, и вот уже они стоят буквально рядом, а Клинову хоть бы что.

Один из наблюдателей, средних лет, лысеющий, с благородными чертами лица, со свернутыми в трубу чертежами, другой - попроще, какой-то невзрачный и неинтересный.

Первый, благородный, Борис Чаплин, как потом, оказалось, являлся деканом вечернего факультета. Другой – невзрачный, так и остался неизвестным, потому что и в дальнейшем никак себя в этом неприятном деле не проявил.

Тот, что был с чертежами, вежливо взял Клинова под руку, отвел от двери аудитории и, слегка улыбаясь и явно давая понять, что не придает ситуации сколько-нибудь серьезного значения, вполне доброжелательно сказал, что не надо вот так прерывать занятия и лучше подождать перерыва.

А-Клинов был в отчаянии. Сейчас произойдет непоправимое! Он уже слышал грохот вагонов на железнодорожных путях, подземные изнурительные работы и даже пургу в го-

рах. Все это будет очень скоро и ничего нельзя изменить. Поздно!

Командор же, как с цепи сорвался или с печки упал, может его мешком пыльным огрели, или он с дуба рухнул, грубо вырвал свою руку, и ни с того, ни с сего рявкнул: «Ты что хватаешь, советчик, сам знаю, чего делать. Будешь еще мне советовать!»

Благородный декан опешил, обиделся и немедленно вспомнил, что он администрация.

«Дать бы тебе в рожу! – мечтал Чаплин, соображая, что же делать с наглецом, – да он же пьяный, значит сдать в милицию, парень явно не студент, видно попал сюда по пьяному делу. – Ведем его в деканат, – бросил он второму наблюдателю.

Тот крепко ухватил Клинова за руку и потащил от аудитории по коридору. Чаплин шел сзади злой, с отвратительным настроением: «Дернул меня черт связаться с пьянью, да еще и этот на мою голову, приехал с какой-то ерундой, а отказать нельзя, приехал по рекомендации, – мрачно размышлял Чаплин.

Федор, быстро трезвея, шел молча, а мысль работала четко и ясно: «Здесь случайно, искал знакомую, но ошибся зданием - она из института Стали».

Мирные тезисы показались убедительными, но Клинова не успокаивали. «Не хватало, чтобы из вуза отчислили в третий раз»!

Наконец-то, достучался, - а то ведь, не ровен час, и все, что с таким трудом было преодолено в Авиационном, Шурабе, Туле, а про армию ты забыл, – напомнил α-Клинов, сейчас пошло бы кувырком. α-Клинов стал приходить в себя, но успокаиваться было рано: надо еще отсюда уйти!

В тесной, заваленной дипломными папками и рулонами с чертежами, комнате было душно. Декан вызвал милицию. Второй, невзрачный, приехавший по рекомендации, охранял дверь, так как считал, что задержанный мечтает сбежать. Клинов приуныл и затих. Его начало клонить ко сну.

– Ну и откуда ты? – по-приятельски спросил Чаплин.

– От верблюда, – нахамил Клинов. Чаплин сдержался и также вежливо произнес:

– Студент?

– Сам ты студент, – вопреки себе, грубил Клинов, – я на секретном складе танки делаю.

Заметим, что тут Клинов говорил в какой-то степени правду, хотя от выпитого в шалмане в его голове все перемешалось.

Он в самом деле три года тому назад, перед Авиационным институтом работал в военной разведке, должность называлась «старший фотолаборант», хотя не было никакой фотолаборатории.

Клинов таскал тяжелые, под импорт, чемоданы с радиоаппаратурой для резидентов за границей, проверял невероят-

ные для его времени карманные магнитофоны и миниатюрную фурнитуру к ним, а также с огромным сожалением уничтожал трофейную фотоаппаратуру и осциллографы.

Танки в Главном разведывательном управлении министерства обороны, как ни странно, не делали.

– Ишь ты! На секретном складе танки, – развеселился Чаплин, – видно, сильно пьян, несет чушь, а вроде и не дурак!

Без стука, совершенно неожиданно вошли два милиционера, взяли нарушителя под руки и увели. Спесь с Клинова, как рукой сняло, он стал самим собой, а когда увидел мотоцикл с коляской и вовсе развеселился. Везли его в вытрезвитель номер один на Павелецкой.

– Мужики, тормозните у магазина.

– Это еще зачем? – спросил водитель.

– Да бутылку взять!

Клинов заскочил в магазин, взял без очереди бутылку водки и сунул милиционеру.

– Мужики, отпустите, подругу искал, она учится на вечернем, да привязался этот лысый, – просил студент. Тот, что был за рулем, оглядел Клинова и кивнул напарнику:

– Пусть идет!

На следующий день, подходя к Горной школе, Клинов с отвращением и страхом представлял встречу с Чаплиным и, уже поднимаясь по широкой мраморной лестнице, шел осторожно, оглядываясь по сторонам.

«Если я здесь не учусь, то, что тут делаю, куда иду, зачем?

Придется изворачиваться, смотреть в сторону, мучительно краснеть, врать или признаваться».

Этот Чаплин вовсе не дурак и сразу скумекает, что вчера задержал и сдал в милицию не танкиста со склада, а самого, что ни на есть студента из Горного. Ну, допустим не встречу сейчас, а сколько я так и буду скрываться? А если неожиданно наткнусь, что тогда? С другой стороны, осталось-то всего: сегодня день, да завтра, потом до осени все забудется»,- успокаивал себя Клинов».

Размышляя и озираясь, с тяжелым предчувствием, Клинов медленно шел, рассеянно здоровался, даже с кем-то перемолвился.

Он острейшим образом чувствовал неизбежность встречи, и она состоялась.

– Так-так, а что сегодня танки на вашем складе уже не выпускают? –Молодой человек, я ведь вас спрашиваю? – Чаплин крепко держал рукав Клиновской рубашки, вертел головой, ища помощников. Добровольцы нашлись тут же. Клинова повели снова в комнату вечернего деканата.

– Ну, началось, – мрачно думал багровый Клинов, – накрылся юг, теперь попрут из вуза, армия, дома - кранты, Томка побоку, а только, что все было классно, осталось сдать один экзамен, в августе шикарная геодезическая практика и клевый отдых в Ашукинской, где-то возле Загорска: река, природа, новые кадры».

Нахлынула тоска и безнадежность.

Чаплин навел справки в деканате горно-механического факультета, получил вполне положительные характеристики: переведен из тульского Горного, производственник, за работу на строительстве МКАД имел поощрения, в текущей сессии осталось сдать один экзамен, и внимательно посмотрел на понурого и жалкого танкиста с секретного склада.

Инцидент был исчерпан, нарушитель пойман, разоблачен, однако удовлетворения Чаплин не испытал. Наоборот, теперь ему было жалко парня, но вернуть ничего нельзя.

– Подожди в коридоре, – сказал Чаплин и снова позвонил в деканат горно-механического факультета Гетопанову:

– Слушай, Вить, что делать-то с танкистом? – Четвертый курс, сессию почти сдал, остался один экзамен, да и парень нормальный.

– Нормальный, говоришь, а ты знаешь, с какими делами его перевели из Тульского Горного? Его там два раза за драки и пьянки в общежитии отправляли работать на шахту, чтобы не отчислять. Правда, за него просили «Тулауголь» и знаменитый трест «Спецшахтопроходка».

Чаплин понял, что Гетопанов предлагает использовать тот же метод, что и туляки – отправить парня месяца на три-четыре на производство, а потом восстановить в институте, и согласился.

Чаплин являлся секретарем парткома – второе лицо после ректора, а в некоторых случаях – и первое. Да и просители, особенно «Тулауголь», важный фактор.

Участь Клинова была тут же решена. «Сдавай экзамен и на производство, в шахту, – сказал Гетопанов, опыт у тебя есть, привезешь характеристики, восстановим в ноябре».

Исправительные работы

Так Федор был отправлен в свою третью ссылку.

Исправительные работы студента не отягощали. Энергетик Дуганов, в чье подчинение попал ссыльный, оказался без комплексов, назиданиями не страдал, любил выпить, с Клиновым подружился, тем более, что тот от работы не отлынивал, а наоборот, старался и попусту не перечил.

В Железногорске, недалеко от Курска, Клинов с энергетиком около месяца монтировали подъемную машину для проходки шахтного ствола «КМА» (Курской магнитной аномалии)».

Когда закончили работы на КМА, Дуганов позвонил начальнику Управления в Белгород и попросил оставить студента в Железногорске, но не получилось.

– А мне все равно: любить или наслаждаться, родина требует в Днепрорудный – еду в Днепрорудный, – Клинов улыбнулся Дуганову и разлил по стаканам остатки вина. Пили сухое, непривычное ни студентам, ни шахтерам. Выбор в таких местах весьма скуден: или теплая водка, или Каберне, другого не завозят.

В Днепрорудном река и Каховское море, что для Федора,

да еще под знаком Рыбы, просто удача.

Так, что не все так плохо, господа! Новое назначение куда-то дальше на юг в Запорожье, шалопай принял с внутренним удовлетворением.

***

Федор нашел контору треста «Спецшахтопроходки», отметился, прошел инструктаж по технике безопасности, получил спецовку и направление в общежитие.

Дело было к вечеру. В кузове попутной «Татры», по палящему зною и пыльной дороге он добрался до поселка.

Чешский самосвал уходил в сторону и Клинов, с гитарой, в синих коротких брючках дудочкой, легкой мятой рубашке с коротким рукавом и сандалиях на босу ногу, зашагал в свою третью ссылку, к четырем стоящим в ряд пятиэтажным домам. Это были первые дома-общежития молодого города Днепрорудный.

Здесь жили и одинокие, и семейные. Вода подавалась два часа утром и два вечером, поэтому с утра заполнялись все емкости. Общежитие, куда его направили, было женским, в других все было занято. Оказалось, что одна комната на первом этаже мужская. Здесь уже жил старый знакомый Виктор Ушаков и два парня, тоже с проходки шахтного ствола.

– Все хорошо, – засыпая на свободной койке, думал Клинов, – Черныш, все-таки согласился взять в проходчики, выдержу, – мелькала отлетающая мысль, и он забылся крепким шахтерским сном.

***

– Эй, гитарист, слышишь, давай просыпайся!

Клинов протер глаза. Было позднее утро. Над ним стоял Витя Ушаков – проходчик из третьего звена.

– Ты, кроме блатных песен, можешь сыграть что-нибудь приличное, а то музыкантов нет: только гармошка да ты.

– Не знаю, – сонно протянул Клинов, – когда-то учился, а что надо?

– К дню строителя готовим самодеятельность, ты, как, согласен?

– Вить, согласен-то я, согласен, только, слушай, как вы тут живете? Сегодня ночью здесь просто какое-то массовое шествие было.

Что верно, то верно. Их единственная мужская комната на первом этаже женского общежития уже не первый день служила проходной для ночных визитеров.

Дело в том, что Днепрорудненская власть в лице бывшего землемера из районного центра Белозерка, приняв на постой представительниц древнейшей профессии, кроме вахтера, повелела, чтобы каждую ночь в общежитие дежурил милиционер, «да, чтобы никаких мужиков, – понятно!»

Но, что поделать с неистребимым зовом крови, куда направить требование молодой плоти, которую не усмиряет ни проходка, ни тяжелая лопата? Что уж говорить о неистощимой женской силе? Она, пожалуй, посильней мужской будет.

Обычно к вечеру у распахнутых окон общежития, выхо-

дящих на дорогу со строящегося комбината, нет свободного места. Девки смеются и вертятся у окон, встречают и зазывают.

Одни ждут своих, другие - новеньких. На подоконниках стоят бутылки с вином, а на некоторых для убедительности ведра, мол, пей, сколько хочешь, только, заходи.

Днепрорудный оказался небольшим, только что основанным поселком, примерно в ста километрах от города Запорожье, на берегу Каховского моря, образованного из реки Днепр.

Здесь строился мощный Белозерский комбинат. Богатая железом руда залегает на глубине пятьсот метров. Чтобы добраться до нее надо, как говорят у горняков, «пройти» или «пробить» шахтные стволы диаметром семь метров. Через них туда, под землю, спустят машины и людей, и начнется добыча руды. На обогатительной фабрике из руды уберут лишнее, превратят в окатыши, и готово дело – из них уже металлурги получат металл.

Клинова определили в бригаду Черныша. С этим богатырем ему уже пришлось поработать в отрогах Туркестанского хребта, где он был в первой своей ссылке, но если там, в таджикском Шурабе, он прохлаждался подземным слесарем, то тут попросился в проходчики.

Черныш обрадовался Клинову, вспомнили Шураб, чайхану, план.

– Мне сказали, что ты ко мне в проходку, это точно?

– Ага, – Клинов уловил подтекст, – хочу попробовать, да и денег надо…

– Смотри, – Черныш не скрывал сомнения, – потянешь ли? Тут не те условия, что в Шурабе. В забое минусовая температура, сверху льет (заморозка плохо держит), шесть часов то на лопате, то на креплении, да в прорезиненной робе.

Черныш говорил без церемоний, со свойственной ему прямотой, Клинов стоял на своем.

– Ну, ладно, – примирительно сказал Черныш, – давай так: месяц, а потом посмотрим.

– Согласен.

Клинов понимал, что и месяц продержаться – ох, как хорошо.

В Днепрорудном проходку вели по предварительно замороженным породам, иначе подземные воды затопят ствол. Стенки ствола крепят чугунными тюбингами, за ними еще полметра бетона.

Проходчик

Тяжело перекинувшись через высокий борт бадьи, Клинов втиснулся между проходчиками.

– Какого хрена возишься! – проворчал звеньевой и махнул рукоятчице, – Ася, майнуй!

Девчонка в спецовке и каске просигналила машинисту

подъемной машины, бадья осторожно приподнялась, под нею открылись ляды, своего рода двустворчатые ворота, только не вертикальные, а горизонтальные.

Через ляды, из глубины шахтного ствола, из его черной пасти, в вязкую духоту хлынул резкий холодный воздух и далекий гул работающих механизмов.

В жесткой прорезиненной робе, пересохшей с прошлой смены, Клинов с привычной жутью смотрел вниз на стремительно приближающуюся преисподнюю, а вообще-то забой, где, не прекращаясь ни на минуту, шла адская работа.

С того дня, когда Черныш согласился взять его в проходку, пошла третья неделя. Но уже во вторую неделю стало понятно, что если он и дотянет до месяца, то только из упрямства. Сказать, что тяжело – значит, ничего не сказать: после смены он еле тянет ноги: все оказалось труднее, чем обещал бригадир проходчиков.

За смену нужно углубить шахтный ствол не менее, чем на метр. Там, в забое на маленьком пятачке, диаметром восемь метров, семеро проходчиков под проливным ледяным дождем, вкалывают на отбойных молотках и совковых лопатах – грузят в пятикубовые бадьи взорванную породу.

Полная бадья уходит вверх на разгрузку, а другая, такая же, но пустая, уже на забое, теперь грузят ее. И так непрерывно в бешеном темпе.

Рукоятчица находится возле ляд, держит связь с забоем и машинистом подъемной машины. На забой она сигналит

светом: три раза – бадья вниз, два – бадья вверх, один – стоп.

У звеньевого на забое в качестве сигнала тонкий металлический трос, привязанный к гонгу наверху. Сколько ударов гонга, столько же сигналов рукоятчица передаст машинисту подъемной машины.

Над забоем, буквально над головами летает пневматический погрузчик, подвешенный на канате, управляемый проходчиком. Он тоже грузит взорванную породу в бадью.

В сто децибел ревут погрузчик и отбойные молотки. Говорить невозможно – не слышно, объясняться – только знаками. Остановиться перекурить нельзя – негде, да и запрещено в забое.

Обычно в проходчики вертикальных стволов идут после армии, крепкие, уверенные в себе парни без вредных привычек, не старше тридцати пяти, физически сильные, выносливые, умеющие работать в команде, без претензий на интеллигентность, с желанием сразу и хорошо зарабатывать.

Федя с детства отличался деликатностью сложения, проще говоря – не отличался силой. Не раз принимался за тренировки, пробовал себя в борьбе, лыжах, даже боксе, пока не осенило, что укрепить можно дух, волю, выносливость, но реакцию в боксе или поднять сто килограмм, если не дано природой, натренировать нельзя.

Буквально с первого дня в проходке у него стала ныть связка между шеей и спиной, боль к концу смены становилась невыносимой. Надеялся, что со временем пройдет, но

ошибся, каждый раз в забое боль возобновлялась с новой силой.

***

Сегодня он вышел в четвертую смену, с двенадцати до шести утра. Предстояло отработать шесть самых изнурительных ночных смен.

…Сегодня не следовало бы спускаться в забой, – попытался предупредить А-Клинов, – но куда там, упрямство подопечного заложено в его предшественниках, поэтому всякие события произойдут в эту теплую украинскую ночь.

Да и одинок пока шалопай в пространстве своего духовного мира, не наладился еще контакт с хранителем. Их взаимопонимание возникнет позже, когда придет время…

Бадья с проходчиками, мягко пружиня на подъемном канате, зависла в трех метрах над забоем, ожидая, когда звеньевой тремя ударами гонга сообщит наверх разрешение машинисту подъемной машины медленно опустить бадью на забой. А там, в грохочущем морозно-сыром мареве, в резком свете шахтного прожектора, уже замеряют, сколько пройдено предыдущей сменой.

Спорят за каждый сантиметр – работа-то сдельная. Наконец, после ожесточенных перепалок, звено, закончившее смену, погрузилось в бадью и уехало наверх.

Клинов с отвращением взял отбойный молоток, чтобы

разбить негабарит. Сразу заныла связка на спине, вдобавок неожиданно возникла тяжесть в животе. Попробовал не наседать своим небольшим весом, но молоток вообще перестал слушаться и съезжал с мокрой породы. Оставив негабарит и взяв лопату, он подключился к проходчикам на погрузку бадьи.

Сверху, через крепь, непрестанно льет холодный густой дождь. Намокшая порода скользит под сапогами и тяжело берется лопатой.

Отмечая неладное в животе, Клинов перебирал в памяти, что сегодня ел, но, вроде все, как обычно.

«Ага, вот оно, что, вспомнил: вечером в столовой кто-то, относя тарелки на мойку, недовольно бросил: «Опять пропастина! Тогда он значения не придал, но в общежитие спросил Ушакова:

– Вить, что такое пропастина?

– Это то, что лучше не есть, потому что может сильно пробить на корпус, – улыбался приятель, – никак тебя пропастиной накормили? Пропастина – это испорченное, пропавшее мясо.

Объяснив про пропастину, Ушаков, обстоятельный и опытный проходчик, покровительствующий ссыльному, протянул телеграмму: «Федь, к тебе гости едут из Москвы, вот, держи».

Телеграмму отправлял Янич: «проездом, такого-то будем Запорожье», поезд такой-то, встречай».

– Ясно! Агрегат едет с Гришкой и Виконтом, – размышлял командор. Хорошо им – пьют, гуляют небось всю дорогу.

Как заведенный механизм, под ледяным проливным дождем Клинов заталкивает лопату в породу, тяжело несет вверх к бадье, стараясь не напрягать ноющую связку, но боль не утихает.

***

Между тем, тяжесть в животе идет волной, нарастает и с каждым разом становится все неприятнее. Клинов панически боялся момента, когда не сможет терпеть позывов, а они, неумолимо становились все сильнее.

«Все! Больше не могу, надо наверх, еще немного и не удержусь, а такого позора не пережить, но как: погрузка породы идет без остановки. Бадьи, не переставая, летают вверх – вниз, на счету каждая секунда, ни передышки, ни перекура.

Черныш узнает, выгонит, проходчики и так косо смотрят, мол, зачем взяли студента, одна морока с ним. Да и даст ли звеньевой сейчас бадью?»

И тут позыв пошел девятым валом, на мгновение потемнело в глазах, – надо сесть, не то упаду без сознания, – Федор привалился к стенке забоя, так, вроде отпускает...

Согнувшись, он пробрался к звеньевому.

– Лешь, – крикнул Федор звеньевому в ухо и показал на живот. Тот понял, остановил п*о*грузку, проходчики подсади-

ли больного в наполовину груженую бадью, звеньевой два раза дернул сигнальный трос, гонг наверху ответил, рукоятчица передала сигналы машинисту, и бадья с раненым улетела вверх.

От забоя до ляд бадья пронеслась за считанные мгновения.

Ася открыла ляды, машинист поднял бадью с Федором чуть выше уровня ляд и остановил подъемную машину, ожидая сигнала рукоятчицы.

Прыжок над бездной

Вот она – рукой подать, но Клинову на полок не выскочить – между бадьей и полком черная пасть ствола. И пока порожнюю бадью не примут в забое, машинист не может поднять другую бадью - с раненым. Только после этого Ася закроет ляды, машинист опустит бадью, и только тогда Клинов сможет выпрыгнуть на полок.

Из забоя сигнала нет, он, конечно, будет, но у командора нет времени ждать: темнеет в глазах. Он пытается снять тяжелую робу, но пряжки не поддаются. Он их – рвать, наконец, куртка и штаны сброшены.

Поднимай, мать твою, быстрей! – не своим голосом орал Клинов из бадьи.

Увидев искаженное белое, как мел, лицо Федора, Ася

страшно испугалась, – а студент-то не в себе, что-то случилось, иначе, среди смены, в груженой бадье не стали бы поднимать одного проходчика.

Это несчастный случай! Но, пока снизу не просигналят, бадью выше поднять нельзя. Ася ничем не может помочь, ссыльный вне себя.

***

Теряя сознание, не имея больше сил терпеть, категорически отвергая, чтобы хоть один человек – эта рукоятчица Ася – стала свидетелем позора, Клинов взобрался на борт бадьи и совершил немыслимый прыжок над черной пропастью ствола. Пролетев полтора метра, он оказался на площадке копра и сломя голову рванул в спасительную темноту.

***

Предрассветная тишина. Начало четвертого часа ночи. На востоке чуть занималась заря, только в отдалении слышался глухой ритмичный гул компрессорной станции.

Успокоив измученный пропастиной живот, придерживая рукой белое солдатское белье, в сапогах, несуразный и дикий, Клинов вернулся к шахтному стволу.

Ася, не отходя от рукоятки, озабоченно глядела на бледного юношу.

– Что случилось? Ты совершенно бледный.

– Да, что-то живот схватило, думал аппендицит, – он сел на дощатый полок, прислонился к теплому ограждению и тотчас заснул.

Проснулся Клинов также быстро, как и заснул.

– Ась, я что спал, что ли?

– Да, спал, только сел и тут же отключился, а прошло всего минут двадцать.

Клинов натянул робу, прыгнул в бадью и через несколько минут вкалывал на лопате, как ни в чем не бывало.

Рассвет набирал силу.

Быстрее бы мне лечь часика на два соснуть, – прикидывал студент, –ехать до Запорожья сто километров, пока не знаю как и на чем ехать, но ничего, прорвусь, надо встретить, давно не виделись, посмотрят на меня – удивятся, все-таки проходчик, выпьем и может быть проеду с ними до следующей станции.

«Утро просто загляденье: небо чистое, воздух свежий, солнце яркое, что со мной было – будто и не было ничего! Жизнь - красота, сегодня гуляем, вот Алексей появился, спасибо надо ему сказать, вон и остальные подходят, сейчас появится вахтовая Татра – и едем в Днепрорудный»

Клинов нетерпеливо переминался с ноги на ногу, – мысленно торопя время.

– Как чувствуешь себя, студент, – Алексей похлопал его по плечу, – вид у тебя был не очень, что здорово скрутило?

– Я уж подумал, не аппендицит ли, говорят, при этом такое бывает, а тебе спасибо за помощь.

– Да брось ты, сейчас как, не болит? – звеньевой увидел Татру, – пошли.

– Постой, Лешь, – Клинов придержал его за руку и тотчас ощутил необычайную слабость, тело быстро тяжелело, солнце померкло, а командор, погрузившись в черную тьму, осел и мягко упал возле звеньевого.

…Что-то со мной не то…, не то…, не…, жутко пугающее чувство безнадежности, невыносимая муторность… Как странно гаснет солнечный свет, и нехорошо так, как никогда раньше, острая тоска, слабость…, и нет помощи, просто она уже не нужна….

И тут связь с миром утратилась окончательно…

На машине скорой помощи, в сопровождении дежурной медсестры, ссыльного доставили в Белозерскую больницу, построенную во время войны, как временный госпиталь.

Уставший, голодный и слабый, как осенняя муха, Клинов, попав в палату, немедленно заснул.

***

Янич, Гришка Тяпкин и Виконт весело ехали южным поездом к Азовскому морю. Еще в Москве они договорились вызвать Клинова в Запорожье и с ним выпить, пока поезд

будет стоять на станции. «Командор парень заводной, уговорим и все вместе махнем на юг, - думали они.

Гонки с препятствием

– Молодой человек, вот сюда мочу, – медсестра тронула Клинова за плечо и показала маленькую баночку. А теперь повернись на бок, мне надо взять мазок на дизентерийный анализ.

– Какая еще дизентерия, какой мазок? – еще не совсем проснувшись, заворчал Клинов.

– Спусти кальсоны и повернись, – медсестра сердилась, – я сама знаю, какой!

– А знаешь, что? - Федор понизил голос до угрожающего шепота, – иди-ка ты, отсюда!

Перепугавшись, от столь непривычной грубости, медсестра быстро вышла и побежала к дежурному врачу.

Нельзя не посочувствовать парню, но только не надо жалостью унижать командора – он крепкий малый: адова работа в забое, от которой новичка бы оторопь взяла, прыжок из бадьи над бездной, потом снова в забой, а утром – на тебе – без сознания и, наконец, - дизентерийный барак.

– Сколько времени, мужики? – Клинов огляделся: в палате пять человек, кто сидит, кто ходит, все в халатах серого

цвета.

– Двенадцатый час пошел, – рассматривая новичка, сказал парень на соседней койке. – Здесь, друг, время не имеет значения.

– Что так? – удивился Клинов.

– Дизентерийная палата, понял? Две недели карантин, а если дизентерии нет, то все равно две недели.

Клинов понял: «Есть, нет – неважно, главное – он попал на две недели. Ладно, бывало и хуже. Ясно одно: отсюда надо бежать, поэтому прикидываю план действий. В Запорожье московский поезд прибудет в двадцать один тридцать. Из Белозерки до Запорожья около ста километров. Беру с запасом: на попутных машинах - часа четыре – пять, ну, пусть шесть, сейчас половина двенадцатого. В Запорожье до вокзала – возьму еще час. Всего примерно семь часов. Да надо прибавить задержки и ожидания. Это еще час, всего восемь часов. Нормально! Должен успеть!»

– Чего задумался, шахтер? – соседу Клинова хотелось поговорить с новеньким.

– Думаю мотать мне надо отсюда, вот чего. Слышишь, парень, как тебя звать-то? – спросил Клинов.

– Меня, что ли?

– Тебя, тебя, – Клинов встал, посмотрел на любопытного соседа. Ты, не знаешь, где тут наши вещи держат?

– Иваном меня зовут, а зачем тебе вещи?

– Да у меня там документы.

– Документы, говоришь, – Иван смекнул, куда клонит новенький. В конце коридора кладовка, там кастелянша – баба Вера.

Придерживая кальсоны, Клинов отправился в кладовую. Улыбаясь и изо всех сил стараясь понравиться суровой кастелянше, он сказал:

– Баб Вер, мне бы взять свои документы.

– Яки такие документы? – заворчала та в ответ.

– У меня там телеграмма и студенческий билет.

– Так ты, хлопчик ще и студент?

Почему еще, Клинов не понял, но заметил, что кастелянша смягчилась.

– Нехай, студент, пишлы до твоих документив.

В маленькой каморке с тремя стеллажами, на которых аккуратно лежали стопки одежды, свои вещи Клинов увидел сразу, сгреб в охапку и двинулся к выходу.

– А ну, стой! Ах ты, брехун, а ще студент, а ну положь на место!

– Уйди с дороги, – с яростной убедительности, рявкнул Клинов и метнулся мимо кастелянши в палату.

– Сан Мич, Сан Мич, дизентерийный тикает! – не унималась баба Вера.

Клинов вбежал в палату: «Вань, подержи дверь, пока я переоденусь».

В дверь уже стучался дежурный врач Александр Дмитриевич: Молодой человек, имейте ввиду, будет сообщено ва-

шему руководству, а вы будете наказаны. Немедленно прекратите безобразие и откройте дверь!»

– Какой интеллигентный, – прыгая на одной ноге и никак не попадая в узкую брючину, веселился Клинов.

– Спасибо, Иван, и не поминай лихом!

Он вылез через окно, взял ноги в руки и помчался, что есть силы, прочь от карантинного барака.

Несмотря на вопиющие нарушения дизентерийной законности, обстоятельства всячески способствовали беглецу. Добравшись до главной дороги, Федя остановил грузовую машину. Водитель чуть старше Клинова, ехал в Запорожье.

Конечно, на «Волге» или «Победе» было бы гораздо быстрее и комфортнее. Но где ее взять? А если, хотя бы мельком, посмотреть на пассажира, станет очевидно – рассчитывать ему на легковой автомобиль - слишком самонадеянно.

На нем все та же мятая рубашка с запыленными узкими брючками, да сандалии на босу ногу. Для завершенности образа, следует добавить трехдневную щетину и густую лохматую гриву нестриженых волос.

– Все, приехали! – останавливая грузовик на окраине Запорожья, сказал водитель, – до вокзала доедешь на трамвае.

– Спасибо, друг, – Клинов пожал парню руку и двинулся к трамвайной остановке.

Он дождался трамвая, расположился у окошка, отвязался от кондуктора, да та сильно и не настаивала, чтобы он брал билет – видно же, откуда у такого деньги.

Трамвай прогромыхал всего ничего и остановился, а кондуктор объявила: «Громадяни, на линии зняли напругу, трамвай дальше нэ пидэ, прохання звільнити вагон».

Клинов свесился из трамвайного окна и увидел впереди вереницу трамваев: «Придется поверить в судьбу и неотвратимость наказания, а пока постараться успеть на вокзал, время остается немного».

– До вокзала не подбросишь? – обратился Клинов к таксисту, – на поезд опаздываю.

– Деньги-то у тебя есть? – с сомнением спросил бывалый водитель.

– У меня только рубль….

– Ладно, садись, на вокзале будем быстро, не успеешь оглянуться.

Не успел Клинов оглянуться, как автомобиль, чуть отъехав, тотчас остановился.

Водитель обошел машину, заглянул к Клинову: «Заднее правое спустило, но ты не расстраивайся, колесо я меняю за пять минут».

Как ни гнал Клинов эту мысль от себя, в голову настойчиво продолжала лезть строка из какого-то параграфа все про ту же неотвратимость наказания.

После такой череды препятствий самый, что ни на есть атеист, поверит и в нечистую силу, и в судьбу, и в неотвратимость наказания за самовольный побег из дизентерийного барака.

Колесо было заменено очень быстро, вполне возможно, что и за пять минут. На вокзале Клинов сразу обратился в амбразуру кассы.

– Скажите, пожалуйста, не опаздывает ли поезд, следующий из

Москвы?

– Нет! – прогремело из амбразуры, – не опаздывает!

До прихода московского поезда оставалось минут двадцать, и Федор, успокоившись, решил прогуляться по огромной и безлюдной привокзальной площади.

Не успел он отойти от кассы, как возле него, словно из-под земли, выросли два безликих человека, один из которых лаконично сказал: «Пройдемте!»

Оперативные сотрудники с нескрываемым подозрением проверили клиновский студенческий билет, внимательно, несколько раз прочитали телеграмму, осмотрели командора с ног до головы и нехотя отпустили.

Московский поезд медленно и торжественно въезжал на запорожский вокзал. Клинов считал вагоны, смотрел в окна, но своих друзей не видел.

И только, когда пассажиры высыпали на платформу, откуда-то издалека он услышал знакомые голоса: «Клинов, где ты, разбойник! Нетрезвая троица уже видела его и бежала навстречу.

В прицепном вагоне, без проводника, Федора приняли, как дорогого гостя, так как ждали его давно, всем вагоном.

Командор не запомнил, как сошел с поезда. Запомнился лишь момент, когда проснувшись, он обнаружил, что лежит на каменной скамейке, какого-то полустанка.

Вернувшись в Днепрорудный, Клинов первым делом, попросил Черныша перевести его из проходчиков в подземные электрослесаря.

«Ну, это ты правильно решил, – обрадовался бригадир, – тем более, что и в Шурабе ты слесарил, да и учишься ты на горного электромеханика».

Взаимное влечение

Железорудный комбинат, частью которого являются шахтные стволы, строился очень быстро. Это было связано с тем, что на поставку готовой продукции уже подписан контракт с бельгийцами.

Для ускорения строительства в Днепрорудный, недалеко от Новой Каховки, отправляли и кого надо и кого не надо. Так, из тех, кого не надо, сюда, вроде студента на исправление, и возможно, тоже для перевоспитания, пригнали несколько десятков девиц вольной и древней профессии.

Очень смекалистые были центральные власти в Москве, а уж в Питере тем более. Не зная, как справиться с естественной, скажем прямо, природной и неистребимой тягой мужчин и женщин к временной взаимности, девочек, несмот-

ря на их протесты, грузили в автомобили, вывозили за сто первый километр, там выгружали. Машины возвращались, а вскоре возвращались и девочки. И все начиналось сначала.

Здесь нельзя не возмутиться однобокостью: за что же только девочек? А мальчиков, участвовавших в быстротечной близости, почему их-то не вывозили?

Такой круговорот особенно стал популярен во время московского фестиваля молодежи и студентов в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году.

В тот памятный год широкая натура третьего Рима доброжелательно дала жизнь новой прослойке человечества – северным неграм, которые и по сей день бороздят российские просторы.

Вольных бабочек обзывали тунеядцами, хотя они никак не жили чужим трудом. Напротив, как раз они-то жили своим, совсем не легким трудом.

На этот счет: труд ли это или удовольствие, человечество спорит давно, но и по сей день согласие не достигнуто.

В те благословенные времена слово проститутка употреблялось скорее в ругательном плане, нежели по прямому назначению. В обиходе, у студенчества, равно, как в офицерских кругах и правильной молодежи, не подпавших под влияние ханжеской морали, более употребительно было слово чувиха. За любовь она денег не брала, потому что в близость вступала из естественной потребности, а также из любопытства.

На этом историко-лингвистический экскурс, пожалуй, пора закрыть, во-первых, потому что надоел, а во-вторых, нас ждут интереснее события, к которым мы и возвращаемся.

Концерт на эшафоте

С утра, в день строителя, в ангаре для хранения оборудования, временно переустроенном под клуб, оживленно и сумбурно. Самодеятельные артисты ждут распоряжений.

«Сегодня в три часа на площади, где магазин, там сейчас заканчивают строить трибуну для выступлений и помост для концерта, состоится торжественная часть, – объявила распорядительница из штатных комсомольцев. Выступит начальник строительства. Он вручит грамоты отличникам соревнования. Концерт самодеятельности начнем сразу после вручения грамот. А сейчас – генеральная репетиция».

Клинов уже репетировал с певицей несколько песен. Она выбрала цыганские и украинские. И песни и манера петь, да и сама девица, несмотря на причины, по которым она оказалась в степном краю, импонировали гитаристу. Сближению способствовало и то обстоятельство, что жили они в одном общежитии, только на разных этажах.

В голове Клинова никак не укладывались взаимно исключающие, но одновременно находящиеся в Сабине черты характера. Поражала с одной стороны ее застенчивость и скромность, с другой – выслана ведь за проституцию.

Вздорными установками Клинов не страдал, нравственных вериг не носил, о прошлом не расспрашивал, чем, собственно, и приглянулся Сабине – этой питерской ночной бабочке.

Кроме порочной привлекательности, природа наделила ее страстным голосом – низким меццо-сопрано. И кто знает, не погасла ли в ночных полетах северной столицы эстрадная звезда?

Самодеятельное творчество, легкомысленное по сути, а тем более, здесь в ссылке, в этом временном для него крае, тем не менее, зацепило Клинова и он, тщательно скрывая, волновался и за себя и за меццо-сопрано: «Народ соберется вольный и независимый, не понравится – могут освистать».

– Пошли, покурим, – Клинов оставил гитару, взял Сабину за руку, достал Приму.

– Все будет нормально, – уверял командор, – голос у тебя то, что надо, тебе бы на эстраде петь.

– Я в школе пробовала и даже пела, но видно не судьба.

– А что так? – Клинова кольнуло тревожное предчувствие.

– Эх, как-нибудь потом расскажу. Пошли, прогоним песню еще раз.

…Сабина находилась на пороге сильных чувств. Разгорится страсть – не погасить. Но судьба не предусмотрела будущее у этой пары. Однако ничего здесь не поделать: слишком много тяжелого и даже неизлечимого привезла Са-

бина из родного Питера...

На площади, возле магазина, под палящим зноем, заканчивали сколачивать помост.

«Прямо-таки не помост, а эшафот, – обливаясь потом, волновался Федя»

Все это время маленькая, подрагивающая рука Сабины не отпускала горячую и влажную руку Клинова.

«Ну, вот, – командор ободряюще глянул на подружку, – нас вызывают, пошли».

С гитарой на ленте через плечо, находясь чуть сзади, Клинов, глядя на легкие завитки ее черных волос, самозабвенно аккомпанировал, восторгаясь меццо-сопрано. Он, словно понимал, а она будто знала и пела так, как можно спеть лишь один раз.

Командор не сомневался в успехе, он его чувствовал, но не представлял, что будут такие восторженные овации. После официальных и самодеятельных выступлений на берегу огромного водохранилища развернулось раздольное гулянье.

По водной глади, играющей бликами заходящего солнца, куда-то в степь, уносились голоса купающихся в теплых днепровских водах, и до глубокой ночи слышались песни.

Артисты, в одночасье ставшие народными любимцами, были в центре внимания. Они сидели недалеко от воды большим кругом, посередине тлел костер.

Сабина, изрядно выпившая, держала руку Клинова и, глядя в сторону, все повторяла:

– Ты только не уходи без меня.

– Хорошо, хорошо, – успокаивал трезвый, как стеклышко, командор, ему предстояло отработать смену и если звеньевой, не дай Бог, услышит алкоголь – позора не оберешься.

Что-то в настроении Сабины сильно беспокоило Клинова, и даже пугало. Смена с шести утра и ему давно надо было уйти, но удерживало это безотчетное гнетущее чувство.

В конце концов, оставив Сабину комсомольской руководительнице, которая, как впрочем, и все, была под градусом, Клинов с неясным и мрачным предчувствием ушел.

***

В вечерних сумерках Каховского водохранилища, все дальше уходя от костра и людей, Сабина долго брела вдоль берега. Следы ее босых ног на песке тут же слизывала мягкая днепровская вода.

Она остановилась и оглянулась: далеко, далеко, на горизонте, на разделе воды и чернеющего неба еще оставалась часть солнечного диска.

Сабина тихо вошла в воду и медленно поплыла к навсегда уходящему от нее багряному солнцу. Где-то там заканчивался самый красивый и последний ее день.

***

Было еще тепло, но по всему чувствовалось, что лето идет на убыль. Клинов втянулся в работу подземного слесаря, связка болеть перестала, да и новизны резко поубавилось.

«Ничего, немного осталось, – Клинов, признаться, уже начал скучать по Горному, приятелям, да и Верницкая вспоминалась, – видно не забыла, – считал командор».

Плато Расвумчорр

В середине октября Клинова, как человека, знающего монтаж подъемных машин, отправили в заполярный город Кировск, где находилось горно-химическое предприятие «Апатит». Из Днепрорудного вызвал его Дуганов.

«Хоть один человек будет свой», – успокоился Федор. Поздняя осень в заполярном городе Кольского полуострова холодная и пасмурная и совершенно не располагает к оптимизму.

Клинов нашел контору «Спецшахтопроходки», оформился, а точнее отметился, потому жить предстояло на плато Расвумчорр. А что это такое, как там на плато, живут, и кто там живет, он не знал, а расспрашивать было не у кого. Народ вокруг был суровый и неприветливый. «Специфика севера, – решил Клинов и вышел из конторы на улицу.

Мимо катили грузовики. В кузовах, лицом по ходу движения в серых стеганых ватниках и матерчатых шапках-ушанках, в несколько рядов сидели заключенные. Перед ними, прислонившись спиной к кабине водителя, в белом полушубке, с автоматом наперевес стоял охранник.

Жутковатая вереница лагерных машин, на фоне сумеречного времени, ошеломила Федора: «Тюрьма, лагерь, надзиратели, вышки, – все это здесь, рядом».

– Что, Клинов, мрачная картина?

– Ничего себе, – Клинов чуть не подпрыгнул, – Дуганов, это был он, какая встреча! Хорошо-то как, а я уж было засомневался: «А не махнуть ли мне отсюда сразу в родные пенаты!»

– А как же характеристика? – улыбался Дуганов.

– Теперь-то, что, раз ты здесь, значит, все будет нормально, а характеристику ты и напишешь.

– Напишу, обязательно напишу, - Дуганов тоже был рад встречи.

– А сейчас надо запастись водкой и едой. Нам с тобой и жить и работать в одном месте, на плато. Там, наверху, будет все рядом: подъемная машина, барак-столовая и барак, где спать. Режим жесткий: двенадцать часов работаем, двенадцать отдыхаем.

– Ну и сколько так вкалывать? – поинтересовался Клинов.

– Ты же знаешь, – успокоил Дуганов, – как в Железногорске, а при таком режиме, уложимся дней в десять.

Вахтовая «Татра» долго и медленно тянулась на подъем, и чем ближе становилось плато Расвумчорр, тем сильнее шел снег.

На плато снега было не меньше, чем полметра. Здесь он лежал давно. Если внизу, в Кировске, шел дождь и было довольно-таки холодно, то на Расвумчорре дул пронизывающий ледяной ветер. Между бараками натянуты канаты, держась за которые в метель, можно не потерявшись, добраться до любого из них.

Дуганов, приехавший тремя днями раньше, показал Клинову огромный барак, в котором размещались нары, устроенные в два этажа. Было их, по меньшей мере, штук пятнадцать.

– Так это ж, как в тюрьме, – Клинову стало не по себе.

– Ты угадал, – спокойно пояснял Дуганов. До того, как сюда пришла «Спецшахтопроходка», здесь жили и работали заключенные. Видел, наверное, внизу, как заключенные ездят на работу? Привыкнешь, – Дуганов показал их места в бараке. Клинов бросил на лежак второго яруса свой чемоданчик и продолжал молчать. Такого он никак не ожидал.

«Что, собственно, отличает меня от заключенного, – думал Клинов, – только то, что я передвигаюсь свободно. Фактически, и я без разрешения никуда двинуться не могу, следовательно, свобода-то моя весьма призрачная. А ведь я на самом деле в ссылке, и это безо всяких бравад.

Вот это да, – Клинов был сам не свой от новых открытий,

– это уже не игра. Все по правде: жили одни заключенные, теперь будут жить другие.

«Пошли, поедим, – Дуганов достал бутылку водки, и они отправились в барак, где размещалась столовая, и она тоже осталась от заключенных.

Светлое время суток на плато продолжалось всего несколько часов и становилось все короче. Вскоре, работая по двенадцать часов, они уже делили время на две части: работа и сон. Машины, за исключением вахтовой «Татры», ходили на плато раз в неделю. На Расвумчорре, на этом горном острове, была только работа да ледяные ветра.

Монтаж на подъемной машине шел быстро, сказывался навык, полученный Клиновым в Железногорске. Напарники собирали электрическую часть и автоматику. Они рассчитывали, что удастся уложиться даже не в десять дней, а меньше. Привыкли и к баракам, и к канатам между ними, и не прекращающимся метелям.

Вечеринка на плато

Как-то, к концу смены Дуганов сказал:

– Закругляйся, студент, на сегодня все, хватит, заканчивай, – и ушел переодеваться.

– Что случилось? – удивился Клинов, сложил инструмент и направился в раздевалку.

– Сегодня гуляем. Здесь, на плато. Бреясь, Дуганов продолжал, – за складом стоят вагончики геологов. Будут девчонки из столовой. День рождения у одного геолога, бери с собой гитару.

Нет ничего лучше, вот так, экспромтом, вдруг сесть за накрытый, умелой женской рукой стол, находиться среди улыбающихся людей, многих из которых ты видишь первый раз…

Когда построят шахтный ствол, для которого Дуганов и Клинов монтировал подъемную машину, на плато, кроме скальных экскаваторов и стотонных самосвалов, никого не будет. Через ствол или, правильнее, рудоспуск, вниз будут спускать апатитовую руду, а глубина рудоспуска будет с каждым днем становиться все меньше и меньше.

Но это, заметим, сказано, исключительно для того, чтобы сделать небольшую разрядку, перед тем, как перейти к дню рождения в вечных снегах на высоте 1200 метров над уровнем моря.

По правде сказать, день рождения не более чем повод, потому что геолога, кроме его приятеля маркшейдера, никто и не знал. Впрочем, выпить хотели все и, не будь этого повода, нашелся бы другой.

Намеченное мероприятие имело некоторые особенности и, прежде всего, это высота, о которой уже было сказано.

Снег и метель также окажут определенное влияние на последующие события, но, пожалуй, самым рискованным об-

стоятельством явилось то, что участники праздника не знали друг друга.

Что же касается опасных происшествий, то ничего нового, кроме банального *cherchez la femme*, лучше сказать нельзя.

Геолог с маркшейдером пригласили столовских девушек с раздачи, те – подружек из кухни, тогда понадобились мужчины. Лучше всех смотрелись брюнет Дуганов, и гитарист Клинов. В конечном счете, образовалась разношерстная компания, которая и расположилась в одном из геологических вагончиков на отшибе плато.

Геологу отмечали двадцать семь лет, его поздравляли, выпивали, курили, знакомились. Клинов разыгрывался на гитаре, бойкая девица с раздачи, не отходила от Дуганова.

Вместительный, разделенный на несколько отделений, вагончик отапливался мощным электрическим обогревателем. Отключался он автоматически при тридцати градусах тепла, поэтому жара стояла невыносимая. Открывали дверь, но становилось холодно, ее закрывали, тогда девок мутило от духоты.

Развлекая блатными песнями пьяную компанию, Клинов, не выпуская сигареты из уголка рта, рассматривал девчонок, отмечая, что будь он трезвым, то вряд ли какая из них его заинтересовала. Но вот маленькая веселая обезьянка – маркшейдерская девица – явно ему симпатизировала. Она это ясно давала понять, и Клинов ее посыл принял.

К ночи Дуганов с раздатчицей ушел искать уединенное

место. Привалившись к холодной стенке вагончика, спали два пьяных монтажника. За столом еще пили, а вот геолога не было. Геолог часто выходил из вагончика, курил, маркшейдер его возвращал, мрачнел, наливал себе водки, пил и не пьянел.

«Маркшейдер снова ушел за геологом, это хорошо, – отмечал пьяный командор». Мысль о мрачном маркшейдере, всвязи с веселой обезьянкой, беспокоила студента, а та продолжала строить ему глазки.

«Кто знает, что у этого, непьянеющего мужика на уме, как бы не нарваться и не схлопотать. И было бы из-за кого! Дуганова нет, нечего и мне тут оставаться, – Клинов сунул гитару в чехол, встал.

– Ты это куда?- всполошилась обезьянка, – а как же я, – она откровенно смотрела на Клинова.

– Куда, куда, нечего тут делать, видишь, народ-то почти весь разошелся.

Клинов уже надевал телогрейку, когда в вагончик, без шапки, ввалился маркшейдер. Зыркнув на обезьянку так, что студенту стало не по себе, он крикнул:

– Геолога не видали?

– Нет, не видали, – обезьянка поняла, что-то случилось, – здесь его нет.

Выскочив из вагончика с гитарой в расстегнутой телогрейке, Клинов

растерялся и остановился. Сильный ветер и слепящий

снег сразу отрезвили.

Тотчас за ним с курткой в руке показалась девица: «Бежим отсюда, скорей! – обезьянку трясло от страха, – маркшейдер озверел».

***

Проснулся Клинов от двух выстрелов, прогремевших один за другим. «Дуплет, двенадцатый калибр, – безошибочно определил командор.

Стреляли буквально за стеной, а точнее в стенку вагончика. Он зажег спичку. Рядом, под тремя одеялами, на голом матрасе, тряслась обезумевшая обезьянка. Они находились в пустом, холодном вагончике, куда, видимо, ушли со дня рождения.

«Стреляет из охотничьего ружья, – быстро трезвея, соображал Клинов, – если перезарядит, значит у него есть патроны, а это плохо». Но выстрелов больше не последовало. Подождав, они осторожно вышли. Темно и тихо, без метели и ветра.

***

– Значит так, студент, – Дуганов ждал Клинова у входа в здание подъемной машины, – пришла машина со сменой и сейчас уходит вниз. Бери чемодан, лезь в «Татру» и жди

меня в Кировске, там все расскажу.

Дуганов появился только к обеду. Клинов, мучаясь жаждой, терпеливо ждал его в конторе «Спецшахтопроходки».

– Ну, что там? – изнывая от любопытства, обеспокоенно спросил Клинов.

– Сейчас все успокоилось.

Дуганов, как всегда, невозмутимый, спокойно рассказал о событиях прошедшей ночи.

– Если ты не забыл, я первый ушел с раздатчицей. Хорошо, хоть она оказалась ничьей. А вот твоя девка, оказывается, давно дружит с маркшейдером, говорят у них серьезно. Видно, очень ты зацепил ее своей гитарой.

– Кто же тебе все это в таких подробностях рассказал? – Федя заметно нервничал. Он только теперь понял, какую опасность избежал. Поглядев на плечистого энергетика, такому никакой маркшейдер не опасен, Клинов замолк. Дуганов, глядя, как волнуется студент, откровенно посмеиваясь, продолжил: Плато ведь очень маленькое, да и Кировск невелик, тут только зеки и командировочные, всякий новенький на виду, а мне все рассказала моя, с раздачи.

Ну, так вот, геолог напился и ушел, а ты же помнишь, какая метель мела. Маркшейдер, закадычный друг геолога, охотник, когда выпьет, впадает в дурь, то есть может схватить, что под руку подвернется и, не раздумывая, по башке.

Увидел маркшейдер, что друга нет, и пошел его искать. Где искал, и как – неизвестно, только объявился он в сто-

ловой, на кухне. Кончилось все дракой. На кухне выпивали монтажники. Маркшейдер к ним ввалился, мол, где моя? Это та, с которой ты ушел, – пояснил Дуганов. Ему - соответственно, - «иди отсюда», - он – в драку. Его связали, оттащили и заперли.

– А, геолога нашли?

– Не знаю, – сказал Дуганов. Когда я уезжал, его искали. Говорят, что он и еще несколько человек уже не раз, на спор, спускались в Кировск с плато Расвумчорр своим ходом.

Да не волнуйся, ты так, найдут. Ты вот, что: «Как можно быстрей, отправляйся в Апатиты, покупай билет, твой шестнадцатый поезд «Арктика» до Москвы уходит часа в четыре дня».

– А ты мне характеристику напишешь?

– Так я и приехал для этого, – Дуганов снял полушубок и сел за конторский стол.

С легкостью на душе и мыслью о Верницкой Клинов смотрел из окна шестнадцатого поезда. Все позади, осталась лишь приятная грусть, да наивная мысль, что сюда он никогда больше не вернется.

Татьянин день

Татьянин день

А если в час рассвета утром
ранним, услышишь ты или узнаешь
вдруг,
Что твой товарищ болен или ранен,
или наветом унижен друг,
Приди к нему по морю и по суше и
как тогда в далекие года,
Отдай ему рубаху руку душу, все,
что ты сможешь, другу отдай

Гулять, так гулять

В слабо освещенном вагоне электрички всего несколько человек, час пик впереди. Янич и Клинов устроились напротив друг друга и огляделись: за окном, подернутым заиндевевшим туманом, быстро наступали зимние сумерки.

Был вторник четвертой недели января, а закадычные друзья продолжали гулять еще с Татьяниного дня. На прошлой неделе, в пятницу, завершилась зимняя сессия, которую легкой не назовешь, но и трудной ее эти парни не считали.

Они уже перешагнули за ту черту, когда у студента еще остается беспокойство: не завалить бы сессию, не отчислили, не дай Бог, да и вообще, не случилось бы чего.

Янич и Клинов на четвертом курсе, когда студент опытен, расчетлив и уверен в себе. Преподавательский корпус начинает проявлять к нему интерес и элементы уважения, а некоторым, избранным, конечно, могут быть сделаны лестные предложения прийти на кафедру, а там, глядишь, и в аспирантуру.

Далеко ходить не надо: Янича, отличившегося на защите курсового проекта по дальней связи (начинал-то он, между прочим, в Бауманке) настойчиво звали остаться после окончания института на кафедре электронных систем. Нет, не захотел, хотя впоследствии, именно в дальних связях Янич и преуспел. Да что там тогда, он по связям и сейчас даст вперед сто очков любому!

В этот морозный январский день, в чеховской электричке, он уверенно и изящно проявил свой талант по связям, подсев к весьма интересной особе. Она, по-видимому, была издалека и, скажу я вам, по всем статьям хороша. Что же касается тонких материй, то уж, извольте у самого Янича спросить. Может быть он с Вами и поделится. Мне же, его давнишнему приятелю, лишь под большим секретом, было сказано: «Знаешь, приятель, давненько я таких статных не встречал». Так что, об остальном можно только догадываться.

Между тем, поезд продолжает свой пересчет засыпанных снегом шпал и остановок. От мысли о лютой стуже, что царствует за окном, аж передергивает ознобом, поэтому ехать хорошо. Чехов будет часа через полтора, не раньше. В ва-

гоне, понемногу появляются люди, они с мороза, который к вечеру крепчает.

– Ну и дубак сегодня, не меньше двадцати, пожалуй, – то растирая замерзшие щеки, то дуя в холодные руки, как бы сам себе, заметил средних лет человек в осеннем пальто и меховой кепке.

– Вот в таких шарфиках обычно замерзают, – доброжелательно заметил Клинов. Он жестом пригласил интеллигента сесть и обернулся к приятелю:

– Ян, доставай бутылку!

Эта мысль - выпить водки и без замерзшего интеллигента давно витала в воздухе. Просто был нужен такой вот посыл, пусть даже в виде этого в кепке, тем более, что Клинов был приверженец кепок и знал в них толк.

Правда, когда его брали на Маяковке за побитого художника Закитаева (дело было тоже зимой), тогда еще Клинов носил шляпу, но, скажем откровенно, после той знаменательной истории, которая послужила началом новых, захватывающих событий, шляп больше не носил, надел кепку, да так и поныне.

Ну и уж коли, упомянуты головные уборы, то самый раз отметить, что на Яниче полубоярский пирожок, Клинов же удовольствовался простой ушанкой из кролика.

Интеллигент, радуясь приглашению, присел, расстегнул пальто, а когда открыли бутылку, раздобыл у кого-то стаканчик и ему налили первому. Сняв меховую кепку, он сказал,

что зовут его Андреем, и выпил одним залпом.

«Нормально поддает», – поощрительно оценил Янич, снова налил и отдал Клинову.

Клинов с отвращением понимал, что выпить придется, а не хотелось.

Еще пару часов назад, у Янича дома, под пачку пельменей, они употребили и надо сказать, довольно быстро, две бутылки водки.

Вряд ли бывалый человек ошибется, если предположит, что после двух-то бутылок, да на двоих, самый раз парням пригласить или отправиться к девочкам, а еще лучше, отправиться к любимым девушкам.

И он, конечно, не ошибся: парни действительно отправились к своим девушкам. Беда только в том, что желанные девушки в это время были далеко, в доме отдыха, за Чеховым.

***

А ведь они могли бы и не катить по морозу за тридевять земель, а обратиться к испытанным, проверенным и всегда готовым Рыбкам. Это были две симпатичные, хотя и без затей, девицы. Обе рыбки относились к тем, что плывут сами к вам, а не вы за ними.

Как-то, тоже в зимнюю стужу, занесло приятелей в кафе «Рыбка» на Покровке, где и состоялось легкомысленное знакомство. Стройненькая Верка работала на кухне, а другая –

сдобная Ирка, ей приглянулся Ян, служила официанткой в зале. Оценив ладно скроенных, к тому же веселых парней, Ирка Верке и говорит: «Знаешь, подруга, вот такие ребята нам и нужны!». Дело - житейское, сказано – сделано, да только оказалось, что не просто так девочки заинтересовались и познакомились.

Для разгуляев студенты пользовались дачей в Сходне, правда, Яничи - старшие были всегда сильно против, да кто ж их спрашивал.

Приехали, перелезли через забор, дальше сугробами к дому. Агрегат привычно извлекает фрамужное стекло над дверью, исхитрился (строен еще был, чертяка) проникнуть внутрь, повис головой вниз, приземлился, открыл дверь.

Ну, а дальше, и так понятно: топится печь, режется колбаса, водка – в стаканы. Работает трофейный «Телефункен». Тихо звучит блюз, иногда что-то из голоса Америки, иногда из Би-Би-Си, хорошо, что на этих частотах вражеские голоса не глушили.

Глядь, а Верка достает из своей сумки и стелет простыню, парни делают лица удивленными, но вида не подают, а вслед за Веркой тоже повторяет и Ирка. Девки смущенно и даже несколько нервно, смеются и из-за чего-то, сильнейшим образом волнуются.

Все оказалось просто, как мир, как когда-то на Руси, а может еще где-то. Прощались девочки с невинностью. Не впопыхах, как у многих, а с отборными или, как выразилась Ир-

ка – породистыми, видно, чтобы потом вспомнить было приятно.

***

Парни закончили с пельменями, Клинов забежал за гитарой, и студенты двинули на Курский вокзал, а теперь вот сидят себе и бесшабашно пьют со скорбным интеллигентом в меховой кепке. Янич сочувственно смотрел на отрицательное выражение друга.

– Не могу, вырвет, – с тоской сказал Клинов.

– Да кто ж тебя вырвет, тут все свои, давай, Федя, не тяни, водка стынет, да и не один ты тут, вон смотри, Андрею уже захорошело, – не унимался Янич.

– Попил бы с наше, не захорошело бы, – мелькнуло, где-то в сознании, но быстро исчезло, потому, что водка уже попала куда надо и образуя приятное по телу тепло, создала благостное состояние.

Бутылку допили и тут услыхали, как где-то рядом сказали: «Чехов».

Да, это был Чехов.

Поле, ветер, огоньки

Андрей в своем летнем шарфике покатил дальше по курскому направлению к безнадежной любви, от которой у него

подрастал сын. С ним они жили вдвоем, а любимая же (теперь диспетчер автобазы) живет, понятное дело, с другим - с шофером, конечно.

Когда в мутном окне мелькнул силуэт интеллигента на платформе, Клинов задал себе вопрос: «Почему хорошие мужики всегда неудачники?» Вопрос остался без ответа…

Чехов запомнился совершенно невозможным холодом, ветром, тут же проникшим внутрь через пижонские брючки молодцов и огромной очередью за водкой.

Водка продавалась до семи вечера, оставалось всего ничего, однако, просто так, без ничего, ехать было нельзя.

– Позвольте! - зычным голосом рявкнул Янич и ввинтился в плотную массу страждущей очереди.

– Ух, ты, смотри-ка! Ты это куда, умник, прешь без очереди, – заныл противным голосом плюгавый мужичок.

– Сам ты без очереди, – Янич наклонился к мужичку, тихо и внятно, на нижних частотах, отрезал, – заткнись, тереха!

– Она мне сдачи не дала, – хорошо поставленным голосом добавил он в очередь, при этом Янич помахал двумя рублями над головой.

– Точно, точно, пользуется, что тут полно народу, – раздались голоса.

Янич протиснулся к стеклянной витрине и протянул красненький червонец.

– Красавица, дай пару бутылей.

Красавица, которая красавицей не была, будто и не слы-

шит.

– Ну, девушка, Татьянин день гуляем, ваш, между прочим, день, – снова заулыбался Агрегат.

– Значит, говоришь, сдачу не дала.

Лицо Татьяны носило следы недавней бурной ночи, хотя от этого ухмыляющегося парня она б и сейчас не отказалась.

– Придется дать красавчику, – двусмысленно подумала она и протянула ему две бутылки.

Пока Янич добывал водку, Клинов, оберегая гитару, купил мятные пряники.

***

Старый, разбитый ПАЗ медленно тащился, кряхтя и надрывно воя на подъемах. Дряхлый автобус трясло и бросало на неровностях обледенелой дороги, кидало из стороны в сторону и привычных ко всему пассажиров.

Люди, а это были они, непроизвольно раскачивались в такт с болтанкой на кривой дороге, смущенно улыбались друг другу, извинялись и старались сохранять дружелюбное равновесие.

В старой развалине автобусная печь была единственным неизношенным устройством и, надо сказать, работала лучше, чем надо.

Быстро согревшихся студентов, не первый день гуляющих Татьянин день, стало развозить. Сказывались обильные воз-

лияния.

Янич сел в конце автобуса рядом с крупной дамой. Сначала его клонило к ее широкому плечу, потом он на нем же и заснул. Судя по всему, дама не возражала, но ее периодически подкидывало на неровностях дороги. Агрегат недовольно мычал, сладко причмокивал и снова укладывался на обширное плечо.

Клинов не спал. Он всецело был занят соседкой у окна.

– Добрый вечер, девушка, – сказал он заплетающимся языком, – не скажете, когда мы приедем в Катуар?

Она с испугом посмотрела на пьяного соседа. Их взгляды встретились, и командору хватило этого мгновения, чтобы увидеть, что она недурна собой, что глаза усталые и главное, она не скрывала своей неприязни к нему. Пьяный, пьяный, но он все-таки сообразил, что его принимают за сумасшедшего.

– Простите меня, я ошибся. Мы с товарищем, – Клинов махнул рукой назад, – едем к друзьям в дом отдыха, а я забыл, как он называется и где находится, – командор помолчал и неожиданно добавил, – меня зовут Федот, да не тот!

Девица ничего не ответила и продолжала смотреть в окно.

– Какая-то вы неразговорчивая, девушка. Может быть вас зовут Татьяна, а? – Сегодня же Татьянин день!

Тут ПАЗик качнул ее к Клинову. От студента так понесло свежей водкой, что девице нестерпимо захотелось выпить.

Идиллическую картину испортил юноша с бледным ли-

цом и синими глазами. Человек строгих правил, в школе он был бессменным старостой класса, правда, в части тяги к знаниям страдал невосприимчивостью. Во всем остальном являл пример для подражания: старшим уступал место, старушек переводил через улицу, к девушкам руки под юбки сразу не запускал, что же касается выпивки, то ни-ни, то есть никогда и ни за что. Вот такой.

Ну и отсюда понятно, что вольности студентов ему не понравились, и он решил, что пора сделать первое серьезное предупреждение, что, мол, не надо приставать к незнакомой девушке.

Конечно, не без личной заинтересованности возникло смелое решение: минуло два года с того знаменательного дня, когда он, Виктор Хоботов, секретарь комитета комсомола школы, сделал предложение скромной, кареглазой Валентине Скороходовой, с которой они вместе окончили школу. Претендент был уверен в положительном ответе, но Валя тихим голосом отказала, потому что надеялась выйти замуж за Носова и родить два мальчика…

Клинов напротив, считал, что только к незнакомым девушкам и надо приставать, потому что со знакомыми и так все ясно. Несмотря на все старания пьяного гитариста, Валечка ни в какую не соглашалась знакомиться и продолжала отрешенно смотреть в замерзшее окно автобуса.

«Видимо, у нее что-то с лицом, – решил Клинов и попытался ее обнять». Ну, сами понимаете, хотел, как лучше.

Бледный юноша с синими глазами встал и, раскачиваясь вместе с автобусом, двинулся к нахалу.

– Прекратите приставанить, – нервным фальцетом потребовал секретарь комитета, – чего привастани, от волнения слова у него переплетались, принастава к девушке, – держась за поручень, он позвал: «Валя, пересаживайся от него.

– Тебе, заикастый, что, больше всех надо, – перебил его Клинов, начиная типичную для таких случаев прелюдию, – мы с Валечкой хотим спеть дуэтом под гитару.

По правде сказать, Клинов был задирист, хотя в драках ему доставалось больше всех. Не удался он по этой части, и бывало, страдал от своего легкомыслия. Тут же был Янич, Агрегатом его звали не зря, силищей обладал незаурядной, с ним Клинов всегда был спокоен.

Пазик продолжало болтать на ледяных ухабах, а его пассажиров нещадно жарила новенькая печь.

Пока юноша готовил второе серьезное предупреждение, неожиданно раздался густой бас дородной дамы с обширным плечом: «Эти оба обалдуя пьяные, я их еще в Чехове в магазине видела, они там тоже скандалили!»

И тому была вполне понятная причина.

Дело в том, что пригревшись на ее плече, Яничу видно причудилось невесть что и он, пристраиваясь поудобнее, запустил лапу в ее расстегнутое пальто, очевидно желая быть ближе к обширным перси, но не тут-то было!

Сброшенный с удобного плеча, Янич хотел было ее успо-

коить, но тетка была в гневе.

В жарком автобусе назрел бунт. Заявление возмущенной дамы пассажиры расценили, как приглашение предать студентов остракизму. Бунт возглавил водитель и остановил развалину посреди снежного раздолья.

«…Поле, ветер, огоньки, дальняя дорога, сердце бьется от тоски, на душе тревога…»

Изгнанию подверглись трое: два студента и, как оказалось впоследствии, киномеханик, тот самый бледный юноша с синими глазами.

Бойцы

Автобус ушел, а возмущенный несправедливостью киномеханик бросился на Клинова с кулаками. Они схватились за грудки и покатились в глубокий дорожный откос, увлекая с собой в снежной пурге и гитару, и мятные пряники, да еще коробки с отечественным фильмом «Беременный милиционер».

– Эй, – орал Янич в заснеженное безмолвие, – вылезайте! Клинов, идти можете?

Киномеханик, забыв про обидчика, собирал бобины с кинолентами, рассыпанные по откосу.

– Давай помогу, – Клинову от души было жалко юношу.

– Пошел бы ты! – отвернувшись, и чуть не плача, с досадой крикнул юноша.

И тут Клинов поймал себя на том, что гитары с ним нет: «Все! Разбил, пока катились с этим праведником».

Предположения подтвердились: отломанный от деки гриф гитары, беспомощно свешивался в матерчатом чехле. Клинов даже смотреть на это не мог – уж очень расстроился.

– Не горюй, Федя, купим тебе новую гитару!

Янич достал бутылку, отпил и передал Клинову.

– Помяни подругу, она тебе неплохо послужила, к тому же была тебе верна!

– Агрегат, ты бы спустился к киномеханику. Помоги ему собрать бобины. Меня он просто видеть не может, а мне его жалко!

Когда Янич с киномехаником вернулись, Клинов обратился к юноше с прочувствованной речью.

– Я должен извиниться за свое хамское поведение, не обессудь: пьем с приятелем который день, Татьянин день гуляем. Прости меня, нас!

– Да я что, я ничего против не имею, просто я думал…, я хотел… ну вобщем мы с Валей вместе учились…,– губы юноши подрагивали, его била дрожь.

– Вот это да, – воскликнул Янич, – женские происки и интриги, слышишь Клинов, прямо-таки наваждение какое-то.

– Парень, – командор взял бутылку у Янича, – ну-ка, давай быстро пару глотков, а то не ровен час, околеешь тут с нами, давай, давай, пей!

Юноша выпил, поперхнулся, но гуляки потребовали по-

вторить и он сделал еще несколько глотков.

Стало лучше. Кругом ни души. Только звезды, да тишина со снежным хрустом под ногами.

Ссадили их где-то в поле! А что делать? Придется идти, и они пошли.

В поселке киномеханик исчез, а студенты никак не могли взять в толк, куда их занесло, и в нужном ли направлении идут или в совсем другую, противоположную от цели, сторону. Спросить бы, да не у кого – поселок будто вымер.

Крепнувший мороз проникал не только в пижонские брючки, от холода стягивало лицо, руки в кожаных перчатках одеревенели.

– Клинов, давай за мной, стучи в окна, иначе дуба здесь дадим, – крикнул Янич, и они бегом бросились к какому-то зданию.

Янич грохотал по двери ничего не чувствующими кулаками, потом они стучали вдвоем башмаками, повернувшись спинами к двери, но все без толку.

Их оставили замерзать, а они хотели одного – не отморозить руки, ноги, ну и, сами понимаете, остальные важные части. Янич, по глубокому снегу добрался до широкого окна.

– Кажется больница, может быть поликлиника, да какая сейчас разница, – он локтем выбил стекло рамы, выдернул осколки, – Федька, давай за мной, – и залез внутрь помещения.

Да, это была больница. Они крадучись, прошли в прием-

ный покой. В полутемном помещении было тепло. Возле стены стоял большой железный стол, Клинов забрался на него и сразу заснул. Проснулся он оттого, что Янич его тормошил.

– Вставай, бежать надо, мужик пришел, наверное, дежурный.

– Где, какой мужик? – Клинов плохо соображал, всматривался в полумрак приемного покоя, но никакого мужика не видел.

– Да давай, вставай, твою мать, бежать надо, мужик вон он, лежит.

Клинов посмотрел в ту сторону и смутно увидел что-то темное.

– Ты что, убил, что ли его?

– Да не убил, не бзд, прямой в челюсть и все, сейчас может очухаться.

Студенты пулей выскочили через разбитое окно, и не разбирая дороги, пустились бежать, подгоняемые страхом и жутким холодом. Задыхаясь, они прибежали к каменному забору.

Если бы этот забор они увидели где-нибудь в другом месте, в другой, спокойный час, то вряд ли поверили, что смогли там, в снегу, измученные алкоголем и морозом, махнуть на такую высоту.

Взять-то высоту взяли, да вот на другой стороне встреч с кем бы то ни было, ну никак не ожидали.

Встав приятелю на спину, Клинов махнул через каменную

ограду первым, Янич же, как человек тренированный, взял высоту без затруднений. Но еще в полете он увидел две подозрительные тени.

Коренастые мужики в ватниках крутили Клинову руки. Приземлившись, Агрегат, коротким и сильным ударом в челюсть обездвижил того, кто был ближе. Его обмякшее тело легло в снег и больше не мешало.

Второй не стал дожидаться нокаута, оставил Клинова в покое и исчез. Бойцы побежали дальше мимо деревянных бараков.

– Как бы не собрали эти ватники своих товарищей.

– Да, найти им тут нас, пару пустяков, наваляют – будь здоров, как бы еще не повредили чего.

– Давай-ка, Янич, заворачивать куда угодно, лишь бы тепло, сил больше нет.

И друзья завернули к деревянному двухэтажному дому, что стоял прямо на деревенской площади. Рассматривать было некогда, и они вошли в приотворенную дверь.

***

Площадь с деревянным двухэтажным домом, куда стужей занесло непрошенных гостей, была центром крошечного санаторно-курортного поселка. Здесь жил обслуживающий персонал. Работы хватало: два санатория и четыре дома отдыха, летом прибавлялись лагеря, пионерские, конечно, и

детские сады из Москвы.

«Сто лет бы не видать этой Москвы, – говаривал местный народ, уж очень не любят здесь столичную публику».

***

Грозная весть о пришельцах, которые вот, вот нагрянут, и которые уже успели избить и ограбить киномеханика, прилетела раньше, чем студенты пересекли границу этой крошечной страны.

Дородная дама, пылая гневом, бросив сумки на остановке, влетела в милицию.

– Иван Семеныч, – басила дама, – бандиты Витька, нашего киномеханика, только что вытащили из автобуса, не дай бог, они чего с ним сделают.

– Успокойся, Петровна, расскажи по порядку, что за бандиты, где ты их видела?

– Один, ну прямо бугай, – Петровне с приятностью почудилась здоровенная лапа под грудью, – а другой, – тут она восстановила образ командора, – все Вальку лапал, второй, точно наводчик. Я видела, как они к Тетеркиным в дом вошли.

– Надо бы, Семеныч, предпринять, не то натворят паршивцы чего, –поддакивал водитель пазика Кузьма Абрамыч.

В отделении, где только что царили тишина и покой, обстановка приближалась к боевой. «Надо звать резерв и дру-

жинников»,- размышлял Иван Семенович.

А пока начальник милиции готовил оборону, прибежала одноклассница киномеханика, та, что не хотела петь и не знала, где Катуар.

– Иван Семеныч, там, Витек, киномеханик, весь в крови и пьяный, на него двое еще в автобусе напали, ничего не соображает, домой не дойдет.

– Значит так, – начальник милиции поднялся, надел форменную шапку с кокардой, на секунду задумался, потом открыл сейф и достал пистолет. Так. Он снова задумался, потом распорядился:

– Абрамыч, вы с Валькой тащите киномеханика сюда, а мы возьмем этих гастролеров.

Витек в самом деле был плох. Столько водки, да еще из горла, он никогда не пил. Помятый Клиновым в дорожном косогоре, оглушенный водкой, киномеханик с кинолентами некоторое время плелся за студентами, а потом пропал. Возле Валькиного дома он ослаб, присел и задремал.

Валентина с водителем втащили окоченевшего парня и уложили отогреваться в пустой камере предварительного заключения.

Пришли дружинники.

«Оба в ватниках и под мухой, – отметил про себя, Семеныч: «Но других нет, сойдут и эти».

Все было готово для поимки гастролеров.

***

Клинов и Янич вошли в приоткрытую дверь двухэтажного дома на деревенской площади. Вверх вела лестница, было тепло и темно.

Бережно ступая по старым ступенькам, опасаясь себя обнаружить из-за их скрипучести, приятели поднялись и уперлись в еще одну дверь.

– Ну, чего встал? Двигай дальше, – шипел Клинов.

– Не вляпаться бы, ни черта не видно.

Агрегат нащупал ручку, и дверь открылась. У гостей перехватило дыхание, они замерли, вслушались, постояли в звонкой тишине и, слегка успокоившись, продолжили путь.

«Слышишь, Клин, пахнет-то как вкусно, – шелестел Янич».

В эти минуты он, совершенно измученный, разомлевший и голодный, знал точно, отсюда он уже никуда не пойдет.

В кромешной тьме, ориентируясь исключительно по свежему и густому запаху не то щей, не то борща, они топтались на месте. Клинов осторожно поводил рукой по сторонам и наткнулся на настенный шкафчик, затем нащупал кухонный стол.

– Ян, – радостно шептал он приятелю в ухо, – мы на кухне, с утра щи будем хлебать!

Студенты улеглись на пол, Янич сунул под голову полубоярский пирожок, Клинов же, прижимая к себе сломанную

гитару, удовольствовался кроличьей шапкой. И тут же приятели улетели в другой, безопасный и красивый мир.

Наваждение

Янич стоял на стартовой тумбочке перед уходящей вдаль дорожкой огромного бассейна.

«Эта дорожка моя, слева – канадца, справа – немца, они в классных плавках. Так-так, а что ж это я еще тренировочный костюм не снял? – задался вопросом Агрегат, и поискал глазами своего тренера.

Тренера он не нашел, но увидел дородную даму из автобуса. Она стояла, пьяно покачиваясь, очень близко к краю бассейна в желтом кимоно и меховой кепке.

«Вот баба, ей, что международные соревнования, что в Чехове пить. И с какой это стати она тренер? Она же и плавать не умеет, - негодовал Агрегат».

Здесь уместно заметить, что Янич не только умел плавать, он умел плавать хорошо, более того, имел мастерский уровень и участвовал в разных соревнованиях

Янич поглядел на огромное световое табло и прочитал: «Чехов». Тут же табло погасло, затем зажглось снова ослепительным светом. Агрегат зажмурился и попросил выключить свет, но его не услыхали, тогда он собрался с силами и крикнул: «Выключите, наконец, свет!»

Свет продолжал слепить глаза, бассейн с дамой исчез, а на Янича смотрело черное дуло пистолета.

«Все, замели, сдала дама! – решил он.

***

Клинов в черном фраке, белой манишке, узких черных туфлях, ничего лишнего, расположился на банкетке в старинном кабинете. По стенам, в витых канделябрах горели свечи, оплавляясь и потрескивая желтым огнем.

Где-то рядом тихо звучала серенада Шуберта.

«Эх, слушал бы и слушал, только вот самому сыграть пока не удается, – мечтал франт. Эта легкая и приятная мысль вдруг споткнулась о простое, но сильное желание, что-нибудь съесть: сильнейший аромат наваристого борща с мясом бил в нос.

В откровенно облегающем длинном платье, неожиданно появилась молодая женщина. Приглядевшись, Клинов сделал неожиданное открытие: это была девица из автобуса!

Ее русые волосы убрана наверх. «Девка, просто блеск, женюсь! – восхищался Клинов. Между тем, девица несла гитару. «Надо же, – мелькнула мысль, – гитара, оказывается, цела, и гриф на месте!».

Девица присела рядом, протянула гитару: «Давно не пели, милый».

Но какие же тут песни: становится нестерпимо жарко, пот

струйками бежит по спине. Он трогает струны, но звуков не слышно. Тронул еще

раз и снова – ничего, обернулся было к девице, но та уже шла к двери.

Клинов прилег на банкетке, прикрыл глаза, в тот же момент свечи вспыхнули ослепительным светом, и кто-то грубым голосом гаркнул:

«А ну, бандиты, вставайте!»

Маленькая кухня Тетеркиного дома не смогла вместить группу захвата, поэтому двум дружинникам, готовым к схватке, пришлось толкаться на лестнице.

«Стойте здесь, – тихо скомандовал Семеныч, – в случае чего, валите и вяжите бандитов».

***

С яркой мыслью о кружке холодной воды, Янич очнулся первым, огляделся: рядом, на общем деревянном помосте, в пальто и с кроликом под головой тихо сопел Клинов. У двери в камеру, и тут Агрегат глазам своим не поверил: свернувшись калачиком, накрывшись с головой, спал разутый киномеханик.

Янич потянулся и сел, оказывается, ремня на нем нет, как нет и шнурков в ботинках. Придерживая сваливающиеся штаны, он подошел к бачку, в алюминиевую кружку на цепи налил холодной воды и с подлинным наслаждением выпил

всю воду до последней капли. Взгляд его прояснился, появилась даже резкость.

Тусклая лампа слабо освещала чистую, свежеокрашенную камеру предварительного заключения. Через узкое зарешеченное окно под потолком еле-еле пробивался рассвет.

Тишину разрушил лязг засова. Вошел Семеныч и зычным голосом сказал: «На выход, студенты!»

Помятые и нетрезвые Янич и Клинов, опустив головы, стояли перед начальником отделения милиции и покорно слушали суровую речь.

Семеныч, мужик веселый и незлобивый, сказал, все, что обычно говорят старшие нашкодившей ребятне, и выдал изъятое из карманов барахло, раненую гитару, студенческие удостоверения и пряники. Без объяснений была реквизирована, только чудом сохранившаяся бутылка водки.

Друзья стояли на высоком крыльце милиции. Мороза, как не бывало. Зимнее солнце, чуть поднявшееся над горизонтом, коснулось их своими первыми лучами.

Янич расправил плечи, крякнул, хлопнул Клинова по плечу: «Ничто не может нас вышибить из седла!».

И они двинулись туда, где возможно, их еще ждут.

Горная школа

В родных пенатах

Тульская эпопея закончилась. Отучившись два года в оружейном городе, Федор перевелся в Московский горный институт. Как и в Туле, занятия шалопая не обременяли: лекции он не посещал, а на практических занятиях бывал редко. Однако был смышленым студентом и всегда получал стипендию.

Настырная дама кафедры политэкономии, не раз отмечавшая отсутствие вольного студента, однажды возмутившись, заявила: «Если на следующем семинаре его не будет, к экзаменационной сессии не допущу, останется без стипендии!»

Угроза возымела действие. К семинару Клинов полистал ключевое сочинение «Материализм и эмпириокритицизм» – главную работу Ленина по философии. На семинаре дама-преподаватель, улыбаясь с нескрываемым ехидством, предложила прогульщику рассказать, как он понимает упомянутую работу вождя.

Молодой повеса, нисколько не смущаясь, изложил достаточно близко к тексту несколько тезисов, чем явно озадачил и даже в какой-то степени обрадовал коммунистическую даму. Затем, помолчав, вдруг понес совершенно несусветное:

«Я внимательно прочитал знаменитый труд и, прежде всего, был удивлен тем обстоятельством, что какой-либо стройной концепции найти не сумел. Автор спорит с другими писателями по весьма запутанной и малопонятной философской теме, и разобраться, кто из них прав, невозможно!»

В аудитории повисла неловкая и тревожная тишина, прерванная звонком на перерыв. К экзаменам Клинова допустили, стипендии не лишили. Незадолго до дипломного проекта дама-преподаватель спросила выпускника: «Не хотели бы вы после института поступить в аспирантуру кафедры политэкономии? Через три года станете кандидатом наук, потом доцентом, зарплата более пятисот рублей».

Выпускник улыбнулся: «Спасибо, но я распределился в Донбасс, буду работать на строительстве угольной шахты!»

Существенную часть студенческой жизни Федора занимали халтуры. Именно так лабухи – контингент, владеющий музыкальными инструментами, называли между собой предпраздничные выступления в московских учреждениях, где обычно играли танцы. Платили хорошо по десять рублей на каждого лабуха.

Договоры заключал Клинов, а музыкантов набирал на бирже лабухов в Третьяковском проезде. На определенный день там всегда можно было найти свободного музыканта с нужным инструментом.

***

Московский горный институт (в просторечье среди студентов – Горная школа), бывший когда-то имени отца всех народов, в пику вздорной власти в 1962 году назвали Институтом радиоэлектроники и горной электромеханики. Слава Богу, странная аббревиатура МИРиГЭ просуществовала недолго, и через четыре года институту вернули родное имя «Горный».

Было это так. Вольготную студенческую жизнь Горной школы взорвал радетель за правильное обучение студентов горному делу.

Праведник, из приближенных бесноватого главы государства, был каким-то образом задет, да так сильно, что разрешили написать в центральной газете о том, что горняки должны учиться в Донбассе или Кузбассе, а не в Москве, где есть только Арбатуголь.

Просто так статьи в центральных газетах не появлялись. Теперь это распространенное явление называется «заказать».

В те времена, когда прыщ не мог вскочить без указания свыше, власть в стране безраздельно принадлежала невежественному и высокомерному человеку, который очень любил умничать.

Таких, как он, во власти всегда хватало. Микитка, как называл его папа Джо, считал себя авторитетом в искусстве, сельском хозяйстве, генетике и даже внешней политике.

Обретя власть, не видя краев, он ничтоже сумняшеся поставил страну на грань войны с американцами, а однажды в одной известной, но загнивающей организации стучал ботинком по трибуне, так как его не хотели слушать. Он ухитрился испортить отношения на востоке и на западе, не говоря о юге. Хорошо, что в Антарктиде нет государств, а то он и там сумел бы нахамить.

Послушный Институт цветных металлов, размещавшийся возле гостиницы «Варшава», куда, бывало, горняки захаживали поддать в ресторане на десятом этаже, вскоре съехал в Красноярск.

Вместо Горного института на тех же площадях появился Институт радиоэлектроники и горной электромеханики. Так радетелю показали, кто в доме хозяин, а Горный остался, правда, в нем появилось много прекрасной половины человечества.

Но кто же против? Ведь к ней другая половина всегда питала нежные чувства. Особо талантливые посвящали дамам стихи и поэмы, бывало, и войны затевались из ревности, а победителям доставались лучшие из пленниц.

Жизнь в Горной школе потекла разнообразнее. Сугубо мужское заведение, в котором студенток было раз, два и обчелся, пополнилось весьма симпатичными девчонками. В институтской атмосфере появилась легкость, кокетство, интриги, стало веселее.

Тяжеловесная аббревиатура института – МИРиГЭ – свое

дело сделала: во-первых, наперекор неудачникам и злопыхателям, вуз остался в Москве, а во-вторых, произошло обновление и пополнение. Просто шахтерский дух неистребим.

Так вот, в самый в этот кризисный год, примерно в июле, на площади перед Горной школой толпились студенты-новобранцы. Вуз еще оставался МИРиГЭ, но для повествования оставим все-таки наименование Горный. В нем не только уходящее вглубь благозвучие, но и звучит оно как-то приятнее. Да и под укоризненным взором восьмерых непьющих шахтеров на фасаде здания не так совестно.

Новенькие скромно теснились в сторонке, старожилы с очевидным превосходством курили, рассказывали новости и все поглядывали на новеньких, с удовольствием отмечая, что пополнение состоит в основном из девушек.

– Здорово, Клинов! – раздалось рядом. Федор глазам своим не поверил.

– Агрегат, здорово, ты? Что тут делаешь?

Кудрявый Янич, атлетического сложения, с грудью вперед, радостно хохотал, хлопал приятеля по плечу.

– А я теперь здесь учусь!

– А что же Бауманский, как же там без тебя?

– Помнишь, что ты мне говорил: «Бауманский без тебя обойдется, а ты без пива – никак!»

– Тогда ты попал туда, куда надо!

Это была классная новость. Неунывающий Янич, упрямый потомок мукачевских казаков Западной Украины, жил

в том же Северном пригороде, что и Клинов.

Они уже пару лет знали друг друга, познакомил их Леха Буров, с которым Ян окончил местную школу. Его отец возглавлял военный завод, мать, кандидат химических наук, создавала стальное стекло, а старший брат управлял космическими полетами.

С тремя задолженностями в весеннюю сессию, усилиями родителей, Яничу кое-как удалось завершить первый курс МВТУ. В Высшем техническом училище имени Баумана готовили инженеров для военной промышленности и космоса. Учиться здесь и пить пиво в ресторане «Пльзень» у Агрегата не получилось.

В «Пльзень», находившийся в Парке культуры имени Горького, в этот вплоть до ложек, вилок и салфеток чешский кабак, захаживали знающие люди и, конечно, определенная категория студентов Горной школы.

Вышколенные официанты в черных фраках, все молодцы как на подбор, не ожидая заказа, сразу несли невиданное доселе, светлое нефильтрованное пиво «Праздрой». К пиву в широких кружках с шапкой правильной пены подавались скворчащие шпикачки с рогликами.

Или Бауманский и оборона страны, или Горный и пиво со шпикачками в «Пльзени». Агрегат сделал свой выбор. Жизнь показала, что он не ошибся.

Окружная дорога

Вокруг Москвы строили кольцевую автомобильную дорогу – МКАД. Недалеко от деревни Рублево, на лесной опушке развернули лагерь из армейских палаток для студентов московских вузов. Здесь, в полевых условиях, недавние девочки и мальчики быстро и легко отвязались от надзора старших. Жизнь прекрасна и удивительна! Мачтовые сосны, лесной пьянящий воздух насыщен свободой и чувством.

Два летних месяца студенты строили окружную дорогу. Днем укладка бетонных плит, щебня, вечером костры, песни, любовь.

Магазин далеко и закрывается рано, тем не менее ни один вечер не остался без задушевных песен под гитару у костра.

***

На крыльцо института вышел коренастый, средних лет, в строгом костюме с галстуком, Валерий Ямщиков. Он четко и ясно, властным голосом объявил, что с этого года они студенты Московского института радиоэлектроники и горной электромеханики, сокращенно МИРиГЭ. А с понедельника все начнут работать на строительстве Московской кольцевой автомобильной дороги. Работа будет приравнена к производственной практике.

И продолжал:

– Едете до станции метро «Пионерская», пересаживаетесь на пригородный автобус – и до конечной остановки – деревни Рублево. В деревне старшие отрядов вас проводят до лагеря. И еще. Наш институт будет не один. На строительство окружной дороги направляются студенты всех московских вузов. Прошу постараться: стройка находится под пристальным вниманием ЦК партии и ЦК комсомола.

Среди студентов, внимательно слушавших Ямщикова, как бы между прочим, ну так, на всякий случай, Клинов обратил внимание на высокую русоволосую девушку с широко посаженными серыми глазами.

Чем она привлекла внимание, он не смог бы сказать. Но положа руку на сердце – этого никто и никогда сказать не сможет.

Двадцатиместные военные палатки с двойной стенкой, окнами, солдатскими кроватями разместили среди высоких сосен на опушке небольшого леса.

Палаток не менее двадцати, удобства, или, проще, сортиры, отнесли подальше к лесу. Столовую же и кухню, наоборот, устроили на открытом месте. Новеньких расписали по будущим учебным группам, а здесь – отрядам и палаткам, выдали постельные принадлежности и велели устраиваться, так как работа начиналась на следующий день.

Студентам поручили укладывать «звонок». Так назвалась ребристая бетонная дорожка по обочине дороги. Предпола-

галось, что автомобиль при съезде на боковую полосу затрясет так, что засыпающий водитель сразу проснется.

Неоконченный роман

Загорелый и веселый, со стипендией до февраля будущего года, Клинов, само собой, стал командиром отряда. Это «само собой» не было спонтанным. С малых лет, на протяжении своей жизни, в какие бы разные обстоятельства командор ни попадал, он, как правило, становился начальником.

В пионерском лагере, куда его отправили в возрасте девяти лет, он стал председателем двенадцатого отряда.

Через несколько дней вечером собрали совет дружины. В палатке, где проходит совет, холодно, Феде хочется есть и согреться. Несколько дней идут дожди, и от ног в мокрых ботинках ему зябко и плохо.

Совет дружины затянулся, пионеры и вожатые устали, наконец выступил с отчетом председатель одиннадцатого отряда, и наступила очередь двенадцатого.

Слушая отчеты, Федя с ужасом все лучше понимал, что не знает, что говорить в отчете: в отряде первоклассники и дошкольники, они играют в песочницах или сидят возле няньки, слушая ее байки.

Председатель дружины, крупная смешливая девица с большой грудью, объявила: «А теперь послушаем отчет о

проделанной работе председателя двенадцатого отряда».

Федя поднялся, одернул курточку, потер висок, провел левой рукой по стриженой голове с маленькой челкой, глянул вдоль длинного стола, освещенного тусклой лампочкой.

Одиннадцать председателей отрядов смотрели на худенького мальчика с любопытством и вниманием. Ожидание в установившейся тишине холодной палатки затягивалось.

«Ну что же ты, мы слушаем», – приветливо обратилась к нему председатель дружины.

Клинов увидел пионерский галстук на ее прекрасной груди, посмотрел в ее добрые глаза, ему вспомнилась мама, он закрыл лицо руками и безудержно зарыдал.

***

На строительстве МКАД студенты укладывали бетонные плиты под тот самый «звонок», а каждый вечер, заняв денег у любимых девушек, кто-нибудь непременно успевал до закрытия магазина в деревне Рублево купить водки. Водку будут пить все, расположившись возле огромного костра в их палаточном городке, пусть по маленькой, но все.

А Клинов заведет свои песни. Поначалу он пел один, а не прошло и недели, как его песню «Киса-мурочка» пели в грузовиках по пути на свои участки окружной дороги:

Жила на свете киса-мурочка, И жил на свете васька-кот, И часто, часто киса-мурочка Сидела поздно у ворот.

Вечером, когда в затухающем костре еще багровеют последние головешки, когда песни поются все тише, а исполнителей все меньше, потому что парочки постепенно расползаются по уютным окрестностям, Клинов догнал у женской палатки Горной школы Светлану Верницкую.

Был шалопай в силе. В той силе мужской самоуверенности, которая позволяет с легкостью добиваться женской взаимности. Время этой легкости не так уж и продолжительно, поэтому было бы непростительно откладывать столь приятные занятия на потом.

В один из обычных дней, возвращаясь в кузове грузовика с трудовой вахты, то бишь укладки «звоночка», Клинов оказался рядом с той, которую он заметил еще перед отъездом, – высокая, с широко посаженными серыми глазами.

Судьбе было угодно, чтобы они разговорились и совершенно по-особенному увидели друг друга. Мелькнувшая искорка оставила в каждом след или метку. Одно несомненно: такие метки бесследно не проходят, в чем еще не раз придется убедиться.

В тот поздний вечер хохотушка-учетчица, как всегда с подушкой, долго и напрасно ждала приятеля в их условленном месте.

Клинов тем временем не отпускал Верницкую. Обняв девушку за плечи, он повлек ее подальше от палатки. Вдали от посторонних глаз, оказавшись в его крепких объятиях, Верницкая, уперев руки в Клинова, неожиданно сказала:

«Не надо так, я сама», – она закинула руки ему на плечи, крепко обняла и нежно и сладко поцеловала. Клинов, настроенный на легкую взаимность, опешил, так как ничего подобного не ожидал.

«Парень мне нравится, это так, – размышляла она. – Судя даже по этой мимолетной встрече, он не такой уж и пустой. Что-то в нем есть. И не ровен час, не тот ли это, не суженый ли это мой?»

И к бабке не ходить, Клинов в этот момент был бесконечно далек от матримониальных планов. Он еще не пресыщен разнообразием, хотя бывает, что подчас нет-нет да и мелькнет: не та ли эта, или та, вон там, далеко-далеко? Однако как мелькнет – так же быстро и исчезнет. Не пришло еще время командору поставить корабль на прикол.

В согласном молчании Федор и Света, осторожно касаясь друг друга на темной тропинке, подошли к ее палатке. «Не обижайся, Клинов, – загадочно улыбаясь, сказала Верницкая, – наше время еще придет», – слегка прикоснулась губами к его щеке и скрылась в палатке.

Удивительно прекрасен неоконченный роман!

Москвичи

На факультете горных электромехаников учились ребята из Донбасса, Кузбасса, Воркуты и других угольных бассейнов. Назывались они «производственники».

Стипендию, и не маленькую, как у Клинова, шахты платили своим посланцам для того, чтобы к родным пенатам вернулись дипломированные инженеры, чтобы там не было так беспросветно и глухо.

А пожив в столице, захочешь ли назад в Прокопьевск или, например, Кадиевку, где уж никогда не будет московской интересной и разнообразной жизни?

Где там! Ни один прохвост не вернулся домой! Из всех посланцев угольных бассейнов вернулись на шахту единицы, остальные женились и остались в Москве, устроившись, кто как мог.

Думали как лучше, а получилось как всегда! Это очень точное и правильное выражение, как и другие перлы, создал Витя-газовщик, одно время возглавлявший правительство России.

***

Среди студентов-производственников разными путями затесалось несколько москвичей.

Васильев по кличке Длинный выделялся худобой и ростом, гонял на мотоцикле «Ява», пил водку, похмелялся пивом. Выпить любил с подругами, потому что без них это заурядная и скучная пьянка. Ко всему прочему, был он женат.

– Лежу я с Милкой, – рассказывал он Клинову, – а сам про всех блядей вспомню, чтоб на Милку встал.

– Ну и как, встает? – ухмыляется Клинов.

– Тебе бы все поржать! Я по глупости, по неопытности

женился. Мои предки дружили с Людкиными. А она симпатичная, даже красивая, говорят. Была. Сейчас вот приходится других вспоминать. Остались как-то у них на даче, мы с Людкой ушли на пруд купаться, стояла жара. Я как увидел ее в купальнике, так голова пошла кругом.

– Ну и что дальше?

– Что-что, да ничего.

Длинный замолчал, задумавшись.

– Дальше-то что было?

– В тот же день у нас с нею все и состоялось.

– И что она? Залетела с первого раза?

– Не с первого, потом было еще, и не раз. Милка залетела, все рассказала матери, вот нас и поженили. Кирюхе уже два года.

– Слышишь, Длинный, а ты любил ее?

– А пошел бы ты, Клинов!

Все эти обстоятельства мешали Длинному в институте: учился он из рук вон плохо и на четвертом курсе перевелся во ВГИК на экономический, после чего о нем и не слышно было.

При взгляде на дородного, не по годам серьезного Валентина Ашмарина казалось, что этот не по годам обстоятельный еврей по прозвищу Шмер никогда не был ребенком и юношей, не баловался и не совершал проступков.

Учился Шмер старательно, хотя способностей не было. Зато предприимчивостью и практичностью обошел всех.

Однажды он попросил Клинова сдать за него электротехнику.

Старенький рассеянный преподаватель со странностями часто удивлял студентов. Так, однажды он завязал галстук, забыв надеть рубашку. Только к обеду ему об этом сказали, и он повязал кашне, чтобы прикрыть ночную рубашку, выглядывающую из-под пиджака.

Подмену Ашмарина Клиновым профессор не заметил, хотя сходства между ними не было никакого, и, не ведая об обмане, принял зачет.

Событие отмечалось у Шмера дома. Ужин, судя по всему, готовился заранее, и ждали именно Клинова. Он вскоре захмелел и стал оказывать знаки внимания Берте. Та смущалась, поглядывала на мужа, который всем своим видом показывал, что не только не возражает, но и даже приветствует. «Да, деловой мужик Ашмарин, далеко пойдет, для дела и женой поделится!»

Сразу после института Ашмарин занял место помощника министра в каком-то ведомстве РСФСР. Долгое время у многих, с кем вместе учился, Ашмарин вызывал восхищение.

Третий из четверки московских производственников, Леня Надеенский, считался знатоком английского языка. В Горной школе, которая была не первым его институтом, учился играючи, любил, как и остальные, поддать. Личная Надеенского жизнь оставалась неизвестной зоной даже для

Клинова.

Леня страдал от маленького роста. Девушки к нему относились снисходительно и не проявляли интереса. На четвертом курсе он сдружился с Цихановичем по прозвищу Стакановичем – любимцем девушек.

Однажды, возвращаясь в Горный институт из «Пльзеня», который в те поры был центровой пивной, Клинов с Длинным и Шмером встретили Леню и Стакановича. На приветствия ни тот ни другой не реагировали. Это было подозрительно и непонятно.

Похлопывания по плечам не вызвали никакой реакции. Оба были в какой-то прострации, отвечали вяло и безразлично. Все прояснилось, когда Надеенского исключили на год из Горной школы, а Стакановича отчислили совсем.

Оказывается, парни подделывали рецепты и покупали нембутал. У них даже был свой гимн: «Таблетки, таблетки, таблетки нембутал, вы созданы лишь для развлеченья».

Четвертый – москвич Клинов. Обычный парень, ведет стандартную, можно сказать, ничем не выделяющуюся жизнь классического студента. На лекции не ходит, задолженности в сессии имеет, из института выгоняли, отправляли на исправление в рудники, где такие люди не пропадали, а, наоборот, крепчали. А завершая семилетнюю институтскую эпопею, при распределении Клинов заявил, что хочет в Донбасс.

***

В шалопае формировался командор.

Нельзя не согласиться с тем, что испытания, посылаемые ему необузданной натурой, а по большому счету судьбой, парня не сломили.

Более того, сдается мне, что его характер только крепчает, будто готовится к новым испытаниям!

Рокировка

Было время, когда неписаные правила действовали вернее и надежнее законодательных уложений, правда, воспользоваться такими привилегиями можно было лишь в случае доверительных связей с влиятельными людьми, исповедующими телефонное право. Оно и теперь действует, но уже повсеместно и бесповоротно теснится более сильным фактором – деньгами.

Клинов через родителя телефонным правом и воспользовался. И вот вместо того, чтобы остаться после окончания высшего учебного заведения в столице, куда его, собственно, и распределили, как коренного жителя Москвы, он получает направление в Малороссию, где разрабатываются угольные месторождения и добывают, как в те поры называли, «черное золото», позже это красивое выражение перехватила нефть.

С точки зрения обывателя, такой шаг не вписывался в общепринятые ценности: «Ну как же, да он просто не понимает, а скорее всего, это его какая-то выгода, хитрость, а если

нет, то просто парень глуп».

Телефонное право сработало: Клинова перераспределили туда, куда он просился, однако и у сильных мира сего не все так просто.

Чтобы не пострадало renommée, или, проще, чтобы «комар носа не подточил», сокурснику, уже получившему направление в ту самую Малороссию, было сделано неожиданное предложение.

Молодой специалист Ярослав Рукатырев, лелеявший мечту о столичной жизни, умный и справедливый, родом из Сыктывкара, с горечью представлял себя в глухой провинции, в безвестном северном поселении, где, кроме повседневной рутины и бытового пьянства, ничего не бывает, а жизнь безрадостно угасает.

Так и совершился обмен. Ярику объявили, что вот-де, мол, возникла такая возможность, все тщательно взвесили и решили предложить вам другое место, а именно Московский проектный институт.

Что ж, «новенькому» всегда везет. Так однажды легкомысленному человеку, впервые севшему за стол с зеленым сукном, при определенном расположении звезд удается сорвать банк, баснословный куш, суметь быстро уйти и больше никогда не садиться играть на деньги.

– Ты, парень, с дуба рухнул, – пилил Клинова Перельцвейг. – Тебе вожжа, что ли, под хвост попала? Ну ладно, не обижайся, я шучу, но все-таки скажи: зачем?

– Зачем-зачем, не хочу в тоскливой конторе штаны протирать, хочу новые места, наконец, работать по-настоящему, хочу быть сам себе хозяин!

– А потом что будешь делать? – не унимался приятель.

– Когда потом?

– Ну, когда там, в пампасах-донбассах, надоест?

– Вот когда там надоест, тогда и решу, что дальше делать, понял? И давай заканчивай ныть, «ничто не может нас вышибить из седла», помнишь про майора, у которого такая поговорка была?

Клинову, его поступку искренне удивлялись и не могли найти понятное объяснение Дядин и Ардеев, оба учились с ним в одной группе. Правда, если другие из группы считали Клинова «малым с приветом», то Виталий Павлович и Александр Иванович дружили с ним и тоже никак не могли взять в толк: зачем ему это? И тот и другой не понаслышке знали, что значит российская провинция: Ардеев приехал из Макеевки, Дядин – из челябинского села.

На втором курсе в группе горных электромехаников, а Дядин, в силу нестуденческого возраста – ему тогда шел тридцать второй год – и признанного авторитета, являлся старостой, в списке студентов появилась новая фамилия.

Виталий Павлович, выделявшийся не только возрастом, но и крупной фигурой, не пил ни водки, ни вина, иногда мог позволить себе кружку пива, но не больше.

Несмотря на то, что на Урале его ждала семья, староста

при каждом удобном случае, а таких, по его рассказам, было много, питал необычайную слабость к женскому полу. В этом ему помогала дружба с Сашкой Ардеевым, на которого девки летели как на мед: парень он был видный, легкий, записной шутник, хорошо пел и играл на гитаре.

Дядин не имел расположения к учебе, но знал, что без высшего образования начальником ему не быть. Ардееву же все давалось легко, схватывал на лету, его подробные и обстоятельные конспекты ходили по рукам.

– Саш, – обратился староста к приятелю, – у нас будет новенький, какой-то Клинов.

– Виталий Павлович, а ты разве не слышал? Это мастер спорта международного класса по греко-римской борьбе. Сейчас он на сборах, готовится к турниру Европы. Надо же, да ты что, неужели, а я не знал, что ты не в курсе. Ну как же так, Виталий Павлович, ты же сам занимаешься борьбой. Все знают, что ты был чемпионом Челябинской области.

Вокруг собрались студенты их группы. Дядин самодовольно улыбался.

– Ну я уже не тот, – скромничал староста.

– Что вы, Виталий Павлович, – скрывая иронию, витийствовал приятель, – вы и сейчас положите на лопатки любого.

– Ладно, ладно, не перехвали, – Дядин был польщен и доволен.

В институте Клинов появился лишь в октябре, держался

особняком, иногда его можно было видеть с москвичами. Как-то в перерыве между лекциями к нему подошел Ардеев.

– Нам тут сказали, что ты занимаешься борьбой. – Клинов улыбнулся.

– Кто это вам сказал?

– Да вот, – он показал на Дядина, который пробирался к ним через курящих студентов.

– А он кто?

– Виталий Палыч, наш староста.

Дядин уже был рядом.

– А я гляжу, вы тут, наверно, говорите про соревнования.

Клинов начал понимать, что здесь какая-то накладка, скорее всего, его с кем-то спутали.

– Что-то я вас не пойму, – он смотрел с удивлением на Ардеева, тот – на Дядина. Раздался звонок, и все отправились в аудиторию.

Проводы

Время как-то медленно, будто нехотя, приближало отъезд. Уже был куплен билет до Киева, который ему давно хотелось увидеть, несколько рубашек, запасные брюки, бритвенный станок, лезвия, ну, конечно, «Бравый солдат Швейк» третий день лежат в небольшом фибровом чемодане. Еще кепка, куртка, а также его постоянная спутница – семиструнная гитара. Договорились с Бобом писать друг другу.

Как всегда, прощальный вечер состоялся у Понедельника и Бекметова на третьем этаже четырехэтажного дома. Пили водку. Бек привычно ироничен:

– Федь, ты там долго-то не задерживайся, к зиме вернешься – возьму тебя мастером.

– Да пошел ты, – сдержав желание послать еще дальше, парировал без обиды Клинов. – Посмотрим, может, наоборот, тебе придется ко мне в Донбасс, а я еще подумаю, кем тебя брать: то ли мастером, то ли еще кем.

– Ну это ты загнул, – ухмыльнулся задира. – Мой Метрострой ни в какое сравнение даже близко не идет с твоим Донбассом.

– Отстань от него, Бек, – вмешался Понедельник. – Тебе в Метрострое еще удержаться надо, а не то чтобы еще кого-то на работу брать!

Бек даже не глянул в сторону Вадима. Лишь заходившие желваки на его скулах выдавали едва сдерживаемые чувства. Он выдержал паузу и улыбнулся Клинову своей шикарной улыбкой, демонстрируя отличные зубы.

– По правде говоря, я, конечно, хочу, чтобы у тебя там все образовалось как надо!

Мелькнувшая было искра постоянно тлевшего раздора, была погашена. Перельцвейг, балагур и заводила, кладезь анекдотов, чернявый Боб, нарезал докторскую колбасу и уже разлил по стаканам водку.

– Так, парни, хватит трепаться, давайте займемся делом.

У меня тост, – и, вспомнив Бабеля, поднял стакан.

– Вот что хочу сказать. Сегодня мы провожаем нашего «товарища Бобу Докутовича бить красную сволочь», давайте пожелаем ему вернуться живым и здоровым!

– Ты, Боб, брось лучше эти еврейские штучки, доиграешься со своей антисоветчиной, – хохотал Клинов.

– Обойдемся, ты меня не заложишь, ну а мужики, – Перельцвейг внимательно и серьезно посмотрел на присутствующих, – ну, братья-славяне, кто стуканет? Впрочем, кто тут славяне, еще надо разобраться. Например, Бек. Как вы считаете, он полукровка или нет? Отец родом с Северного Кавказа, мать его никто не видел. А Клинов: отец южных кровей, а мать с востока. Так куда их отнести? Мне ж представляется, что к славянам их можно причислить с большой натяжкой.

– Как знать, как знать, – заметил обстоятельный Понедельник. Он выпил, выдохнул, пожевал колбасу и продолжил: – Мы-то – нет, а вот брякни ты такое в другом месте – я посмотрю на твой бледный вид. По части происхождения, я считаю, евреев с русским характером полно. Пожалуйста: самый яркий пример – наш Боб Перельцвейг. Вы только посмотрите, как он хлещет водку, не всякий русский так сможет.

– Все, парни, – перебил его Боб, – кочумай про евреев и советскую власть. Мы ее не брали, и не нам ее сдавать. Наше дело то, которое мы можем делать, и путаться нам не с руки. Слушайте, – он помолчал, задумчиво вглядываясь в темне-

ющее окно, за которым день, прощаясь, уходил в ночь, – а не позвать ли нам девочек? А то обожремся водки – и нечего будет вспомнить. – Он поставил стакан, вышел в прихожую и уселся возле телефона.

– Так я и знал! – с легким возмущением заявил Клинов. – Я тут, понимаешь, последние, можно сказать, деньки, отправляюсь в неизвестность, считай, в дикие пампасы, а этот друг сейчас дозвонится своей шмаре. Эмма – сверху, у них скачки в комнате с балконом, а мы тут без кадров. Не, я не согласен.

Он не отказался бы от какой-нибудь приятной девчонки, но Верницкая жила во Внуково да и не поехала бы сюда, чтобы пить водку с докторской колбасой.

Бек уселся с Понедельником за шахматы. А Клинов, мысленно прощаясь с приятелями, тихо вышел, аккуратно прикрыв за собою дверь, медленно спустился вниз, понимая, что все это скоро будет лишь воспоминанием и что сегодняшний вечер уже никогда не повторится.

Глава 3. Куртуазный повеса

Оный сударь былъ изъ тѣхъ,
Что привѣчаютъ жизнь,
Не чуждаются хмельныхъ утѣхъ
Средь кокотокъ и актрисъ…

Из шалопаев в механики

В пути

Киевский поезд набрал скорость и выбрался из хаотичного скопления бараков, разбитых грузовиков, старых покрышек и прочего хлама, вдоль железнодорожных путей вперемешку с безликими новостройками, в которых обретается многомиллионная трудовая армия русской столицы – молчаливой шаркающей толпой, идущей каждое утро к станку, прилавку, кульману, а вечером – к щам и телевизору.

Где-то в прошлом остался четырехэтажный желтый дом, стоящий покоем в северном пригороде, и вот уже замелькали леса, перелески с дачными поселениями по шесть соток каждое. К ночи привычный пейзаж сменится возделанными полями, лесные угодья будут все реже, все чаще – поля кукурузы и подсолнуха, а это значит, юг становится ближе, а там и Донбасс.

Так размышлял Клинов. Он курил «Приму» в тамбуре, испытывая нарастающее чувство приближения свободы, освобождения угнетенной воли.

– Вы бы шли в вагон, молодой человек, мне печку растапливать, скоро будет чай.

– Чай? Чай – это хорошо, – улыбнулся шалопай молоденькой проводнице. – А хотите, я вам дров наколю для печки?

– Не, не надо, – протянула девушка и высыпала уголь в маленькую топку, – печка на угле.

– Я могу и уголь наколоть, – не унимался шутник.

– Ишь вы какой, – чуть кокетничая, улыбнулась проводница и внимательно посмотрела на незнакомца.

«Студентка из Киева, теперь каникулы, вот она и подрабатывает», – решил Клинов.

– У вас такой певучий говор, мне кажется, что вы украинка.

– А это как, хорошо или плохо?

– Это здорово, – Федора все более увлекала игра. – Я вот только что был студентом, а теперь еду во Владимир-Волынский устраиваться на работу.

Девушка выпрямилась, обнаружив стройную фигурку и приятный вырез легкого ситцевого платья в цветочек. Она с неподдельным интересом посмотрела на молодого специалиста.

«А что, – мелькнула в юной головке интересная мысль, – вот так и встречаются, вот так и бывает на всю жизнь!»

«Девчонка-то симпатичная, – теперь уже Клинов внимательно разглядел незнакомку. – Известно же, что хохлушки славятся своею красотой».

– Давайте знакомиться, – Клинов протянул девушке руку, та положила совок на пол, вытерла тряпкой руки и, распах-

нув смеющиеся глаза, сказала:

– Я Валя!

– Надо же, у вас совсем не украинское имя. А я Федор.

– А я не украинка, я из Донбасса, из Донецка, в Киеве только учусь.

Улыбаясь пассажирам, киевская студентка из Донецка с чаем в чуть звенящих в подстаканниках стаканах летала по плацкартному вагону, возвращалась к себе в купе, где ждал Клинов. Он мягко подкалывал ее за старания, а она смотрела на чубатого москвича и все не верила, что все это, так ее волнующее, может иметь продолжение.

На вокзале в Киеве, записывая адрес, шалопай поймал себя на мысли: а не плюнуть ли сейчас, именно сейчас, на этот никому не нужный Владимир-Волынский? Оттуда еще ехать в Павлоград, потом дальше в глушь на какую-то шахту. Вот прямо сейчас остаться с этой легкой ненавязчивой студенткой, потом жить в Донецке с нею, такой ласковой и нежной…

Отринув слабость и чувство, вместо слов прощания он, глядя в сторону, неожиданно сказал: «Пока», закинул на плечо гитару, поднял фибровый чемоданчик и, не оборачиваясь, ушел искать автобусную станцию, чтобы ехать в этот уже ставший постылым Владимир-Волынский.

– Уйдет, точно уйдет, – горечь подступила к горлу, – уйдет навсегда. Дура, я дура… Эй! – она глубоко вздохнула. – Федя, подожди!

Клинов обернулся. Не помня себя, девчонка подбежала,

схватила его за руку, он, не раздумывая, обнял ее, нашел сочные губы. Она прильнула к нему, не противясь, с желанием ответила.

– Ты напиши, – Валентина незаметно смахнула слезинку и смущенно погладила его плечо, – и приезжай, как устроишься, приезжай, я буду ждать!

Автобус неспешно катил среди раздольных полей на юго-запад, останавливаясь в местечковых городках. Клинов выходил размяться, и ему все слышался милый напевный голос: «Ты приезжай, как устроишься, приезжай, я буду ждать!»

Только к вечеру уставший и голодный Клинов приехал в украинский городок Владимир-Волынский – древнейший город Руси, известный с десятого века из-за выгодного положения на пересечении торговых путей.

Он устроился в маленькой гостинице, выпил кипяченой воды из титана и заснул крепким здоровым сном, не забыв перед этим с необычайной приятностью вспомнить прощание на вокзале в Киеве.

Западное управление треста «Шахтспецстрой» размещалось в двухэтажном деревянном строении, представлявшем собой нечто среднее между складом и недостроенной синагогой. Оформление молодого специалиста заняло немного времени, тут же Клинов был представлен главному инженеру Игорю Филипповичу, который запомнился официальной приветливостью и каким-то особенным выговором: чистая

русская речь, но совершенно непривычные в словах ударения.

Он устроился в маленькой гостинице, выпил кипяченой воды из титана и заснул крепким здоровым сном, не забыв перед этим с необычайной приятностью вспомнить прощание на вокзале в Киеве.

В тот же день Клинов отбыл к месту назначения.

Западный Донбасс

Поселок Первомайск, а на местном диалекте – Першотравенск, можно пересечь минут за пятнадцать-двадцать, не больше. Все было в единственном числе: столовая, парикмахерская, магазин с чулками и носками, детский сад, даже оказалось, что есть клуб.

Когда-то, да и не то чтобы сто лет тому назад, нет, всего-то лет двадцать, не больше, здесь жили геологи. Они пробурили столько геологоразведочных скважин, сколько надо, написали записку, нарисовали горные породы, на которых покоится степное местечко, а записку закончили так: «В этих местах уголь есть, хороший, много, поэтому шахты стройте здесь. Однако имейте в виду: от поверхности до двухсот метров вглубь – плывуны».

Геологов сменили строители. В Первомайске появилось несколько улиц с жилыми домами, а также столовая, парик-

махерская, магазин с чулками и носками, детский сад, поликлиника и даже клуб.

И вот теперь наступило время проходчиков шахтных стволов специальными способами.

Непростое дело эти специальные способы. Их несколько: первый – замораживание обводненных горных пород, второй – тампонаж трещиноватых и обводненных горных пород, третий способ – бурение шахтных стволов – явление в горном деле редкое, даже уникальное, но вот именно поэтому и увлекло нашего героя.

Горный цех на шахте «Западно-Донбасская 27-35/5-бис» начал собственную жизнь, и чтобы жизнь эта была упорядочена, Валентина Кириллова назначили начальником.

Осмотрев территорию добровольной ссылки, несколько взгрустнув, шалопай подумал, что сам напросился и даже добился, что здесь несравненно лучше, чем в отрогах Туркестанского хребта, в Шурабе, где он был, по существу, просто в заключении.

Вспомнил также ставшую родной тульскую Горную школу и успокоился: «Где наша не пропадала, не пропаду и тут. Хуже всего, конечно, пришлось на Расвумчорре в Апатитах, да и в Днепрорудном возле Новой Каховки было не лучше, тем не менее выжил!»

Все, начиная с родителей и приятелей, кончая деканами и преподавателями Горного института, отъезд Клинова в Донбасс считали безрассудством. Он на самом деле напросился

сюда, потому что здесь, в Первомайске, было решено испытать уникальную машину Уралмашзавода для бурения – безлюдной проходки вертикальных шахтных стволов.

Сам он свой поступок безрассудством не считал. Ему было крайне интересно поработать на таком объекте, и если буровую установку испытывали бы где-нибудь на Курилах – поехал бы и туда!

Но была не только эта благородная цель. С малых лет не терпел он поучений и назиданий, его всегда мутило от необходимости подчиняться: дома – родителям, в школе – порядку и учителям, а если не дома и не в школе, то комсомольской дисциплине и идеологии.

Уезжая, шалопай наивно полагал, что там, в Донбассе, всего этого не будет, и с этой потаенной, но столь заманчивой и приятной мыслью он чувствовал в себе необычайный подъем.

В общих чертах он знал, что представляет собой уникальная машина. Этой теме был посвящен его дипломный проект, который вызвал живейший интерес экзаменационной комиссии, перед которой он выступил с докладом.

Сразу же после победы над фашистской Германией Уральский завод тяжелого машиностроения в Свердловске изготовил мощную буровую машину УЗТМ-6,2. В Волынском угольном бассейне были сооружены четыре шахтных ствола.

Через пятнадцать лет Уралмашзаводу поручили разрабо-

тать новую, более мощную машину и отремонтировать старую. Обе буровые установки предназначались для проходки бурением двух шахтных стволов на шахте «Западно-Донбасская 27/35-5бис».

***

На окраине Первомайска в одноэтажном деревянном бараке, за которым начиналась степь, Западному управлению выделили общежитие.

Клава-комендант с внушительными формами показала комнату, выдала матрац с постельным бельем и ушла к себе.

Утром в комнату, где расположился молодой специалист, без стука вошел Кириллов. На вид лет тридцать пять – сорок, с темным от степных ветров добродушным лицом, в надвинутой на глаза кепке и в длинном, чуть ли не до пола демисезонном потрепанном пальто.

– С приездом, молодой человек. – Кириллов снял кепку, глянул на две пустые кровати, потоптался у двери. – Я Клаву предупредил, чтобы к вам никого не подселяла. Машина у входа, одевайтесь, жду на улице. Едем на шахту, по дороге заедем в столовую.

– У нас тут два дела, – начал Валентин Иванович, пока ехали на шахту. – Первое: пробурить замораживающие скважины, смонтировать и запустить компрессорную станцию, заморозить плывуны и в замороженных породах прой-

ти форшахту с приямком.

– Какой глубины будет форшахта?

– Двадцать четыре метра, как раз, чтобы опустить бурильную колонну с первым буровым инструментом диаметром три метра.

Кириллов говорил быстро, иногда переходя на фальцет, сглатывая окончания слов, при этом, словно после чего-то вкусного, постоянно потирал заросший подбородок своей огромной пятерней.

– Второе – вот это будет вашим делом, твоим, – поправился Кириллов, – принимать на железнодорожной станции в Николаевке оборудование, поступающее из Свердловска с Уралмашзавода. Первая установка, которая здесь будет работать, весит больше двух тысяч тонн, вторая – чуть меньше, но тоже много.

Да, и еще вот что, – Кириллов закурил и как-то особенно посмотрел на Клинова, – понимаешь, сейчас…. В общем, тут есть человек, – он смущенно тер подбородок и, видно, все никак не мог решиться что-то сказать.

– Так, ну и что это за человек? – нетерпеливо поинтересовался Клинов.

– Ну как тебе сказать, есть у нас такой Христачевский, сейчас он где-то тут, но на самом деле его нет.

– Я что-то не пойму, Валентин Иванович, то он есть, то его нет. Так все-таки он есть, этот Христавский?

– Христачевский, – поправил Кириллов и решительно за-

топтал сигарету. – Да ты понимаешь, он, ну, Христачевский – сменный инженер, окончил Горный институт, но запойный, причем такой, как тебе сказать, тяжелый и скандальный. А жена его – очень хороший человек, работает у нас нормировщицей и секретарем. Вот и мучаемся: его бы гнать, а без нее никак.

– Мне-то зачем Христачевский?

– Видишь ли, Федор Георгиевич, оборудование уже две недели как поступает, и я Христачевского поставил на эту работу, кстати, вон он, приехал с оборудованием. Пойдем, познакомлю.

Они подошли к складской территории. Возле грузовой машины с прицепом курил угрюмый человек лет сорока с мешками под глазами. Неподалеку возле самоходного крана стояли четверо рабочих.

– Владимир Николаевич, здравствуй! Познакомься, Клинов Федор Георгиевич, он будет принимать оборудование.

– А со мной что? – Христачевский даже не взглянул на новичка.

– Тебя переводим на бурение замораживающих скважин.

– Сколько можно гонять меня с места на место?! – неожиданно с нескрываемым раздражением заговорил Христачевский. Он сгреб бумаги, лежавшие на сиденье грузовика, и, буркнув: «Накладные», – ткнул их Клинову. В тот же момент Клинов и Кириллов почувствовали тяжелый запах перегара.

– Я в контору, – обратился Кириллов к Клинову, – а ты

переговори с Петром. – Он помахал рабочим, и к ним подбежал высокий худощавый парень.

– Петро, Федор Георгиевич теперь будет принимать оборудование. Расскажи ему, что да как, съезди на станцию, познакомь с железнодорожниками.

– Все сделаю, Валентин Иванович, только не присылайте больше его, – парень махнул рукой в сторону Христачевского. – Он и нас, и на станции всех замотал.

– Ладно, ладно, иди, нечего жаловаться.

С первых дней Федор неизменно чувствовал к себе недоверие. Не может быть, чтобы москвич по своей воле приехал сюда, откуда молодежь готова бежать при первой возможности. И если он все-таки здесь оказался, значит, есть какая-то серьезная причина.

«Ничего, привыкну, и ко мне привыкнут, просто нужно время, а пока тебе, Клинов, про свое личное надо держать язык за зубами», – наставлял он себя.

Клинов постепенно втягивался в свои обязанности, настолько разнообразные, что определить их одним словом было невозможно. Вскоре стало ясно, что фактически в горном цехе управление и распределение работы находятся у двоих: у Кириллова и Клинова, который фактически выполнял функции заместителя.

На площадку шахты завозили цемент, глину для буровых растворов, хлористый кальций для рассола, оборудование замораживающей станции. Кириллов и Клинов крутились по

двенадцать часов в день, к вечеру валились с ног, выпивали по стакану водки, а чаще – самогона, и спали как убитые до утра.

Клинов сдружился с Кирилловым, который только в субботу уезжал в Красноармейск, а все остальное время они проводили на строительной площадке и в разъездах.

Друзья москвича не забывали. Между ними шла интенсивная переписка. Коротенькие письма не несли никакой серьезной информации, но создавали незримое ощущение поддержки.

Содержание писем носило шутливый, ироничный оттенок. Так, например, Бек нарисовал схему самогонного аппарата и даже указал температуру, при которой идет первачок. Боб расспрашивал про хохлушек и иронично предупреждал, чтобы Клинов не влюбился.

Клинов отвечал в том же духе, обещал не влюбляться, но хохлушек – попробовать, а впечатлениями – поделиться. Необходимость в самогонном аппарате отрицал, потому что, мол, в донецких степях схемы самогонных аппаратов достигли совершенства, а качество чемергеса не имеет себе равных!

Смертельная травма

Лето было на исходе, приближалась осень, задули степ-

ные ветра. Вокруг будущей форшахты маркшейдер разметил точки бурения замораживающих скважин, Западное управление прислало буровиков и буровое оборудование. Клинов отвечал за монтаж замораживающей станции, завозил обсадные трубы, хлористый кальций. Работы велись без выходных. Надо было начать морозить до холодов. Все шло по плану.

— Привез хлористый кальций! – радостно объявил Клинов, вваливаясь в помещение нарядной.

— Отлично, – отозвался Кириллов, потирая небритый подбородок.

Не снимая пальто и кепки, в сапогах с налипшей грязью он ходил возле сменного инженера и выговаривал ему за беспорядок на буровых работах. Тот, опустив голову, виновато стоял перед ним и молчал; было видно, достается ему за дело.

— Валентин Иванович, я думаю, что морозить начнем в срок. Остались мелочи, – Клинов был в настроении, и ему хотелось отвлечь начальника от неприятного разговора.

— С такими работничками, – он показал на сменного, – мы не то что в срок – вообще сорвем работы.

Вдруг в помещение нарядной вбежал наладчик из замораживающей станции:

— На бурении мастера убило!

Кириллов пулей выскочил из помещения, за ним Клинов и сменный инженер. Вокруг буровой площадки толпились

монтажники, строительные рабочие, шоферы.

Бурового мастера зажало между станком и обсадной трубой. Смяло грудную клетку. Смерть наступила мгновенно. Легкий ветерок чуть шевелил седеющие волосы мастера, мертвые глаза оставались открытыми.

— Георгич, – распорядился Кириллов, – вызывай скорую и милицию. Семеныч, – Кириллов обратился ко второму буровому мастеру, – ты приподнимешь буровой станок, а мы, – он поискал глазами, нашел и позвал бригадира монтажников, – освободим его, – и указал на погибшего.

Через три дня, в субботу, когда было закончено расследование смертельного случая, оформлены многочисленные бумаги, Клинов отпросился у Кириллова до понедельника и уехал в Донецк. Его ждала Валентина.

Дорога заняла чуть больше двух часов, и все это время его не оставляла картина гибели буровика. Когда появились домики пригорода, настроение Клинова испортилось еще больше.

Однако вместо дымящих и пылящих терриконов, грязных тесных улиц, черных от угольной пыли, мрачных лиц шахтеров его встретил солнечный чистый город с широкими проспектами. И, наконец, чего механик и вовсе не ожидал: повсюду были цветы! Донецк поразил его.

Валентина

Дверь открыла высокая девица в легком облегающем платье. Клинов опешил, мелькнула мысль, что ошибся адресом, потому что ехал повеса к проводнице с самыми что ни на есть простыми желаниями и настроением хорошо провести время.

– Здравствуй, – смущаясь не меньше хозяйки, пролепетал юноша. – Вот, собрался к вам… к тебе.

– Здравствуй, я ждала тебя, проходи, – она заметила смущение гостя, поняла, что произвела на него впечатление, еще более расцвела. Смущение проходило. Валентина взяла Клинова за руку, и они вошли в большую светлую комнату, аккуратно и со вкусом обставленную.

– Хорошо у тебя здесь, и Донецк мне понравился. Я думал, что тут все в угольной пыли, что повсюду дымящие терриконы, а оказалось, город просто красавец!

– Ты увидел только часть города. Здесь есть очень красивые места, я тебе покажу. А пока, ты же с дороги, я что-нибудь приготовлю.

Предложение «что-нибудь приготовлю» очень понравилось Федору, привыкшему к скудному общепиту. Хозяйка поджарила яичницу с помидорами, сварила кофе. Клинов освоился, успокоился. Валентина поглядывала на молодца, а тот с удовольствием уплетал яичницу. Она подкладывала бу-

терброды с маслом и колбасой, парень ей все больше нравился. Он это чувствовал, отмечал ее приветливые глаза, стройные ножки, гибкий стан.

– Спасибо, Валя, все было очень вкусно.

– На здоровье. – Девушка прибрала со стола, остановилась у окна. – Теперь, если не возражаешь, пойдем, я покажу наш город.

– Не только не возражаю, а даже с удовольствием. – Клинов тоже подошел к окну. – А отсюда, я смотрю, тоже неплохой вид открывается.

Валентина поймала его взгляд, обращенный к вырезу платья, мелькнул легкий румянец, она невольно коснулась его плеча. Клинов привлек к себе трепещущую и зардевшуюся девушку, она отстранилась, взяла его за руку и повела в комнату.

Там, усадив парня на кровать, задернула шторы, подошла, взлохматила ему чуб. Он прижался к ней, закинув голову, посмотрел в глаза, мягко увлек за собой, и девушка послушно легла рядом…

Поднялись они, когда уже стемнело.

– А как же посмотреть город? – улыбался повеса, потягиваясь на старинной никелированной кровати.

– Это мы с тобой еще наверстаем. – Валентина в короткой рубашке, босиком ходила по комнате, подбирала одежду возле кровати. – Ты бы, милый, поднимался, я обещала маме познакомить тебя с нею.

Клинов напрягся: знакомство с мамой не входило в планы, в то же время не предполагалась и совершенно небывалая в его жизни чарующая искренность и доверительность Валентины.

Совсем с другими намерениями повеса ехал сюда. «Она влюбилась в меня еще там, в поезде… и такая ласковая...» – шалопай не знал, что и думать, как ему быть. Он был удивлен, потрясен и растерян.

– Тебя смутило знакомство с мамой, да? – Валентина присела рядом, взяла его руку. – Она для меня не только мама – мы с нею подруги, у меня нет тайн от нее. А тебе, я смотрю, не хочется знакомиться?

– Да нет, я не против, просто весь сегодняшний день – полнейшая неожиданность. – Проницательность девушки сразила Клинова, он сел, потянулся за одеждой. – Так она знает про меня?

– Конечно. – Она прижалась к его плечу. – Мама тебе понравится!

На следующий день обедали у Маргариты Александровны. Марго – именно так про себя Клинов назвал эту совершенно необычную женщину в стильном, без излишеств и, видимо, дорогом платье из тонкой шерсти.

Не будь здесь Валентины, представил на мгновение повеса, он непременно приударил бы за хорошо сохранившейся женщиной, которой нельзя было дать больше сорока лет, да и то лишь потому, что рядом была взрослая дочь.

– У меня все готово, прошу к столу, – объявила раскрасневшаяся хозяйка с полотенцем в руках.

Стол был накрыт умелой рукой и со вкусом. Клинов увидел явно своего засола белые грибки в изящной хрустальной мисочке, квашеную капусту с тонкими ломтиками репчатого лука и ароматом нерафинированного подсолнечного масла.

Тут же на тарелке он с удовольствием заметил нарезанную языковую колбасу, ну и, конечно, как дань принадлежности Донбасса к Украине, тонкие ломтики охлажденного сала с красными прожилками. На все это Клинов с удовольствием загляделся и даже несколько забылся.

– Позвольте мне, – хорошо поставленным голосом, судя по уверенным ноткам, привычным к публичным выступлениям, начала Маргарита Александровна, – выпить за встречу, – она внимательно посмотрела на Клинова, все чокнулись, выпили и принялись закусывать.

что-нибудь, Федор Георгиевич?

– Почему бы не сказать, тем более что мне очень хочется поблагодарить за радушный прием меня, малознакомого человека.

– Мне чрезвычайно приятно быть у вас, предлагаю выпить за всех горняков Советского Союза!

Холодные закуски сменились жареной уткой с яблоками. Марго посматривала то на Клинова, то на дочь, как бы примеряя, их друг к другу. Однако и тень сомнения не оставляла ее: уж больно уверенно ведет себя москвич, а там, в столице,

публика всякая есть…

Вечером Валентина проводила Клинова до автобусной остановки.

– Когда тебя ждать? – она быстро взглянула на Клинова.

– Я напишу.

– Ты, миленький, приезжай, я буду ждать. – Клинов обнял девушку.

– Я напишу, – повторил шалопай.

В автобусе, переполненный впечатлениями и водкой, Клинов сразу же заснул. Когда же открыл глаза, автобус стоял в Первомайске, а водитель тряс его за плечо.

Провинциальная жизнь постепенно входила в рутинное русло. Кириллов приезжал обычно к обеду, поэтому в понедельник с утра Клинов исполнял обязанности начальника.

Он в спецовке, с дымящейся сигаретой в уголке рта, располагался в помещении нарядной за дощатым столом, наскоро сбитым плотником Беднягиным, записывал в журнал и пояснял задания на день слесарям, плотникам, буровикам. Рабочие сидели перед ним на лавках, курили, пререкались, получив наряд, уходили на стройплощадку.

Где-то в обед появлялся Кириллов. С Клиновым они первым делом шли к буровикам, оценивали ход работ, сроки, хватит ли шарошек, буровых труб, цемента. Затем – к складским помещениям, куда поступало оборудование буровой машины из Свердловска, с Уралмашзавода.

– Ну, вроде все идет по плану, – завершая обход, словно

объявляя благодарность, сказал Кириллов. – Пожалуй, можно и пообедать.

Приближалась зима, над степью висели тяжелые тучи, пошли затяжные дожди. По стройплощадке ходить приходилось только в сапогах, но и в Первомайске грязь была повсеместно.

Буровики закончили обуривать форшахту, скважины обсадили, зацементировали затрубное пространство, опустили пластиковые трубы для подачи охлажденного хлористого кальция.

Из Владимира-Волынского приехал мастер, наладил все три компрессора замораживающей станции, запустил насосы подачи охлажденного хлористого кальция, и началось образование ледопородных цилиндров вокруг каждой скважины.

– Примерно через два месяца ледопородные цилиндры скважин сомкнутся между собой, и в январе начнем проходку форшахты. Меня на период замораживания командируют в Терновку, отсюда сорок километров, – Кириллов ухмылялся, глядя на своего заместителя, который от неожиданности разинул рот.

– А мне-то что делать?

– Вы, Федор Георгиевич, – в голосе Кириллова зазвучали торжественные нотки, – остаетесь на шахте 27-35/5бис в качестве исполняющего обязанности начальника горного цеха с повышением в окладе.

– Служу «Шахтспецстрою!» – И хотя ирония была очевидна, Клинов был польщен. – Валентин Иванович, раз такое дело, может быть, подождешь с Терновкой, а я на недельку съезжу в Москву?

– Хорошо, но только не больше недели, договорились?

Верницкая

Неделя в столице пролетела как один день. По приезде Клинов позвонил Верницкой.

– Как жизнь, Свет, что в институте?

– Ты откуда, Клинов? Так хорошо слышно, как будто в Москве.

– Да так оно и есть!

– Вот это да! – воскликнула удивленная девушка.

– Есть предложение встретиться, ты как?

– Я согласна! – Интонация подтверждала – она ждала Клинова.

Верницкая была девушкой рассудительной. Ко всему, что встречалось на ее пути, относилась обстоятельно и серьезно. Батюшка Светы, начальник курсов подготовки бортпроводников во Внуково, включил связи и тем самым поспособствовал поступлению в авиационный институт. Однако уже на первом курсе Верницкая поняла: авиационное направление она не потянет.

Тут-то и подвернулся Московский институт радиоэлектроники и горной электромеханики. Она забрала документы – и прямиком в бывшую Горную школу, а там как раз то, что соответствовало девичьей мечте: никто за тобой не следит, учиться легко, мальчиков много – выбирай любого. Одним словом, все складывалось как нельзя лучше.

– Пусть Клинов шалопай и гуляка, – говорила она своей закадычной подруге Калининой, – мне интересно с ним, в нем что-то такое есть, чего я пока понять не могу, но уверена: он далеко пойдет.

Татьяна, полная противоположность Верницкой, веселая и общительная, подружилась с Клиновым на строительстве кольцевой дороги. Он нравился ей, она чувствовала, что и она ему небезразлична, но считала, что этого недостаточно, чтобы отбивать парня у своей лучшей подруги.

– Да ты, подруга, никак влюбилась?

Верницкая вспыхнула, отвернулась, достала зеркальце и поправила недавно сделанное каре. Она сама не ожидала, что сказанное так смутит ее.

– Может, и влюбилась, а что тут плохого?

– Плохого тут ничего нет, наоборот, это здорово. Только вот я знаю, что он распределился в Донбасс, причем отказался от проектного института в Москве и даже от аспирантуры на кафедре горных машин. Ты бы подумала, подруга: по Сеньке ли шапка!

– Вот-вот, меня это и останавливает, но если ты думаешь,

что я побоюсь ехать в Донбасс…

– Интересно, выходит, он тебе сделал предложение? – искренне и даже с долей ехидства удивилась Калинина.

– Никто мне не делал никакого предложения, – и это прозвучало так горько, что Татьяне стало жалко подругу.

– Свет, скажи, у тебя же не так давно был роман с армянским мальчиком, – она решила перевести разговор в другую плоскость.

– Давай об этом в другой раз, – она посмотрела Татьяне в глаза и, не прощаясь, ушла.

– Обиделась, – Татьяна взглядом проводила уходящую подругу, с приятностью вспомнила Борю Чаплина. «У меня таких раздвоений, надеюсь, не будет», – подумала она самодовольно.

Светлана не обиделась, просто откровенный разговор с Татьяной неожиданно вернул ее мысль к прерванным отношениям с Погосяном.

И Клинов, и Акоп – южных кровей, но если с Клиновым Верницкая была согласна хоть в Донбасс, то в Ереван – ни за что…. Туда она точно не хотела.

Между тем через год институт будет закончен, ей стукнет двадцать три года, и неопределенность личной жизни становится главной задачей, которую надо решать уже теперь.

«Клинов говорил, – размышляла Верницкая в глубокой задумчивости, – что едет в Донбасс, причем не только не в Донецк, но даже и не в Горловку, а вообще в какую-то Тму-

таракань! Жить придется в шахтерском поселке!

Но ведь признайся, моя дорогая Светлана, – так в минуты самооткровения она обращалась к себе, – что уж от себя-то скрывать: он же тебе небезразличен! Да, нравится, но Донбасс… Наверняка глухая провинция, друзья останутся в Москве, завою от тоски!

Любовь – это только вначале, а потом пойдут серые будни. Придется баскетбол бросить… Ну ладно, с Клиновым все, теперь Погосян: спокойный, я ему нравлюсь, после института остается в Москве, жилья отдельного нет, но по всем признакам семья состоятельная…

Поживем – увидим, – решила благоразумная Верницкая. – Да и предложения пока не поступило ни от того, ни от другого, а пока я свободная женщина России: что хочу, то и делаю, с кем хочу, с тем и гуляю. Но вот с Клиновым, наверное, было бы лучше всего!»

Свидание

Просторная квартира Яничей в северном пригороде была свободна. Родители на все лето уехали в Сходню на дачу. Старший брат второй месяц находился в Подлипках в Центре управления полетами и писал диссертацию.

Янич-младший вызвал безотказную подружку, которая собрала на стол нехитрую закуску, а вскоре в сопровождении

легкомысленного Клинова появилась цветущая Верницкая.

Компания пила водку, курила, пела песни, даже танцевала. Утром, когда шалопай закурил на кухне, появилась Верницкая, тоже закурила, помолчали.

– Я провожу тебя.

– Нет, Клинов, не стоит, я уж как-то сама.

– Я не могу тебя так отпустить.

– Это как понимать?! – Света вспыхнула, ее душила обида, несбывшиеся намерения. Словно прозрев, она сквозь слезы смотрела на обманщика и понимала, что не он обманул, а она обманулась.

Шалопай закурил следующую сигарету, сел у стола.

– Сядь, Свет, не могу отпустить тебя, потому что не хочу остаться в твоей памяти лжецом и бесчувственной скотиной.

Верницкая успокоилась, смахнула навернувшиеся слезы и села.

Очень непросто повесе Клинову давалось быть откровенным даже с собой. Не получалось. Какая-то неуправляемая сила стремилась помимо его воли навязать благоприятную оценку собственных поступков, концепцию трусливого утаивания от себя истинных мотивов, лицемерия.

Там, на площади возле Горного института, когда мимолетный взгляд отметил высокую блондинку с широко расставленными глазами, Клинов остался равнодушен: не возник и не образовался эфирный контакт на той единственной волне, частота которой необъяснимым образом связывает и

влечет женщину и мужчину, еще не знающих друг друга.

При иных обстоятельствах равнодушие или индифферентность защитили бы Верницкую от пустых надежд, а Клинова – от необходимости сказать все как есть.

Однако отношения зашли слишком далеко: они ежедневно видели друг друга, были рядом, пели у костра, и подчас казалось, что между ними яркое чувство.

В то же время, хотя и оставив горький след в жизни обоих, но преодолев себя и свою жалкую нерешительность, шалопай избавил вполне возможную семью ото лжи и лицемерия, которые были бы неизбежны, если бы они связали свои жизни.

Вернувшись домой, в четырехэтажный желтый дом, стоящий покоем в северном пригороде, Клинов с облегченной душой привел себя в порядок: принял ванну, побрился и прилег отдохнуть, и тут в комнате появилась Арина.

– Феденька, – она оглянулась на дверь и приглушила голос, – сегодня придут Трофименки, – Арина явно не хотела, чтобы ее услышали за дверью.

– Ты не уходи вечером, посиди с нами, и отец хотел, чтобы ты был.

– А что так таинственно, будто ты чего-то боишься?

– Для тебя будет небольшой сюрприз.

– Какие же сюрпризы могут быть от дяди Саши и тети Гали?

– Вечером узнаешь. Так как, придешь?

– Приду, раз надо.

Сюрпризом была Ирина Трофименко, с которой Федя когда-то играл в куклы, пока отцы употребляли водку, а дамы делились кулинарными рецептами, способами похудеть, последними веяниями моды.

Клинов не смог скрыть удивления и даже восхищения – так она изменилась. Не было и в помине той угловатой невзрачной девочки-подростка. Ирина похорошела! Чуть выше среднего роста, с тонкой талией, точеными ножками, раскосые темно-карие глаза под изогнутыми бровями, слегка завитые густые черные волосы.

Арина с Галиной понимающе переглянулись: их замысел удался. Отцы семейств играли в шахматы и были в хорошем настроении.

Ледопородные цилиндры на шахте 27-35/5бис замкнулись. Из Терновки вернулся Кириллов. Замораживающую станцию перевели в режим поддержания минусовой температуры.

Возле будущего ствола установили специальный подъемный кран и металлическую конструкцию для разгрузки бадей с породой в самосвалы. Приехали проходчики, и в конце весны началась круглосуточная проходка и крепление шахтного ствола – будущей форшахты.

Была бы это обычная выработка – прошли, закрепили и забыли. Но это была форшахта с приямком. Из форшахты предполагалось начать бурение шахтного ствола сначала

диаметром три метра, затем расширить до пяти метров и далее расширителем семь с половиной метров бурить на полную глубину до проектной отметки.

Особенность передовой шахты заключалась в приямке глубиной десять метров, примыкающем к форшахте.

Конструкция приямка явилась коварной ловушкой и сыграла злую шутку с прогрессивным способом, отодвинув более чем на год монтаж буровой установки.

Вино и пчелы

Была теплая сентябрьская суббота. Кириллов уехал к семье в Красноармейск. Не имея никакого желания коротать в тоскливом одиночестве вечер в пустом общежитии, Клинов остался на шахте, чтобы зафиксировать в журнале поступившее оборудование.

На открытой площадке с металлоконструкциями его внимание привлекли пчелы, влетающие в крупногабаритный узел.

«Возвращаются с работы трудяги, – умилялся механик, – надо, пожалуй, сказать крановщику, может быть, захочет заняться пчеловодством».

– Привет, Матвей. Только что видел, как вон в тот трубный узел, – Клинов показал на металлоконструкцию, – влетают пчелы и подумал: «Забрать этот улей тебе с Дусей – и разводили бы пчел, ты как думаешь?

– А что, дело, наверно, стоящее. – Несмотря на возраст, рассудительный Мотя являл собой тип домовитого хозяина. – Поговорю с Дусей, у нее дед – пчеловод в Терновке. Вот разберусь с мотоциклом – и займемся пчелами.

В новом, красного цвета, с никелированным баком чехословацком мотоцикле «Ява», на котором Матвей с Евдокией приезжали на шахту, грелся мотор.

Была отправлена претензия магазину в Днепропетровск, и Мотя с Дусей ждали ответа, а на работу ездили дежурным автобусом. Прошел месяц, народ посмеивался над крановщиком: никто не верил, что сюда могут приехать из-за границы.

И тем не менее завод прислал специалиста, а самое интересное – представителем оказалась молодая женщина.

Выкатили мотоцикл, дама поместилась в седло, Мотю посадила на пассажирское место, велела крепко за нее держаться, дала газу, разогнала мотоцикл до девяноста километров в час. Они в мгновение ока долетели до шахты, на такой же скорости вернулись назад, развернулись, выскочили на шоссе в Днепропетровск, где дама выжала до ста двадцати километров. Проездил Мотя с чешкой где-то час.

– Потрогай теперь свой мотор, – с приятным акцентом снисходительно предложила представительница чехословацкого завода.

Мотя так и сделал: мотор был не более чем теплый.

– Наши мотоциклы, – посмеивалась чешка, – рассчитаны

на большие скорости, и тогда мотор не будет греться!

Оборудование буровой установки поступало на станцию Николаевка регулярно, без выходных, поэтому подъемный кран на шахте работал тоже без выходных. Также без выходных работали водители на грузинских грузовиках.

«Колхиды» частенько буксовали на сухой дороге и постоянно ремонтировались, причем запасных частей в округе днем с огнем было не сыскать.

Водители на чем свет стоит ругали грузин. Матвей, как человек, сумевший вызвать представителя завода аж из Чехословакии, написал на Кутаисский автомобильный завод обстоятельную жалобу, все водители письмо подписали.

Через две недели, как раз в эту теплую сентябрьскую субботу, из Кутаиси поступил ящик с запасными частями к «Колхиде». Когда же распаковали ящик, то, к удивлению и удовольствию, кроме запчастей, обнаружили двадцатилитровый бочонок вина.

Весть о запасных частях и вине из солнечной Грузии тотчас облетела Первомайск и Николаевку. Работы на шахте 27-35/5бис остановились. Водители покинули грузовики, Мотя запер кран, откуда-то появился Христачевский, Клинов вообще никуда не уходил.

Вся честная компания расположилась среди огромных ящиков и металлоконструкций Уралмашзавода, и стакан с прекрасным грузинским вином пошел по кругу.

В тот день Мотя домой не приехал – заснул в своем кране.

Христачевский полез с дракой к водителю, его быстро успокоили и уложили спать на уралмашевском ящике с оборудованием.

Когда в понедельник появился Кириллов, бочонок был пуст, а запасные части к «Колхидам» разошлись по водителям.

Матвей и Евдокия поженились недавно, жили дружно, оба были затейники и выдумщики. Их предприимчивость частенько сопровождалась забавными просчетами, неизбежными в силу наивности.

Однажды Дуся прославилась на всю округу.

Звонили из Управления, в помещении нарядной была только Дуся. Бут – сменный инженер – за каким-то делом ушел на строительную площадку.

Из Управления просили позвать начальника горного цеха, а надо сказать, что телефонная связь была из рук вон плоха – через два коммутатора, а аппараты – без наборных дисков. Последовательность соединения включала сначала поселок, потом шахту «Степная» и только потом шахту 27-35/5бис.

Дуся подняла трубку.

– Из Западного управления, позовите Кириллова.

– Тут нікого нема.

– Кто есть из руководства?

– Є Бут, – спокойно отвечала Дуся.

– Что-что? Не слышно.

– Я сказала: є Бут, – повторила Дуся.

– Повторите, пожалуйста, громче, плохо слышно.

– Я сказала: є Бут, – повторила Дуся. – Повторяю ще громче: є Бут, є Бут! – кричала Дуся так, что Бут, услышав истошный крик, бегом примчался в нарядную, но разговор не состоялся: в Управлении уже положили трубку.

Дуся посоветовалась с дедом, получила ящик с рамками, сетки на голову и наставления, как и что делать, чтобы улей переехал к новым пчеловодам. Беднягин заинтересованно помогал Моте с захватом улья. «Если у них получится, – прикидывал плотник, – заведу свою пасеку!» Акция состоялась в воскресенье, а начинающие пчеловоды на работе не появились и в среду.

– Георгич, Деркачи сегодня тоже не приедут, – сказал Беднягин на оперативке, хитро улыбаясь, всем своим видом желая показать, что он что-то знает.

– Что с ними? – заинтересовался Кириллов.

Присутствующие перешептывались, а Беднягин и водители сдержанно посмеивались.

– Они теперь пасечники, скоро все будем мед есть.

– Расскажи толком, – осадил шутника начальник.

– В оборудовании на складе был улей, в трубный узел залетел, искал место, где ему перезимовать.

– Мне твои шуточки надоели, – Кириллов сердился.

– Покусали их пчелы, – неожиданно заговорил обычно молчаливый Петр Лоб, сосед Деркачей. – Дусин дед дал пчелиный ящик и сетки на голову – накомарники.

Взяли они этот улей в свой ящик, сели на мотоцикл и покатили домой. Дуся с ящиком сзади. Пока ехали, пчелы-то их обоих покусали, особенно руки, да так, что телогрейки снять не могли, – вызвали врача.

– Телогрейки-то сняли? – хохотал Кириллов.

Вслед за ним засмеялись слесари, монтажники, водители.

Прошло несколько дней, пчеловоды вышли на работу и долго еще были предметом шуток и обсуждений.

А на следующий день после веселой оперативки Клинов на площадке хранения извлекал документацию из ящика.

Вдруг откуда ни возьмись рядом послышалось жужжание. Клинов отмахнулся, но жужжание продолжалось буквально возле головы. Он – бежать, а пчела за ним. Прибавил ходу – та не отстает, да такое впечатление, что она не одна. Что за напасть, они ведь не отстанут.

Так оно и оказалось, пчелы добились своего: пчелиные жала впились в шею и ухо – это была справедливая месть за сдачу улья Деркачам.

Извлечь жало

– Проходите, молодой человек, присаживайтесь. Что это с вами такое?

Шалопай, держась рукой за шею, в нерешительности стоял посреди кабинета поликлиники, если не представляя собой жалкое зрелище, то вызывая невольное сострадание.

– Пчелы покусали.

– Уж не те ли пчелы, что покусали крановщика с женой?

– Почти что те, вернее из того роя, который они перевозили к себе. Решили завести пасеку.

– Вот оно что, понятно, – улыбнулась медицинская сестра, а точнее фельдшер поселковой поликлиники, осторожно потрогала припухлости нескольких укусов на шее командора. – Сейчас удалим жала и сделаем примочки, к вечеру будете как новенький.

Пока шел осмотр, шалопай пригляделся и отметил: «Девушка очень даже ничего, ножки, грудь – все на месте, все как надо. Беленькая, халатик накрахмален, следит за собой, взгляд открытый, губки располагают…»

Осматривая укусы, Света обратила внимание на потертый воротник давно не стираной рубахи больного: «Живет один, скорее всего, приезжий, командированный, говор неместный, из приличной семьи. А что, чем черт не шутит? Замуж вряд ли, а вот закрутить с таким парнем я б не отказалась…»

– Боюсь, сегодняшним вечером новеньким мне не стать.

– Что так? – живо заинтересовалась сестричка, как мысленно назвал повеса. – Вы не верите в силу медицины?

– В медицину не верю, а вам, мне кажется, можно довериться.

– Вот и хорошо. – Не останавливаясь ни на минуту, она приготовила ватные тампоны, марлю, налила в ванночку немного спирта для примочек, отчего в воздухе образовался

знакомый запах эфира.

Девушка легко двигалась по кабинету, а повеса, забывая о саднящих укусах, исподволь поглядывал на ладную фигурку. – Теперь потерпите, будет немного неприятно. – Света с ванночкой и примочкой вплотную подошла к больному. Прикосновение заволновало шалопая. Лишь усилием воли он сдержался и не обнял ее.

Света с примочками стояла значительно ближе, чем это было нужно, и всем своим существом она неожиданно испытала влечение к этому чубатому парню.

Пчелиные жала были извлечены пинцетом, примочки сделали свое дело. Все это непродолжительное время Света с необыкновенной приятностью наслаждалась близостью молодого сильного тела, отвечающего молчаливой взаимностью.

– Ну, вот и все. – Девушка теперь совершенно по-другому, заинтересованно, что ли, смотрела на пациента. – Если не сегодня вечером, то завтра не останется и следа.

– У меня нет вашей уверенности. – Самое время «брать» девушку, – решил повеса. – Мне кажется, что опасное для меня время – сегодня; не исключено, что раны будут болеть.

– Ну что вы, я так не думаю, – сестричка начала догадываться, куда клонит парень, но и сразу соглашаться будет неправильно. – Все сделано стерильно.

– А может быть, так: я подойду после работы, пройдет… – повеса посмотрел на часы, – почти четыре часа, будет ясно,

болит или прошло. Вы согласны?

– Согласна. – Деликатность парня Свете понравилась, и в знак благодарности она послала ему поощрительный взгляд.

В тот же вечер, сменив рабочую одежду на московский пиджак с брюками, с мятными пряниками в газетном кульке, Клинов стоял возле поликлиники. Желанная девушка появилась, когда повеса потерял надежду дождаться и уже решил уйти, полагая, что она ушла раньше или просто не хочет его видеть.

– Как раны? – улыбалась Света, откровенно радуясь, что произвела впечатление и что сотрудники увидели их и теперь будут судачить: как это Светке удалось заарканить москвича? – Нет ли болезненных ощущений? – При этом она внимательно осмотрела места укусов, отметив боковым зрением, что Нинка-педиатр и медсестра из физиотерапии остановились на углу и поглядывают в их сторону.

– Вы знаете, на удивление после ваших примочек со спиртом все как рукой сняло – вашей нежной ручкой. – Никаких внимательных взглядов Клинов не заметил. – Если вы не возражаете, я вас провожу.

– Это совсем не обязательно, – лукавила девушка, – живу я тут недалеко.

– Да тут все близко. Я никуда не торопись, ни жена, ни дети дома меня не ждут, я свободен, как птица.

– Да вы, я вижу, счастливый человек, вам можно позавидовать.

– Мне кажется, что вы не менее счастливы. У вас такая приятная улыбка. При взгляде на вас все болезни проходят сами собой…

Обмен комплиментами продолжался, пока они не подошли к трехэтажному дому, окруженному палисадником.

– Вот я и дома, – она вопросительно посмотрела на провожатого.

– Хороший у вас дом, теплый, наверное. А у вас окна на какую сторону выходят?

– А это важно?

– Мне нравится, когда окна выходят на восток, я обычно встаю рано.

– К чему бы это? – Света внимательно смотрела на Клинова.

– Это к тому, что пряники я бы хотел положить на стол, и даже неплохо бы выпить чаю, желательно вместе с вами.

– Ну что ж, раз вы настаиваете, мне кажется, и я не откажусь.

– Вот и договорились!

На третьем этаже Света занимала большую комнату в трехкомнатной коммунальной квартире. Женская рука присутствовала в каждом уголке: посредине находился круглый стол с цветной скатертью, возле окна – большая никелированная кровать с пирамидой подушек: одна другой меньше. «Скорее всего, тут пуховая перина», – с удовольствием предположил шалопай. В серванте красовалась чайная посуда,

графин и лафетнички: девушка позволяет себе выпить.

– Мне у вас нравится, уютно, и окна на восток, – Клинов откровенно смотрел на Свету, та встретилась с ним глазами. – Пойду поставлю чайник.

«Сегодня останемся здесь», – уверенно заметил А-Клинов, но это не больше чем развлечение, никакого сравнения с Валентиной, хотя и там бывает скучновато…»

Когда через несколько дней повеса появился в общежитии, Клава выглянула из каптерки – ты смотри, она как будто ждала.

– Щось я вас давно не бачила. – Ее хитрющая улыбка не оставляла сомнений: весть о том, что медицинская Светка заарканить москвича, уже стала общим достоянием.

Горные работы закончили через два месяца, проходчики уехали бить другие стволы, Кириллов и Клинов продолжили принимать оборудование с Уралмашзавода, по вечерам коротали время за бутылкой водки.

В субботу, как всегда, Кириллов побывал на шахте, распорядился относительно охраны складов оборудования и материалов, поговорил со скучающей студенткой-практикантткой из Харькова, представил ее Клинову, сказал, что по вопросам буровых установок она получит исчерпывающую информацию, и отбыл домой в Красноармейск.

У Клинова никаких срочных дел на шахте не было, в поселке ждала медсестричка, но практикантка показалась интересней.

Практикантка

Нина заканчивала шахтостроительный факультет Харьковского горного института и была направлена в Западное управление для прохождения преддипломной практики.

– Как это вас угораздило пойти в шахтостроители? Совсем не женское дело, – вот так грубо и безапелляционно заявил исполняющий обязанности начальника горного цеха.

– Мои родители – горные инженеры, – ничуть не смутившись бестактностью, отвечала практикантка. – Они работали в Макеевке, а сейчас – в институте шахтного строительства в Харькове, слышали о таком?

– Слышал, но дел с ним не имел. Там что, изучают бурение шахтных стволов?

Клинову понравилось спокойствие харьковчанки, и он с интересом рассматривал студентку: невысокого роста, светлые глаза, тепло одета в осеннее пальто, и поэтому остальное трудно оценить, но, во всяком случае, не дура.

– В институте ведутся работы и по исследованиям, связанным с бурением стволов. Мой диплом будет по проходке шахтных стволов специальными способами.

– Это какими же? – снова захотелось поддеть практикантку.

– Может быть, хватит экзаменовать меня? – девушка посуровела и посмотрела прямо в глаза Клинову. Тот, видя, что

ни к чему не обязывающий разговор приобретает ненужный оборот, дал задний ход:

– Прошу прощения, Нина, что-то я не то сказал. Давайте я вам покажу площадку и расскажу про то, что тут предполагается построить, хорошо?

– Конечно, хорошо, за тем и приехала, – Нина приветливо улыбнулась. – А в форшахту можно будет спуститься?

– Обязательно спустимся, только надо будет переодеться. – Сгустившиеся было тучки рассеялись, командор повеселел, мимолетно пожурил себя за вздорные вопросы, отметил, что практикантка вполне симпатичная деваха, с характером.

Он впервые встретил девушку, с которой, кроме романтических отношений, он мог бы поговорить не вообще о горном деле, а о специальных способах, таких как безлюдная проходка горных выработок или замораживание горных пород.

Рассказывая о том, как были организованы буровые работы замораживающих скважин, посвящая ее в тонкости процесса замораживания и образования ледопородного цилиндра, Клинов испытывал приятное чувство знания предмета. Нина задавала интересные вопросы, которые подчас ставили Федора в тупик; тогда он честно признавался, что ответа пока не знает.

Остановившись возле форшахты, девушка вопросительно взглянула на сопровождающего.

– Крановщика сегодня нет, спускаться придется по вре-

менной лестнице, – объяснял Клинов. – Переоденетесь в нарядной, там есть дежурная спецовка. Только хотел спросить: глубина форшахты двадцать четыре метра, лестница, как видите, пожарная, может быть, не стоит спускаться? Как вы?

– Не вижу никаких проблем.

– Ну как скажете, тогда пойдемте переодеваться.

Первым, не торопясь, спускался Клинов, следом, поглядывая вниз через плечо, двигалась практикантка.

На забое было сыро и жутковато. Бетонные стенки форшахты отдавали холодом замороженных пород.

– Скажите, Федор Георгиевич, когда закончили морозить? – Нина держалась молодцом, и тем не менее было видно, что она старательно скрывает волнение.

– Прошел ровно месяц, как закончили проходку и крепление, пока, как видите, течей нет.

– А они должны быть?

– Нет, конечно. Надо иметь в виду, что сейчас мы с вами стоим на уровне водоносного горизонта. За бетонной крепью насыщенный водой песок – плывун. Если прорвет, нам вряд ли удастся спастись.

Сказав про плывун, он неожиданно испытал нехорошее чувство опасности. Нина, не отрываясь, смотрела на Клинова, и в ее потемневших глазах он увидел подтверждение собственного страха.

В форшахте стало совершенно тихо.

– Ну вот, вы увидели настоящую передовую шахту, теперь

нам с вами надо наверх, – легкая хрипотца в голосе выдавала волнение.

– Хорошо, наверх так наверх. – Нина подошла к лестнице и остановилась. – Мне первой подниматься?

– Да, я за вами следом, на подстраховке.

В этот момент раздался короткий звук, похожий на скрип старой открывающейся двери.

Находясь в начале лестницы, молодые люди замерли и прислушались: звук не повторился. Но уже на половине высоты они услышали отчетливо выраженный треск, будто бы скрипя, ломалось дерево.

Надо сказать, что приямок шириной три и высотой десять метров был раскреплен круглыми бревнами. Так как его закрепили только с трех сторон, а сторона, примыкающая к стволу, была открыта, бревна являлись своего рода страховкой, исключающей вероятность обрушения.

Они выбрались на поверхность, огляделись, успокоились и, встретившись взглядами, ощутили прилив взаимной симпатии людей, только что переживших опасность.

– Вы не устали? – поинтересовался Клинов.

– Нет, что вы, все в порядке. – Девушка счищала глину с сапога, искоса посматривая на Федора.

– А я, честно говоря, немного приустал.

– Наверное, на сегодня все, как вы считаете?

– Пожалуй, да. Где вы остановились: в Первомайске или Петропавловке?

– Еще нигде, я из Павлограда с поезда прямо к вам приехала на автобусе.

– Если не возражаете против нашего общежития – удобства минимальные, зато бесплатно, – то сейчас берем дежурку и едем в Первомайск или, если угодно, Першотравенск.

– Мне что так, что эдак.

– Но вы ведь живете на Украине.

– Знаете, у нас в Харькове такого вопроса нет.

– Это какого такого вопроса нет?

– Да вот «на Украине» или «не на Украине» – у нас по умолчанию Советский Союз, а что касается национального деления, то это деление где-то там, на верхах.

– Интересно, очень интересно, – Клинов был искренне удивлен.

В общежитии Клинов зашел в каптерку к дежурной.

– Привет, Клава, как жизнь? – Клинов был с ней запанибрата. – Управление прислало к нам практикантку, надо девушку поселить.

– Треба так треба, де практикантка?

Вечером шалопай постучал к Нине, дверь открылась: перед Федором стояла и улыбалась изящная девица с короткой прической в ладном спортивном костюме. Высокий лоб, точеный нос, нежный овал произвели приятное впечатление.

– Проходите, Федор Георгиевич, располагайтесь. Угостить мне вас нечем, телевизора здесь тоже нет.

– Обстановка спартанская, без излишеств. Я подумал, что

вы с дороги, да и я еще с утра ничего не ел, не организовать ли нам с вами ужин?

– Мысль хорошая, но я здесь новенькая, полагаюсь на вас.

– Сделаем так: у меня есть картошка, у Клавы возьму плитку. Вы, прошу прощения, но я не могу сказать: «Вы почистите картошку».

– Это почему же вы не можете так сказать? – рассмеялась практикантка.

– Знаете, Нина, может быть, хватит церемоний? Зовите меня Федор, а вас – нет, тебя – я буду звать Нина… или Ниночка, идет?

– Какой вы, однако, категоричный. Хорошо, я не возражаю. Но мне кажется, что ты, Федор, слишком нетерпелив, или я ошибаюсь?

– Нет, Ниночка, ты не ошибаешься. – Контакт установлен, стена недоверия пропала, в воображении повесы чередовались сцены одна смелее другой. – Одним словом, картошка за тобой, плитка за мной, а я сбегаю в магазин, куплю еще чего-нибудь.

Утром громкий стук в дверь разбудил Клинова. Он протер глаза и обнаружил, что не один: рядом спала харьковчанка.

Ее лицо было безмятежно, яркие губы чуть приоткрыты, дыхание неслышно. Он было даже залюбовался, но стук повторился, пришлось встать. Приоткрыв дверь, Клинов увидел горного мастера, которого вчера оставил дежурным, и Клаву, оба были чем-то озабочены.

– Беда, Федор Георгиевич, авария – форшахта обрушилась.

– Да ты что, Николай, ты что, сам видел или тебе приснилось? – обескураженный Клинов стоял перед ними в одних трусах. Клава, то приседая, то становясь на мысочки, пыталась увидеть за спиной Федора, нет ли там практикантки.

На том месте, где была форшахта, образовалась огромная, метров двадцать с лишним в диаметре, воронка, в которой плавали бревна распорок. Зрелище было ужасное.

Первым делом Клинов сообщил Кириллову, тот приехал через три часа, собрал рабочих, каждому указал, что делать, а самое главное, успокоил растерянного заместителя, велел ему сесть и записать в подробностях то, что он слышал скрип и что треск повторялся, велел также подготовить проектную документацию на строительство форшахты.

– А практикантка, – Нина стояла неподалеку, – пусть тебе поможет, а то, я смотрю, на тебе лица нет. Поможете? – обратился Валентин Иванович к девушке. – Вам в будущем пригодится, не всем удается увидеть такое!

К обеду на шахту 27/35-5бис съехалось местное начальство из райкома партии и райсовета, милиция, прокурор. Они походили вокруг провала, расспросили Клинова, нет ли жертв, и уехали.

Воронку огородили, выставили охрану. Валентин Иванович доложил в Управление и Трест. В понедельник из Управления прибыл главный инженер Игорь Лось и начальник бю-

ро бурения Треста Вячеслав Федюкин со своим заместителем Иваном Фолле – потомком пленного француза Отечественной войны 1812 года.

Федюкина сопровождал главный инженер Спецшахтопроекта Волков, собственно, это был главный виновник аварии.

В тот же день вечером, когда измученные допросами Кириллов и Клинов с двумя бутылками водки приехали в общежитие, у порога их встретила харьковчанка.

– Вы, когда переоденетесь, заходите, пожалуйста, ко мне, я ужин приготовила, буду вас ждать.

– С удовольствием. – Кириллов с удивлением посмотрел на Клинова, потом на практикантку, хмыкнул, характерным движением потер подбородок. – Нам переодеться во фраки – пара пустяков, и мы у вас.

На следующий день, отпросившись, Клинов провожал Нину.

– Мне теперь придется менять преддипломную практику, не знаю, куда отправят. – Они шли на автобусную остановку, Федор нес небольшой чемодан.

– Не расстраивайся, Ниночка. Пока студентка, чем больше разнообразия, тем интереснее жизнь. А я, например, рад нашему знакомству, единственное, что вызывает сожаление, – что уезжаешь.

– Баловник ты, Федя. Не могу отрицать, что ты мне понравился, но вижу – это ненадолго. Ты ведь парень ветреный, а я девушка серьезная. – Клинов усмехнулся. – Там, – она

показала наверх, – нас с тобой берегут друг от друга.

– Там, наверху, нет дела до нас с тобой, – Клинов не ожидал столь серьезного разговора. – Я бы мог приехать в Харьков, если ты не против.

– Против, Феденька, против. То, что было между нами, пусть останется экспромтом. А вот и мой автобус. Прощай, баловник.

Она поцеловала растерянного повесу в щеку, поднялась в автобус, оглянулась, помахала Клинову и уехала.

Шалопай осмысливал сказанное харьковчанкой, смотрел вслед удаляющемуся автобусу, пока тот не скрылся из виду.

«Надо же, она думает о будущем, а я, оказывается, не более чем баловник, вот это да…»

Нечистотами в мундиры

С ворохом новостей из Управления вернулся Кириллов. Валентин Иванович был все в том же длинном своем пальто и кепке, надвинутой на глаза. Они прошли по территории шахты, постояли возле форшахты: темная вода была метра на три ниже поверхности. Обошли вокруг, подошел Беднягин.

– Здравствуйте, Валентин Иванович. Мы уж тут соскучились без вас.

– Особенно ты, Коля, соскучился. Как поживаешь, хули-

ган, в милицию больше не забирали? – Кириллов улыбался, настроение у него было оптимистичное. Клинову история с милицейскими мундирами была хорошо известна.

…В тот день утром в нарядной на шахте 27/35-5бис было необычайно шумно и многолюдно. Проходчики, слесари, операторы замораживающей станции шутили, смеялись, перебрасывались новостями, одним словом, просто праздник какой-то.

– Что это сегодня, Валентин Иванович? Вроде не Первое мая, и не седьмое ноября, и даже не Пасха.

– Да зарплату привезли из Управления.

– Вот оно что, то-то, я смотрю, Беднягин сам не свой, аж светится весь.

– Ему самый раз светиться: сегодня третье октября, значит, появится он на работе седьмого или восьмого.

– Выходит, плотник наш – запойный мужик?

– Выходит, именно так. Но вот что я тебе, Федор Георгиевич, скажу:

– Когда для крепления ствола семь с половиной метров в диаметре бетоном надо заготовить кружало под опалубку, то звено проходчиков смастерит его за смену, а Коля один сделает то же самое за полсмены. Вот и думай: стоит ли его выгонять?

– Понял, Валентин Иванович. Мне Беднягин, честно говоря, симпатичен. Когда я попросил его сделать стеллажи для документации, то даже не поверил: через четыре дня все

было готово!

Валентин Иванович как в воду глядел: Коля запил, и, как предсказывал Кириллов, появился Беднягин через неделю. Коля сидел на оперативке тише воды ниже травы, не балагурил, получив задание, взял свой плотницкий ящик и незаметно ушел работать.

А вскоре из Петропавловской милиции прислали уведомление:

«Плотник шахты Западно-Донбасская 27/35-5бис Беднягин Н. А. отбывал наказание за мелкое хулиганство. Находясь в нетрезвом виде, он испортил нечистотами мундиры милиционеров при исполнении. Необходимо обеспечить меры воздействия общественности в виде осуждения и порицания».

Вечером в нарядной состоялось профсоюзное собрание с одним вопросом: «О недостойном поведении плотника Н. А. Беднягина». Вел собрание Петр Лоб, кроме Кириллова и Клинова, на собрание пришли те, кто, как Беднягин, жили в Петропавловке. Плотник, понурив голову, сидел в первом ряду.

Лоб развернул депешу из милиции и зачитал про мундиры милиционеров. Присутствующие оживились, заговорили между собой, раздались сдержанные смешки.

– Попрошу тишины, – объявил ведущий. – Нечего там шептаться, кто захочет выступить – получит слово. – Беднягин, – обратился Лоб к виновнику собрания, – расскажи, как

дело было.

Плотник поднялся, посмотрел на собрание, вид у него был унылый и несчастный, помолчал, а потом начал говорить, и, что интересно, на двух языках одновременно:

– В тот день, когда была получка, я приехал домой, зашел на участок, поставил инструмент – и к двери, ну чтобы войти. А дверь эту я всего два дня как поставил новую, так как старая совсем развалилась. Сделал, значит, я новую, все как полагается, с замком, даже глазок врезал, хотя и не нужен. И даже покрасил. Нормальная такая дверь.

А дальше Коля ни с того ни с сего перешел на украинский язык:

– Дзвоню – не відчиняє, ну, думаю, не чує Нюрка. Знову дзвоню – ні слуху ні духу, ну, думаю, закрилася. Розсердився я: якщо так, я її поставив, я її й відкрию. Ось я її – двері і зніс, а тут дивлюся – за парканом міліція – і прямо біжать до мене. Я підхопив свою шухляду – і від них, забіг у сортир, а там двері немає. Я тільки збирався зробити...

И снова на русский:

– Те два милиционера что-то мне кричат, не пойму, чего от меня хотят, ну, думаю, хотят меня сцапать. Тогда я подцепил топориком из сортирной ямы – и в них, они и отстали… Потом меня забрали…

Плотник сел, а собрание никак не могло успокоиться: бесхитростный рассказ плотника тронул каждого: хохот еще долго был слышен в нарядной, а история, как Беднягин за-

щищался от милиции, забрасывая ее нечистотами с помощью топорика, стала известна на всю округу.

На шахте снова старшим назначили Клинова. Никаких дел, кроме перевозки оборудования буровой установки из Николаевки. Время позволяло обстоятельно знакомиться с чертежами, чем Клинов и занялся.

Роман с фельдшерицей из поликлиники сошел на нет, дав медицинской общественности возможность всласть посмаковать и перемыть косточки обоим участникам. Но если медсестричке это было не впервой, то шалопаю сплетни еще долго напоминали, что в таких маленьких поселках надо бы быть поосмотрительнее.

События на шахте отодвинули на задний план Валентину. Она изредка писала письма; носили они исключительно наивное девичье представление о том, каким будет их будущее. Из контекста следовало, что девушка даже и не мыслит, что мечты могут не состояться.

Шалопай коротко отвечал, избегая каких-либо комментариев о совместном будущем. В подсознании зрело простое и неприятное: съездит в Донецк – и сказать все как есть – не готов он к семейной жизни. Но то одно, то другое, и поехать не получалось.

Смена руководства

Кроме новой буровой установки УЗТМ-8,75, Уральский завод тяжелого машиностроения начинал отгружать вторую, отремонтированную и модернизированную буровую машину УЗТМ-7,5.

Решили бурить не один, а два шахтных ствола, расстояние между которыми сто двадцать метров. Один ствол будет клетевой, другой – скиповой. Для начала бурения предусматривалось пройти две форшахты, обе глубиной тридцать два метра.

И вот на четвертом году вялотекущей деятельности все резко изменилось, донбасская эпопея стала приобретать черты совершенно иной промышленной жизни.

Кириллова перевели в Терновку. В горный цех на ведение горных работ прислали Адлюкова Михаила Викторовича, сухощавого высокого брюнета.

Передача дел прошла за один день. Вечером Адлюков, Кириллов и Клинов сидели в общежитии, пили водку и обсуждали предстоящие производственные вопросы.

– Михаил Викторович, вы становитесь моим новым начальником, – Клинов глянул на Адлюкова, потом на Кириллова. – Мне бы хотелось отпроситься на неделю, съездить домой, не знаю, кто даст добро?

– Ты, Федор, считай, что с завтрашнего дня зарплату тебе

платит Донецкое управление, так ведь, Михаил Викторович?

– Так, – подтвердил Адлюков. – У меня нет возражений.

Из Москвы Клинов вернулся точно через неделю. В общежитии Первомайска жизнь била ключом: Клава разносила постельное белье, спорила и ругалась с проходчиками, приехавшими из Донецкого управления. Те возмущались скудным комфортом, а особенно им не нравился туалет в степи.

В комнату Клинова Клава подселила горного мастера:

– Ты уж не серчай на меня, Георгич, всем места не хватает, пусть поживет у тебя.

– Подселила так подселила. Конечно, надо было сначала разрешения спросить, но теперь ничего не поделаешь, пусть живет.

«Вот тебе еще одно доказательство необходимости жениться – получишь квартиру…», – посетила Федора простая мысль.

На шахте снова шла интенсивная подготовка к бурению замораживающих скважин, только теперь чтобы обеспечить одновременное замораживание на двух форшахтах.

– Я смотрю, Михаил Викторович, у тебя дело спорится. – Клинов вошел в нарядную, где Адлюков отчитывал монтажников за аммиачный компрессор.

– Потихонечку втягиваемся, Федор Георгиевич. Недавно звонили со станции Николаевка: стоят три вагона с металлоконструкциями, нет крана для разгрузки, что делать?

– Я займусь, не беспокойся. Хотел тебе еще одну проблем-

ку подкинуть.

– Слушай, у меня проблем выше крыши, – Адлюков нервничал, – новых не надо.

– Тебе же сжатый воздух будет нужен, причем на две форшахты, а мощности компрессоров будет недостаточно.

– Да, ты прав, Федор Георгиевич, я как-то упустил из виду. Хорошо, думаю, решим. Теперь об общей диспозиции: как и договаривались, я тебя в проходческие дела не втягиваю, но мы на одной площадке, и наверняка будут моменты, когда мне без тебя никак, ну и наоборот.

Вот, например: звонили из Управления, на следующей неделе приедут смотреть фронт работ монтажники из Днепропетровска. Кажется, все доложил, вроде ничего не забыл.

Команда Адлюкова обурила будущие выработки замораживающими скважинами. Когда сомкнулись ледопородные цилиндры, под их защитой были пройдены и закреплены обе форшахты. В отличие от первой обрушившейся форшахты, стенки выработок закрепили железобетоном.

Спецшахтопроект командировал нового начальника отдела шахтных крепей Анатолия Мишедченко. Прежнего, Гамова, понизили до инженера. Человеком он был скучным, как по жизни, так и по работе: бурение шахтных стволов считал блажью главного инженера треста, расчета форшахты не делал, был уверен – бурить стволы не будут.

Толя Мишедченко был энтузиастом шахтной крепи. Первым делом, когда приступили к возведению первой заход-

ки крепления, он проверил размеры арматуры, потребовал контроля марки цемента, сам облазил бетонный узел, веселил шутками девчонок-бетонщиц. Заставил Беднягина заготовить ящички для контроля прочности бетона. Потом спустился в забой посмотреть, как вяжут арматуру.

Никто ему не перечил, сам же Толя с проходчиками был деликатен, а с женщинами – приветлив и ласков. С Клиновым он сдружился сразу, звал к себе в отдел: «Ты, Федя, закончишь тут – и давай ко мне, есть замысел по шаровидному графиту в чугуне для тюбингов – перспективнейшее дело – и на кандидатскую, и на докторскую!»

Предложение грело душу, но, по его представлению, проектировщиками работают пожилые люди, да и не собирался пока Клинов никуда переходить: он знал – как минимум два года до начала бурения стволов, а что потом – потом и будет принято решение.

Уральский подсолнух

В плаще мышиного цвета, с серой кепкой на коленях, у Клавы в каптерке сидел мужчина лет тридцати пяти. Волосы цвета пшеницы, рыжая щетина, не по годам морщинистое лицо невольно наводили на сравнение с подсолнухом. Весь его простосердечный вид, маленький рост, наметившийся животик свидетельствовали о доброте и приветливости.

– Ждет вас, Георгич. Я ему говорю: здесь мест нет, а он твердит: «Мне нужен Клинов».

– Клинов – это я, а вы откуда? – Федор глядел на гостя и не мог сдержать улыбки – настолько импозантен был приезжий.

– Я шеф-монтажник Уралмашзавода Громов Борис Александрович. – Он поднялся, ростом оказался Клинову по плечо, пожал протянутую руку. – Сижу тут, а дежурная говорит, – он посмотрел на Клаву, – мест в общежитии нет. Как же мне быть? Я командирован на монтаж буровой установки УЗТМ-8,75-800.

– Место для вас найдется. – Федор повернулся к дежурной: – Клава, открывай резервную комнату.

Громов поднял объемистый чемодан, и все трое двинулись в конец коридора, в комнату, которая с самого начала предназначалась для представителей Уралмашзавода.

– Когда ждать шефа-конструктора? У меня есть вопросы по буровой, – Федор хотел сменить тему и переключить обидчивого шеф-монтажника.

– Точно не знаю, думаю, в этом месяце. А что касается вопросов по буровой, то я тоже могу дать пояснения, вы ведь получаете документацию, вот вместе и посмотрим.

«Ну, вроде монтажник не нервничает», – успокоился Клинов и обратился к дежурной:

– В этой комнате будут жить уральцы, – и повернулся к Громову. – Борис Александрович, вы не будете возражать, если шеф-конструктор будет жить в одной комнате с вами?

– Я не возражаю. – Подсолнух был, очевидно, доволен, что устроился с жильем, и уже приветливо обратился к Клаве: – Мне бы электрическую плитку.

– А у меня плитки нет, – Клава вопросительно смотрела на Федора.

– Будет у вас плитка, Борис Александрович, только завтра, хорошо?

– Да, хорошо, завтра так завтра.

Проходка форшахты подошла к концу. Снова приехал Мишедченко, вместе с Адлюковым они спустились в форшахту. В том месте, где к форшахте примыкает приямок, проектировщик тщательно осмотрел бетон крепления.

– То, что я увидел, – отметил Анатолий, – пока вопросов не вызывает. Приеду через два месяца, чтобы проверить крепление форшахты на предмет протечек, после того как кончится действие заморозки.

Конструктор НИИ «Тяжмаш» появился только через три недели. Станислав Хватков, высокий, крепко сложенный парень, сдержанный и уверенный в себе, как определил Клинов, – его ровесник, и они сразу почувствовали друг в друге родственную душу.

Вечером в комнате уральцев отмечали начало работ по монтажу буровой установки. Громов, демонстрируя хозяйственность, чистил картошку, Хватков выставил свердловскую водку, Клинов разжился у Клавы салом.

Иван Скряга

Громов и Хватков занялись инвентаризацией оборудования буровой установки. Через месяц уральцы подготовили список недостающего оборудования и отчет. Документы отправили в Западное управление, Трест и на Уралмашзавод.

Хватков еще неделю продолжал инвентаризацию, уточняя и дополняя документ, который у него назывался «Дефектный акт», и с ним улетел в Свердловск.

Тем временем возле форшахты Иван Семенович Скряга, назначенный заместителем начальника горного цеха, руководил подготовкой площадки к монтажу.

Скряга, высокий интересный мужчина пятидесяти лет, находился в том опасном возрасте, когда «седина в бороду, бес в ребро». И если кого-то эта болезнь не коснулась, то это не значит, что ему повезло.

Ивану Семеновичу не повезло – его эта болезнь коснулась. Дело в том, что природа наделила Ваню веселым нравом с ироничностью, его обходительность и комплиментарность не оставляли равнодушной ни одну даму, которая его интересовала. По договоренности со своей «текущей», а она была существенно старше, свобода действий ему была обеспечена в полной мере.

Утром в нарядной, закончив раздачу заданий, Иван Семенович объявил в своей обычной манере – с усмешкой:

– Звонил Игорь Филиппович Лось, тебе, Федор Георгиевич, выпала честь лететь в Свердловск. Министр Монтажспецстроя договорился с министром тяжелого машиностроения доукомплектовать буровую установку недостающим оборудованием. У тебя будет карт-бланш!

Ганна

Ганна была мила той характерной привлекательностью, свойственной только украинкам. Статная фигура, открытый взгляд синих глаз в густых ресницах, брови вразлет – от ухажеров нет отбоя. Парубки наперебой предлагали руку и сердце. Училась девица легко и хорошо. Учителя благоволили, прочили большое будущее. Это была краса и гордость школы, первая ученица; мать – так та, глядя на дочь, не могла нарадоваться.

Украинке свойственен яркий темперамент, который придает ей уверенность, независимость, способность принимать решения главы семьи. Там, где желательнее проявить терпение, покорность и смирение, украинка скорее решит переломить ситуацию. Она будет отличной хозяйкой, верной женой, но не потерпит измены.

В старинном селе, затерявшемся среди степей, в тихой Петропавловке с беленькими мазанками, в которых летом прохладно, а зимой тепло, Ганна не могла рассчитывать на

интересную жизнь, и она, кровь с молоком, окончив школу, отправилась в шахтерский поселок Першотравенск.

Девушку с длинными ногами и густой темно-русой косой приняли воспитателем в детский сад, рекомендовали поступить в педагогическое училище в Днепропетровске, выделили маленькую комнату в шахтерском доме.

Вскоре из другого старинного села Терновка, такого же спокойного, как Петропавловка, и столь же бесперспективного, появился Григорий, парень под стать Ганне: высок, плечист, собой недурен, отслужил армию и уже работает в забое шахты «Степная» крепильщиком. Все у молодых шло по классике…

В начале донбасской жизни Клинова у клуба не видели, но пришло время, и, приняв для легкости водки, отправился повеса на охоту: столичные амбиции все равно оставались, однако зов природы неистребим и требовал удовлетворения естественных желаний.

И вот однажды Федор все-таки остановил взгляд на статной девице с темно-русой косой, она же обратила на него внимание гораздо раньше, но скромность не позволила проявить инициативу.

Одновременно Ганна стала терять интерес к Грише. Терпение, покорность и смирение не были ей свойственны, и мысль переломить ситуацию не оставляла уверенную в себе девицу.

Шалопай, прогуливаясь недалеко от танцевальной пло-

щадки и будучи слегка навеселе, увидел Ганну с подружкой.

– Добрый вечер, девушки. Не скучно одним?

– Нет, не скучно, мы вдвоем, – сказала подружка и вопросительно взглянула на Ганну, мол, не лишняя ли я. Та улыбнулась, но промолчала.

– Я хотел сказать, что симпатичным девушкам должно быть скучно без молодых людей, – Федору не нравился собственный банальный треп, но и уйти теперь как-то было неудобно. – А знаете что, – отбросив застенчивость и полагая, что удача сопутствует смелым, – чтобы нам и в самом деле было веселее, предлагаю пойти на танцы!

Так состоялось знакомство куртуазного повесы, меньше всего задумывающегося о семейной жизни, и провинциальной девицы, мечтающей о жизни в большом городе.

Лето сдавало позиции осени, вечера становились прохладнее. Повеса с воспитательницей посмотрели «Весну на Заречной улице», а выйдя из клуба, быстро продрогли.

Тогда, ведомая зовом природы и мечтой, преодолев застенчивость, жутко стесняясь своей смелости, она завела шалопая в свою комнату, налила парню и себе самогонки, уложила молодца, сама прилегла рядом, и… «*кровать скрипела лихо, хоть и не война!*».

Поселок только и говорил о бесстыжей девке-разлучнице, залетном парне, который не одну уже обманул, обманет и эту, и о том, что Гришка этого так не оставит!

Молва не мешала повесе, а мечта Ганны оказалась сильнее

досужих разговоров: он, уже не таясь, обитал у нее, она его ждала, вкусно готовила и предвкушала жаркую ночь.

Григорий, и правда считая москвича виновником охлаждения Ганны, решил потолковать с ним. Когда тот подходил к дому изменницы, из подъезда вышла знакомая семейная пара.

– Привет, Гриц, – это был его напарник из бригады крепильщиков.

– Здоров будь, – сразу же смекнув, с какой целью здесь приятель, быстро отошел с ним в сторону.

– Ти навіщо приперся? Раньше надо было думать, теперь только еще больше будет позора, тебе это надо?

– Так она мне ничего не сказала, – от напарника несло перегаром, говорил он невнятно, был удручен и подавлен.

– Нечего тебе здесь делать.

Приятель позвал жену, они подхватили пьяного Грица под руки и увели от дома.

Семейное счастье

Молодая семья механика заняла квартиру, освобожденную временным исполняющим начальника горного цеха Николаем Илларионовичем Калугой. Мебель Калуга не вывез, Ганна из своей комнатки в шахтерском доме забрала гардероб, теща, не одобрявшая выбор дочери, привезла домаш-

нюю утварь. Так началась семейная жизнь шалопая, счастья в которой дано избранным.

В субботу состоялось новоселье: Скряга подарил люстру, Бут – кастрюли, Подсолнух – набор ложек и вилок. Екатерина Свиридовна нагнала самогон, приготовила холодец, сварила борщ из пивня. Пили за новоселье, за молодых, борщ шел на ура. Федор с удивлением смотрел, с каким удовольствием гости уплетают национальное блюдо.

Уральский подсолнух веселил гостей историей своей несостоявшейся свадьбы, а Иван Семенович, недвусмысленно поглядывая на округлившийся живот Ганны, расспрашивал, есть ли ясельная группа в детском саду.

Обосновавшись в двухкомнатной квартире, расставив мебель по требованию текущей, Федор счел исчерпанными обязанности по дому и снова погрузился в подготовку буровой установки к монтажу.

– Меня командируют в Свердловск на Уралмашзавод, едем с тобой в Москву. Поживешь у моих родителей. Родишь. Как тебе такой план?

– Мне боязно будет без тебя. Ты уедешь, а я твоих родителей даже не видела ни разу, – Ганна посерьезнела, села у стола и вопросительно смотрела на мужа.

– Все будет нормально, они такие же, как твоя мать, – ровесники. – Федор обнял ее за плечи, погладил по голове. – Вот ты мне скажи: как Екатерина Свиридовна восприняла меня, когда увидела первый раз?

Жена заулыбалась:

– Ты знаешь, что она тогда сказала?

Федор сел рядом:

– Ну и что же, интересно, сказала теща?

– «Не пара он тебе», – вот что она сказала.

Такого откровения шалопай не ожидал; более того, его задела грубая прямота, с которой было сказано то, что в таких случаях умалчивается.

«М-да, – Клинов задумался, – ведь что-нибудь подобное Ганна может ляпнуть и в Москве». Не хотел Федор развивать тему провинциальности и культуры общения, поэтому, переводя разговор, сказал:

– И на старуху бывает проруха, не бери в голову. Мы с тобой необычная пара – вот в чем наша особенность!

Казалось бы, пустяковое дело, однако в душе шалопая впервые закралось сомнение и остался неприятный осадок.

В доме, стоящем покоем в северном пригороде, их ждали. Дверь открыла Арина.

– Проходите, гости дорогие! С утра ждем вас. Вот какие вы красивые! – забирая сумку у Ганны, приветствовала хозяйка.

Тут же был хозяин дома с Этеллой. Она во все глаза рассматривала жену брата, улыбка играла на ее очаровательном лице. За спиной родственников возвышалась Жоржетта, ей тоже было любопытно увидеть жену Федора.

Вечером на кухне в честь молодых, узким кругом, без при-

глашения кого бы то ни было, состоялось скромное застолье. Немного посидев и сказав пару дежурных тостов, Южанин уселся перед телевизором смотреть футбол, Этелла с нянькой вскоре ушли.

Все это время в доме Клиновых висело напряжение. Арина, чувствуя, как тяжело приходится Ганне, занимала ее разговорами, угощала сациви, приготовленным Южанином. Молодая еле притронулась к еде, отвечала односложно и с радостью согласилась, когда после чая Арина предложила посмотреть их комнату.

Уралмашзавод

– Самолет прилетает утром, поэтому из аэропорта лучше всего поезжай в НИИ «Тяжмаш», он находится на территории завода. Стас устроит в гостиницу, поможет во всем на заводе, – напутствовал Громов перед отъездом.

Из аэропорта Кольцово Федор сразу поехал на завод. Поразили масштабы:

– Четыре километра в длину и полтора в ширину, – рассказывал Хватков. – В Свердловске есть жилой район, так и называется «Уралмаш», там живет около двухсот тысяч человек, а всего на заводе работает более тридцати семи тысяч инженеров и рабочих. Уже проектируется метрополитен.

– Да ты, Станислав Петрович, патриот Уралмаша, – Фе-

дор не без иронии искренне удивлялся откровенной гордости Стаса не только за завод, но даже за город и его развитие.

– Ты знаешь, Федор Георгиевич, мой отец работает в литейном цехе, мать – в транспортном отделе, во время войны на заводе работал дед, – Хватков говорил без апломба, тихо, но с какой-то внутренней убежденностью, не принимая во внимание иронии Клинова.

Федор пожалел о своих легкомысленных высказываниях, ему стало стыдно; он вспомнил, что отец был на фронте с первых дней войны, мать в тылу тяжело работала в колхозе, но они никогда не шутили по поводу тех лет…

– Извини, Стас, ляпнул, не подумав. Все мои родственники тоже воевали или трудились для фронта.

Пять дней в Свердловске пролетели как один день. Многие позиции из перечня недостающего оборудования Носовский держал в памяти. Проанализировав список, он дополнил его комплектующими изделиями по своему усмотрению.

– Теперь список можно передавать в цеха. – Хватков и Клинов сидели в кабинете начальника отдела НИИ «Тяжмаш». – Я переговорил с отделом комплектации и цехом внешнего монтажа, теперь дело за вами.

– Роман Антонович раньше работал в цехе шагающих экскаваторов, его все знают и уважают, – шептал Стас Федору, пока Носовский говорил по телефону.

– Ваша задача, молодые люди, – начальник широко улыб-

нулся, – неусыпный контроль, чтобы ни одна позиция не была забыта. Тебя же, Станислав Петрович, кроме официальной задачи, прошу показать гостю город, а также организовать другие мероприятия, чтобы у Федора Георгиевича осталось хорошее воспоминание об Урале!

Комплектуя сборный вагон для отправки оборудования в Донбасс, Федор не уставал удивляться доброжелательности начальников цехов и их сотрудников. В каждом из семи цехов, участвующих в комплектации, был список, утвержденный Носовским.

К концу недели все по списку перевезли в цех внешнего монтажа, отсюда оборудование должно было уйти на погрузку. На прощание начальник цеха внешнего монтажа показал тележку с ящиком:

– От нашего цеха передаем несколько комплектов монтажно-слесарного инструмента. Желаем, чтобы у вас на буровой получилось все как полагается!

За день до отъезда Стас вручил билет в театр музыкальной комедии.

– Везучий ты, механик, – говорил Хватков, торжественно вручая Клинову билет в театр. – Постарался Носовский: специально для тебя по большому блату достали один билет на спектакль с участием Маренича. – Стас показал газетную выдержку: – Вот, послушай:

«Сценические образы А. Маренича сочетают гротесковую остроту с реалистической достоверностью. Его игра от-

личается легкостью диалога, тонким чувством ритма, выразительностью пластического рисунка роли... Фантастически талантливый комик с трагическим лицом».

– Спасибо за все, Станислав Петрович! Я впервые встречаюсь с таким необычайным гостеприимством, которое наверняка останется в памяти на всю жизнь, – взволнованно говорил Федор на прощание. – Жду тебя в Донбассе!

Первые распри

На ту атмосферу радушия и доброжелательности, которую на протяжении всей недели ощущал Федор на Урале, в доме, стоящем покоем в северном пригороде, не было и намека.

«Кот из дома – мыши в пляс» – ешкин кот, точнее не придумать! Может быть, выражение и не совсем к месту, но по смыслу – лучше не скажешь!

Как только Молодой убыл по делам, Молодая тут же замкнулась, из комнаты выходила лишь по нужде. Арина, видя такое дело, с большим трудом уговорила Ганну прийти на кухню, подала борщ, приготовленный специально для нее, села с нею рядом, стараясь отвлечь украинку от грустных мыслей. Ганна сидела набычившись, ела мало, отвечала неохотно.

Арина терялась в догадках, перебирала в памяти, что не

так сказала или сделала, но ничего не находила. Да и трудно было что-то найти, тем более что Арина по своей природе была добрейшим человеком – мухи не обидит.

Только через несколько дней, заметив округлившийся живот невестки, она успокоилась – обычное поведение беременной женщины.

Ганна уплетала борщ, а входная дверь не была закрыта. Тут-то и появились две подружки, снедаемые любопытством: Танька Федюкина и Майка Литвина; обе, как известно, жили этажом выше.

– А собственно, чего бы нам с тобой не зайти к Клиновым? – посмеивалась сумасбродная Федотиха. – Федьку я давно не видела, соскучилась, надо же посмотреть, на ком это его угораздило жениться, когда тут пропадают красавицы, как ты считаешь?

– Зайти-то, конечно, можно, – считала рассудительная Майя. – Мне тоже интересно было бы посмотреть на Федора. – Она вспомнила, как когда-то смутился хмурый мальчик, и подумала: «Я ведь ему тогда понравилась». – Прошло не так много лет, мы изменились, – и тут легкая тень ревности мелькнула на ее челе. – Он ведь мог бы жениться на мне…

– Здравствуйте, Арина Леонидовна! Это мы с Майей зашли проведать Федора, – девушки стояли в прихожей и ждали, когда кто-нибудь выйдет к ним навстречу.

– Здравствуйте, девочки, – поправляя волосы и улыбаясь гостям, отвечала Арина. – Проходите к нам на кухню, я вас

познакомлю.

Ганна вымыла тарелку и хотела было уйти в комнату, но в коридоре встретилась с подружками.

– А вот и мы, – Федотиха улыбнулась, протянула руку для знакомства – украинка даже не подумала ответить. – Я Татьяна, – не теряясь и продолжая улыбаться, представилась Федотиха. – Мы с Майей решили зайти по-соседски.

– Таня, Майя, присаживайтесь, я заварю чай, будем пить с малиновым вареньем и пряниками, – Арина суетилась, остро чувствуя неловкость ситуации. – Ганна, если не трудно, достань, пожалуйста, чашки, ты все-таки повыше меня.

– Ганна – я правильно называю вас? – в иной обстановке и не для первого раза вопрос Федотихи прозвучал бы без подтекста, но такова женская природа – подтекст присутствовал.

– Правильно, – ставя чашки на стол, сухо сказала украинка. – Можно звать Анна, в школе меня так и звали.

– А вы по-украински можете говорить? – поинтересовалась Майя.

– Конечно, – и Ганна улыбнулась. – Вообще, в Донбассе чистого украинского языка нет, все говорят по-русски, используя иногда украинские слова. – Все успокоились, Арина разливала чай.

– Я думала увидеть Федора, а он, оказывается, уже уехал, – в голосе Татьяны прозвучало сожаление, и это не скрылось от украинской гостьи.

Подружки ушли, а Ганна спросила:

– Арина Леонидовна, зачем они приходили? Кто им сказал, что мы приехали?

Арина опешила, не зная, что сказать, растерялась: ее обезоружила злая интонация в вопросе снохи.

– Приходили, потому что в доме все знают друг друга.

– У Феди с кем-то из них что-нибудь было? – продолжала украинка.

Арина совсем расстроилась от очевидной бестактности.

– Тебе лучше об этом спросить Федора, я не знаю, что и с кем у него было, и лучше нам такие вещи не обсуждать.

В прекрасном настроении, с чувством исполненного долга, Клинов вернулся из Свердловска и прямо из Домодедово поехал в трест: не терпелось доложить, как принимали на заводе, что не только погрузили все из списка, но еще дали комплекты инструмента.

В бюро бурения треста Клинов входил как победитель, хотя молодцу следовало бы знать, что режим наибольшего благоприятствования на Урале и тот самый карт-бланш обеспечивали в нескольких министерствах, что инициаторы – Федюкин и Фолле, но, как бы то ни было, Клинов был на коне.

– Здравствуйте, Вячеслав Анисимович, Иван Леонович! Я к вам прямо из Домодедово. Задание партии и правительства выполнил, спешу доложить!

– Вижу, вижу, тебя прямо-таки распирает от удовольствия, – Федюкину передалось настроение механика. – Ну что ж, значит, мы, – он посмотрел на коллегу, тот одобри-

тельно кивнул, – в тебе не ошиблись.

– Все, что указано в списке, – Федор развернул исчерканные и замасленные бумаги, положил перед Фолле, – собрали из семи цехов, сверх того дали несколько комплектов монтажных инструментов, – с гордостью докладывал механик.

– От имени треста Шахтспецстрой Минмонтажспецстроя, – Вячеслав Анисимович поднялся, – тебе, Федор Георгиевич, объявляется благодарность с занесением в трудовую книжку, – он пожал руку.

Подошел растроганный Фолле:

– От бюро бурения шахтных стволов механик проходки Федор Клинов награждается премией. – Иван вопросительно посмотрел на начальника бюро, Федюкин кивнул. – Размер премии сообщу позже, – доверительно сказал потомок французского гренадера.

Дома была только Ганна.

– Арина ушла в магазин, а я собираю вещи.

– А что случилось? Мы ведь решили, что ты останешься у родителей, а мне еще с приятелями надо повидаться.

– Ну да, приятелей, видите ли, ему надо повидать, а на жену тебе наплевать. Ты забыл, что еще приятельниц хотел бы увидеть. Это не те ли крали, что на днях приперлись ни свет ни заря, а им, видите ли, соседа хотелось бы проведать?

Это был ушат холодной воды, обрушившийся на победителя, въехавшего через триумфальную арку на лихом коне. Федор стоял, ошеломленный мощным натиском, сраженный

наповал тем, что это не кто-то, а его жена.

«Тут что-то случилось в мое отсутствие, – Федор старался остаться хладнокровным, но куда там, его била нервная дрожь, взять себя в руки не получалось. – Не похоже, чтобы Арина что-нибудь не то сказала. Стоп.

Ясно, скорее всего, – предположил шалопай, – приходила Федотиха, наверное, с Майкой. У Таньки тот еще язычок, могла зацепить, а провинция есть провинция, вот украинское самолюбие и взыграло!»

– Скажи, пожалуйста, Ганночка, кто тебя так расстроил? И не приходили ли девчонки с третьего этажа? Если это Танька Федюкина, то она могла наговорить всяких глупостей, с нее станется.

– Это твоя любовница, что ли?

– Да какая любовница?! – парень начал терять терпение. – Глупость какая-то, что ты такое говоришь?!

– Да она тут вела себя так, как будто она твоя жена.

Федор видел, что разговор теряет смысл, что дальше пойдут оскорбления, что он тоже перестает управлять собой, поэтому как вошел, так и продолжал стоять в прихожей, держа дорожную сумку в руке.

– Знаешь что, ты успокойся, а я приду позже. – Он бросил сумку на пол и вышел, хлопнув дверью.

«Знаете, мужики, пошло оно все полем, лесом, да чем угодно, только заканчиваю я семейную жизнь! Я вроде заключенного: туда не ходи, с этой не разговаривай. Все, хва-

тит!»

Клинов сидел у Беков и пил. Пришел Боб, подтянулся Янич, и ребята загуляли. Ночью переместились к Агрегату, дома Федор появился к вечеру – пьяный в дым.

Ганна продолжала возмущаться нахальными подружками, Ариной, пьянством. С утра он снова ушел к Беку, там уже был Боб. Лишь Арине удалось уговорить его вернуться домой: Ганна уезжает.

И точно, вещи Ганны уже были собраны. Перельцвейг пошел провожать, как он ее уговорил – неизвестно, только вернулся он с Курского вокзала вместе с заплаканной Ганной.

«Запущу УЗТМ-8,75 в работу – и хватит с меня Западного Донбасса», – решил шалопай, правда, куда, кем – ясности не было. Когда он приезжал на побывку, такой вопрос обсуждался во время его посиделок с приятелями, но все разговоры носили легкомысленный характер.

Бекметов и Понедельник работали на строительстве Ждановско-Краснопресненской линии метрополитена.

– Помнишь, Федя, когда ты уезжал в Донбасс, – посмеивался Бекметов, – я тебе предложил: чтобы ты там долго не задерживался, возьму тебя мастером?

– Помню, было, только теперь мастером меня не устроит, да и нет желания осваивать скучную технологию проходки горизонтальных выработок. Теперь мое амплуа – или проходка шахтных стволов бурением, или горное дело, где я был бы в руководящем составе.

– Ну-ну, большому кораблю – семь футов под килем!

– А не пойти ли тебе, Клинов, ко мне на проходку шахтных стволов обычным способом, но зато на глубину до 1 000 метров? Тут тебе деньги, и сразу много, а оттуда – в проектировщики. Проектирование – это как раз верный шаг к руководящему составу: Боб Перельцвейг второй год работал на строительстве Норильского горно-металлургического комбината.

– Спасибо, конечно, мужики, за приглашения, но пока я не знаю, куда и кем бы мне хотелось; кроме того, у меня еще есть дела в Донбассе.

Клинов с нетерпением ждал начала электромонтажных работ, и особенно по монтажу автоматических систем управления бурением.

– Здравствуйте! – произнес высокий широкоплечий мужчина в кепке и с небольшим чемоданом. – Я приехал из Москвы для выполнения электромонтажных работ на УЗТМ-8,75.

– Добрый день! – обрадовался Федор. – Ждем вас, – разговор происходил в помещении нарядной вскоре после оперативки, которую теперь проводил недавно назначенный главный инженер горного цеха Пестриков. – Проходите, садитесь.

– Я прямо с поезда, мне бы в гостиницу устроиться. Извините, забыл представиться: Суслов Михаил Андреевич.

С Мишей установились самые дружественные отношения.

Он сразу же приступил к работе, только попросил выделить ему место для инструмента и материалов.

Монтаж буровой установки шел полным ходом, и весь световой день Клинов проводил на строительной площадке.

Особенно Федору запомнился день, когда состоялась первая подача буровой трубы для наращивания буровой колонны. К этому времени буровая вышка высотой 52 метра с примыкающим магазином для буровых труб, каждая высотой 20 метров, уже была смонтирована.

Опробованием системы руководил новый начальник горного цеха Приходько, как и Пестриков, назначенный Западным шахтостроительным управлением.

– Начинай! – крикнул Приходько.

– Начали, – распорядился Скряга. Клинов пулей бросился к наружной лестнице поворотного крана, лифт на кран еще не запускали, добрался до пульта управления и крикнул вниз:

– Я на месте!

Иван Семенович перекрестился, посмотрел вверх, махнул рукой:

– Федя, давай!

Клинов включил электропривод на поворот, и кран медленно стал поворачиваться к магазину труб, одновременно стал снижаться бешеный ритм сердца. «Не бзди, Клинов, пока все идет хорошо», – глянул вниз, там ждали. Пока все идет по плану!

«Теперь спускаю к трубе захват, допустим, к той: она ближе всего, – тоже нормально все работает», – успокаивал себя механик. На площадке трубного магазина стоял Бут для корректировки. Хорошо!

«А вот посмотрим, как произойдет захват. Так, захват сработал. Правда, Бут немного подправил».

– Вира! – крикнул Бут, и Федор включил подъем.

И тут случилось непредвиденное: вместо подъема начался неуправляемый спуск, буровая труба весом несколько тонн опустилась на фундамент и под небольшим углом прислонилась к конструкции магазина.

– Прекратить работы! – кричал Приходько истошным голосом.

Скряга увел рабочих с раздвижных платформ.

– Через час Скряга, Пестриков, Клинов с монтажниками и Уралмашем – ко мне! – распорядился Приходько.

Причиной неудачного опробования явились ошибки в расчетах электроприводов: не были учтены динамические нагрузки, тормозные системы приводов требовали замены.

Пуск

Утром, еще до оперативки, Клинов поднялся на работающую буровую установку УЗТМ-7,5, зашел в кабину машиниста. Она, в отличие от УЗТМ-8,75, находилась на высоте

шести метров от фундамента и вся ходила ходуном.

– Привет буровикам! – Федор держался за поручень. – Это что, нормальный режим? Болтает, как в шторм на боевом катере.

– Когда мы начинали бурение во Владимире-Волынском, – заговорил бурмастер, – мой помбур со страху кубарем скатился из кабины машиниста. Потом и мы, и он привыкли. На УЗТМ-8,75 такой качки не будет.

К декабрю недоделки, просчеты на УЗТМ-8,75 были устранены. Прокачали системы подачи и возврата глинистого раствора, еще раз проверили замененные электроприводы поворотного крана, прокрутили главный редуктор вращения буровой колонны, собрали передовой бур диаметром 3 метра и два расширителя: 5,75 и 7,5 метра.

– Буровая установка готова к пробному пуску и началу бурения, – заявил Скряга на совещании у Приходько.

– Хорошо. Я вызываю представителей Западного управления и треста «Шахтспецстрой». Федор Георгиевич, а вас я прошу: пожалуйста, никакой самодеятельности, и соблюдайте субординацию. Иван Семенович, вас это также касается!

– Ну что, механик, с Богом, давай начинай. – Скряга с Клиновым зашли в помещение силовых машин. – Привет, Михаил Андреевич. Сегодня начинаем бурить, запускай генератор.

– У меня все готово, жду команды.

– Гвидон, – Скряга позвонил в глинистое хозяйство, – на-

чинаем, включай насосы.

По отдельности все было опробовано и перепроверено, теперь начал работу весь комплекс. Буровой мастер из кабины машиниста опустил вертлюг, его соединили с колонной, платформы с редуктором разъехались, включили эрлифт, и началось бурение.

Буровой мастер показал большой палец, Скряга пожал Клинову руку, Бут улыбался, Павленко с поворотного крана делал недвусмысленные знаки, что начало надо обмыть!

Когда приехали начальники, бурение уже шло полным ходом. Лось с Фолле обошли буровую, посмотрели подачу труб, забрались на раздвижные платформы, оценили работу пневматического ключа для свинчивания труб, с Гвидоном осматривали глинистое хозяйство. Их везде сопровождали Приходько и Пестриков. Так прошел весь день. К вечеру приехали партийные боссы из Павлограда и Днепропетровска.

Погода совершенно не располагала ходить по строительной площадке. Хотя мороза не было, но дул сильный пронизывающий ветер. Представители власти и руководители быстро продрогли и, в конце концов, собрались в помещении силовых машин, где было тепло. Фолле и Лось расположились в кабинете Клинова.

– Поздравляю, Федор Георгиевич! Долго вы шли к сегодняшнему дню, вы молодец, – Иван Леонович волновался, смущался от этого, но своей радости не мог скрыть.

– Прими и мои поздравления, Федор Георгиевич, – улыбнулся сдержанный Лось. – Не был я уверен, что не бросишь, а ты выдержал.

В кабинет зашел Скряга:

– Ищу тебя, Федор Георгиевич, а ты, оказывается, у начальства, – он глянул на главного инженера. – Давай-ка сходим к Гвидону, у него что-то с шиберами, – и они вышли. – Все там с шиберами нормально, у Гвидона все приготовлено, ждет нас.

– Нет, Иван Семенович, если мы уйдем, это будет как-то нехорошо.

– Так давай пригласим их.

– Фолле, я уверен, пойдет, а вот Лось – не знаю, какой-то он сухарь.

– Лося беру на себя. Кстати, Приходько и Пестриков вместе с партией уехали, так что нас никто не потревожит.

Выкуп

Взлет

Двигатели самолета на взлетной полосе ревут на предельной мощности. Пассажиры, пристегнутые к сиденьям, с неизбежным волнением вслушиваются в жуткий рев моторов и невольно отмечают, что звук чистый, а значит, сейчас будет разрешение на взлет.

Клинов торопит эти тревожные минуты. Всякий раз после набора высоты его сковывало чувство панической безысходности, потом страх сменялся безнадежным спокойствием, к моменту приземления возникала привычная на земной тверди обыденность. С этой зависимостью ничего нельзя было поделать, и каждый раз ему приходилось следовать острейшей смене чувств.

Самолет прорезал массивные тучи, вырвался к безмятежному солнечному простору, набрал свою высоту, гул моторов стал ровнее и тише. Сделав вираж, Ту-104 взял курс на Ереван.

Сбросив ремень безопасности и взлетное напряжение, Клинов осмотрелся: слева дремлет Дудуев, справа – Орлов. В кресле следующего ряда его внимание привлекла брюнет-

ка, чей тонкий профиль хорошо смотрелся на фоне иллюминатора.

Шалопай достал четвертинку, налил водку в раздвижной стаканчик и осторожно тронул плечо брюнетки.

– Присоединяйтесь к нам, девушка.

– Спасибо большое. Водку не буду, а вот что-нибудь полегче я бы выпила.

В просвет между креслами, повернувшись к Клинову, приветливо глядела миловидная девица.

– Меня зовут Тамара, – она улыбнулась, – можно просто Тома. У повесы где-то под ложечкой обозначилась легкая приятность.

– А я Федор, и мне очень приятно лететь с такой попутчицей.

– С какой такой?

– С симпатичной!

– Благодарю вас.

– К сожалению, что-нибудь полегче мы не взяли, но по такому случаю в Ереване предлагаю восполнить наш просчет.

– В Ереване так в Ереване.

– Артем, ты от водки вряд ли откажешься, держи, – и передал стаканчик приятелю. Тот выпил, хмыкнул, взял у Клинова бутылку и налил Орлову. При всей малости четвертинки на троих водка сделала свое дело: стало хорошо и спокойно.

Бригада

В армянскую столицу из Загородного научно-исследовательского института летят две группы: первая – сплоченная и современная троица, состоящая из Клинова (он старший), индифферентного блондина с ясными глазами Артема Дудуева и непоколебимого Кости Орлова, доброго малого атлетического сложения.

Артем – приемный сын бездетной осетинской семьи – не вынес суровых условий Таймыра: сменная работа в шахте, нехватка кислорода на полуострове, несколько месяцев круглосуточной тьмы, потом нескончаемый полярный день, который, кстати, давался ему тяжелее полярной ночи. Продержавшись чуть больше двух лет, молодой горняк перевелся в Загородный НИИ. Между собой его называли просто ЗагНИ. В этом упрощении была и ирония, и скептическое отношение троицы к научному учреждению.

Красавец Орлов в силу простого нрава выбрал ЗагНИ по принципу «поближе к дому» – жил он неподалеку. А где работать и что делать – ему было все равно.

Вторую, руководящую, группу, направляющуюся в Ереван, представляет импозантный Шнайдер Борис Петрович – шестидесятилетний кандидат технических наук и кандидат в члены КПСС. В институте он слыл неординарным человеком. В нем уживался энергичный предприниматель, высоко-

мерный аристократ, любимец женщин бальзаковского возраста, большой педант и зануда в отношениях с подчиненными.

Обычно при нем, как и здесь в полете, всегда рядом находится Наганов – откровенный подлиза, за что и прозван Денщиком. Денщик как денщик: подай, сходи, принеси, почисти и так далее. Было известно, что Шнайдер благоволит к нему еще и потому, что мать Наганова работает спецкором в «Вечерней Москве».

По этой же причине, а также в связи с тем, что парень откровенно пресмыкается перед начальством, а бывает, что и настучит, группа Клинова подчеркнуто игнорирует сверстника. В то же время Шнайдера побаиваются и стараются избегать: уж больно хитер и мудр старый еврей.

Борис Петрович, как идеолог горячего битума, рассчитывал хорошо заработать в Армении и включить объект в докторскую диссертацию. Он отличался яркой эмоциональной натурой, при этом никогда не скрывал меркантильных интересов. Не курил, не пил, коллегам умел рассказать смачный анекдот, а с женщинами был галантен и куртуазен.

Вот такая бригада направляется на Аванский солерудник, расположенный вблизи Еревана. Им предстоит провести гидроизоляционные работы, с тем чтобы подземные воды не поступали в горные выработки.

Не имея никакого понятия о том, в чем будет заключаться его деятельность в научно-исследовательском институте,

Клинов еще в Донбассе, не раздумывая, согласился стать ученым.

Его представили двум пожилым людям, занимавшим уютную комнату на первом этаже огромного здания.

Доктор технических наук Никанор Николаевич Андрейчев еще помнил, хотя и смутно, царское время, натурой был тихой и добродушной, женщин подозревал в двуличии и беспринципности. После войны строил калийный рудник на Урале, работал в совнархозе, потом ушел в науку.

С Клиновым у него сразу сложились приятельские отношения. В отсутствие Шнайдера, которого он терпеть не мог, доктор звал парня перейти к нему и заняться крепью шахтных стволов калийных рудников, выйти по этой теме на кандидатскую диссертацию.

Борис Петрович Шнайдер царских времен не застал, издал книгу по применению горячего битума для гидроизоляции подземных сооружений или, как позже поговаривал Клинов, «шнайдеризации», читал, где придется, а вернее где согласны заплатить, лекции по этой теме.

Он рассчитывал, что Клинов, как человек с производства, будет выполнять практические работы на горных предприятиях, сулил скорую защиту, получение степени и, соответственно, денег.

Периодически тихую заводь двух маститых ученых посещал Знаков.

– Вот что, Клинов, завтра приедет Валентин Афанасьевич

Знаков, поэтому не опаздывай.

– Кто это, Борис Петрович?

– Раньше он работал в главке, теперь, временно, в проектном институте. Для нас с Андрейчевым он нужный человек.

Клинов посмотрел на Никанора Николаевича, тот как-то странно посмеивался.

– А мне он зачем?

– Познакомлю с ним. Ты еще молод и неопытен, придет время – поймешь: с такими людьми, как Знаков, лучше всего быть в дружбе.

– Можно анекдот?

– Ну, расскажи.

– Председатель колхоза вызывает передовую доярку и говорит: «Завтра приедет корреспондент телевидения, будет у тебя интервью брать». – «А что такое интервью?» – «Я не знаю, но ты на всякий случай подмойся…»

Шнайдер знал много анекдотов, умел к случаю и со смаком рассказать, но клиновский юмор ему не понравился, анекдот не оценил. Клинов понял, что позволил себе лишнее.

Позже Андрейчев пояснил:

– Знаков – важная шишка. Сейчас в опале. На совещании у министра пререкался, позволил себе некорректные замечания. Его понизили, но есть предположение, что скоро восстановят. Вот Шнайдер и заискивает перед ним. Ему наш институт негласно приплачивает каждый месяц.

Ровно в девять утра Клинов в пиджаке с галстуком и глаженых брюках сидел у профессоров и перелистывал журнал «Шахтное строительство».

Дверь комнаты распахнулась. На пороге возник немолодой дородный мужчина. Величественная осанка выдавала в нем руководителя. Его крупная фигура с круглым животом и начальственным голосом сразу заполнила небольшую комнату ученых; стало тесно, и шалопаю нестерпимо захотелось уйти.

Сзади, что-то нашептывая, топтались Борис Петрович и директор ЗагНИИ.

– Здравствуй, уважаемый Никанор Николаевич! Рад видеть тебя в добром здравии!

– Здравствуй, Валентин Афанасьевич! Проходи, – по-уральски окая, говорил профессор, – ждем тебя.

Директор, сославшись на дела, ушел. Гость, поглядывая на Клинова, сел за свободный стол.

– Хочу пгедставить молодого горняка, – грассировал Шнайдер. – Федор Георгиевич работал в Донбассе механиком на шахте, теперь у нас с Никанором Николаевичем изучает проблему гидроизоляции горных выгаботок на калийных месторождениях.

– Производственник – это хорошо, – Знаков снисходительно оглядел вставшего из-за стола механика. – Вы, молодой человек, у этих специалистов, – он жестом показал в сторону ученых, – сможете многому научиться, так что старай-

тесь.

– Я постараюсь, – сухо отреагировал Клинов.

– Какие планы на будущее? – Он покровительственно рассматривал новичка.

– Сказать мне вам особенно нечего, да и планов толком никаких.

– Борис Петрович, у молодого человека должна быть программа, хотя бы на год.

– Конечно, конечно, – поспешил Шнайдер, – программа будет.

– У вас, молодой человек, должен быть план работы. Вы уже выбрали тему будущей диссертации?

– Мне, собственно, никакой темы никто не предлагал.

– Как же так, товарищи профессора? – Знаков привычным тоном начальника отчитывал ученых. По всему было понятно: руководить, давать указания, отчитывать – это его амплуа.

– Валентин Афанасьевич, – засуетился Шнайдер, – тему мы выберем в ближайшее время, составим план и доложим вам.

«Ишь ты! «Мы выберем!» Он даже не сомневается, что выберем «мы». Я еще посмотрю, что это он собирается выбрать», – безапелляционные заявления шалопаю не понравились. Еще больше ему претила назидательность гостя: «Прямо-таки отец родной», – негодовал Федор.

Знаков появлялся в ЗагНИИ каждый месяц. Наставлял и

поучал Клинова, давал пустяковые поручения профессорам и получал у директора восемьдесят рублей. Шнайдер и Андрейчев во всем с ним соглашались, а Клинов обычно помалкивал.

Снисходительный тон и высокомерие Клинову запомнились надолго. У толстяка было две причины регулярно бывать в институте: восемьдесят рублей, на которые он был оформлен в секторе Андрейчева, и докторская диссертация, которую ему готовили ученые.

Донбасскому механику положили такую скромную зарплату, что и объявлять не хочется, и назвали исполняющим обязанности старшего научного сотрудника. При этом поручениями не обременяли, а наоборот, предоставили самому себе.

Он сдружился с Дудуевым и Орловым, такими же, как и Клинов, начинающими учеными. Их часто можно было встретить в пивной, иногда же, заняв одну из свободных лабораторий, они разливали по стаканам водку и вели задушевные беседы.

В Донбассе были дисциплина, производственные задания и контроль, здесь же он диву давался институтским вольностям. Вскоре пришлось убедиться, что в таких заведениях не создают новое и прогрессивное, а занимаются исключительно темами своих будущих диссертаций, и если тема, в самом деле, представляет что-то эффективное, то такое совпадение считается удачей.

Прошло около месяца. И вот однажды в комнату без стука, будто к себе в лабораторию, вошел коренастый мужчина средних лет. Иван Краснов являлся партийным секретарем института и считался вторым человеком в администрации ЗагНИИ.

– Приветствую вас, молодой человек! – улыбался секретарь, явно желая пригласить не к официальному, а, может быть, даже приятельскому разговору. – Как вам у нас, привыкаете?

Он прошелся по кабинету и, остановившись у окна, внимательно посмотрел на новичка:

– Вижу, читаете горную литературу. Мне говорили, что вы работали в Донбассе, вы же оттуда?

– А вы где работали, – нагрубил шалопай, – до того, как стали секретарем?

Вопрос, конечно, некорректный, можно сказать, бестактный, но ведь надо бы сначала представиться, а уж потом устраивать опрос-допрос, что читаешь да где работал.

«М-да, колюч донбасский парень, с характером, но и я, следует признать, как-то неудачно начал, – спохватился Иван. – Ну да ладно, исправлюсь, парень-то вроде нормальный!»

Краснов, не смущаясь, придвинул стул и сел напротив Клинова.

– Не обижайся и извини меня. Давай знакомиться. Иван, – протянув руку, объявил секретарь.

Легко оттаяв, Клинов назвал себя и ответил на рукопожатие.

Среди ученых ЗагНИИ людей с производства было немного, и Клинова, как опытного горного инженера и кандидата в члены партии, Краснов предложил выдвинуть на должность секретаря комитета комсомола института.

Схожие характерами и взглядами, они импонировали друг другу. Иван, опытный путешественник по отдаленным местам России, заинтересовал парня сплавами на байдарках. Сам же, оставив байдарки в прошлом, переключился на парусный спорт.

Неожиданное предложение стать секретарем ВЛКСМ института Клинов принял без раздумий, но с некоторым сомнением, которым пока не стал делиться с Красновым.

На комсомольском собрании института, где Краснов представлял кандидата на пост секретаря, в актовом зале сто двадцать семь комсомолок с естественным женским интересом рассматривали и живо обсуждали чубатого парня.

«Одни девчонки, все в белых халатах, видимо лаборантки, хоть бы один парень, – удивлялся Федор. – И совсем не видно симпатичных, прямо беда какая-то».

Пропуская мимо ушей про социалистическое соревнование между лабораториями, все дружно проголосовали за Клинова, и он, как и парторг, неожиданно стал представителем администрации ЗагНИИ.

Но на этом общественная деятельность не закончилась.

При представлении в городском комитете комсомола восточного пригорода столицы выяснилось, что избранный секретарь в комсомоле и не состоял вовсе!

– Не беда, Федор! – воскликнул городской секретарь. – Своя рука – владыка, сейчас все организуем. А так как тебе все равно придется проставляться, то, пока мы тебя принимаем в ряды Ленинского комсомола, ты смотайся в магазин.

– Не вопрос, мужики, я мигом!

Когда, отмечая назначение, приняли по третьей, городской секретарь, наклонившись к Клинову, тихо спросил:

– Слушай, Федь, по секрету: а как же тебя кандидатом в члены партии-то приняли? Ты что, и правда в комсомоле не состоял?

– Если честно, состоял.

– И что случилось?

Шалопай усмехнулся и подумал: «А надо ли тебе, приятель, знать историю из авиационного института про три бутылки на троих, про бланш под глазом народного художника, пять суток в КПЗ знаменитого «Полтинника» и, наконец, про исключение из комсомола?»

И хотя зудело рассказать про подвиги, внимательно посмотрев на будущего партийного бонзу, понял: «Не тот случай, здесь нет и не может быть откровений!»

– Был обвинен в троцкизме и с треском исключен из рядов ВЛКСМ.

– Ну, ты даешь! – секретарь был явно ошарашен, помол-

чал и сказал: – Ладно, это между нами.

Забегая вперед, скажем прямо: за полтора года Федору так и не удалось адаптироваться к специфике научной среды. Среда оказалась не его. Здесь не было общей задачи или цели. Однако не все было беспросветно и безнадежно. Как и всегда в нашей жизни, оказалось, что нет худа без добра.

Специфика научной деятельности

Клинов рьяно и честно взялся за исследовательскую работу, но вскоре получил по носу за неудобные вопросы.

А дело было так.

Пришел он к Шнайдеру и задал первый, в корне неправильный вопрос: «Борис Петрович, что я должен делать?»

Руководитель от столь неожиданного и даже неприличного заявления хотел было возмутиться, но, поглядев в бесхитростные глаза механика, от гнева отказался и опрометчиво предложил ему изучить реологию вязких жидкостей. Заметим, что технология, разработанная Шнайдером, как раз страдала полным отсутствием теоретических основ.

Клинов засел за фундаментальные труды, созданные в предыдущем веке, с головой погрузился в теорию вязких жидкостей, стараясь извлечь из малопонятных расчетов академика Ребиндера хоть какую-то пользу применительно к нагнетанию горячего битума за крепь горных выработок.

Через три месяца с расчетом на высокую оценку своих изысканий Шнайдеру было доложено: «Да, горячий битум дает хорошие результаты при гидроизоляции, но ненадолго и не глубже двадцати метров от поверхности земли».

Обстоятельный доклад сопровождался математическими выкладками, ссылками на известных специалистов и академиков; кроме того, было множество отзывов от различных организаций.

Результаты теоретических исследований не только не устроили кандидата технических наук, автора метода, но даже привели его в неистовство: «Вот что, мой юный друг, – по-ленински картавя, зарокотал Шнайдер, – спрячь подальше свои бумажки и никому не показывай!»

Клинову стало обидно, свой доклад он изложил в виде статьи и отправил в специализированный технический журнал «Шахтное строительство».

Между тем с момента, когда в Донбассе на шахте 27-35/5бис его приняли в кандидаты в члены КПСС, прошел год.

– Вот что, Федор, – начал Краснов, когда тот вошел к нему в кабинет, – на очередном партийном собрании ставлю вопрос о твоем приеме в члены КПСС, пора по-настоящему пополнить ряды. Ты как, готов?

– Да, готов, но у меня нет рекомендаций.

– Одна рекомендация, считай, у тебя есть, я думаю, ты не будешь против, – улыбнулся Иван, – а вот насчет второй не

знаю, как быть. Поговори в райкоме комсомола, они же тебя хорошо знают?

– Нет, Вань, они, конечно, меня знают, но мне не хочется туда обращаться, не хочу быть обязанным, не те люди.

– И что же ты собираешься делать?

– Есть у меня мысль поговорить с Борушко Владимиром Тимофеевичем, что-то мне подсказывает, что он не откажет.

– Ты знаешь, если у тебя будет его рекомендация, то это, пожалуй, заткнет рот твоим недоброжелателям, у тебя же есть способность портить отношения.

– Ну, вот и хорошо!

– Что хорошо?

– Хорошо, что заткнутся недоброжелатели!

Борушко, как и предполагал Федор, в рекомендации не отказал. После многих лет работы на соляных шахтах в Артемовске он, как кандидат технических наук, прошел по конкурсу на замещение вакантной должности руководителя лаборатории в ЗагНИИ, получил квартиру, готовил докторскую диссертацию.

Владимир Тимофеевич считал Шнайдера дельцом от науки, обычно избегал его, а узнав о причинах конфликта механика, предложил перейти к нему в лабораторию.

На рецензию статья Клинова в журнал «Шахтное строительство» о применении битума в горном деле попала к Шнайдеру.

Со ссылкой на многолетний опыт и объекты от статьи не

осталось живого места. В сопроводительном письме к рецензии он указал: «Статья не свободна от сложившихся отношений между автором статьи и автором метода…»

Кончилось тем, что Борис Петрович вызвал самонадеянного выскочку и рассказал, что он о нем думает. Инцидент подорвал доброжелательные отношения и перспективу стать кандидатом технических наук. Покровительственный тон Шнайдера стал сухим и номинальным, но у шалопая, перегруженного комсомольской рутиной, на нюансы не было времени, а если бы и было, то вряд ли бы он придал им значение.

Над головой бесшабашного исполняющего обязанности старшего научного сотрудника стали сгущаться тучи.

Пополнить ряды

Уставшие за день коммунисты вполуха слушали скучный доклад директора, но, как только Краснов объявил о приеме Клинова в КПСС, сразу же оживились: механик, из Донбасса, секретарь комитета комсомола, говорят, сын большого начальника.

История со статьей в журнале «Шахтное строительство» растеклась по институту: одни – приверженцы цеховой солидарности – возмущались, другие хвалили, а мудрые качали головой: от таких умников хорошего ждать не приходится.

Встал Краснов и объявил:

— Федор Георгиевич, расскажите о себе.

Клинов вышел к столу президиума, потер висок, посмотрел на Краснова. Тот поощрительно улыбнулся.

— Отец – горный инженер, мать – преподаватель. Окончил Горный институт, работал механиком в Донбассе… Женат, – он умолк, растерянно смотрел в зал…

— Товарищи коммунисты, – секретарь парткома продолжал, – попрошу быть активнее, задавайте вопросы.

— У меня не вопрос, – с места послышался тихий голос Борушко. – Я дал рекомендацию молодому человеку, считаю, он будет достойным коммунистом.

— Я, – снова поднялся Краснов, – как и уважаемый Владимир Тимофеевич, тоже рекомендовал Федора Георгиевича в ряды членов партии и также считаю его достойным звания коммуниста. – Он помолчал.

— Есть еще желающие выступить?

— Позвольте мне, – к столу президиума, посматривая по сторонам, энергичной походкой шел Наганов, недавно принятый в сектор Шнайдера. Остановившись у стола, он быстро заговорил:

— Клинов работал в Донбассе, производственник, это хорошо, возглавляет комсомольцев в институте…, но достаточно ли этого? Я, например, не уверен. Что главное в институте? Научные исследования, изыскания, расчеты. Это требует от нас быть внимательными друг к другу. А товарищ

Клинов проявил неуважение к известному ученому, кандидату технических наук. Клинов не посоветовался и отправил в журнал сырую статью. Это ненаучный подход. Мне представляется целесообразным подождать с приемом товарища Клинова в ряды КПСС.

Пока говорил Наганов, Краснов с изумлением смотрел на него и никак не мог взять в толк: какого черта новичок несет чушь?.. И тотчас его осенило: Шнайдер попросил Наганова выступить против Федора и таким образом отомстить выскочке за статью!

— Есть еще желающие выступить? – Иван выждал паузу. – Поступило два предложения: первое – принять Клинова в ряды КПСС, и второе – отложить прием Клинова в ряды КПСС. Прошу коммунистов голосовать. Кто за то, чтобы товарища Клинова принять в ряды КПСС? – Краснов внимательно оглядел лес поднятых рук. – Кто против? – Наганов поднял руку. – Таким образом, – Краснов торжествующе взглянул на Клинова, осуждающе глянул на Наганова, – большинством голосов товарищ Клинов принят в ряды членов КПСС!

Узнав о том, что в Армении в шахтном стволе соляного рудника появились водопритоки, Шнайдер предложил армянам свои услуги, заключил договор, и вот уже бригада летит в Ереван.

Тома Тузова

Девушка с тонким профилем, как выяснилось, очень даже общительная и, смею заметить, весьма и весьма хороша собой, летела в первую свою командировку.

Задание было простым: согласовать на ереванском заводе техническую документацию на изделие, разработанное московским институтом.

За деловую часть командировки Тома Тузова не беспокоилась: что и как – она знала. Но вот что действительно беспокоило ее и даже пугало, так это горячие кавказские парни.

С толпой прилетевших из Москвы пассажиров Клинов шел в ереванский аэровокзал по летному полю чуть позади брюнетки. Он сразу оценил ее точеный силуэт. И не он один. Костя всем видом показывал свое восхищение, а Дудуев недвусмысленно хмыкал и потирал руки.

— Можно мне с вами? – обернувшись к Клинову, спросила девица.

— Конечно, ну как же иначе? – обрадовался повеса.

— С нами не пропадешь! – поддержал Артем.

— Ага, – широко улыбаясь, добавил огромный Орлов.

— Мы сейчас едем в «Интурист», – у шалопая снова заиграло воображение, – гостиница прямо в самом центре Еревана. Если для тебя нигде не забронировано, то давай с нами в «Интурист».

– Я с вами! – обрадовалась Тузова. Гостиницу для нее никто не бронировал.

Возле аэровокзала институтскую бригаду уже ждал микроавтобус Аванского солерудника. Шнайдера познакомили с Тузовой.

Профессор был с нею чрезвычайно любезен и обходителен. Он помог сесть в машину и всю дорогу до гостиницы, не закрывая рта, занимал Тому праздными разговорами.

В гостиницах действует неписаное правило: или плати сверху, или сверху звонят – и тебя поселят. О местах для московской бригады Аванский солерудник побеспокоился заранее, но вот с Томой Тузовой получалась неувязочка.

Тут-то Шнайдеру представилась возможность блеснуть: важный и внушительный, в элегантном макинтоше, присланном дочерью из Америки, Борис Петрович, перекрывая гостиничный шум, звучным грассирующим голосом обратился к администратору:

– Товарищ администратор, министр внутренних дел Армении вызвал нас из Москвы для ликвидации аварии на Аванском солеруднике. Кстати, Вы знаете, что там серьезная авария?

Администратор ни сном, ни духом об аварии, явно смущенный московским напором, раскатистым начальственным голосом, упоминанием министра, узнав, что проблема в одном человеке, распорядился, и Томе на зависть ждущим предоставили отдельный номер с видом на городскую пло-

щадь.

Тома, разрумянившаяся от всеобщего внимания, оттого став еще прелестнее, рассыпалась в благодарностях.

– Борис Петрович, – говорила она, заглядывая в глаза и трогая руку старого ловеласа, – вы волшебник, не знаю, что бы я делала без вас!

– Ну что вы, Томочка, – отвечал польщенный профессор, – никакой я не волшебник, не мог же я оставить вас на произвол судьбы!

При всей нелюбви к начальству московская бригада была просто обескуражена решительностью своего босса и высокомерной легкостью, с которой он говорил с администратором.

Тома, конечно, стоила мужской заботы. Великолепный силуэт Тузовой отметила не только команда Клинова.

Как только она появилась в холле «Интуриста», сразу стала предметом общего внимания. Теперь же, после встречи с администратором, любопытных вокруг москвичей стало еще больше.

Нукеры

Наблюдая за происходящим в холле гостиницы, Клинов обратил внимание на троих мужчин, стоящих особняком от командировочной публики. Его внимание скользнуло было

мимо, но споткнулось о цепляющий взгляд одного из них, в цветном свитере. Взгляды на мгновение пересеклись и оставили у Клинова неприятное чувство.

«Это не армяне, – решил Федор, – но и не русские. А тот, в цветном свитере, у них, видимо, за атамана. Скорее всего, они с Северного Кавказа». Он повернулся к своим, а в памяти зафиксировалось смутное беспокойство.

Вечером в шикарном ресторане гостиницы «Интурист» Аванский представитель Рубен давал ужин в честь московских гостей. Ждали Шнайдера. Бригада курила, обсуждала непривычный армянский колорит. Дудуев, глядя во все глаза на снующих вокруг официантов, спросил:

– Скажите, пожалуйста, Рубен, неужели все эти элегантные ребята в смокингах, лакированных туфлях и бабочках – официанты? Они скорее похожи на представителей иностранных компаний, чем на тех, кто приносит и уносит водку, закуску и шашлыки.

– Представьте себе, это так. Они официанты. С маленькой особенностью, – Рубен сделал паузу, желая усилить впечатление, – с тем отличием, что все не так давно приехали из Франции, Америки и еще нескольких стран.

За столом воцарилось удивленное молчание. Рубен, довольный произведенным эффектом, продолжал:

– После непростых переговоров с американским и французским правительством, еще в позапрошлом году, было достигнуто соглашение о возвращении армян на историческую

родину.

– Смотри, смотри! – воскликнул Орлов, перебив рассказчика. – Вон там!

С той стороны, куда указывал Костя, направляясь к ним, шла элегантная дама, которую, поддерживая под локоть, сопровождал стильный джентльмен.

Дамой – и я вам скажу, дамой при всех делах, ошибка исключалась – дамой была Тома Тузова, силуэт которой оценили еще на летном поле ереванского аэродрома, а джентльменом оказался Шнайдер.

Необычная пара сразу обратила внимание всего ресторана. Борис Петрович был в шикарном, ладно сидящем, явно не отечественного происхождения, темно-синем костюме, белой рубашке и галстуке в косую полоску. «Великолепно подобраны цвета, гармонируют с его седой гривой», – подумал эстет Клинов. В еще большей степени всех сразил блеск дамы.

Рубен хотел обидеться на бестактного Орлова, но, увлеченный образом Томы, мысленно простил его, встал и поспешил встретить царственных особ. Расшаркался, смущенно засуетился, пододвинул Томе стул и, наконец, успокоившись, сел.

Замешательство улеглось, но Рубен понял, что рассказ про вернувшихся из разных стран армян перестал быть интересным.

Ужин прошел под знаком девы Томы. Но и Борис Петро-

вич, следует признать, удивил всех. Весь вечер он исполнял роль тамады, при этом Тузова находилась во власти его галантного обаяния и остроумных шуток.

Клинов приуныл: ему было далеко до Шнайдера. Он безуспешно пытался поддержать светский разговор, но видя тщетность усилий, переключился на приятелей.

Только под занавес, когда появился и заиграл оркестр, а народ потянулся на выход, Клинову удалось перехватить инициативу. Он пригласил Тому танцевать, увел в танце в другую часть ресторана, нес чепуху и всячески старался понравиться девушке.

От грандиозного и совершенно неожиданного успеха у Тузовой кружилась голова: она отвечала невпопад, рассеянно улыбалась – одним словом, была не в себе.

Неудивительно, что ни Клинов, ни тем более тонкий профиль не заметили неприятный цепляющий взгляд, который встретился Клинову еще там, в холле гостиницы. Цеплялся взглядом все тот же человек в цветном свитере, обладатель которого неотступно следил за всеми перемещениями москвичей.

Три следующих дня Шнайдер и его бригада пропадали на соляном комбинате. Уезжали рано утром, приезжали поздно вечером.

Положение дел с шахтными стволами оказалось хуже, чем предполагалось. Течи подземных вод через бетонную крепь были на протяжении всей верхней части вентиляционного

ствола – около двухсот метров от поверхности. Водоотлив не справлялся. Была реальная угроза остановки предприятия, единственного в Армении, производящего пищевую соль.

После тщательного и детального обсуждения из рудничных служб отобрали опытных мастеров, разбили на звенья, в каждом звене старшими назначили москвичей. Шнайдер провел инструктаж, и уже на следующий день приступили к ремонту шахтной крепи.

Только к концу недели, когда была налажена работа по нагнетанию горячего битума за крепь ствола, команда Шнайдера почувствовала облегчение и позволила себе некоторые вольности.

Ереванский шалман

Как-то к вечеру, возвращаясь с рудника, москвичи зашли перекусить в первое попавшееся кафе. Внешне – ничего особенного: стекляшка, построенная по типовому проекту, каких полно по всей России. Только вот сковородка жареной картошки с сосисками предлагалась каждому посетителю лишь в ереванской стекляшке.

Дудуев, перегнувшись через прилавок, приглушив голос до конфиденциальности, спросил:

— Дарагой, не найдется ли у вас водки?

— Пачэму не найдется? – широко улыбаясь и не таясь,

отвечал радушный хозяин. – Канэчно, найдется!

Он весь лоснился благополучием.

— Сколько надо: одну, две бутылки, может быть, вы желаете три?

В Закавказье в общепитовских местах, где по форме все принадлежало государству, фактически всегда был хозяин. Как правило, это предприимчивый человек, знающий, сколько стоит его доходное заведение, какие чины и за сколько обеспечат ему спокойную и очень сытную жизнь.

Удивленный предпринимательской свободой, Артем заказал три сковородки и бутылку водки. А узнав цену и убедившись, что с ним не шутят, попросил вторую.

— Появись такой шалман у нас в Москве, – заметил Орлов, расставляя горячие сковородки с аппетитной картошкой и скворчащими сосисками, – очередь была б на пару кварталов.

— Сомневаюсь, – возразил Клинов. – Не успел бы открыться, как в тот же день его и закрыли бы, а удалого армянина привлекли к какой-нибудь ответственности.

— Это уж точно! Такому в Москве никогда не бывать. – Костя разлил водку по стаканам и скомандовал: – А ну, горняки-гусары, локотки повыше! – Он придирчивым глазом окинул друзей: – Вздрогнули!

Бригада разом выдохнула, приняла зелье вовнутрь и набросилась на русское блюдо в армянском исполнении.

— Между первой и второй перерывчик небольшой! – до-

жевывая сосиску, объявил Костя.

— Слушайте, ребята, – Наганов, как всегда, являл собой саму осторожность, – может быть, вторую не будем пить?

— Вот ты и не будешь! – заржал Орлов, минуя наганов-ский стакан. – Денщикам больше одного не положено.

— Дудуй, открывай вторую!

Интрига

В гостинице Наганов ушел в номер, который занимал на пару с начальником, а команда Клинова отправилась на четвертый этаж, в свой огромный номер, где свободно могли бы поместиться еще человек пять.

В коридоре их ждал атаман в цветном свитере с нукерами. Завидев Клинова, он решительно двинулся к нему навстречу. «Скорее всего, дагестанец, – подумал Клинов. – Тебя только мне не хватало», – мелькнуло в голове шалопая.

К незнакомцу возникла неприязнь. Интуиция подсказывала, что намерения дагестанца связаны с Тузовой.

— Я очэнь извиняюсь, – с сильным акцентом уверенно начал дагестанец, внимательно посмотрел на Орлова и Дудуева, затем, глядя в упор на Клинова, чуть ли не потребовал: – Надо пагаварить, – и тоном, не терпящим возражений, добавил: – Адын на адын.

— Парни, – Клинов махнул приятелям, – идите, я сейчас!

Войдя чуть позже в номер, Клинов, прикрыв за собою дверь, загадочно улыбаясь, сказал:

– Ну-ка, отгадайте с трех раз: чего этому дагестанцу надо от нас?

– Может быть, ему соли в Дагестане не хватает? – предположил Орлов.

– И он хочет, чтобы мы помогли ему украсть вагон соли с комбината, – подыграл Дудуев.

– Не, не то. Давайте дальше, – Клинов веселился. – Дело, скажу я вам, интимное, ну если не интимное, то уж во всяком случае приватное. С одной стороны, проще, чем соль спереть с рудника, а с другой, думаю, будет посложней.

– Я знаю, что ему надо, – совершенно серьезно сказал Дудуев. – Твой мужик слышал, как Шнайдер ссылался на министра МВД Армении, а у него родственник наверняка вляпался по какому-нибудь делу и сидит здесь под следствием, вот он и хочет, чтобы мы его с министром свели.

Орлову больше ничего путного в голову не приходило; Дудуев не сомневался в криминальной направленности, так или иначе, других версий предложено не было.

– Ладно, – бросил Клинов, – слушайте. Соль им не нужна, родственник дагестанца, скорее всего, уже сидит по месту жительства, а может быть, и не сидит вовсе.

Здесь дело такое, что ни вам, ни мне никогда и в голову не придет. Дагестанец же изложил его в простых выражениях, как если бы мы с ним договаривались о какой-нибудь бар-

терной сделке. Не успел Клинов закончить предисловие, как раздался стук в дверь.

– Да-да, войдите! – крикнул Орлов, и все трое замерли в ожидании.

– Опять дагестанец, – загадал Клинов.

– Денщику чего-то надо, – Костя открыто игнорировал Наганова.

– Это Шнайдер, – решил Артем, – сейчас будет раздавать задания.

На пороге во всей красе стояла Тома Тузова.

– Мальчики, привет! – Тома в свободно сидящей кофточке из тонкой шерсти и юбке, подчеркивающей ее отличные формы, излучала свет и радость. – Уезжаю! Все, хватит с меня армянских горячих парней, – она улыбалась, ходила, пританцовывая, по огромному номеру.

Очарованный видением, Костя, не отрываясь, смотрел на ее стройные ножки в облегающих сапожках на каблучках, пока обстоятельный Артем, наблюдавший за ним, не похлопал друга по плечу: «Орел, глаза сломаешь, пожалей Тому!»

С появлением Тузовой в номере посветлело и разлилось ощущение праздника, будто приехал долгожданный гость, и вот уже в бокалах искрится шампанское.

Ее ладная фигурка и тонкие черты милого лица, оттененного чуть вьющимися черными волосами, не оставляли равнодушными и армянских мужчин, и бригаду ЗагНИИ, и всех, кто только видел ее в таком великолепном настроении,

как в этот обычный день.

Клинов, как бы прикрываясь рукой от солнца, подошел к гостье:

– Свет померк, когда ты вошла! – Он не скрывал своего восхищения: – Тома, то, что ты интересная женщина, было отмечено сразу, как только мы взлетели. Теперь я вижу тебя во всей твоей красоте. Ты не только хороша, я не побоюсь этого слова – ты просто великолепна!

Тузова смутилась, румянец залил ее бледное лицо, отчего она так расцвела, что привело мужчин в легкое замешательство.

– Так что там дагестанец? – вспомнил Костя. – Что за дело у него может быть к нам? – Он, наконец, оторвал свой взгляд от Томы, вопросительно смотрел на Клинова.

– Дагестанец рассказал, что они возят из Махачкалы мясные деликатесы, и если мы найдем покупателя, то можем заработать, – сочинял на ходу Клинов.

В то, с чем обратился к нему мясник на самом деле, Клинов решил пока не посвящать ни приятелей, ни тем более Тому.

Банкет

– Давайте про мясные дела потом, – перевел Клинов тему в нужное русло. Он медленно прохаживался по номеру и

продолжал: – Сегодня в семь вечера дагестанец с нукерами пригласили нас к себе.

Клинов обошел приятелей и остановился возле Тузовой:

– А твое приглашение, Тома, было как-то особенно подчеркнуто. Так что сегодня идем крепить знакомство, дружбу народов, а также выпить по такому случаю.

Неожиданный поворот понравился, все заговорили разом, было высказано одобрительное согласие.

– Только давайте сегодня без Денщика, – предложил Костя. Ему никто не ответил. – Ну, ваше молчание – знак согласия, – удовлетворенно сказал Орлов. – Значит, Наганова не берем.

– А ко мне вечером, – вспомнила Тузова, – должен подъехать человек с завода, – и со значением посмотрела на Клинова.

– Так ты не придешь? – повеса не мог скрыть разочарования.

– Клинов, – трогая его за рукав, ласково отвечала девушка, – курьер с завода подъедет только для того, чтобы передать подписанные и оформленные бумаги, из-за которых я приезжала в Ереван, а потом я свободна. – Она смотрела на него так откровенно и располагающе, что у Клинова от волнения перехватило дыхание.

Тузова ушла, пообещав часов в восемь-девять вечера зайти к дагестанцу в номер.

Дудуев сел за бумаги с ежедневным описанием хода работ,

которые выполнялись на руднике под их руководством. Потом его записи лягут в отчет, и, может быть, в чью-то будущую диссертацию.

В семь вечера москвичи спустились на третий этаж, где в таком же огромном номере, как и у них, жили мясники. Первое, что они увидели, когда вошли в дагестанский номер, – это выдвинутый на середину комнаты стол, на котором в немыслимом количестве лежали копченые, вареные, вяленые мясные деликатесы.

Гости от изумления забыли поздороваться и познакомиться. Дагестанец, чрезвычайно довольный произведенным эффектом, отдернул широченную штору, закрывавшую окно, и взору бригады предстала батарея не менее чем из двух десятков бутылок спиртного: здесь была водка, коньяки, вина.

– Признаться честно, мы такое видим впервые, – с невольным восхищением сказал шалопай. У него тут же включилось столичное самолюбие, и он подумал: «Негоже все-таки нам, москвичам, так откровенно, словно из глухой деревни, удивляться». – Давайте знакомиться.

Вот, прошу, – Клинов посмотрел в сторону Артема, – Артем Дудуев, горный инженер, заслуженный строитель Норильского никелевого комбината, осетин, сын поэта.

Затем он указал на Орлова:

– Константин Орлов, потомок графа Орлова в пятом поколении, любимца Екатерины Великой. – Костя замялся, смутился, хмыкнул, но клиновский экспромт принял, и, судя

по довольному выражению лица, не без удовольствия. – Инженер по закруглениям. И вот что интересно, уважаемые, – обратился командор к нукерам, – Константин Орлов – чемпион Восточного пригорода и его окрестностей по боевому самбо. – Тут Костя сделал удивленное лицо, но возражать не стал.

– Наконец, я – Клинов, – он прошелся между мясниками, – тоже горный инженер, между прочим, механик, обычно – главный, родом из Колхиды. Кроме того, я охотник по боровой дичи, инженер по всем вопросам!

Мясники внимательно слушали, не пропуская ни слова. Спич Клинова явился достойным ответом, дабы хоть както скомпенсировать трудно скрываемое изумление мясному изобилию.

Шалопаю в этой ситуации простительны легкомысленные фантазии в области достижений, которых ни у него, ни у его друзей пока нет, но которые, если быть точным, еще впереди! Молодец Клинов, достойно представил!

Цветной свитер назвал себя и представил нукеров:

– Это Ахмет, он из Махачкалы, Ахмет – начальник цеха. – Атаман подумал и добавил: – Ингуш.

Дагестанец взглядом показал на скучного человека неопределенных лет и, очевидно, самого старшего по возрасту:

– Наш главный бухгалтер Нугзар, он грузин.

Атаман со значением посмотрел на Клинова, как бы на-

поминая о договоре, состоявшемся между ними в коридоре час тому назад.

Окончив реверансы, публика расселась за столом и приступила к пьянству. Так как в шалмане с жареной картошкой пили водку, клиновские решили ею же и продолжить. Дагестанцы еще ничего не пили, поэтому предпочли родной кизлярский коньяк. Стол вел дагестанец, иногда его сменял Клинов, периодически беря на себя функции тамады.

Граф, обладающий завидным аппетитом, истекал слюной. После двух стаканов водки контроль стал слабеть, и он налег на доселе малоизвестную салями.

Сын поэта, сдержанный Дудуев, осторожно, но не переставая жевать, впервые в жизни ел языковую колбасу.

Нукеры, зная, что в Москве такие изыски да в таком изобилии днем с огнем не сыскать, старательно потчевали гостей.

– Слушай, граф, – Ахмет, очевидно, и правда поверил в графский титул, – на, возьми, дарагой, папробуй карбонад, ты еще такого никогда не ел. Поставляем только начальству, – Ахмет был явно горд за свой цех.

В самом деле, цех у него оснащен по последнему слову техники. Новое импортное оборудование. Что же касается ассортимента – такой ассортимент еще поискать.

– В магазинах такого не бывает, – продолжал начальник цеха.

Единственное, о чем умолчал Ахмет, так это о том, что

цеха его на карте родины тоже нет. Хотя на самом деле он есть, но только для определенной, избранной части населения. Да это и понятно – на всех не напасешься!

По мере опустошения запасов возрастала торжественность тостов. Освоившись с изобилием и в значительной степени потеряв интерес к деликатесам, старший предложил выпить за солнечный Дагестан. Все дружно поддержали.

«Интересно, сколько уже выпили, а бухгалтер все такой же квелый, будто не в коня корм», – размышлял Клинов.

– Кацо, будешь пить за Грузию? – Он тормошил Нугзара за плечо, но то ли правда «не в коня корм», то ли бухгалтер перебрал лишнего, только того все время клонило ко сну.

Федор поднялся, держа в руке стакан, и гаркнул:

– Господа мясники-колбасники и горнячки-ученые, предлагаю выпить за самую красивую и самую древнюю страну, которая называется Грузия. Ура, ура, ура!

Пространный тост за Грузию и упоминание родины не оживили бухгалтера. Клинов подошел к дагестанцу, наклонился и так, чтобы никто не слышал, спросил:

– Слушай, атаман, у тебя что, Нугзар больной, что ли?

– У него нога больная, – не поворачивая головы, ответил старший.

– А что?

– Так ты же говорил, что девушка ему понравилась и что он просил его с нею познакомить, свести, ну или как там еще. И, если я правильно понял, весь этот праздник по случаю

дружбы народов устроен из-за нее и для него.

Девка у нас классная, а у тебя парень какой-то вареный – не опозорился бы!

Неожиданно без стука распахнулась дверь, и на пороге появилась Тома Тузова. Пьяная компания, включая проснувшегося Нугзара, замерла в изумлении, буквально пораженная видением.

Костя опомнился первым. Слегка покачиваясь, неуверенной походкой подошел, галантно поклонился и воскликнул:

– Тома Тузова, краса и гордость всех столичных пригородов, прошу любить и жаловать!

Все вскочили со своих мест, заговорили, окружили красную девицу; каждый старался усадить девушку возле себя. Ахмет расчистил стол, достал чистую тарелку и вилку.

Тома же, нимало не колеблясь, сразу подошла к Клинову, взяла под руку и, заглянув в глаза, спросила:

– А ты, милый, где сидишь?

Клинов тут же уловил легкий запах свежего спиртного.

– С курьером, что ли, отмечали твой отъезд, а, Том?

– Ну и что, Клинов, дружок? – Она погладила его руку. – Курьер такой внимательный, привез дорогой армянский коньяк, и мы с тобой его можем попробовать прямо сегодня!

Выкуп

Лишь со стороны могло показаться, что главным у мясников является дагестанец. И в самом деле: кавказский тип, волевое лицо, выше среднего роста. Он легко входит в контакт, смекалист, спокоен и обстоятелен.

В действительности главным, принимающим решения по мясному делу, поручения которого выполняются беспрекословно, является Нугзар – этот невзрачный, с одутловатым несвежим лицом грузин.

Амур, баловник и затейник, развлекаясь со своим луком да имея в запасе (то есть в колчане) уйму стрел, там, в холле ереванской гостиницы, совершенно случайно попал точно в сердце болезненного Нугзара. Попасть-то попал, да вот последствия во внимание не принял.

Могучий ураган страсти захватил грузина и понес ввысь, да в такую, что ему, бухгалтеру в круглых очках, с потертыми нарукавниками и вареным яйцом на обед, и не снилась.

Пораженный прямо в сердце Нугзар, никогда не болевший любовью, поручил дагестанцу выкупить девицу, чего бы это ни стоило.

Предприимчивый дагестанец взялся исполнить деликатное дело. Ахмету велел организовать стол, да так, чтобы у москвичей глаза от удивления повылезали – так и сказал, гад, – от обилия закуски и выпивки, тем более что тратиться

на это не надо: все свое. Сам же, присмотревшись ко всей московской бригаде, выделил для переговоров Клинова.

Оставшись с шалопаем наедине, он предложил заработать на продаже дефицитных деликатесов, но тут же уловил – парень не по этой части, однако само по себе предложение принял положительно. Затем порученец сказал, что приглашает москвичей сегодня вечером в гости к себе в номер, чтобы как следует отметить знакомство.

Принимая доброжелательность Клинова за хороший знак, дагестанец перешел к главному:

– Когда пойдете к нам, возьми с собой девушку. Хорошо?

– Зачем нам девушка? – удивился Клинов.

– Понимаешь, – дагестанец замялся, – Нугзар, наш бухгалтер, спит и видит твою девушку (дагестанец ни на минуту не сомневался, что девушка приехала с Клиновым). Как увидел ее – сразу влюбился, просит познакомить. – Он помолчал и, видя сомнение, осторожно добавил, что в случае чего за такое дело, о котором он просит, можно и про деньги обсудить.

Клинов смотрел на дагестанца, и до него постепенно доходил и смысл, и цель предстоящего застолья: если отбросить разговоры вокруг да около, то дагестанец выкупает у него Тузову.

Честный Клинов, не задумываясь, объявил, что девушка просто попутчик, к ним прибилась случайно, когда летели в самолете, а что касается познакомить – пожалуйста, а вот

денег не надо.

«Ай-яй-яй, Клинов, как нехорошо врать! Случайно, попутчик – ха-ха!» Все бы было ничего, если не принять во внимание, что мужчины, в отличие от женщин, влюбляются легко и часто. Так вот, этот случай оказался не рядовой. Стрела поразила одновременно Тузову и Клинова еще на взлете самолета.

«Отлично, все прошло отлично, – ликовал дагестанец. – Поручение обставлено так, что Нугзар выложит мне кругленькую сумму. Клинов – хороший парень, честный, – порученец ухмыльнулся, вспомнив наивность москвича. – Денег ему не надо, а вот мне – пригодятся! А если что с девицей не так, то извини, кацо, я сделал все, что от меня зависело!»

Продолжение банкета

Между тем банкет шел полным ходом. Теперь центром вращения стала блистательная Тома. Орлов с Ахметом наперебой пили за ее красоту, за всех женщин, за любовь. Тузова была в ударе. Она кокетничала направо и налево, но, лишь заметив возле себя Нугзара, спешила пересесть – то к Орлову, то к Ахмету.

Несколько раз Клинов, помня уговор с дагестанцем, просил ее обратить внимание на Нугзара: «Тома, ну будь ты с ним приветливее, ну что тебе стоит?» Прелестница же, отмахнувшись в очередной раз, вдруг спросила:

— Клинов, я тебя что-то не пойму: что это ты меня все сватаешь к этому вареному пельмени? Никак я тебе перестала нравиться?

Прямой вопрос несколько отрезвил повесу. Он наклонился совсем близко к ее плечу и прошептал:

— Ты нравишься мне все больше и больше.

От ее волнующего, едва уловимого аромата у шалопая кружилась голова, и он подумал, что пить ему больше не надо.

К полуночи зазвучали тосты за Сталина, за родину, за дружбу народов. Под ударный аккомпанемент Ахмета, который виртуозно барабанил лезгинку на столе, посреди номера отплясывал неутомимый дагестанец.

Тома не удержалась и выплыла к нему навстречу, семеня красивыми ножками, как настоящая кавказская женщина. Остальные, собравшись в круг, подогревали себя и танцующих ритмичным рукоплесканием и дружными возгласами: «Асса, асса, асса!»

Из номера этажом ниже пришел возмущенный человек. Не успел он закончить про осыпающуюся с потолка штукатурку и покачивающуюся люстру, как тут же жестко был выставлен Ахметом за дверь. Потом появился суровый администратор, которым немедленно занялся дагестанец, и тот, вмиг осчастливленный, тут же исчез.

С трудом приоткрыв глаза, превозмогая тупую боль в голове и неприятные ощущения в желудке, повеса сразу понял,

что находится не в своем номере. Скосив глаза настолько, чтобы не потревожить «чугунную» голову, он не увидел перед собой – вернее, рядом, как обычно, – кровати Дудуева.

«Я не у себя. Так, – клиновская мысль текла медленно и тяжело, – значит, я у нее».

Стали всплывать обрывки вчерашнего вечера. Но как уходили и как оказался у Томки, он вспомнить не мог.

— Эй, дружок, давай-ка в душ, – говорила Тома, выходя из ванной комнаты и вытирая мокрые волосы. – Давай, давай, дружок!

Тома Тузова, от которой веяло свежестью и радостью, прыгнула к нему на кровать и сладко поцеловала:

— Сейчас в душ, потом – коньячку!

Федор поднялся и исчез в ванной.

Ботанический сад

Прошло полгода.

Вернувшись из Еревана, Клинов без сожаления расстался с ЗагНИИ и мечтой о научной карьере. Вячеслав Анисимович из треста «Шахтспецстрой» похлопотал за механика, его взяли в «Спецшахтопроект». В этот же период разгорелась и вспыхнула давно тлевшая неприязнь невестки к свекрови.

Клинов принял сторону «текущей», квартиру разменяли, и молодой семье досталась комната в коммунальной кварти-

ре пятиэтажного дома, расположенного на краю питомника Главного ботанического сада Академии наук в Останкино.

Как противоречиво устроен мир! Казалось бы, попасть втроем в маленькую комнату после огромной, в сто квадратных метров, квартиры – будет полный мрак.

Все оказалось совсем наоборот: откроешь окно – поют соловьи, выйдешь на улицу – а это не улица, а благоухающая зелень Ботанического сада, питомника самых разнообразных растений, которые отправляются во все города страны.

Клинов перевез пустяковую мебель, телевизор «КВН» с линзой. На свободном месте кухни поместил двустворчатый шкафчик, одну из дверец переделал так, чтобы при необходимости она превращалась в подобие стола. Капризная Каро без всякого удовольствия здесь ужинала тем, что приносила мать из детского сада, который располагался в этом же доме и где она трудилась воспитателем.

Начальник производственного отдела Ботанического сада Иван Иванович Дмитриев, его жена Евдокия и дочь Ася с неприязнью посматривали на соседей, без которых жили несколько лет, рассчитывая получить свободную комнату.

Мужчины познакомились, выпили, частенько курили на кухне и друг другу не мешали. Их жены сразу же поцапались и с тех пор молча враждовали. Ася где-то училась, в силу некрасивости из-за большого носа на кухне не появлялась.

После Донбасса, ЗагНИИ, разъезда с родителями, обретения небольшой комнаты в коммунальной квартире на пятом

этаже одиноко стоящего дома в питомнике Главного ботанического сада наконец наступило затишье.

Переустройства, разъезды и перипетии совершались подчас при неудачном расположении звезд, поэтому, когда образовалось пусть менее комфортное, но отдельное местопребывание, Клинов испытал удовлетворение.

Каро поступила в детский сад, располагавшийся на первом этаже того дома, Текущая там же стала воспитательницей, и профессиональное образование, полученное в Малороссии, ей пригодилось.

Клинов поездил-поездил по двум железным дорогам с пересадкой и решил, что выбрасывать два с лишним часа жизни коту под хвост глупо и бездарно. Поездки прекратил, устроился проектировщиком в институт «Спецшахтопроект», где для начала ему положили на десять рублей меньше, чем в ЗагНИИ.

Беспристрастный наблюдатель за московским стартом шалопая непременно бы отметил некоторую долю лукавства по поводу «коту под хвост». Справедливости ради, хотя Клинов и не хотел бы таких откровений, следует признать: в ЗагНИИ ловить ему было нечего: все, что можно было испортить, шалопай безвозвратно испортил, и оставаться там не было никакого смысла.

Радикальные перемены

Можно сказать, этап, начавшийся осенней переэкзаменовкой в десятом классе, приобретя сплошной черный цвет, заканчивался вместе с уходом из науки.

Да, непросто дались эти годы. Казалось бы, внешне все шло по плану. Оно, конечно, так и было, но чего стоило преодолеть самого себя, свое упрямство и недальновидность, высокомерие, заносчивость и грубость… Пошел ли этап впрок – большой вопрос...

Что и говорить, конечно, тесно в комнате, но ведь и находиться в ней надо всего-то ночью. В шесть тридцать утра Клинов трусцой бегал вдоль Ботанического сада до телецентра, в восемь сдавал девочку в детский сад, в девять пятнадцать, стоя за кульманом, осваивал азы проектного дела.

Клиновы сменили сразу все: комфортную квартиру – на коммуналку, где самим надо устраивать быт и питание. При этом рассчитывать приходилось на свои сиротские зарплаты, а не на общий с родителями стол, так как невестка со свекровью разругались окончательно, а шалопай, страдающий излишним самолюбием, а проще – гордыней, был с нею солидарен. И в иные-то времена был с родителями в контрах, а теперь и подавно.

Впрочем, в этих новых, непривычных и достаточно суровых условиях появились некоторые интересные, можно ска-

зать, полезные подвижки. Текущая, окончившая еще в Малороссии педагогический техникум, а отказать ей в уме и сообразительности было нельзя, решила поступить в педагогический институт.

Федор всячески способствовал ее развитию. Он видел провинциализмы, едва уловимые постороннему взгляду, деликатно, с тем чтобы не задеть самолюбие обидчивой женщины, подсказывал и поправлял ее, однако, хотя свои промахи Текущая улавливала быстро, избавиться от малороссийского выговора, а тем более манер, не удавалось.

В проектном институте привычный план, сроки и премия. План надо выполнить, в сроки – уложиться и ждать премию.

Дамы из Клиновской группы с утра принимались за макияж, терзали себя перед зеркальцем на чертежной доске, выщипывали брови, потом пили чай.

Дождавшись одиннадцати утра, мать двоих детей Галя Алмазова и Рая Поспелова шли в магазин за продовольствием.

Миша Сваровский, конструктор буровых установок, спешил в винный отдел за бутылкой.

Эльза Кустодиева, наивно полагая, что, разведясь с мужем, найдет лучше, упорно продолжала тщетный поиск, пока же, открыв окно, упражняла тело для стройности.

Никодимова Оля, выпив столовую ложку коньяку, отправлялась в красный уголок покурить со Славкой Ершовым.

Начальник отдела Александр Ефимович Чачнев никуда не

уходил, а, пользуясь перерывом, читал стихи Гейне в оригинале.

Каждый использовал перерыв по своему усмотрению, и лишь потом, вплоть до обеденного перерыва, начиналась работа над проектами.

А только прозвенит звонок на обед, как все дамы, кроме Оли, употребившей коньяк, мгновенно разбегались по домам: кто – готовить обед, а кто – продолжать поиск.

Конструкторы доставали из сортирного бачка охлажденную бутылку, выпивали по стакану и в который раз, расположившись в красном уголке, курили и слушали историю, как автор более ста двадцати изобретений в области управления космическими аппаратами, а теперь конструктор буровых установок Гоша Полканов пропил премиальную «Волгу».

Наскоро перехватив в буфете котлету с синей картошкой, шалопай резался с Булатниковым из отдела крепления шахтных стволов в настольный теннис, а Чачнев за своим огромным письменным столом уминал бутерброд с французской булкой, запивал кефиром и погружался в «Книгу песен» Генриха Гейне.

Мирная и спокойная проектная жизнь на этом этапе вполне устраивала шалопая.

Дудуев ушел от злопамятного Шнайдера и канул в Лету. Орлов, в силу простого и покладистого характера, прижился в научной среде ЗагНИИ, и, говорят, даже стал кандидатом

наук.

Не все так гладко, как хотелось бы, начиналось у шалопая на новом месте работы. С первых дней, по отношению к себе, он чувствовал какую-то настороженность. Вышел курить, а народ тут же уходит. День рождения у Алмазовой, а его не приглашают.

Только через полгода, накрыв стол по случаю назначения Клинова руководителем группы, Кустодиева раскрыла секрет: «Не успел ты появиться, как за тобой из ЗагНИИ прилетела весточка от хорошо известного среди шахтостроителей Шнайдера: «Имейте в виду, Клинов высокомерен, заносчив и груб!»

Характеристика была предельно точной, лучше и лаконичнее охарактеризовать шалопая было нельзя. Его, конечно, зацепило, но…

А-Клинов резонно заметил: «Нечего возмущаться, смотрим правде в глаза, время у нас есть, будем работать над собой…»

В этот благополучный проектный период, в течение которого Федор неизбежно накопит энергию для следующего броска, морозным воскресным днем Клиновы отправились гулять в Ботанический сад.

Текущая вполуха слушала о тонкостях проектного дела, служебных интригах и междоусобицах, сама же обдумывала, как уличить Клинова в измене.

В чем в чем, а в том, что муж ей изменяет, украинка не

сомневалась.

Земля слухом полнится, а в проектном институте романы и интриги составляют основу частной жизни сотрудников. Она уже прикладывала ухо к земле и получила то, что хотела: у Клинова роман с Кисой Кирсановой.

Знак свыше

Хорошо, однако, вот так, за разговором, неспешно, среди вековых сосен, идти среди гуляющего народа. Их румяный малыш, то обгоняя, то отставая, с гиканьем носится с другим таким же веселым и жизнерадостным ребенком.

«Только у детей возможна такая легкость и непосредственность», – рассеянно философствовал шалопай и невольно обратил внимание, как впереди мужчина махал малышам и что-то интересное говорил спутнице.

«Видимо, отец, – предположил Клинов, – а спутница, скорее всего, жена, и с нашим ребенком играет их малыш. Интересно, когда только ребятишки успели познакомиться?»

Вглядевшись, Клинов резко остановился. Поразила неожиданная догадка. Густая краска залила лицо. Он стоял, уперев взгляд под ноги. Текущая что-то зло ему выговаривала, но он ее не слышал. Отрешенным взглядом Федор смотрел на шевелящиеся губы и ничего не понимал. Тем временем малыши уже носились рядом, а мужчина и его спутница

шли к ним навстречу.

Невысокий, полный, с большим кавказским носом, начинающий лысеть отец, широко улыбаясь, сказал:

– Дети наши уже познакомились, придется, наверное, познакомиться и нам, – и, протягивая Федору руку, представился: – Арсен. Клинову ничего не оставалось, кроме как назвать себя и, с трудом преодолев ступор, встретиться глазами с Томой Тузовой.

Возможно, что молодую маму разрумянил мороз, или алой краски добавила удивительная встреча. А Тома, ставшая еще милей и еще краше, справилась с охватившим волнением, слабо улыбнулась и, не смея поднять глаза на проницательную украинку, тихо сказала:

– Тамара.

И пусть мне кто-нибудь скажет, что это случайность, а не знак свыше!

Красное платье

Новичок

Первое время в Спецшахтопроекте денег катастрофически не хватало. Клиновы жили бедно, питались скудно. Текущая продолжала работать воспитателем, и частенько они довольствовались обедами из детского сада.

Быстро освоив тонкости проектного дела, Клинов с его практическим опытом бурения через полгода стал руководителем группы. Группа состояла из четырех дам и двух джентльменов.

Как бурят скважины, две замужние дамы имели исключительно умозрительное представление, но обременение семьей и близость работы предопределили их специализацию, и со временем они освоили шаблоны проектирования.

Миша Фейгин и Слава Ершов свое дело знали не намного лучше, чем дамы; они с нетерпением ждали премиальных денег, при этом были абсолютно равнодушны к сути своей работы.

Получив задание, Миша приносил из архива похожий проект, в документацию вносились поправки, корректировались чертежи, расчеты, пояснительные записки, и новый

проект бурения замораживающих скважин вокруг будущего шахтного ствола попадал в сметный отдел, где происходило главное: готовились сметы.

Незамужние дамы, страстно желающие семейного обременения, имели столь же смутное представление о предмете проектирования, как и остальные сотрудники. Их помыслы были посвящены поиску спутников жизни.

В пояснительных записках по бурению слово «жидкость» встречается очень часто. Слава Ершов располагал это слово таким образом, чтобы его часть «жид-» оставалась на одной строке, а «-кость» переносилась на другую строчку. Записку проверял Миша Фейгин. Несмотря на то что шутка повторялась от раза к разу, Миша сердился, возмущался и жаловался начальнику отдела.

Чачнев, поглядывая на ухмыляющегося Ершова, приподнимал очки, Мишу внимательно выслушивал, но оставался равнодушен и к тому, и к другому.

Шалопаю досталось место возле начальника. Значения этому обстоятельству он не придал, но вскоре понял, почему стол был давно свободен. Дело в том, что по неписаному правилу проектировщики рассаживаются таким образом, чтобы начальнику их было совсем не видно или хотя бы частично.

Волей-неволей, поскольку Федор и Чачнев находились на расстоянии вытянутой руки, между ними установился доброжелательный контакт. Начальник с большим вниманием слушал комментарии Клинова о ходе строительства

форшахт, монтаже буровых установок. Особенный интерес у Александра Ефимовича вызывали Уралмашзавод и сам Свердловск – его родной город.

В свою очередь, Федор в значительной степени обязан Чачневу невольному обучению тонкостям проектного дела.

Между тем, словно в противовес чуть ли не дружеским отношениям, складывающимся между новичком и начальником, Клинов остро чувствовал холодок от коллег, хотя и не ярко выраженный, но очевидный.

Это нормально, когда новичку в сложившемся коллективе приходится пережить немало обидных минут, вызванных недоверием.

Мало ли что за человек. Не дай бог, если он «с приветом», псих, но диагноз таков, что помещать его в «палату номер шесть» нет нужды; тем не менее общество избегает таких коллег. Избегает оно также вздорных, неуравновешенных, равно как и сильно умных, или, того хуже, родственников начальства, которых вообще на дух не переносит.

– Слав, ты ж наверняка знаешь, вот и скажи, откуда к нам в отдел прислали этого Клинова, – закуривая от зажженной спички, обратилась Оля к Ершову, только что употребив дневную ложку коньяка.

– Боюсь, что теперь коньяк придется бросить.

– Этого еще не хватало, – она затянулась, выпустила дым колечком, – хотела бы я посмотреть на такого запрещалу, который решится мне что-то запретить.

До прихода Клинова Никодимова – инженер-технолог по бурению – была правой рукой Чачнева. Способная от природы, Ольга хорошо разбиралась в проектировании, и ей сулили скорое повышение, да и собой, надо сказать, девка была недурна.

А два года назад во время любительских гонок на мотоциклах она разбилась. Ее долго собирали, поставили на ноги, но последствия остались: цветущая девица на выданье подурнела, какое уж тут замужество, закурила, купила коньяк и, пока по ложке, принимает перед обедом. В отделе с ней считались и уважали: кроме знания предмета проектирования, Ольга слыла справедливой и порядочной.

Осведомленный во всех интригах и сплетнях, гуляющих среди проектировщиков, Ершов был вхож к Евсею Мильману – заместителю директора по общим вопросам, без негласного согласия которого не поступал ни один претендент, равно как никто не покидал организацию без его ведома.

Возникающие конфликты, а в Спецшахтопроекте, как и вообще в проектных и особенно научно-исследовательских институтах, это явление широко распространенное, разрешались только здесь. Когда распри выплескивались на всеобщее обсуждение, так и говорили: «Надо идти к раввину».

– Одним словом, так: Клинов – сын начальника отдела в Тресте, это раз, работал в Донбассе механиком, говорили, что водку пьет, а характером тяжел, потом работал в Загородном НИИ, обосрал книгу Шнайдера по тампонажу гор-

ных пород горячим битумом, вообще, тот еще фрукт.

– А ты знаешь, Слав, мне кажется, он нормальный парень, а про Шнайдера мне как-то рассказывал Булатников: Шнайдер – прохиндей, выжига, и «горячий битум» – одна видимость тампонажа, профанация.

– Поживем – увидим, за что купил, за то и продаю. Но ты, Оль, все же будь с ним поосторожней, как бы не нашла коса на камень!

С назначением Клинова руководителем группы спокойная, размеренная жизнь отдела бурения закончилась. Он считал, что до тех пор, пока проектировщик вживую не увидит то, что проектирует, так и будет работать без интереса, а значит, повторять одни и те же ошибки и просто ляпы. Таких ляпов он насмотрелся в Донбассе.

– Надо, чтобы наши люди побывали на объектах, где ведутся буровые работы, – убеждал он Чачнева.

– Полностью с вами согласен, но боюсь, что такое новшество не поддержит директор.

Объект, куда можно было бы отправить проектировщиков, нашелся легко и быстро. Бек, в управлении Метростроя которого как раз начинали бурить замораживающие скважины, лишь спросил: «Есть симпатичные девчонки?»

Труднее всего оказалось убедить Морозова – директора института. Тот никак не мог понять, зачем это Клинову.

– Вы, наверное, уверены, что Кустодиева наденет спецовку и будет во все глаза смотреть, что делает буровой мастер,

да?

– Ну да, будет смотреть, а что?

– Плохо знаете женщин. Она там постоит пять минут, а потом побежит по магазинам. Это раз.

«Директору не нравится моя затея. Старому пердуну лишь бы ничего не менять», – злился Клинов.

– А представьте себе, что ваша сотрудница там, на буровой, ногу подвернет, а нам придется оплачивать больничный лист, это два.

– Она и тут, в институте, может споткнуться и разбить себе нос. Тогда мне скажите, что вы против, и закончим ненужный разговор.

– В принципе, вы хорошее дело придумали, просто у нас вы человек новый, надо, чтобы на объекте каждый прошел инструктаж по технике безопасности.

– Это будет сделано. Так вы разрешаете?

– Ладно, только под вашу ответственность!

Прошло три месяца. Вся группа по очереди побывала в Метрострое. Буровые мастера с удовольствием рассказывали про свою работу, показывали инструменты, а джентльменам позволили участвовать в смене шарошечного долота. Слава Ершов переработал пояснительные записки, но, как и прежде, «жид-» оставался на одной строчке, а «-кость» на другой; обновили и чертежи.

Чачнев написал докладную записку о прибавке к заработной плате Клинова и отправился к директору.

– Как вам, Александр Ефимович, новенький? Не жалеете, что взяли?

– Напротив, Михаил Николаевич, работает нормально, внес, я бы сказал, живую струю в отдел. Вы же знаете, в отделе нет проектировщиков с производства.

– Что поделать, мы же не Госгорхимпроект, не та категория, приходится принимать тех, кого не приняли там.

– Честно признаюсь, первое время, после того как вы мне сказали про весточку от Шнайдера, были сомнения, да и Клинов-старший из Треста тоже добавлял беспокойств, думал, начнутся звонки, но все обошлось.

– Что касается Шнайдера, – директор развел руками, – нам остается сохранять нейтралитет, у него сильные позиции в Тресте. Ладно, закончили с этим. Вы ведь пришли не по поводу Шнайдера, что у вас?

– Да вот, подготовил докладную о переводе Клинова из руководителя группы в главного специалиста, прошу прибавить зарплату.

– Я не возражаю, – подписывая докладную, сказал директор, – передайте в плановый отдел и в бухгалтерию.

Из чужака Клинов постепенно становился своим человеком, он обладал практическим знанием технологии бурения. С Никодимовой они нашли общий язык. К нему стали обращаться, он отзывался и помогал каждому.

Бывало, что с Чачневым и Ольгой у них возникали острые дискуссии, которые, как правило, заканчивались продуман-

ными решениями.

Совершенству нет предела.

Следующим нововведением стала система премирования. Если раньше премии начисляли вне зависимости от результата, то теперь Клинов предложил премировать в зависимости от степени участия в проекте. Нашлись недовольные новой системой, но предложение утвердили.

Новогодние шутки

Незадолго до Нового года Андрей Булатников, партнер по настольному теннису, обыграв Федора в очередной раз, как бы между прочим, сказал:

– Хотим к Новому году выпустить стенгазету, если есть желание, присоединяйся.

– С каким уклоном будет стенгазета?

– В каком смысле?

– Уклон может быть производственный, политический, юмористический, ну или левый, например.

– Да ты, я смотрю, дока. Стенгазета новогодняя, поэтому должна быть веселой.

– Я готов поучаствовать.

– Заходи к нам в отдел сегодня к концу рабочего дня, обсудим.

В отделе шахтных крепей работали молодые ребята; здесь

царил если не бунтарский дух, то уж точно современный и демократичный.

Тон задавал начальник – Толя Мишедченко, недавно защитивший диссертацию по креплениям шахтных стволов тюбингами из чугуна с шаровым графитом.

– Привет буровикам, проходи сюда, располагайся, тут все свои. Я рассказывал, как мы с тобой разбирались с форшахтой в Донбассе, наслышаны и про твои новшества в отделе. Андрей, будь добр, завари нам кофе, – Мишедченко радушно улыбался гостю, – как у буровиков работается? Сразу скажу: с Чачневым тебе повезло: ас в технике, проходил практику у немцев.

– Мне, собственно, и добавить нечего, ты все сказал, – Клинову импонировала раскованная манера Анатолия Даниловича, он сразу принял легкость во взаимоотношениях, тем более что разница в возрасте была незначительной.

Демократичность Анатолия резко отличалась от интеллигентной вежливости Чачнева. Александр Ефимович умел сохранять дистанцию с кем бы то ни было: когда в отдел поступили девушки, только что окончившие школу, он к ним обращался не иначе как «Вера Сергеевна» и «Тамара Александровна».

В порядке необходимого отступления следует сказать, что шалопай тогда же отметил шикарный бюст и неотразимый стан Тамары – прошло не так уж много времени, и завязался неизбежный роман.

– Наш Спецшахтопроект, – продолжал Мишедченко, – как, наверное, ты успел заметить, в большинстве своем состоит из специалистов старшего поколения, это вносит специфику в работу и в отношения.

– Да, это точно, но мне кажется, что про это поговорим как-нибудь потом, сейчас давай про стенгазету, хорошо?

– Хорошо! Андрей, Герман, присоединяйтесь.

Андрей написал новогоднее приветствие, Герман оформлял и рисовал, Толя сочинял новогодние стихи, Клинов взялся нарисовать шаржи и придумать ироничные подписи.

Стенгазета создавалась две недели, проекты были задвинуты, прибегали любопытные из других отделов, интересовались, про кого что будет в газете.

Дошли слухи до Мильмана, и он, степенный и внушительный, решил посетить молодежный отдел. Ну, скажем, пришла разнарядка, надо выделить людей на овощную базу.

– Анатолий Данилович, пришла разнарядка на овощную базу, сам-то не хочешь поучаствовать?

– Только вместе с вами, Евсей Исидорович, – начальник отдела понял, что раввин вынюхивает про газету.

– Можно и вместе, – Мильман прошелся среди кульманов и остановился возле Германа, на доске которого вместо чертежа крепи шахтного ствола был красочный ватман почти готовой стенгазеты.

– Что это у вас?

– Это новогодняя газета, поручение месткома, – Герман

встал так, чтобы творчества не было видно.

– Ну-ну, – дальше допытываться было неудобно, и Мильман ушел к себе.

Газету на трех ватманских листах вывесили в пятницу, незадолго до Нового года, а после Нового года, в понедельник, начальник сметного отдела Гладыш, войдя в отдел крепей, остановился перед столом начальника. Герман шепнул Булатникову: «Сейчас начнется!»

– Анатолий Данилович, таких перлов остроумия я от вас не ожидал, это же кладбищенский юмор, а не новогодняя газета, ваши шаржи просто оскорбительны. Вам придется извиниться перед женщинами сметного отдела, – возмущался Гладыш, его лицо пылало гневом, и он даже стал чуть выше своего маленького роста.

Дело в том, что в сметном отделе трудились дамы бальзаковского возраста, их большие размеры и были предметом шаржей и ироничных подписей, порой весьма едких.

– Попробуйте, Исаак Израилевич, посмотреть на это под другим, скажем, новогодним углом зрения, и в вас сразу проснется веселый человек, а с Клавой – дочерью Героя Социалистического Труда, основоположника стахановского движения, я непременно поговорю, она, я уверен, отнеслась к эпиграммам с юмором.

Более всех была расстроена главный бухгалтер Гарынина. Мария Сергеевна, на зависть Клаве Стахановой, у которой жопа была шире маминой, обладала точеной фигуркой, а в

расчетных делах была кремень – непреклонна.

Когда Клинов с геологом, слетав бесплатно с государственной комиссией по запасам алмазов из Мирного в Айхал и обратно, в отчете указали стоимость авиабилетов, Гарынина оплатила по железнодорожному тарифу, несмотря на то, что в тех местах сообщение было только на собаках.

В эпиграмме обыгрывалась ее фамилия, а Клинов нарисовал ее в виде трехглавого Змея Горыныча.

Искусственное дыхание

Был новогодний вечер. Конечно, с торжественной частью, выступлением директора, потом публику развлекали известные артисты московских театров. Всему же торжеству предшествовали застолья в отделах института.

В отделе бурения царило праздничное настроение: каждый получил набор дефицитных продуктов, а главное – выдали премии.

Клинова не избегали, можно сказать, что он стал со всеми на равных. Сдвинули несколько столов, дамы принесли заготовки, джентльмены выставили водку и портвейн – было уютно и весело.

Чачнев сказал несколько приятных слов, выпил со всеми и незаметно удалился. Клинову было интересно понаблюдать и присмотреться к сослуживцам в свободной обстановке.

Ершов с Мишей Сваровским и Полкановым напились и

отползли домой; Никодимова с тех пор, как выписалась из больницы, в вечерах не участвовала; Кустодиева и Алмазова пошептались и ушли в зал, где готовилось место для танцев.

Повеса, изрядно навеселе, прогулялся по институту, заглянул в зал: там уже разыгрывался оркестр, но народ еще не покинул застолья в отделах. А потом, словно лавина с гор, проектировщики ринулись танцевать, так как, заводя публику, в зале уже завывал сакс-тенор.

И тут Федора подхватила девица в красном платье со смелым декольте. Она потянула его за руку в центр зала; глаза ее блестели, в легком опьянении она была хороша, и, не отпуская руки, закружила парня в танце.

– Танцор из меня никакой, – попытался Клинов сообщить незнакомке, но музыка все заглушала, да и девица, как показалось, не слышала его.

Между тем рука на ее талии сообщила, что изгиб очень даже приятный, а чуть выше оказалось, что перси без подпруг; тогда та же рука плотно привлекла девичий стан, и отказа не получила.

Оркестр смолк, они остановились; трепетная рука оставалась на талии и не хотела отпускать.

– Как тебя зовут, краса-девица?

– Аня, – голос девицы прерывался, она еще не отдышалась и рассеянно смотрела по сторонам, а шалопай не мог оторвать взгляд от живых холмов, чуть прикрытых откровенным декольте.

– А я… – начал было повеса…

– Я тебя знаю, – перебила его девица, – ты Федор из отдела бурения, а я из строительного отдела, ты заходил к Салибекяну, на меня даже не обратил внимания.

– Знаешь, почему?

– Нет, не знаю, а почему?

– Если бы на тебе было это платье, я б тебя сразу заметил.

– Правда? – воскликнула краса-девица. – Какая прелесть, тебе правда нравится платье?

– Оно совершенно потрясающее, особенно декольте и все, что за ним, и не только.

– А что еще понравилось? – вопрос был настолько искренним, что Федор засомневался: неужели она не уловила намека?

Оркестр играл танго. Она снова потянула Федора на середину, откровенно прильнула к нему, он потихонечку повел ее в танце к выходу.

– Анечка, – повеса видел, что девка пьяна и готова на все, – идем к нам в отдел, посидим, тебе надо отдохнуть.

«Девушка, наверное, недавно работает, – решил он, – надо отправить ее домой».

В отделе бурения никого не было. Его партнершу начало клонить ко сну. Шалопай не знал, что делать: воспользоваться ее состоянием было бы ужасно плохо. Везти ее домой? Но куда, и кто ее там ждет? Он отошел к окну, достал «Приму» и закурил.

– Федя, – раздался заплетающийся голос девицы, – подойди сюда.

– Анечка, ты как себя чувствуешь? – повеса сел рядом.

– Федя, поцелуй меня, – она потянулась к нему губами, шалопай невольно обнял ее…

– Мы вам не мешаем? – в дверях стояли Кустодиева и Алмазова.

– Да нет, – повеса поднялся, – девушке стало плохо.

– Я это сразу поняла, – усмехнулась Кустодиева, – и ты ей делал искусственное дыхание; смотри, смотри, а девушка-то пришла в себя!

– Еще бы, – заметила Алмазова, – правильное оказание помощи, точно по инструкции, и главное – вовремя!

– Вам только посмеяться, а я на самом деле почувствовала себя плохо, – Аня поправила прическу, глянула на Клинова и пошла к выходу.

– Я провожу тебя. Аня, ты одевайся, а я подожду тебя.

«Терять мне нечего, – быстро сообразил Федор, – было, не было – все равно девки разнесут сплетни по институту, так что семь бед – один ответ».

Девушка ушла. Кустодиева тронула плечо шалопая.

– Федя, девчонка новенькая из строительного отдела, не замужем, живет здесь недалеко…

Клинов поступил в заочную аспирантуру научно-исследовательского института буровых технологий в лабораторию Георгия Булаха – создателя установок реактивно-турбинно-

го бурения вертикальных стволов большого диаметра.

Инициативному инженеру, а теперь еще и аспиранту, разрешили один оплачиваемый день в неделю для сборки и исследования бурового агрегата на загородном полигоне в Поварово.

Клинов уезжал туда на весь день, возился с монтажом агрегата, возвращался домой вымотанный, голодный и веселый. Новый буровой агрегат – изобретение Булаха – предназначался для скоростной проходки шахт глубиной сорок метров. В них предполагалось размещать ракеты с ядерными боеголовками шахтного базирования.

На сдачу кандидатского минимума времени ушло немного. На кафедре политэкономии alma mater его помнили как критика знаменитой работы Ленина, а Галина Васильевна на кафедре иностранных языков была к нему неравнодушна.

Два раза в неделю, вечером, Клинов с огромным интересом слушал лекции по математической физике, что позволило ему разработать алгоритм, формулу и математическую модель работы бурового агрегата.

По существу, он создал основу для компьютерной программы; жаль только, что ни у Булаха, ни у Клинова не было доступа к ЭВМ. Тем не менее формула и математическая модель были зачтены в качестве экзамена на кандидатский минимум.

Талант Георгия Ивановича омрачался болезненным пристрастием.

С определенной периодичностью он уходил в запой на несколько дней. Кроме того, коллеги изобретателя считали его тяжелым, неуживчивым человеком.

– В институте полно бездарей, – с горечью говорил Булах, – у меня масса интересных заделов в области бурения выработок большого сечения, а поговорить не с кем. Когда дело подойдет к защите диссертации, тебе, Федор, надо будет перейти на работу ко мне: сначала заместителем, потом возглавишь лабораторию.

– У меня, Георгий Иванович, в Загородном институте был неудачный опыт.

– Это хорошо, что первый опыт неудачный – за одного битого двух небитых дают! – Булах рассмеялся.

С Клиновым у него сложились если не приятельские, то, во всяком случае, очень хорошие взаимоотношения. Между ними было взаимопонимание не только по конструкции реактивно-турбинных агрегатов, но и в части отношения к коллегам.

Порок Булаха оказался неизлечим. Георгий Иванович неожиданно скончался, одновременно рухнула еще одна возможность стать кандидатом технических наук. И тогда Клинов понял: научная стезя – не его путь.

Это понимание было как раз из сферы тех знаков, которые он получал от своего попечителя и хранителя; беда, конечно, в том, что голос его часто заглушался извне, но в этот раз произошло то, что было предначертано ему свыше…

Через два года Клинова назначили заместителем начальника отдела. В его обязанности теперь входила работа группы конструкторов, которые разрабатывали буровую установку для бурения замораживающих скважин на алмазных месторождениях Якутии в городе Мирном и поселке Айхал.

Не менее важным, даже можно сказать эпохальным, событием стала смена места жительства. Вместо коммунальной комнаты в доме главного Ботанического сада, к которой он не просто привык, а, как потом выяснилось, и отвыкать не хотел, теперь семья Клинова жила на четырнадцатом этаже дома, стоящего недалеко от окружной дороги.

Иногда, при смене розы ветров, квартира наполнялась запахами свинарника, который навсегда запомнился Федору во второй ссылке, в бытность студентом Тульского горного института.

Говорили, что скоро свинарник уберут, но пока он благоухал и не давал о себе забыть. Кроме отдельной квартиры, дорога в Спецшахтопроект стала вдвое короче.

Странное чувство испытывал Федор на новом месте жительства. Отдельная квартира, которую ждал столько лет, полная автономия – казалось бы, живи и радуйся. А удовлетворения нет.

Каприз? Может быть, но не сиюминутный, а затяжной и навязчивый.

Раздражала окружная дорога – и не Москва, и не деревня; не нравился сам дом – серая башня, каждый день вонь из

свинарника, дребезжащий лифт, смежные комнаты, скрипучий пол.

Его не оставляла глухая неприязнь ни к каким-то конкретным людям, а к территории, жилью, вообще ко всему, что его окружало. Это чувство, вначале неясное, подспудное, созревало в нем медленно и незаметно переносилось на все, с чем он имел дело.

Звездный час

Отдушиной были проекты и командировки.

Отделу бурения поручили разработать проект бурения шахтных стволов в Узбекистане.

В горно-металлургическом комбинате города Навои, крупнейшем производителе золота и урана Советского Союза, необходимо было пробурить несколько шахтных стволов для улучшения проветривания выработок. На некоторых добычных участках температура достигала сорока градусов.

Трест Шахтспецстрой запланировал совещание, где предполагалось заслушать доклад Спецшахтопроекта. Получив техническое задание, отдел бурения с воодушевлением взялся за подготовку.

– Настал ваш звездный час, Федор Георгиевич, мы в вашем распоряжении, с чего начнем? – передавая техническое задание, спросил Чачнев.

– Спасибо за доверие, Александр Ефимович, мне кажется, что наш привычный порядок проектирования надо сохранить.

– Как скажете, наверное, это правильно, но с одной особенностью: главным инженером этого проекта будете вы. Ваш опыт по бурению шахтных стволов в Донбассе очень ценный, в данном случае это главное, тем более что отдел такие проекты еще не разрабатывал.

– Не боги горшки обжигают, я не сомневаюсь, Александр Ефимович, все получится!

На Навоийском горно-металлургическом комбинате было несколько месторождений. Строительство вентиляционных шахтных стволов планировалось начать в Учкудуке, где подземным способом добывается уран, потом еще два ствола в Зарафшане и Сабырсае – там тоже добыча, тоже подземным способом, только добыча золота.

– С точки зрения процесса бурения стволов, – излагал свою точку зрения Клинов, – мы располагаем оборудованием и технологией, но вот крепление пробуренного ствола, а он, ни много ни мало, около пятисот метров, – отдельная тема и очень непростая.

– Я считаю, – неожиданно заговорила Никодимова, – надо включить в нашу команду Мишедченко. Аналоги крепи есть, но их надо привязать к горно-геологическим условиям Учкудука.

– В общем и целом я, пожалуй, с вами соглашусь, Ольга

Дмитриевна, но несущую способность крепи попробуем рассчитать сами, а вот конструкцию крепи, – Чачнев вопросительно посмотрел на Клинова, – надо отдать Анатолию Даниловичу.

– По поводу расчетов крепи я полностью согласен, – подтвердил Клинов. – Есть еще такая проблема, как спуск крепи в выработку, а она связана с точностью замера вертикальности пробуренного ствола и с тем, что шахтный ствол заполнен буровым раствором.

– Ну что ж, коллеги, вперед, за орденами!

– Пусть без орденов, Александр Ефимович, спокойней будет.

– Не могу с вами, Ольга Дмитриевна, не согласиться: «Ах! от господ подалей; у них беды себе на всякий час готовь, минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь...»

На совещании в тресте докладывал Клинов, оппонировали Федюкин и Фоллэ. Главный инженер Литвин с интересом слушал доклад, поощрительно улыбался, интересовался сроками проектирования и строительства.

После доклада Александр Зиновьевич неожиданно спросил Клинова:

– Федор Георгиевич, скажи, пожалуйста, как дела с диссертацией по бурению?

– С тех пор как умер Булах, умерла и диссертация, а я понял, что научная деятельность – это не мое призвание.

Работа над проектом бурения вентиляционных стволов в Узбекистане захватила всех сотрудников отдела.

В обеденный перерыв Федор не играл с Булатниковым в настольный теннис, хозяйственные дамы не отходили от кульманов и продолжали чертить геологические разрезы уч-кудукского месторождения.

В сортирном бачке третий день не охлаждалась водка – конструкторы разбирались с комплектацией тяжелых буровых установок и прорабатывали дополнительные устройства для бурения в условиях среднеазиатской пустыни.

Чачнев с Мишедченко дискутировали по поводу методов расчета круглых конструкций подводных аппаратов, именно этот метод для расчета шахтной крепи в Уч-Кудуке предложил Александр Ефимович.

Клинов расписывал технологию бурения, методы контроля вертикальности выработки в процессе бурения, порядок спуска секций крепи, готовил графики строительства.

Несколько раз проект рассматривался на технических советах в «Спецшахтопроекте», больше всего замечаний было от электротехнического отдела и от сметчиков, но все по делу.

Начальником горного цеха в Уч-Кудуке назначили Ивана Семеновича Скрягу, заместителем – Гвидона Лебединского. За семь лет совместной работы в Донбассе, на шахте 27-35/5-бис, Клинов сдружился с Иваном и Гвидоном.

За реализацию проекта отвечало Западное управление

треста «Шахтспецстрой», где начальником управления оставался Игорь Лось.

Проходка бурением вентиляционных шахт в Навои продолжалась чуть больше пяти лет. Клинов подолгу находился то в Уч-Кудуке, то в Зарафшане.

Больше всего намучились с крепью, представляющей собой двойную обечайку из стального листа. Пространство между обечайками заполняли бетоном. Не обошлось без аварий при спуске, но и это преодолели.

После Узбекистана «Спецшахтопроекту» поручили проектные работы на Байкало-Амурской магистрали.

Забайкалье представляет собой горную страну. Байкало-Амурскую магистраль необходимо было проложить через все Становое нагорье протяженностью около семисот километров, где самым высоким является Северо-Муйский хребет. Его высота составляет две с половиной тысячи метров.

Над трассой будущего Северо-Муйского тоннеля протяженностью пятнадцать километров заложили три шахтных ствола глубиной триста метров. Это позволило бить тоннели навстречу друг другу из шахтных стволов с восьми сторон, а при эксплуатации стволы должны были обеспечивать вентиляцию тоннеля. С той же целью четвертый шахтный ствол предусматривалось пройти над шестикилометровым Байкальским тоннелем.

Инженерно-геологические условия, в которых предстояло пробить стволы и туннели, считались чрезвычайно тяжелы-

ми: скальные породы, вечная мерзлота, гигантские водопритоки, плывуны, сейсмичность до 10 баллов. Но более подходящих мест для трассы железной дороги найти не удалось.

Кроме проблемной геологии, небывалые трудности создавали сама по себе горная местность, отсутствие дорог и низкие температуры.

В тресте на совещании по строительству стволов БАМа решили, что проходка будет вестись под защитой ледопородных цилиндров, для чего по контуру будущих стволов пробурят замораживающие скважины, через которые в течение трех месяцев прокачают охлажденный до минус двадцати пяти градусов раствор хлористого кальция.

Клинов предложил через замораживающие скважины сначала затампонировать породы специальным составом, и лишь потом морозить их. Опыт, полученный в Загородном институте, он не забыл: технология гидроизоляции подземных выработок была его темой.

Специальный состав для тампонажа Федор заимствовал у треста «Донецкшахтострой»; пришлось съездить в Донецк к Эдуарду Кипко – инициатору специальных глиноцементных растворов. Вернувшись из Донецка, Клинов доложил Федюкину о необходимости организовать специальную лабораторию по глиноцементным растворам.

Предложение приняли, и Клинов с энтузиазмом принялся за дело. Ему выделили помещение, было приобретено лабораторное оборудование, приняты на работу два лаборанта,

завезли материалы.

Клинов успевал руководить группами проектировщиков и конструкторов, продолжал исследования тампонажных растворов, которые, по его глубокому убеждению, снизят водопритоки.

Между тем конструкторы закончили проект буровой установки для бурения замораживающих скважин на алмазных месторождениях. Подготовили презентацию, и Клинов вылетел в город Мирный, чтобы доложить и утвердить проект в комбинате «Якуталмаз».

Защита проекта оказалась весьма и весьма непростой. Выступили несколько специалистов, указали на ряд недостатков, которые Клинов принял, считая их правильными. Казалось, на этом защита благополучно закончилась. Но тут вдруг откуда-то из задних рядов раздался голос:

— Скажите, пожалуйста, какой металл предусмотрен в конструкции буровой установки?

Не предполагая подвоха, Клинов, не задумываясь, объявил:

— Обычный металлопрокат.

Тот же голос из задних рядов возразил:

— Рядовой прокат, да и крепеж, при температурах ниже пятидесяти градусов становится хрупким. Такие температуры в наших местах бывают непродолжительное время, но тем не менее бывают.

— Замечание принимается, мы рассмотрим этот вопрос,

и если все подтвердится, внесем изменения.

После презентации Клинова пригласил директор «Якуталмаза»:

— Вы у нас не первый раз, Федор Георгиевич, не возникло желания перейти сюда на работу?

— Да, такая мысль была. В первую очередь само по себе дело – проходка стволов и подсечка алмазной трубки – мне крайне интересно, но возникает много вопросов по устройству жизни.

— Сразу скажу: квартиру сможете посмотреть прямо сегодня, через три года зарплата с учетом полярных надбавок больше двух тысяч рублей, три месяца отпуск.

— Если это предложение, то в силу того, что оно очень неожиданное, мне надо подумать, обсудить с семьей, ну а в целом – большое спасибо!

Чувствуя, что в его жизни назревают большие перемены, что в этом случае следует отказаться от свойственной ему спонтанности, что для этого нужно время и иная обстановка, Клинов решил взять отпуск и сплавиться в безлюдных местах на байдарке.

Антошка

Байдарочные байки

Топозеро в северной Карелии одно из популярных озер для сплава на байдарках и катамаранах, поэтому неудивительно встретить здесь любителей водного туризма из Белоруссии, Урала или даже из Нижнего Новгорода.

Московскую флотилию из четырех маломерных судов возглавляет Уланов. Высокий, жилистый, пятидесяти лет от роду, с внимательным цепким взглядом. По-крестьянски основательный, Виталий Павлович – в полном смысле вожак – приобрел непререкаемый авторитет у команды еще в период подготовки к сплаву.

Старший в байдарке – капитан (не будет громко сказано, но так уж заведено), у него на подхвате матрос, как правило, женщина, часто жена. У Палыча матросом шла Светлана – шифровальщица из Варшавского договора.

На капитанском мостике, то есть на узенькой дощечке между фальшбортами, в конце своей двухместной байдарки, восседает Клинов. Он без матроса, но зато с гитарой, с которой, смею заметить, меньше хлопот. Его судно оснащено белым, в форме трапеции парусом, прошитым красной каймой.

Дует сильный юго-восточный бриз.

…Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет, он бежит себе в волнах на раздутых парусах…

Хотя это не совсем туда, но парусник уже набрал скорость, и за кормой появился, радующий глаз, небольшой бурунчик. Свежий ветер обдувает суровое лицо капитана. Он в тельняшке, кроме того, у него есть трубка, которую иногда курит на стоянке.

Позади капитана с трубкой еще две байдарки, идущие на веслах. В одной из них Коля и Максим - молодые ученые из Восточного пригорода столицы.

Как-то, когда Клинову понадобился самогонный аппарат, эти парни, исключительно из дружеских побуждений, подарили классное устройство с контролем процесса, выполненное полностью из огнеупорного стекла.

В замыкающей байдарке Глеб и Фатима, которая, как потом оказалось, на четвертом месяце беременности. Они не расписаны, но команда уже приглашена на свадьбу.

Приходится лишь удивляться глебовскому выбору. Бледная Фатима явно проигрывает Нинон его первой жене, по всем видимым показателям: росту маленького, лицом невзрачна, да и обычно молчалива.

Клинов с учеными терялись в догадках: «Такой видный мужик Глеб Крученков, а вот, поди ж ты, и чем только она

его взяла!».

…Когда-нибудь нашим потомкам удастся понять, какие неведомые способности, таящиеся в мужчине, включаются, чем и как определяется неодолимая притягательность именно той, а не иной женщины…

Шифровальщица высказала простую житейскую мудрость: «Татарка она, за ней денег много дают». Так не так, но эта прагматическая версия показалась убедительной.

Для Клинова тема жены тоже актуальна. С текущей он в состоянии перманентного развода с первых брачных дней. С другой связываться не хочет с этой натерпелся. Он уверен: «Все бабы одинаковы!»

В его бесшабашной голове зреет грандиозный замысел: развестись, бросить к чертям проектный институт с его иудейской общиной и с Кисой-Кирсановой основаться в якутском Мирном.

Командор уже бывал там, его знают и настойчиво зовут главным инженером строящихся подземных алмазных рудников: сразу подъемные и квартира.

***

Почти этим же составом, правда, без ученых, зато с семейной парой: она альпинистка, он – офицер из суворовцев, сплавлялись по горному Инзеру, притоку реки Белой на южном Урале.

Там с Улановым шла верная шифровальщица Светлана, а вот у Глеба матросом была Нинон – веселая, компанейская девица при всех делах. Клинов, как всегда, один, шел на арендованной импортной байдарке «Нептун».

Вначале было задумано сплавиться по рекам Полярного Урала с волоками, мощными порогами, великолепной рыбалкой и, что более всего привлекало Клинова, охотой.

Альпинистка маленькая разбитная кокетка связалась по своим туристическим каналам с Лабытнанги, что на приполярном Урале.

– Знаете, друзья, какая погода в Лабытнанги?

– По мне, – заявил Крученков, – лишь бы лед не сковал реки.

– Сковать не сковал, но вот вчера там было пять градусов тепла, низкая облачность, периодически идет дождь.

– М-да, – промычал Клинов, – такая погода располагает лишь сидеть у камина и попивать что-нибудь крепенькое, а мне придется одному в палатке околевать и не с кем согреться!

– Могу предложить матроса, а, Клинов, как смотришь? – хохотала альпинистка.

– Согласен, – Федор окинул альпинистку откровенным взглядом с ног до головы, уделил внимание персям и подумал: «Для тепла, да и для удовольствия, ты, вполне бы подошла» – я бы не отказался, но только, если матросом у меня будешь ты».

– Говори, Клинов, только не заговаривайся, – вмешался серьезный офицер: он заметил красноречивый осмотр жены, – а я бы пошел, надо только теплые вещи взять.

– Ты имеешь в виду телогрейки, валенки с калошами, меховые рукавицы, а также ватные одеяла и так далее? – Клинов говорил, посматривая в сторону Виталия Павловича.

– Ну, положим, в телогрейке не погребешь, – послышался глуховатый голос Уланова, – мне кажется, при такой погоде нам будет лучше сменить направление.

Убедительный голос Уланова успокоил назревающий в команде разлад, все согласились отправиться в Башкирию. Сплав на южном Урале доставил всем удовольствие. Не обошлось без забавных происшествий.

Клиновский «Нептун» на шиверах – это такие протяженные бурные потоки на Инзере – оказался таким вертлявым и неустойчивым, что капитан несколько раз оказывался over keel, что в переводе означает «над килем» или, проще, в воде. Пришлось брать байдарку на бечеву, и, как бурлаку, тянуть за собой, идя то по воде, то по берегу.

Наслушавшись досужих баек про дремучие леса Башкирии, Нинон панически боялась встретиться с медведем.

Было это в середине сплава. Места безлюдные, вдали от сел и деревень, куда, собственно, и стремятся байдарочники от пыли, шума и нескончаемой толпы, которая словно преследует человека в многомиллионном городе.

Палатки поставили на высоком берегу: внизу искрящие-

ся потоки бурной реки, с другой стороны смешанный густой лес.

– Мы за дровами, – крикнул, уходя, Уланов.

– Поищите грибов, я поджарю, а то тушенка надоела, – отозвался Крученков.

– А ты, пока ходим, разведи костер.

– Договорились, – Глеб уже раздувал тлеющий огонек.

Вместо грибов шифровальщица принесла немного малины.

Как всегда, после ужина сидели у костра, Светлана рассказывала про интриги в шифровальном отделе, Клинов еле слышно наигрывал на гитаре. Было хорошо и уютно. Стемнело. Клинов забрался в спальник и немедленно заснул.

Под утро башкирскую тишину взорвал истошный Нинкин крик. Клинов выскочил из палатки: возле потухшего костра, в футбольных трусах, с ружьем наизготовку, Крученков высматривал топтыгина.

Ничто не нарушало утреннего безмолвия, только свежий ветерок шевелил Нинкину соломенную шляпу, подвешенную на палатке. Она-то, оказывается, и издавала шуршащий звук, который был принят за крадущегося медведя.

А однажды, когда в вечерних сумерках на тлеющих углях костра Клинов пек блины, из-под него, сидящего по-турецки, показалась змеиная голова. Трудно сказать, кто это был, уж или гадюка. Видимо, змея хотела погреться, или просто жопа Клинова оказалась у нее на пути, неизвестно.

Держа разогретую сковородку в правой руке, Клинов левой зачерпнул тесто и невольно глянул на Нинон. Та глазами полными ужаса смотрела под сковородку.

Клинов перевел взгляд вниз, и в следующее мгновение неизвестная сила приподняла его над насиженным местом. Приподнялся он невысоко, но этого хватило, чтобы змея исчезла.

Топозеро

На сплав по Топозеру отводилось семь дней. Один день планировался на волок, то есть перетаскивание снаряжения из озера по суше на реку Поньгому и еще пятнадцать дней по бурной реке до Белого моря.

Команда Уланова спокойно и дружно заканчивала первую часть маршрута по самому большому озеру Карелии, известному своей красотой, необитаемыми островами, прозрачной водой, которую пьешь, черпая кружкой из-за борта, ну и, конечно, изобилием рыбы, грибов, малины, морошки.

Крученков показал Клинову, как к байдарке пристроить спиннинг, а блесну отпустить в воду, чтобы она мелькала метрах в семи от байдарки: «Глядишь, какая-нибудь щука и схватит, понял?».

Клинов так и сделал, а потом, увлеченный потрясающими видами, красотой и прозрачностью озера, про блесну за бортом забыл.

Московская флотилия растянулась настолько сильно, что Клинов лишь по отблеску весел мог заметить впереди флагманскую байдарку Уланова и далеко-далеко сзади – байдарку ученых.

Шалопай в одних плавках ритмично работает веслом, а его дух, его сознание объединено с бескрайним небом, растворено в солнечном свете, играющем отблесками на легкой ряби карельского озера…

Неожиданно движение лодки будто натолкнулось на невидимое препятствие, и Клинов чуть было не съехал с маленькой дощечки – капитанского мостика. Только тогда он вспомнил, что сзади блесна.

Блесну заглотила щука средних размеров. Она с ненавистью смотрела на Клинова, ходила кругами, острые крючки больно впивались в челюсть, но ни освободиться, ни уйти не могла.

До берега далеко, сподвижники еще дальше, можно, конечно, отвязать спиннинг и пусть она с ним плывет, куда хочет. Однако куда же ей с крючками в пасти, ведь теперь ей все равно конец. Растерянность сменилась решительностью.

«Значит, делаю так: подтягиваю щуку ближе к байдарке, весло кладу на колени, когда будет от меня метрах в двух, резким движением выдергиваю, чтобы она оказалась в байдарке у меня в ногах. Перехватываю весло и тюкаю ее лопастью по башке!»

Клинов передохнул, собрался: «Ну, командор, с богом!»

«Подвел…, хорошо…, смотри, смотри, зараза! Никак ты устала? Не дергает. Отлично! Так держать, я молодец! Выдергиваю! Отлично! Вот она, у меня в ногах!

Ясное дело – без воздуха – офигела! Теперь добить! Пока все идет по плану. Надо перехватить весло, все-таки все правильно я рассчитал, заношу весло над щукой…»

И тут эта хитрая бестия, изгибаясь, подлетает вверх, касается холодным боком клиновского колена. От такого вероломства и инстинктивной реакции неведомая сила выбросила шалопая из байдарки.

Клинов всплыл, рядом плавает весло, а эта стерва – в байдарке!

Капитан, коченея, держится за борт байдарки, влезть в нее без помощи невозможно – челн перевернется. Наконец, подошли ученые: смотрят на рыбака и ржут. Только заметив, что жертва щучьего коварства синеет, сжалились, щуку кончили, Клинова достали и плюхнули в байдарку. Спиннинг вернулся к Глебу.

***

На одном из островов Топозера рядом с москвичами на стоянку стала группа из восьми байдарок. В тот же вечер, а это происходило на пятый день похода по озерной части, обе команды легко подружились, посидели у костра, попели песни под гитару.

В четырех байдарках нижегородской флотилии шли девчонки и мальчишки студенты театрального института. У артистов свой вожак - Мишка, веселый, доброжелательный крепыш, и, как отметил Уланов, он недавно отслужил армию.

Утром, когда москвичи отчаливали, Клинов, сидя на капитанском мостике, все что-то говорил кудрявой девушке из нижегородской группы, а та, придерживая его байдарку, с нескрываемым интересом проказника внимательно слушала.

Эту ладную, сочетающую в себе обаяние юности и мальчишескую дерзость девушку зовут Тоня. Но для сплава по знаменитым порогам ей бы больше подошло Гаврош…

– Я не прощаюсь, надеюсь встретиться на волоке, и мы еще споем.

– Какие наши годы, обязательно встретимся, – кокетничала девчонка, – и может быть даже на волоке, смотрите, а ваши уже уходят.

Клинов обернулся: москвичи и в самом деле потихоньку выгребали от берега, Коля и Макс махали ему, мол, давай, догоняй.

– Я точно знаю, Тоня… Антошка, все только начинается.

– Что начинается? Звучит как-то очень серьезно.

– Пока, до встречи, Кудрявая!

…Когда море горит бирюзой Опасайся шального поступка, У нее голубые глаза И короткая серая юбка…

По плану карельского маршрута надо из Топозера по суше перетащить байдарки и снаряжение на другое, стартовое озеро и только потом можно попасть на реку Поньгому.

По этой бурной многокилометровой реке с большим количеством шивер и именных порогов, часть из которых считается непроходимыми, сплав продолжается до деревни Кузема, а в Куземе один из самых волнующих моментов: выход на байдарке в Белое море.

Седьмой день сплава приходился на волок. На низком берегу разгружалась нижегородская команда. Клинов увидел кудрявую головку, махнул ей, та остановилась, улыбнулась, помахала в ответ.

Полярный день в разгаре: «*одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса*». Уланов отвел флотилию на свободное место, в мелководье, и байдарочники, не мешкая, чтобы до темноты, а это около двенадцати ночи, успеть уйти подальше от волока и выбрать хорошее место для ночлега, а может, и стоянки.

Волок

Между берегом Топозера, где разгружают байдарки, и урезом стартового озера, с которого начинается Поньгома, по суше пешим ходом, налегке, около тридцати минут.

Здесь с давних пор перетаскиваются, да все на себе, да по

несколько раз, можете себе представить: это же не с бутылкой из магазина перед закрытием.

– Ну, Глеб, ну дает, нет, Коль, ты посмотри, – возмущался ученый, они ж с собой, только газовую плиту с утюгом не взяли, – Клинов, помоги перевернуть байдарку.

Байдарка Глеба забита до отказа. Сам он нагрузился и уже ушел в волок, перед тем, бросив Клинову: «Слышишь, Федь, байдарка тяжеловата, но вы с Колькой и Максом донесете!».

Клинов с Колей тяжело подняли байдарку и тут же опустили: про то, чтобы нести, не могло быть и речи. Не дожидаясь капитана, парни вытащили из кормы и носовой части матрасы, одеяла, пододеяльники, пуховые подушки, посуду.

Вернулся невозмутимый Крученков, сложил вещи в мешок, и, захватив тихую Фатиму, ушел в волок. Клинов же с Колей и Максом понесли татарскую байдарку.

Когда волок завершили, Клинов с Улановым невольно прислушались к разговору в нижегородской группе, который больше смахивал на разгорающийся скандал.

«Надо бы посмотреть, что это там за проблемы», – Уланов жестом позвал Клинова, и они подошли ближе.

Нижегородцы, не желая выносить сор из избы, притихли, говорил Мишка.

– Так нельзя, Сергей Петрович, мы здесь все в туристическом походе, а это форма отдыха, а не марш-бросок десантников с полной выкладкой.

– Я назначен старшим в этом походе и отвечаю за всех вас.

– Мы согласны, что вы старший, но вот девчонки не хотят подниматься в семь утра на зарядку, а в десять вечера по команде ложится спать, как в армии.

– Я смотрю, ты хорошо знаешь армейский распорядок.

– Было дело, пришлось послужить в рядах.

Мишка замолчал, злой и поникший. Конфликт его расстроил.

– Что же не разгружаетесь, – глуховатым голосом спросил Виталий Павлович, опытным глазом он сразу оценил обстановку: в команде разлад.

– Да, сейчас займемся, глядя в сторону, нехотя сказал Мишка. Было видно, что тут что-то не так.

Клинов подошел к Антошке.

– Что тут у вас случилось, время-то идет, здесь оставаться на ночь не годится.

– Нас всех, – заговорила девушка, а сама чуть не плачет, – меня, Мишу, еще ребят из Театрального, старший держит за малышей, требует беспрекословного послушания: подъем в семь утра, все на зарядку, называть его по имени отчеству. Сергей Петрович, как в армии, ругает нас все время. И то не так и это, вообще с нами, как в пионерском лагере. Клинов тут же завелся: «Палыч, пусть артисты идут с нами!»

…Раз увидев ее на борту, Капитан выползает из рубки, И становится с трубкой во рту, Возле девушки в серенькой юбке…

Мудрому Уланову импонировали театральные ребята, да и Клинов идет один, ему приглянулась Кудрявая, однако вмешиваться в ссору не хотел.

«Здесь сошлись два вожака, – Уланов отозвал Клинова в сторону, – подождем, время еще есть, пока наши погрузят байдарки, да Крученков упакует Фатимин гардероб, они разберутся, кто главнее, тогда все и проясниться».

Предложение Виталия Павловича объединиться и идти вместе студенты-артисты встретили с восторгом. Их нескрываемая радость сильно задела Сергея Петровича. От обиды полез в бутылку, говорил об ответственности, о том, что доложит, но его не слушали.

Кончилось тем, что четыре нижегородские байдарки ушли с москвичами. Кудрявая Антошка, захватив надувной матрас и спальник, заняла место матроса у Клинова, гитару пришлось отдать надежному Уланову, а разрозненный контингент четырьмя байдарками лег на обратный курс, в Нижний Новгород.

Конфликт разрешился в пользу театральной команды, и непреклонный Сергей Петрович с расстроенными сподвижниками возвращались домой.

Клинов ясно представлял, что, как только матрос займет место в носовой части, оболочка байдарки из прорезиненной ткани или, обычно, «галоша», на шиверах начнет быстро протираться по стрингерам до дыр.

Будь он один, а именно так было задумано по первона-

чальному плану сплава, осадка у байдарки была бы не меньше фута под килем. Теперь же о футе под килем нужно забыть, а вот как быть в этом случае? Шалопай, как всегда не задумываясь, положился на классический русский авось.

Беспристрастный расчет запросто перевесили: симпатичный матрос и легкомыслие капитана.

Антошка

В легком суденышке Антошка и Клинов наедине с безграничной водной гладью Топозера. Иногда встретится безлюдный остров, но и все.

Он ведет разговор о морях, О погоде, а также о шлюпке, А сам смотрит на девичью грудь, Сукин сын, и на ножки под серенькой юбкой

Они одни в этом море. Другие байдарки очень далеко и угадываются лишь по отблеску алюминиевых весел на солнце.

Юной деве немного не по себе. Федя сразу понравился, однако только теперь, когда рядом нет своих и нет Мишки, она почувствовала страх неизвестности.

Клинов влюбчив. Хорошенькой Антошке достаточно было проявить интерес, улыбнуться, заиграть глазами, как

тут же отодвинулись перспективы на алмазных рудниках, в проектном институте и другие заманчивые предложения.

Тот, кто не был в северной Карелии, кто не испытал восторга единения с природой, тому не понять этого необычного состояния души.

Если есть другое, дополняющее трехмерное пространство, например, четвертое, то это, как раз оно и есть!

Извлекая городского обывателя из рутины повседневности и нескончаемого поиска лучшей жизни, новое измерение погружает в другие миры, где нет серых будней, а только чарующая первозданность и любовь…

После волока объединенная флотилия решила уйти с планового маршрута в отмеченную на карте Уланова брошенную деревню. В тот же день около одиннадцати вечера флотилия причалила у пологого берега.

Уланов первым сошел на берег.

– Клинов, идем, посмотрим, что за поселение там наверху.

– Возьму ружье, мало ли, что там.

– Свет, Глеб, Мишка, не разгружайтесь пока, мы идем на разведку.

На высоком берегу, метрах в ста от воды, стояли три больших темных дома.

– Проверим вон тот, – Уланов показал дом на отшибе.

– Уж очень он далеко от воды, таскать далеко.

– Там будет спокойнее, не мы одни такие умники.

Проходя мимо первого дома, Клинов разглядел возле него

силуэт байдарки, прислоненную вертикально к стене, взял ружье на изготовку и достал патрон.

– Погоди, – Уланов тоже обратил внимание на байдарку, – вот тебе и соседи.

– Что делать-то будем?

– Будить или не будить: не знаю,… байдарка вроде одна, хотя я сомневаюсь, как бы тут не оказалось, что все дома заняты.

Клинов вскинул ружье на плечо, взлетел на высокое крыльцо дома и заколотил в дверь.

– Эй, немедленно откройте, инспекция Рыбнадзора.

В доме послышалось движение, щелкнула задвижка. На пороге, в трусах стоял заспанный паренек.

– Кто такой, – суровый голос Уланова в плаще и капюшоне, поверг паренька в ужас.

– Мы туры, – голос юноши дрожал.

– Где прячете сети, – тяжелый голос из-под капюшона совсем расстроил паренька. Позади перепуганного юноши появилась девичье лицо.

– Вы кто?

– Вашему подельнику сказано: «Инспекция рыбнадзора». Здесь территория заказника, нельзя ловить рыбу, собирать грибы и ягоды, а также нельзя разводить костры. Нарушители привлекаются к уголовной ответственности.

– Что же нам делать, – девушка готова была расплакаться, она тревожно и просительно переводила взгляд с капюшона

на ружье.

– Составим протокол, на первый раз этим и ограничимся, а с рассветом вам следует покинуть заказник.

Москвичи и нижегородцы заняли все три дома. Это были добротные строения из потемневшего от времени дерева. По обрывкам обоев можно было предположить, что лет примерно двадцать здесь, кроме туристов, никто не бывает.

Вечером у костра студенты устроили настоящее представление. Это были веселые сценки, в которых москвичи увидели себя на сплаве. Они ловко подмечали движения и выражения лиц, подчас настолько точно воспроизводили характерные манеры, что рассмешили даже сдержанного Уланова.

Стемнело, стало прохладно, костер догорел, но еще мерцая, тлели угли, народ потянулся на ночлег. Первыми ушли Уланов и шифровальщица. Ученые о чем-то шептались с двумя девчонками, а потом неожиданно растворились в вечернем тумане. Черноглазая Алина устроилась на груди Мишки - всеобщего любимца, вожака нижегородских студентов. Нельзя было не заметить заинтересованного внимания строгой Алины к Мишке, который благосклонно и иронично принимал ее откровенное чувство.

Клинов принес куртку, накинул на плечи Антошке.

– Тебе же холодно, садись ко мне ближе, – она распахнула куртку, приглашая шалопая.

– С удовольствием, – Клинов сел рядом под куртку, – хорошо тут у тебя.

– Мне тоже нравится, – голос девушки чуть дрогнул.

– Может подкинуть дров, а то костер скоро совсем потухнет? Я, пожалуй, так и сделаю.

Он подложил три сосновых полена, раздул угли, и костер занялся с новой силой.

Красные огоньки поднимались над костром, улетали, угасая где-то там, в темном небе. День завершался, уходил в прошлое, с ним исчезали, растворялись в вечности заботы, обиды, неудовлетворенности трудного дня. В безмолвной тишине происходило что-то таинственное. Оно завораживало притихших у костра путешественников.

– Мы уходим, – Мишка нежно посмотрел на уснувшую Алину и поднялся.

– Мы тоже скоро уйдем – да, Антошка?

– Здесь так хорошо, – Антошка потянулась, – я, кажется, задремала?

– Да, было дело, вставай, дружок, костер потух, пойдем.

Они медленно подошли к дому, в котором расквартировались артисты. Клинов обнял девушку, она буквально трепетала.

– Тут есть одно укромное место, – голос шалопая выдавал волнение, – там только для двоих, – хорошо?

Она ничего не ответила, только крепче обняла и слегка кивнула.

Уланов

Когда Уланов спросил: «Не надоело ли вам, друзья мои, на этом острове?», будущие артисты и состоявшиеся инженеры дружно сказали: «Нет!». Неразлучные ученые из Восточного пригорода и две студентки театрального института ушли в тайгу: «Сегодня на ужин будут жареные грибы!»

Фатима устроилась на берегу и во все глаза глядела, как Антошка без устали ловила на удочку окуней. Поймав одного, следующего она ловила на глаз только, что пойманного окуня. В ведре плескались уже штук десять, да все не меньше, как по полкилограмма. Тут же вертелся Крученков. Он и показал Антошке, как ловить на рыбий глаз, сам же без устали закидывал спиннинг, но рыба шла к Антошке.

Вечером у костра пели под гитару. Клинов по привычке спел цыганский романс, но успеха не имел. Он убрал гитару и подсел к студентам. Артистический народ пел а капелла, слаженно и задушевно. Песни были всякие: и народные, и времен войны, и советские…

– Палыч, что не поешь?

– Медведь на ухо наступил, слушать люблю, поют девчонки – заслушаешься.

– А твоя Светлана, смотрю, поет не хуже артистов.

– Это у нее не отнять, нравиться ей петь, а главное - нравится компания.

– Знаешь, Виталий Павлович, не пойти ли нам сегодня на охоту?

– Так, а что же я там, на охоте буду делать, ружья-то у меня нет?

– Возьмем у Глеба, – заверил Клинов, – ну так что, согласен?

– Согласен, только с Крученковым договаривайся сам.

Крученков относился к тому многочисленному роду человечества, которое испокон веков промышляла рыболовством, в свою очередь рыбаки делятся на сидящих с удочкой и непосед страстных рыбаков.

Именно таким, забывающим обо всем на свете, кроме снастей, поплавков и наживки, и был Глеб Крученков. К охоте он был равнодушен, ружье брал исключительно для острастки, на всякий случай, а такие случаи, особенно когда путешественники сплавлялись мимо деревень, бывали и не раз.

Еще засветло, одевшись потеплее и получив ружье с патронами, охотники ушли в тайгу.

– На кого будет охота, – Уланов шел чуть сзади.

– Честно говоря, не знаю, смотри по сторонам. Если верить справочникам, здесь водится всякая дичь.

– Крученков сказал, что в патронах бекасинник.

– Бекасинник хорош на рябчика, можно им бить уток и куропаток. Только я думаю, что Глеб возит с собой ружье на тот случай, когда другого выхода нет и приходится настырному надоедале выстрелить в задницу: убить не убьешь, но

позора наглец не оберется.

Охотники, не торопясь, шли сначала вдоль берега по едва приметной тропе, потом свернули в тайгу. Прошли еще минут сорок и остановились у небольшой полянки, на пригорке.

– Предлагаю так: поскольку до темноты еще есть время, разведем небольшой костер и посидим пару часов до рассвета, а потом, дай бог, поохотимся.

– Тебе видней, я в этих охотничьих делах не мастер, могу лишь сказать, что было время, когда в лесу пришлось провести не одну ночь, и не в туристическом походе, и даже не летом…

Охотники облюбовали подходящее для привала место, Уланов развел костер, Клинов собирал валежник и складывал возле кострища. Достали по бутерброду. Время за разговором бежало незаметно.

– Виталий Павлович, – Клинов подложил сухие ветки, и костер вспыхнул с новой силой, – что это за время, «когда в лесу пришлось провести не одну ночь, и не в туристическом походе, и даже не летом…».

Уланов не ответил. Он, не отрываясь, смотрел на огонь и будто что-то вспоминал.

– Было такое время. Тебе, Федор, я, пожалуй, расскажу.

«До войны жили мы недалеко от Киреевска в Тульской области. Небольшое село, а точнее рабочий поселок Дедилово стоит на берегу реки Шиворонь. И отец и мать и стар-

ший брат, все работали на угольных шахтах вокруг поселка. Я тоже пошел бы работать туда, но тут началась война. Отца с братом мобилизовали, а потом пришли немцы. Мне тогда было 14 лет, однако выглядел старше своих лет. Немцы заняли поселок. Меня забрали в немецкий обоз.

У них и в обозе полный орднунг, порядок значит. Все четко. Кто за что отвечает, за кем закреплена лошадь и телега, или кто на какой машине.

Меня поставили возить мины. Дали солдатскую одежду, с белой повязкой на рукаве. Были еще русские, тоже в обозе. Однажды ко мне подошел один, спросил: кто, откуда, познакомились, вроде даже подружились. Я, как услышал, что он сказал «фашисты», сразу понял: он заслан! Иван, оказывается, шел с обозом по заданию Ступинского военкомата.

Он показал, как портить мины, и я стал ему помогать. Когда стояли в Польше, Иван как-то говорит мне: «Часть-то наша, ну, то есть немецкая, отступает, и вообще Красная армия уже бьет фашистов по всем направления».

Потом он пропал. А через некоторое время немецкая часть, с которой мы шли, была разгромлена. Меня чуть не расстреляли, остановил старлей, сказал не добивать, пусть сначала допросят в штабе. Избили до полусмерти и отправили в штрафную роту, а сразу после войны мне дали двенадцать лет, отсидел восемь.

Лет пятнадцать назад я решил разыскать Ивана. Хотел добиться реабилитации. Поехал в Ступино в военкомат, а там

мне сказали: «Иван Сергеевич Седов умер».

По самые денежки

В который раз Клинов ругает себя за лень и извечный авось. Теперь сожалей, не сожалей, через каждые час сплава байдарку приходится вытаскивать на берег, днищем вверх, порванные места смачивать бензином и сушить огнем, потом зачищать наждачной бумагой и, не теряя ни минуты, потому что нещадно жрут комары, клеить кое-как новые заплаты.

Из-за большой осадки байдарка «пашет» и бьется днищем о каменистое дно, особенно там, где шиверы, а их на Паньгоме бесчисленное множество.

– Гребем к левому берегу, Тонь, вон к той стремнинке, – Клинову видно, что она устала, что мешок с палаткой, на котором она сидит, в воде.

– Ладно, хорошо, – безучастно откликается матрос и налегает на весло по правой стороне байдарки.

Вода прибывала через рваное днище, наполняя байдарку. Тяжелая лодка руля почти не слушалась. Они подгребли к берегу, капитан спрыгнул в воду, придержал байдарку, чтобы Антошка, захватив палатку, могла бы выбраться на берег.

Клинов достал вещи из байдарки и кинул на берег, но вытянуть на сухое место байдарку не удалось – его сил не хватало.

Проваливаясь в вязкий ил по колено, Клинов тянул бай-

дарку, Антошка одной рукой помогала, другой вытаскивала инструмент и материалы для ремонта порванного днища. Но и вдвоем сдвинуть затопленную лодку не удалось. Только вычерпав воду, они кое-как вытянули ее на берег и без сил упали рядом.

Они уже давно отстали от своей команды. Хорошо, что договорились, где их будут ждать. Именно их, теперь надо понимать, как москвичей и нижегородцев вместе.

«Ничего, клей, бензин есть – проклеим, зато какая деваха, – радовал себя Клинов

…зря он губы раскатал, такие девахи просто так не даются, но не будем забегать вперед, Клинов наш тоже не промах, так что время покажет…

«Для таких диких рек, а я ведь знал, – корил себе командор, – куда идем, оболочка новой байдарки, строго по стрингерам, обязательно должна быть проклеена резиновыми полосками, желательно от камеры колеса грузовой машины.

Ну, а коли так, – выговаривал знакомый голос хранителя, – где же твой здравый смысл, зачем же матроса было брать?»

Как и следовало ожидать, ответа не последовало!

«Одиннадцать вечера, до темноты остается еще максимум час, – Клинов, отбросив пустые размышления, вернулся к реальности, а она становилась все тревожнее, должны

успеть, пока относительно светло, топкие берега, шиверы чередуются с плесами и разливами, стать здесь на ночь негде, надо быстрее клеить и гнать, гнать, гнать».

Одно Клинову согревает душу: несмотря на юный возраст Антошка оказалась человеком крепким. После бесчисленных вытаскиваний и ремонтов протекающей лодки, он видел, что силы ее на исходе. – Тебе, наверное, и в голову не могли прийти, что попадешь в такие передряги, а, Тонечка?

Матрос отвечать не хочет и только еще яростней зачищает наждачной бумагой рваные края «галоши».

Клинов и не ждет ответа, из алюминиевой фляги смачивает бензином сухую тряпку, протирает зачищенные места и поджигает, чтобы клеить по сухому.

– Так, теперь осталось нанести клей на заплаты, на зачищенные места галоши, еще немного подождать. Ну вот, сейчас как следует прижать и так подержать некоторое время.

«Готово, – командует капитан, – судно на воду, черт, уже почти темно!»

– Антошка, грузись быстрей, времени у нас до темноты почти не осталось, – он помог перелезть через фальшборт, придержал байдарку на стремнине и крикнул, – табань по правому борту, чтоб не сносило, – последний раз глянул, не забыто ли чего на берегу, и прыгнул на свое место.

– Эй, матрос, корабль в норме, прорвемся, еще немного, больше нигде не останавливаемся, если потечем, затыкай, чем придется, жмем на всех парах до наших!»

Клинов говорил, говорил с какой-то нервной веселостью, понимая: только не молчать.

– Не грусти, Антошка, где наша не пропадала, – а вот это зря, это точно ляпнул, тоже мне: «Где наша не пропадала».

Они прошли несколько стремнин. «Слава богу, шивер вроде нет, только подумал и на тебе, – вот тебе и шивера, твою мать, да еще какая».

Будто его самого, голым, оставляя на теле раны, тащат по дну, по острым камням, рвущим не оболочку байдарки, а его, Клинова, кожа рвется. Шивера закончилась то ли большим разливом, то ли плесом: разобрать в сгустившихся сумерках уже невозможно, слева и справа чернеют на фоне чуть более светлого неба верхушки деревьев, а впереди и сзади стоит пугающая тьма. Они одновременно перестали грести, положив весла на колени.

И в этой неожиданно возникшей звенящей тишине, от которой повеяло сырой жутью, Клинов вдруг уловил еле слышный всхлип.

– Антошка, что там у тебя? Он понял: там сейчас зарыдают.

– Тонечка, с Улановым у нас договоренность: справа, на берегу, всю ночь будет гореть костер, чтобы мы могли на него идти, как на маяк. Давай-ка, дружок, еще немного пройдем, бери весло.

– Да, хорошо, я слышу, – Антошка шмыгнула носом, – я ничего, я так.

– Пройдем до следующего плеса, а там, как получится: наших увидим – отлично, не увидим – станем, где придется.

Приняв решение, (ну, а о каких обсуждениях сейчас можно с Кудрявой говорить? Слава Богу, вроде успокоилась, пусть гребет – нагрузка отвлекает). Клинов опустил весло в воду, но гребка не получилось, и привычного движения лодки он не почувствовал.

Вода не потихоньку прибывает, нет: байдарка стремительно заполняется водой. Стало ясно: на последней шивере содрало все заплаты, – недаром я острейшим образом чувствовал, как нас тащит по дну, словно не шивера, а стиральная доска.

– Ну, Тонечка, давай, милая, еще немного.

Однако, сейчас это пустые слова, сделать уже ничего нельзя.

Они сидели в затопленной лодке «по самые денежки».

Костра не видно ни справа, ни слева. Глухая враждебная тишина.

– Тоня, – тихо сказал Клинов, – сними сапоги и в воду, я сразу же за тобой, не бойся, – его била крупная дрожь, – как только ты в воде, тут же я, за тобой.

– А вещи? – сдавленным шепотом спросила Антошка.

– Какие там вещи? – хотел крикнуть Клинов, но сдержался.

– Оставь. Вещи, как-нибудь потом.

…Ты мужик или нет, – негодовал А-Клинов, взял с собой девчонку, а теперь распустил сопли. Вы только посмотрите: он, видите ли, не знает что делать! Раньше надо было думать, мудило из Нижнего Тагила, – возмущение было настолько искренним и убедительным, что шалопаю стало совестно за свою минутную слабость…

Откуда-то извне пришла решимость, пропал сковывающий страх безнадежности.

…Чему быть, того не миновать, – как только окажемся в воде, будет ясно, лишь бы не глубоко, и сразу же подхвачу Антошку. Он теперь был уверен в себе. А если омут? Какие тут омуты, – оборвал его все тот же сердитый голос, – вон смотри, Антошка переваливается через борт…

Антошка неловко перевалилась через левый борт и оказалась в воде, тут же за ней кувыркнулся Клинов. В воде было теплее, чем в ночном воздухе. Клинов подплыл к товарищу ближе, поймал и отпустил руку: молодец, держится нормально.

– Ты как, Тонь?

– Ничего, нормально.

«Ну вот, – успокоился капитан, – голос, как голос, без паники, крепкая девчонка, понять бы только, сколько до берега, но, сколько бы не было, надо плыть».

Вдруг… «Не может быть…, да нет…, точно – дно, – Клинов невольно захлебнулся, – вот оно под ногой! Отлично, мы

еще поживем, порядок».

Антошка, полный порядок, у меня дно под ногами! Все будет хорошо, – он подхватил матроса, но Антошка и сама нащупала дно и они медленно двинулись по поднимающемуся дну, уверенные, что идут к берегу.

Выйдя на сухое место, матрос и капитан рухнули в изнеможении, счастливые и обессиленные.

Много ли, мало ли времени они были в забытьи – они не знали, а пришли в себя, только услышав бряканье посуды: кто-то шел к берегу…

– Тонечка, – зашептал Клинов, с беспокойным удивлением всматриваясь в темноту, – не должны наши стоять на этом берегу, да и костра на берегу не было.

– А мы и не ваши, – послышался девичий голосок.

– Что это вы тут делаете, – то ли в шутку, то ли всерьез спросил мужской голос.

– Кто вы, – подала голос Антошка.

– Мы-то из Минска, а вот вы как тут очутились?

Байдарочники из Белоруссии помогли подняться, отвели к догорающему костру, налили водки, нашли сухие вещи, а потом потеснились в большой палатке, и потерпевшие крушение провалились в беспробудный сон.

Утром Антошка рассмотрела на другом берегу костер.

– Федя, – радостно воскликнула девушка, – там наши!

– Ура, – теперь все в порядке, – страхи и беспокойства Клинова исчезли, он преобразился, вернулась его ироничная

уверенность и оптимизм.

Минские ребята нашли полузатопленную байдарку, Клинов на скорую руку проклеил галошу, Антошка подсушила вещи, они от всего сердца поблагодарили белорусов и отчалили.

Основная группа москвичей пребывала в тихой панике, больше всех переживала Фатима, только Виталий Павлович не терял уверенности: «Клинов стойкий парень, с ним Антошка не пропадет!»

Первой, пропавших увидела шифровальщица, она набирала воду для чая, стала махать руками, но расстояние было слишком велико.

Когда же все увидели байдарку, капитана и матроса, радости не было конца.

Уланов объявил общий сбор: до Куземы на Белом море оставалось три дня сплава.

После столь экстраординарного события, когда в какой-то момент Тонечка острейшим образом поняла, что завтра не будет, и солнца восход она не увидит, и что вот сейчас обрывается ее такая прекрасная и такая сладостная жизнь, которая только-только началась, она совершенно по- иному посмотрела на Клинова.

Если еще вчера ей просто импонировало ухаживание чубатого весельчака, да и близкими отношениями она тоже была довольна: «Только бы, – мелькнула коварная мысль, – не залететь», то уже на следующую ночь, отдаваясь своему спа-

сителю, она вдруг неожиданно подумала: «Эх, а родить бы мне сына и чтобы он стал таким же настоящим мужчиной!»

Пороги

Паньгома становилась все шире и полноводнее, однако в сужениях река несла с такой скоростью, что управлять было непросто, в иных же местах были пороги. Именно пороги привлекают байдарочников.

О том, что впереди их ждет первый порог, объявил идущий впереди всех Уланов.

Он с веслом вышел на берег, Светлана у берега придерживала байдарку. Москвичи и нижегородцы причалили и ждали, что скажет предводитель. А предводитель уже прошел по берегу вниз по течению и теперь возвращался к своим.

– В общем, так, – негромко начал Уланов, – впереди, метрах, я думаю в пятидесяти, известный порог, называется «Стол», сначала мощный слив, потом этот Стол, и снова мощный слив.

У порога несколько групп байдарочников, все разгружаются, только одни обносят порог, как на волоке, другие, рисковые ребята, обносят вещи, возвращаются и сплавляются в облегченной байдарке через порог.

– Виталий Палыч, – Мишка выбрался из байдарки и подошел к предводителю, – я, пожалуй, пойду, посмотрю на

порог, а там, глядишь, может и сплавлюсь!

За Мишкой потянулись ученые и Клинов. На пороге было оживленно, как раз в это время двое парней в желтых касках и в оранжевых спасательных жилетах садились в байдарку, третий стоял ниже порога, очевидно, чтобы корректировать движение байдарки.

«Давай, – крикнул смотрящий, и все, кто был поблизости, замерли в ожидании.

Смельчаки выгребли на стремнинку, тот, что сидел вторым скомандовал: «Начали!» и легкая байдарка полетела, едва касаясь бурного потока. Первый слив они прошли благополучно.

Байдарочники знают: на стремнине, чтобы лодка слушала весла, надо грести быстрее течения, а если не получается быстрее течения, то надо табанить – тормозить или даже грести в обратную сторону.

Знать-то знают, да в мощном потоке, когда тебя несет и захлестывает, крайне трудно сохранить хладнокровие и принять правильное решение: грести быстрее или табанить – грести против течения.

На «Столе» байдарку понесло кормой вперед с такой скоростью, что ни табанить, ни грести быстрее у ребят не получилось и на втором сливе байдарку перевернуло, over keel!. Ниже слива река разливалась, течение успокаивалось. Сразу вынырнул тот, что сидел впереди и брасом поплыл к берегу, второй смельчак всплыл, все, кто был рядом, бросились

к нему – парень был без сознания. Оказывается в момент «over keel» каска соскочила, и фальшборт байдарки ударил его по голове.

– Ты как, – Коля смотрел на Макса и посмеивался, – идем или обносим?

– Сначала обносим, а потом сплавляемся по порогу, жаль только нет камеры снять процесс.

– И нет оператора, который бы снял, как ты всплываешь после «over keel».

– Всплывет ли он, – вмешался в пикировку приятелей незнакомый байдарочник, – или накроет тебя – никто не знает, а вот насчет камеры и оператора – ошибаетесь: у меня есть кинокамера, и я, может, и не профессионал, но снять ваш «over keel» для меня не вопрос, только сбегаю за камерой.

– Значит так, – взяв на себя роль старшего, решительно сказал инициатор, – мы возьмем этот порог, а ты, – ученые переглянулись, внимательно посмотрели на оператора, – слово не воробей, беги за камерой.

Байдарки вытащили на берег, недалеко от воды, с ними осталась Фатима, Уланов взял весло, и все двинулись к порогу. Ученые разгрузили байдарку, Мишка с Клиновым советовали, как идти по порогу, парни волновались и слушали невнимательно.

Само по себе преодоление порога заняло не более пяти минут.

Поначалу байдарка, чутко реагируя на мощные и слаженные гребки парней, хорошо и ровно шла к первому сливу. Но уже на его гребне, то ли кто-то из них замешкался с веслом, то ли ненароком тормознул, но как бы то ни было, корма байдарки быстро пошла вперед и на втором сливе, почти вертикальном, а высота около трех метров, в мгновение ока перевернулась, и в брызгах лишь мелькнули ученые, летящие рядом с байдаркой.

Народ в едином порыве ахнул и бросился к заводи, вытащили осоловевших смельчаков, сбегали за байдаркой, в которой стрингера были сломаны. Все было снято и обещано в Москве показать.

Следом за учеными сплавились Мишка и Клинов, но уже каждый поодиночке: ни тот, ни другой не хотели рисковать подругами. Антошка надула губы, обиделась и с Клиновым весь вечер не разговаривала. Оба капитана потерпели «over keel», но без повреждений.

Пришлось стать на ночлег, с тем, чтобы с утра отремонтировать байдарку ученых.

Прощание

И вот, наконец, Кузема. Отсюда – на большую землю и по домам, но прежде надо выйти в море, вернее в Куземскую губу. В море вода соленая, и что интересно, так это периоди-

ческий прилив и отлив, обнажающий дно, заросшее травой.

На последней стоянке, несмотря на старания артистов, было грустно, Антошка совсем приуныла. В поезде она не отходила от Клинова. На Ленинградском вокзале капитан достал из чехла гитару, и, глядя на нее, тихо запел:

Стою, стою, ломая руки, В глуши лесной, в глуши лесной, А три сосны, как три подруги, передо мной, передо мной,

И кажется осенним ветром оживлены, оживлены, стоят три сосны в небе светлом и три луны, и три луны,

И сердце рвется на три части, щемит в груди, щемит в груди, три счастья или три несчастья там впереди, там впереди…

Девушка присела на сложенные вещи, опустила кудрявую голову и, дав волю чувствам, не смогла сдержать слезы.

***

В Спецшахтопроекте Клинова ждали: проекты на алмазных месторождениях и по шахтным стволам для тоннелей БАМа приостановили до его возвращения из отпуска, и это обстоятельство приятно тешило самолюбие шалопая.

В огромном доме Фатимы в Удельной, что по Казанской дороге, отгуляли свадьбу, а через две недели Клинов приехал в Нижний Новгород.

Был погожий субботний день. Федор упругой походкой вышагивал по древнему волжскому городу, беспричинно ра-

дуясь солнцу, Волге, встречным прохожим.

Вечером собрались у Мишки, вспоминали Карелию, говорили, что на следующий год надо вместе сплавиться по другим рекам, Тоня грустила, изредка посматривая на Клинова.

Клинов чувствовал, что все прелести походной жизни: взаимная выручка, солидарность, объединяющая цель остались в прошлом, там, на просторах Топозера и на сплаве по Паньгоме. В воздухе нижегородцев витали другие, исключительно личные, заботы, предстоящие занятия в Театральном институте, а у Антошки работа на военном заводе...

«Зря приехал, мог бы не устраивать эти грустные и даже тягостные посиделки, на которых царит общее чувство неловкости и трудно сдерживаемое желание уйти, чтобы не участвовать в натянутом веселье», – с глухим раздражением думал Клинов, прощаясь с Мишкой.

– Ну, ты уж не забывай нас, что ли, – смотря в сторону, вымучил из себя Мишка. «Он испытывает тоже чувство, что и я», – подумал Клинов.

– Вас трудно забыть, – вторил ему шалопай и заметил, что Антошка собирается. «Наверное, торопится с кем-нибудь на свидание», – решил Федор, теперь вконец расстроенный и опустошенный.

– Я провожу тебя, – Антошка остро чувствовала, что Клинов просто не в себе, – ребята, – она помахала всем рукой, – до скорой встречи, пока!

Когда до отправления московского поезда оставалось

несколько минут, Тоня порывисто взяла безучастного капитана за руку: «Феденька, мой хороший, для меня все, что произошло там, в Карелии, надолго останется самым светлым воспоминанием, честно скажу, даже захотела родить сына от тебя, чтобы стал таким же, как ты, кажется, не получилось! Антошка заглянула ему в глаза, – ни о чем не жалею, хочу, чтобы и у тебя не осталось никакой горечи, а будет настроение – напиши, буду рада!»

Некоторое время они писали друг другу, но это была некая форма прощальной вежливости перед окончательным расставанием, через некоторое время переписка сошла на нет, не оставив ни горечи, ни сожаления!

Выбор будущего

«Хорошо, пусть два, нет, не два, а три варианта, да не варианта, дурацкое какое-то слово, а пути. В сущности, от того, какое решение или что будет выбрано, в таком направлении жизнь потечет, и потом вернуться, сменить не получится, потому что возвращаться и все сначала – нет, ни за что!

Ну хорошо, вот первое, то, что сейчас в руках. Спокойное налаженное дело. У меня опыт и авторитет. Томка Кирсанова, Киса, рядом, платят нормально, все понятно и хорошо».

Упоминание Кирсановой растеклось приятным теплом. Сладкое чувство умиротворило, и подумалось: а стоит ли во-

обще что-то выбирать и менять то, что есть?

«Ладно, поехали дальше, без чувственных отклонений и лирических отступлений. Смотреть, обдумывать, выбирать и решать, отбросив завязки и увлечения.

Я заместитель начальника отдела. Допустим, Чачнев так и будет начальником, ему всего лишь пятьдесят, мужик он крепкий, прошел войну и лагеря, интеллигент и глубоко порядочный человек, во всяком случае, в отношении меня».

Не успели Чачнева, а это июль 1941 года, окончившего Уральский политехнический институт, с группой сбросить десантом в Белоруссии, которая уже вся была под немцем, как тут же он оказался в плену, затем – лагерь для военнопленных и три года на заводе в Германии.

Освоил немецкий язык и немецкую технику. В 1944 году пришли русские войска, попал Саша Чачнев в штрафной батальон, а вскоре после Победы отправился, как миллионы побывавших в плену, на десять лет в заключение. Работал на медном заводе в Норильске.

«Каждому бы такого начальника, как Чачнев: терпелив, спокоен. Я ж нет – горяч и давай быстрее, быстрее, а он ничего, нормально. У него и инженерному делу по-настоящему научился, и проектному тоже, а еще, пожалуй, и это, надо признать, будет поважней, – понял, как с людьми надо!

Еще год, два, ну может, три – и я или с ним поменяюсь местами, или уйду главным инженером проекта, а там, глядишь, и в Трест. Пока же я, как витязь на распутье перед тем

камнем, от которого три дороги идут.

На камне написано: «Как пряму ехати – живу не бывати – нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролетному; направу ехати – женату быти; налеву ехати – богату быти».

Из всех витязей, что в раздумье размышляют перед камнем, мне импонирует Алеша Попович.

Очевидно, чем-то придется поступиться, с чем-то расстаться и даже потерять: направо мне ехать ни к чему – и так, елы-палы, прости меня, Господи, женат. Помирать – ну, это никак не мое. Прямо тоже не мой путь. Вот, пожалуй, налево, тем более я левша, и стать богатым – вот туда надо пробовать!

Не предложи мне уйти главным механиком главка крупнейшего ведомства, где и масштабы – вся страна, и престиж, и вознаграждение несоизмеримы с горизонтами проектного института, я бы и не почувствовал собственной силы, но цена вопроса в том, что или теперь я должен принять правильное решение, или никогда.

Вся сложность и заключается как раз в том, что из трех реальных направлений – остаться в проектном институте, уйти в главк ведомства, уехать на Север и строить шахты для добычи алмазов – надо выбрать одно, причем третье направление меняет все: и место, и климат, и заработки».

Дело в том, что отдел бурения второй год разрабатывал проект вскрытия месторождения алмазов в Якутии подзем-

ным способом.

К тому времени, когда началась эта работа, алмазы уже добывали открытым способом. Чем глубже уходил карьер, тем ближе к нулю приближалась рентабельность открытого способа; кроме того, все более опасной становилась работа на нижних горизонтах.

Тогда решили строить подземные рудники, при этом в стороне от алмазной трубки предусматривалось заложить шахтные стволы и оттуда подсечь рудную залежь.

Тут-то отдел и включился в эту работу. Несколько раз пришлось побывать в якутском городе Мирном, возникли дружеские и деловые связи.

***

Как-то в начале лета с комиссией, которой предстояло подготовить доклад в правительство по месторождению алмазов в Айхале, с геологом Антоном Пеховским Клинов вылетел в Якутию.

В Мирном стояла небывалая жара. Полярный день в разгаре, буйно цветут деревья, нещадно жрут комары. На летное поле вырулил Ил-14, комиссия, Клинов и геолог погрузились в самолет и уже через час оказались за полярным кругом.

В Айхале прохладнее, но и здесь, несмотря на северные широты, буйствует зелень.

«Да, – с сомнением размышлял шалопай, – и здесь придется бывать и, может быть, даже жить. Мирный – это совсем другое дело. Мирный – нормальный город, небольшой,

но есть все, что должно быть в городе. Айхал – это же просто временное поселение.

Интересно, – увещевал он себя, – поселение разрастется, станет как Мирный, будет много людей. Наверное, так и будет, – возражал упрямый внутренний голос, – но ведь морозы в пятьдесят пять градусов, когда плевок не долетает до земли, это-то будет всегда, понял, умник!»

– Федор, – как бы угадав его сомнения, обратился Антон, – как тебе эти места, не хотел бы здесь остаться? Ты только посмотри: все цветет, есть река Ботуоби, будешь рыбу ловить и на охоту ходить.

– Я как раз про это размышляю. Ну а ты, как тебе здесь?

– Знаешь, – неожиданно серьезно и как-то проникновенно сказал геолог, – если бы мне было как тебе или хотя бы лет на десять я был моложе, остался бы, не раздумывая! А тебе сам бог велел. Смотри: начальником отдела тебе никак – Чачнев на своем месте, про то, что у тебя дома нелады из-за твоего романа с Кисой, знает весь институт. Здесь у тебя сразу все решается: разводишься, уезжаешь с Томкой, квартиру тебе дадут сразу, деньги: в столице таких денег никогда не будет!

Погожим днем ранней осени, когда солнце еще греет полетнему, мимо кульмана, на котором Клинов чертил геологический разрез шахтного ствола, прошествовала, явно демонстрируя гибкую талию и великолепные бедра, только что принятая в отдел девица с выразительными глазами.

Несмотря на юный возраст, Кирсанова как раз была той, с которой можно было бы поехать хоть к черту на кулички и которая быстро освоила тонкости проектного дела.

Такие не свойственные женской природе инженерные способности и даже талант повесу вначале удивили, а потом, все более и более набирая силу, закрутился служебный роман.

Легкомысленная связь с Анькой, девицей в красном платье из строительного отдела, ставшая предметом пересудов, начала тяготить, и отношения угасали.

А новый роман летел к развязке или к новой связке.

Ту самую текущую жену, с которой шалопай приехал из Донбасса, в тот же год, беременную, он, как всегда в подпитии, хотел отправить с Курского вокзала восвояси. Тогда Боб Перельцвейг, душа-человек, сумел его успокоить и вернул в Северный пригород рыдающую женщину.

Но можно ли сохранить в целости безнадежно треснувшие семейные отношения? Нет, этого сделать нельзя, и пусть умники, праведники и миролюбцы не поминают Бога всуе и не бредят лукавым трепом о благородстве и вечной любви.

Клинов смотрел на Антона и диву давался тому, что его личная и даже интимная жизнь на виду у всех! Вот уж чего он никак не ожидал! Теперь уж точно надо менять работу хотя бы из-за того, что совершенно не хочется быть предметом сплетен и обсуждений.

Все же Айхал несколько остудил пыл. Вернувшись через

день в Мирный, Пеховский и Клинов разместились в доме невдалеке от Мирного. Шикарный дом с номерами, залом приемов, столовой и кухней построили к приезду председателя правительства Алексея Николаевича Косыгина. На двоих дали комнату с двумя солдатскими койками, окно закрыто наглухо, а комары летят и летят, спать хочется, а невозможно.

Лондонское кепи

– Все, Антон, мое терпение иссякло, пойду на кухню, попрошу чаю, что ли.

– Сходи, – пробурчал геолог, – а я поставлю себе вентилятор так, чтобы дул на меня и отгонял комаров.

Было семь минут четвертого.

В мареве, низко над лесом, висело размытое солнце. Тишина и безмолвие, ни души. Клинов вернулся в зал приемов, а там уже официантка включает самовар. За большим столом, посередине, спиной к двери сидел человек.

– Доброй ночи.

Спина вздрогнула. Человек медленно обернулся и оказался Сергеем Михалковым.

– Да уж, какая она добрая, – глуховатым голосом отвечал поэт, – совершенно невозможно заснуть.

– Вы, я смотрю, тоже страдаете от комаров, – продолжал

удивленный Клинов, все еще не веря, что судьба свела с создателем гимна Советского Союза. – Ничего не поделаешь, Сергей Владимирович, поэтому давайте будем чай пить!

Тем временем девушка принесла чашки с блюдцами, поставила печенье и, что удивило здесь, в северном крае, так это мед, да так много. Пришел заспанный Пеховский.

– Нет никаких сил от комарья.

– Садись, Антон, ты посмотри, кто с нами не спит.

Только теперь геолог узнал знаменитость, смутился и поздоровался.

Михалков оказался человеком немногословным, но любознательным, узнав, что перед ним горные инженеры, с большим интересом расспрашивал о том, как добывают алмазы. В свою очередь горняки узнали о том, что Сергей Владимирович здесь по случаю Дней литературы и искусства Якутской АССР.

На вешалке у двери висела кепка, и, судя по тому, что в зале, кроме них, никого не было, она принадлежала поэту.

– Сергей Владимирович, – шалопай осмелел, – скажите, пожалуйста, ведь это ваша кепка на вешалке?

Михалков оглянулся, внимательно посмотрел на Клинова и неожиданно улыбнулся.

– А что, вам она понравилась?

– Вы знаете, она сшита так, как мне нравится, и хотелось бы узнать, где такие шьют.

– Вот оно что, – Михалков оживился, было видно, что и

он с пристрастием относится к, казалось бы, такой пустячной вещи. – Эту кепку мне сшили в Лондоне, – он немного заикался на первых согласных, – если хотите, дам адресок!

Шалопай промолчал, так как адресок ему был ни к чему, посетить Лондон или Марс было примерно одно и то же.

За чаем с разговорами время бежало незаметно, стали появляться заспанные комиссионеры и литераторы, в зале приемов стало шумно и скучно.

Пролетая над Братской ГЭС, Клинов рисовал картины северной жизни, от денег, которые ему будут полагаться, захватывало дух, но, спускаясь с высот амбициозных замыслов к быту, картины утрачивали блеск и даже темнели.

«С кем ты в это прекрасное будущее поедешь, – спрашивал Клинова его верный страж и попечитель, – со своей или с чужой? Если с Кисой, то, как ты себе представляешь твоих девчонок – они что, останутся в столице с Ганной или ты их возьмешь с собой? Но это так просто не получится, да и кто знает, согласится ли Киса...»

Положа руку на сердце, Федору более всего импонировал главк, но он представлялся на такой недосягаемой высоте, что он решил не обольщаться: пригласят – отлично, не позовут – значит, не судьба.

…Клинов дорабатывал последнюю неделю в Спецшахтопроекте, когда неожиданно в отделе бурения появился Знаков. Он поздоровался с Чачневым и обратился к Федору.

– Федор Георгиевич, разрешите вас приветствовать и по-

здравить с назначением, – заявил толстяк театральным голосом.

– Каким назначением? – хотел было слукавить без пяти минут главный механик главка.

– Не скромничайте, об этом многие говорят, между прочим, я поспособствовал вам в этом.

– Это каким же образом, Валентин Афанасьевич?

– Ну как же. Меня спросили, знаю ли я вас, какое мое мнение о ваших деловых качествах. В двух словах я сказал, что да, знаю, как хорошо зарекомендовавшего себя и в Донбассе, и в ЗагНИИ, что на должность начальника отдела – очень подходящая кандидатура.

– Спасибо, Валентин Афанасьевич, за лестный отзыв, – Клинов отвел глаза в сторону, его покоробило откровенное лицемерие, настроение испортилось. Но надо привыкать, и шалопай сдержался, чтобы не ляпнуть вруну какую-нибудь гадость.

Глава 4. Испытание властью

Главк

Посвящение в чиновники

Опыт, навык и выдержка, приобретенные Кондратовым в уральских горнозаводских местах, стали основой его оптимистичной натуры на всех этапах карьеры. В нем гармонично уживались свободолюбивый коммунист и чуткий человек, государственник и предприимчивый труженик, заядлый охотник и рыбак, душа компании и дамский угодник.

К моменту реорганизации крупнейшей отрасли, управлять которой становилось все труднее, коренастый Лев Александрович четвертый год тяготился, казалось бы, престижной должностью второго секретаря областной партийной организации.

По табели о рангах статус областного секретаря соответствовал уровню заместителя заведующего отделом Центрального комитета партии. В гражданской иерархии это было равнозначно члену коллегии или начальнику главка министерства.

Сорокапятилетний коммунист по горло был сыт партийными интригами, и, когда зашел разговор о работе в промышленном ведомстве, тем более в столице, сразу согласился возглавить новый главк.

Его – а в молодости он работал главным механиком калийного рудника – привлекало начать с нуля: предстояло набрать специалистов, найти помещение, провести переговоры с предприятиями, которые войдут в подчинение и которые он хорошо знал.

В Малом Кисельном переулке, рядом с Лубянкой, на четвертом этаже здания – бывшего публичного дома для нижних чинов и студентов – новому главку выделили несколько комнат, был принят бухгалтер, сделана печать, открыт счет, подключены телефоны, в том числе знаменитая вертушка.

***

– Александр Зиновьевич, здравствуй, уважаемый! Это я, Кондратов, начальник только что созданного всесоюзного промышленного объединения «Союзкалий», – представился он.

Поговорив о том, что оба рады снова сотрудничать, но уж теперь не через партийные указания, а как организации, заинтересованные друг в друге, Кондратов поинтересовался:

– Саша, не мог бы ты порекомендовать мне человека на должность начальника отдела главного механика и энергетика с очень приличной зарплатой? В телефонной трубке тишина длилась несколько дольше обычного.

– Так сразу, Лева, сказать не могу. Надо подумать, – откликнулся главный инженер треста «Шахтспецстрой». Но

тут же вспомнил Клинова, который недавно докладывал проект проходки шахтных стволов на алмазных месторождениях Якутии. – Давай так, Лев Александрович, задачу я понял, считай, что подходящий кадр у тебя скоро будет.

Тут же, не откладывая, Литвин позвонил в «Спецшахтопроект», нашел там Клинова и посвятил в только что состоявшийся разговор.

«Ну, вот и нет никакого выбора, – радовался Клинов, – все-таки классный мужик Литвин: взял и рекомендовал. Алмазные рудники Мирного – это, конечно, хорошо, но ведь я столичная штучка!»

Его распирало от неожиданного предложения и резкого, но, несомненно, прекрасного поворота в жизни. Еще не зная, что да как сложится, Клинов чувствовал одно: лучшего он и не мог желать.

Не все оказалось легко и просто: полтора месяца прошли в неопределенности, потом попросили объяснить, почему мать родилась в Китае, а ее отец сидел по 58-й статье.

Клинов понял – проверяют по всем направлениям. Мать кратко и емко написала про своего отца, про агентурную деятельность, и для молодого коммуниста открылась еще одна страница в жизни деда. Тогда он засомневался: не получится ли так, что ему откажут.

Не мог тогда шалопай знать, что как раз агентурная деятельность деда в рамках контрразведывательной операции «Маки-Мираж» в предвоенные годы сыграла решающую

роль при согласовании его кандидатуры на работу в Минхимпроме.

Давным-давно, на Чистых прудах, дед рассказывал внуку о себе, но, видимо, не желая травмировать детскую душу, про тюремный срок умолчал.

Томительное ожидание затянулось. Клинов разочарованно вернулся к мысли о Мирном и алмазных рудниках. И уже когда надежда практически растаяла, раздался звонок. Его попросили приехать в кадры ведомства.

«Свершилось, победа, ура!» – Клинов ликовал, только что не кричал перед входом в Министерство химической промышленности на улице Кирова, 20, в центре столицы!

***

В безликом здании в Малом Кисельном переулке, особенно с утра, пахнет суточными щами, Клинову же и вонь – нипочем: так радовало престижное назначение.

Кондратов познакомил новичка с Глазуновым, попросил ввести в курс дел и обязанностей. Седой, в преклонных годах, Глазунов – главный механик расформированного главка – уходил на пенсию.

Высокий, сухощавый, в пенсне, с лицом и манерами академического ученого – готовый профессор из университета, отметил Клинов, – совсем не вписывается в должность важного чиновника.

– У вас, коллега, – тихим голосом начал Александр Филиппович, – архиважная предполагается работа: создание, вернее, продолжение создания новой машины для добычи калийной руды. У главного механика, – старик улыбнулся, – широкий диапазон деятельности и обязанностей, но чтобы жизнь была интересной, – и он повернулся к худенькой женщине, – сразу доверьте капитальные ремонты на калийных предприятиях Нелли Васильевне – она великолепно знает свое дело.

Хрупкая дама, не менее сорока, слегка привстала, как бы представляясь.

– По нормам расхода энергоресурсов на производство калийных удобрений, – включился в разговор со вкусом одетый мужчина средних лет, – по тяжелой проблеме «Калия» – ограничение электроэнергии на Урале, – в ваш новый главк энергетиком пока никого не взяли.

– Могли бы главным энергетиком пригласить Капелюшкина Германа Исааковича, он и живет недалеко отсюда, – развязно вставила рыжая девица.

– Вечно ты вмешиваешься туда, куда тебя не просят, – не глядя на бестактную особу, спокойно заметил Капелюшкин.

– Что это за нормы расхода? – заинтересовался новичок.

– Это нормы расхода электроэнергии на производство калийных удобрений, – доброжелательно пояснил Герман Исаакович, достал сигареты, и они вышли покурить.

Из разговора Клинов узнал, что у собеседника нет ника-

кого желания идти работать в «Союзкалий» и что он получил приглашение с повышением в угольное ведомство.

– А что это сотрудница вас подначивает, между прочим, девка при всех делах, а?

Герман заглянул в комнату, глянул по сторонам:

– Не обращайте внимания, у нас с ней особые отношения.

– Вот как, – Клинов понимающе усмехнулся.

– Ну, это вы зря подумали – между нами никаких тех самых отношений, если вы об этом.

Утром следующего дня не успел Клинов войти, как Нелли Васильевна сообщила, что его срочно вызывает Миронов.

– Кто это, Нелли Васильевна?

– Миронов Александр Николаевич – заместитель Кондратова, очень строгий и требовательный, курирует наш отдел. Вы идите, пожалуйста, быстрее, он вас спрашивал без пятнадцати девять.

– Так ведь рабочий день начинается в девять.

– Ладно, ладно, идите, пожалуйста, я потом расскажу.

В большой комнате на втором этаже, у окна за большим письменным столом сидел широкоплечий человек лет пятидесяти в очках с толстыми стеклами.

По мимолетному взгляду, повороту головы, какой-то неуловимой манере держаться сразу же возникло ощущение важности этого незнакомого, явно ответственного руководителя.

Миронов мельком глянул близорукими глазами:

– Впредь попрошу приходить сразу, как только я вызываю, садитесь, – и показал на стул.

– Я вовремя пришел, было девять часов.

– Я прихожу в восемь.

Это было сказано столь резким тоном, что Клинов понял: лучше промолчать.

– С Урала пишут, вот письмо: нет запасных частей к горным комбайнам, остановлена добыча, вам надо немедленно подготовить письмо в тяжелое машиностроение и проследить за результатом.

– Хорошо, я постараюсь, – Клинов забрал бумагу и пошел к двери.

– Стараться будете в постели! Здесь надо выполнять поручение!

– Ну как вы? – с участием спросила Нелли Васильевна. Было видно, что она переживала за новенького начальника.

– Да ничего, все нормально, – бодрился Клинов. – А что, Миронов всегда такой грозный?

– Он с новенькими всегда так.

– А с вами?

– Я его давно знаю, он очень доброжелательный и справедливый, мне кажется, у вас с ним все наладится.

«Хорошо бы», – Клинов еще и еще раз прокручивал разговор с непосредственным начальником. Он впервые встретился с таким обращением: вроде и не ругал, но как-то не по себе.

***

При всей суровости и строгости Миронов был человеком, дружбу с которым Клинов ценил очень высоко. Однако первое время никак не мог привыкнуть к непререкаемому тону и откровенно побаивался.

Однажды в очередной раз ему было сделано обидное, не по делу, замечание. Клинов не сдержался, вспылил, наговорил лишнего, хлопнул дверью и, весь взъерошенный, пришел в отдел.

– Что случилось? – видя, что что-то произошло в кабинете у Миронова, взволнованно поинтересовалась Нелли Васильевна. – На вас лица нет.

– С ним невозможно работать, – Клинов машинально перебирал бумаги на столе, будто что-то искал.

– Федор Георгиевич, у вас с Александром Николаевичем одинаковые характеры, вот увидите, вы с ним подружитесь.

– Не очень мне в это верится, Нелли Васильевна, уж больно он орет на меня. Нет, чтобы как-то объяснить, чего он хочет, так нет. Я ему говорю: «Хорошо, я постараюсь», а он мне, знаете что на это: «Стараться будете в постели, здесь надо выполнять, и выполнять немедленно!»

– Так и сказал? – хохотала женщина, да так заразительно, что Клинов успокоился.

– Нелли Васильевна, заварите, пожалуйста, чайку.

– Хорошо, сделаю. Вы не принимайте близко к сердцу, вот увидите, Миронов – человек не вредный, даже наоборот.

– Ладно, может, вы и правы, поживем – увидим!

На следующий день Миронов позвонил по внутренней связи.

– Зайдите ко мне сегодня в семнадцать тридцать.

– Понял, Александр Николаевич, зайду.

Нелли Васильевна сложила бумаги и оделась, собираясь уходить.

– Не знаю, зачем он вас вызывает в конце рабочего дня, но вы уж постарайтесь сохранить выдержку, удачи вам!

Ровно в семнадцать тридцать Клинов постучался к Миронову.

– Открыто, заходите, – раздался за дверью начальственный голос.

«Начинается», – подумал Клинов, входя в обширный кабинет.

Вместо привычных стопок бумаг на столе стояла бутылка водки, две маленькие стопки, на тарелках была закуска.

Считая, что попал к Миронову не вовремя, что тот кого-то ждет, Клинов остановился в дверях.

– Прошу прощения, Александр Николаевич, я ошибся.

– Да нет, Клинов, ты вовремя, все как договорились. Сейчас, – Миронов посмотрел на часы, – семнадцать тридцать, проходи, Федор Георгиевич, присаживайся.

Озадаченный шелопай стоял, только что не разинув рот.

– Ты бы, Федор, закрыл свой отдел, да не стой как вкопанный, – Миронов улыбался и был сама приветливость.

– Я сейчас, – Клинов пришел в себя, кажется, отношения налаживаются.

Однажды зимним вечером, нехотя одеваясь, он услышал за дверью шаги. Выглянул: в конце коридора шли Миронов и Нина Першина – начальник планового отдела. Ничего удивительного в этом не было – руководящие сотрудники главка частенько задерживались на работе, если бы не одна особенность уходящей пары: он ее обнимал за плечи.

Открывалась другая, личная сторона жизни людей, с которыми Клинов работал. «Отличная пара, – оценил Федор: он – атлетического сложения, одет с иголочки, следит за собой, сдержан и ироничен, она – ему под стать: красива, безупречна и элегантна». Верно говорила Нелли Васильевна, что характеры у нас с Мироновым похожи, Нина Першина ведь и мне нравится!»

***

После обеда Клинова вызвал заместитель Кондратова по капитальному строительству.

– Здравствуйте, молодой человек, – поднявшись из-за стола, к нему шел с протянутой для приветствия рукой улыбающийся, лет сорока пяти, невысокого роста крепыш с длинным носом. – Меня зовут Петров Владимир Александрович.

– Очень приятно, добрый день, – Клинов пожал протянутую руку. – Я начальник отдела главного механика и энергетика, Клинов.

– Знаю, знаю, мне уже доложили, садись. Я тут уже неделю осваиваюсь, а вообще я из Соликамска.

Не зная, что сказать, Клинов растерянно осматривал небольшой, наспех обставленный кабинет.

– Ты, как мне сказал Лев Александрович, наш новый главный механик?

– Да, вот сегодня первый день работаю, знакомлюсь с делами и предшественниками.

– С предшественниками – это хорошо, – как бы между делом заметил Петров, садясь в кресло, – скажу тебе сразу: этого Германа Исааковича не вздумай брать к себе в энергетики, нам такие не нужны.

Не сказать, чтобы панибратство импонировало Клинову (Петров, по-видимому, незатейлив, анализировал Федор, скорее всего, из горкома или райкома, полная противоположность Миронову).

– У нас с тобой, Федор Георгиевич, будет важная задача, – продолжал Петров, поминутно сводя глаза к носу, – и я думаю, что ты с нею справишься.

«Смотри-ка, он уже уверен, что работа наша, а справлюсь я!»

– Нам надо построить два машиностроительных завода, которые будут делать запасные части к импортному гор-

но-шахтному оборудованию. Будем добиваться ресурсов, фондов и лимитов на оплату труда, понимаешь?

– Да, понимаю, – кивал главный механик, хотя, что такое фонды и лимиты, для него было абсолютной загадкой. Раздался телефонный звонок, Петров снял трубку.

– Хорошо, Лев Александрович, иду, – Петров глянул на Клинова. – Сам вызывает!

Укрепление позиций

В здании Малого Кисельного переулка, где теперь формировался «Союзкалий», было тесно. Отдел Клинова располагался в комнате с четырьмя столами, из которых два были из нового главка под названием «Горная химия» и два из «Калия»: плановый – во главе с Першиной, и отдел главного механика.

Стесненно и душно, но без конфликтов. Тем не менее так долго продолжаться не могло, и тут его вызвал Кондратов.

– Вот что, Федор Георгиевич, на Донской улице нам дают два этажа в небольшом здании. Поезжай, посмотри, прикинь, что надо, и начинай ремонт.

– А деньги? – Клинов вопросительно посмотрел на главного бухгалтера, которая присутствовала при разговоре.

– Зинаида Герасимовна, – Кондратов кивнул главбуху, – выделит столько, сколько потребуется.

– Только без фанатизма, товарищ главный механик, – се-

рьезно заметила дама, – подготовьте смету, Лев Александрович утвердит – и вперед!

От Кондратова Клинов прямиком направился к Мироновy.

– Александр Николаевич, мне поручен ремонт на Донской, там для «Калия» дают два этажа, вот зашел доложить.

– Ну, это ты правильно поступил, – Миронов был явно доволен, – когда будет планировка кабинетов, сначала покажи мне.

– Хорошо, будет сделано!

– Кстати, ты энергетика еще не нашел?

– Нет.

– Помочь?

– Нет, Александр Николаевич, в Донбассе у меня работал специалист по электрическим машинам, монтировал и налаживал привод мощной буровой установки Уралмашзавода, хочу его пригласить.

– Тебе видней, кого брать, действуй!

«Ну, вроде как с Мироновым отношения налаживаются! Это хорошо! С Петровым, скорее всего, проблем быть не должно. Зинаида у Кондратова, видимо, в доверии, и отношения у них приятельские. А Зина симпатичная и, судя по всему, приятная дама, посмотрим, как будет с деньгами на ремонт».

Трехэтажное здание на Донской находилось во дворе среди старых московских домов, построенных когда-то для хи-

миков. Третий этаж был занят объединением «Упаковка», входящим в ведомство. На первом и втором этажах оставались свежие следы съехавшей конторы.

Отдел главного механика располагался в небольшой аккуратной комнате с двумя молодыми женщинами и двумя мужчинами, в одном из них угадывался начальник.

– Добрый день, – обратился Клинов ко всем и посмотрел на предполагаемого начальника отдела.

– Здравствуйте, – вразнобой отвечали сотрудники.

– Хотел посоветоваться относительно ремонта в этом здании. Я главный механик «Калия», нашему главку здесь выделили два первых этажа.

– Прокофьев, – представился высокий парень, – мы с тобой коллеги, я главный механик «Упаковки». Куришь? Выйдем, покурим.

Коллега оказался простым, доброжелательным человеком; если не сказать, что они подружились, то, во всяком случае, Клинов сразу почувствовал некое профессиональное родство, хотя упаковка и горные машины имели мало общего между собой.

Прокофьев рассказал, что их главк занимается различными видами упаковки для химической продукции.

– Нас распекает начальник, а начальнику достается от заместителя министра до Центрального комитета, мол, почему так медленно работаете. Моющие порошки, например, – рассказывал Прокофьев, – продают в бумажных кульках

из крафт-бумаги, а шампуни разливают во что попало. Нет ни специалистов, ни заводов по изготовлению упаковки. Все только начинается, и все надо немедленно. И я тебе скажу, Федор, нет сомнения, что в ближайшем будущем появятся не какие-то убогие коробки или емкости, а будет красивая, разноцветная упаковка.

– С чего бы такая уверенность? – скептически заметил Клинов.

– Ты что-нибудь слышал о Костандове?

– Ну конечно, это наш министр.

– Не просто министр, Леонид Аркадьевич – креатура Косыгина, считай, запросто может стать председателем Совета министров.

– Стас, ты откуда черпаешь такие байки?

– Начальник нашего главка имеет доступ к конфиденциальной информации, а кроме того, денег «Упаковке» не жалеют на закупку по импорту, только мы освоить их не успеваем.

– Видел я твоего начальника, это такой крупный мужик, одет – сплошной импорт, пижон, видно, из-за границы не вылезает.

– Федор, а ты кино «Двенадцать стульев» видел?

– Видел, с грузином и Филипповым, классный фильм.

– Там еще есть Эллочка-людоедка, которой Бендер всучил ситечко, так вот эта Эллочка – его дочь.

– Ух ты, не ожидал, интересно, его дочь такая же дура или

это только роль?

– Я ее не видел, но не думаю, что она дура, – убежденно сказал Прокофьев.

– Хорошо, Стас, про «Упаковку» и Эллочку было интересно, но давай поговорим про ремонт.

– Насчет ремонта не беспокойся, – Прокофьев снова закурил, – не так давно, месяца три тому назад, я организовал ремонт на нашем этаже. Здесь, на Шаболовке, недалеко, есть строительное управление, работают быстро и нормально, сами сделают смету.

– Ну, спасибо, коллега, мне просто повезло с тобой.

– Захаживай, всегда буду рад!

– Заметано!

Занимаясь ремонтом, Клинов перезнакомился со всеми в своем главке. Начальники отделов с пристрастием относились к распределению комнат и отделке стен, были и недовольные.

В конце сентября «Калий» занял оба этажа в здании на Донской улице. У Кондратова и Миронова кабинеты были отделаны лучше всех. Само собой, и у отдела главного механика было не хуже. Новоселье отмечали в комнате, где обычно проходили оперативные совещания.

Клинов, уже на правах хорошо знакомого со всеми, чувствовал себя легко и раскованно. Он отметил, что начальник тяготеет к Галочке из финансового отдела и Зиночке из бухгалтерии, Миронов занят Ниной Першиной, пожалуй, самой

красивой женщиной главка. Петров рассказывает анекдоты девицам из отдела капитального строительства.

Отдел оборудования, которому досталась комната без всякой отделки, возглавлял Артур Горохов. Он с рюмкой подошел к Клинову.

– Ты, Клинов, конъюнктурщик: начальству кабинеты отремонтировал любо-дорого, себя тоже не забыл, а простым смертным – фига с маслом.

– Каждому свое! Думаю, что лучше нам с тобой выпить, чем разбирать, у кого больше.

– Выпить, конечно, можно, – протянул Горохов.

«А Горохов-то, кажется, перебрал. Развезло парня, пить ему, пожалуй, больше не надо».

– Вот и давай махнем по рюмочке за наше здоровье, да чтобы у нас не было разборок из-за начальства, у которого классные кабинеты. Им по штату положено. А нам с тобой положена зарплата.

– Согласен!

Судя по согласию, зарплата для Горохова оказалась важнее. Тем временем к ним подошла девушка.

– Артур Николаевич, познакомьте меня с главным механиком.

– Это Клинов, – развязно сказал Горохов, выпил и ткнул вилкой в салат.

– Он прав, Клинов – это я, – шалопай смотрел на девицу, невольно отмечая яркие губы, брови с изгибом над черными

смеющимися глазами.

– А вы кто? Раньше я вас не видел; вы, как я понимаю, из отдела оборудования?

– Сколько вопросов, и все сразу! – играла глазами девица.

– Не знаю, кто вы, но должен сказать, что в вас есть что-то необычное – это сразу бросается в глаза.

– А вы не торопитесь вот так сразу признаваться в симпатиях?

– Да нет, что есть, то есть: если уж симпатична, так тут ничего не поделаешь.

– Что ж, спасибо за комплимент. Меня зовут Митрофанова Татьяна, я третий день работаю у Горохова.

– Артур, скажи, пожалуйста, где ты берешь таких красавиц?

– Места надо знать, Клинов!

Автомат Калашникова

– Клинов, срочно выезжаешь на Стебниковский калийный завод. В шахтном стволе рудника оборвался скип. Жертв нет. Твоя задача: установить причины аварии и определить кратчайшие сроки восстановления работы предприятия; уже звонили из ЦК Украины, министр вызвал Кондратова.

Калийный завод находился в селе Стебник, в девяноста

километрах к западу от Львова.

– Как только приедешь, сразу же иди к директору, он тебя устроит в нашу квартиру. Будь осторожен с местным населением.

– Знаю, Александр Николаевич, вел там работы по гидроизоляции в шахтном стволе «Восточный-бис».

– Вот как, – удивился Миронов, – не знал. Так-так, и чем же закончилась гидроизоляция?

– У меня в Загородном институте было два руководителя: Шнайдер и Андрейчев.

– Слышал и про того, и про другого, Андрейчев работал в Соликамске, после войны восстанавливал калийный рудник, – Миронов был явно заинтригован рассказом. – Так-так, и что же…

– Подробности опускаю, – продолжал Клинов, – не сработался со Шнайдером.

Миронов расхохотался, хлопнул в ладоши:

– Ай да Клинов, ай да молодец, не ожидал! Сейчас некогда, а потом как-нибудь расскажешь подробнее. Тем не менее ты, Федор Георгиевич, не хорохорься и будь там осторожен – это я в части местного населения: не любят они нас.

– Хорошо, Александр Николаевич, учту!

Стебник, как и в первую командировку из ЗагНИИ, был тихим благоустроенным поселением, нечто среднее между городом и современной деревней, рядом с Трускавцом, где уже лет двести пьют вонючую Нафтусю и уверены, что лечат

почки.

– У Бандеры и Шухевича здесь полно последователей, – рассказывал директор завода Ковалишин, – как только эти места стали советскими, так сразу у крестьян отобрали и передали в колхозы скотину и землю, кто не хотел в колхоз – ушли в леса. Сопротивление у них в крови. Внешне не проявляется, и это самое страшное.

– Ко всему сказанному могу добавить, – продолжал Ковалишин, – что только в прошлом году я сдал автомат Калашникова, который мне полагался и который у меня был столько, сколько я здесь работаю.

Клинов с главным энергетиком побывал в здании подъемной машины, возле шахтного копра осмотрели поврежденный скип, согласовали причины аварии, подписали акт и мероприятия по предупреждению аварий. Утром главный механик главка благополучно отбыл в столицу.

***

На оперативке у Кондратова Клинову было указано, что необходимо более энергично добиваться от смежных ведомств улучшения обеспечения электроэнергией.

– Так это не от нас зависит, мы же не производим электроэнергию, – он наивно попытался возразить.

– Не забывайте, товарищ начальник отдела, что за обеспечение электроэнергией, да и за работу электрических машин

и котельных установок отвечаете вы, а главного энергетика у вас до сих пор нет.

– Понял, в ближайшее время будет энергетик.

Клинов уже давно прикидывал, кто мог бы подойти на должность главного энергетика, да все руки не доходили. Нормы расхода электроэнергии на производство продукции считала опытная Вера, а вот сложные вопросы решать было некому.

Наладку мощного электропривода буровой установки УЗТМ-8.75-800 для проходки шахтного ствола в Донбассе вел Миша Суслов – крупный мужчина, сильно облысевший.

Еще тогда командор отмечал излишнюю педантичность наладчика. В то же время Суслов, можно сказать, обучил механика управлению электроприводом и посвятил в детали системы автоматики буровой установки, и это Клинов сразу же высоко оценил и прощал Мише излишнюю склонность вдаваться в детали в самое неподходящее время.

– Миш, здравствуй, как жизнь протекает в науке?

– Да ничего хорошего, занимаюсь ерундой. В нашем НИИ народ занят своими диссертациями, мне это не нужно. То ли дело было у тебя на буровой Уралмашзавода, до сих пор вспоминаю с удовольствием.

– Есть предложение сменить науку на производство. Приезжай, обсудим смену твоей деятельности.

Суслов быстро втянулся в работу, Вера ему помогла разобраться в нормах расхода электроэнергии на производство

продукции.

Прошло три месяца. Командор настойчиво осваивал широкий диапазон деятельности, налаживал контакты с поставщиками запасных частей в Углемаше и Тяжмаше, часто бывал в Управлении главного механика Ведомства.

Нелли Васильевна ненавязчиво шефствовала, подсказывала, кто что собой представляет, с кем и как себя вести. Клинову с его неуемной энергией такая помощь была очень кстати.

Уралкалий

В конце сентября Клинова вызвал Кондратов.

– Федор Георгиевич, пора тебе познакомиться с Уралкалием – основой Главка, с его тремя действующими рудоуправлениями и строящимся четвертым, – Кондратов, сам выходец из механиков, искренне желал успеха молодому начальнику отдела, – от того, какие у тебя сложатся отношения, во многом будет зависеть твой статус как в Главке, так и в Ведомстве. Земля слухом полнится. Информация о тебе быстро распространится среди ремонтно-механических служб, а это, считай, четверть всего персонала на наших предприятиях. Хочу тебе также напомнить: не забывай продолжать дело Глазунова – уральцы ждут новый комбайн.

– Я не подведу вас, Лев Александрович, – почтительно

сказал командор, – вы же знаете, с некоторыми людьми в Березниках я знаком и даже вел тампонажные работы на скиповом стволе калийного рудника, тогда главным инженером был Власенков.

– Ну как же, как же – Анатолий и сейчас продолжает работать, только теперь он главный инженер второго рудоуправления, – Кондратов оживился, рассмеялся, – история с твоей статьей в журнале «Шахтное строительство» про закачку горячего битума наделала много шума.

– Так вы в курсе? – изумился командор, – это я по молодости, по легкомыслию.

– Может быть, и так, однако это в определенной степени повлияло на решение пригласить тебя на работу. Я ведь был против закачки битума в калийном стволе. Вот так! Ладно, отправляйся, да не забудь о нашем разговоре!

Оформив командировку, командор получил деньги и наставление Зинаиды Герасимовны вести себя хорошо:

– А то некоторые наши представители, забывая о приличиях, ведут себя в Березниках, как бояре у холопов.

– Обещаю, – Клинов сделал серьезное лицо, – боярин из меня никакой, буду себя вести хорошо, постараюсь привезти характеристику.

– Ну-ну, Федор Георгиевич, не ерничай, это я тебе так, на всякий случай!

Федору уже приходилось здесь бывать во времена научной деятельности в ЗагНИИ, будь он неладен. Наивные пер-

спективы стать кандидатом технических наук тогда быстро развеялись из-за бестактности и неуживчивого характера, в корне неприемлемого в интеллигентной среде ученых.

Сменив научную деятельность на проектные работы в Спецшахтопроекте, неотесанный механик постепенно избавлялся от прямолинейности, приобретал умение сдерживаться или хотя бы не демонстрировать несносный характер.

В то же время присущие ему деловая активность, отходчивость и оптимистичность натуры обычно выручали механика, а открытость и откровенность позволяли легко сходиться с единомышленниками.

В Березниках его встретил главный механик Уралкалия Пендуров – невысокого роста, крепкого телосложения, на вид не менее шестидесяти лет, с открытым, приветливым лицом.

Пендуров говорил, а сам нет-нет да и глянет на своего молодого руководителя из главка, прикидывая, что за человек да как сложатся отношения.

– Успеем ли все, Виталий Иванович, что вы перечислили?

– Не успеем сегодня – продолжим завтра; вы же не на один день приехали. Кроме того, еще съездим на обогатительную фабрику второго рудоуправления к Власенкову.

– Мне также надо побывать на строительстве ремзавода, и еще надо в «Сильвинит» к Наконечному.

– Чачин знает и ждет вас, а вот насчет Соликамска... – Виталий Иванович задумался. – Станислав Петрович еще две

недели будет в отпуске, без него будет неудобно для первого раза. Может быть, отложим до будущих времен?

– Коли начальник в отпуске, к тому же у меня есть представление об этом старейшем рудоуправлении: несколько лет назад я был на Соликамском руднике, встречался с тогдашним директором Васякиным. Одним словом, Соликамск откладываем.

– Когда же это вы успели побывать в Соликамске? – Пендуров был искренне удивлен. – Мы многому научились у соликамцев, да и вы, я смотрю, неплохо знаете калийные рудоуправления.

***

И завертелась настоящая жизнь главного механика главка. Устройство в гостиницу с негласным названием «Золотая клетка» заняло время только на то, чтобы оставить чемодан и предупредить администратора, что приедет поздно и чтобы утром для гостя был завтрак.

В рудном дворе первого рудоуправления, именно с него начался «Уралкалий» еще во время Великой Отечественной войны, возле «Минки» – а проще говоря, специальной машины, купленной у немцев и оборудованной катализатором, исключающим вредные выхлопные газы, – ждал главный механик рудника Егоров.

– Куда едем, Виталий Иванович? – спросил Егоров, уса-

живаясь на место водителя.

– Сначала к горному комбайну ПК-8, а оттуда к «Урал-10».

– «Урал-10» разве в работе? – удивился Клинов.

– Нет, стоит третий день из-за автоматики, – Егоров вопросительно посмотрел на Пендурова, словно спрашивая, не сболтнул ли лишнего.

– Виталий Иванович, – заинтересовался Клинов, – какие проблемы с автоматикой – это что, серьезно?

– Есть немного. Машина новая, автоматикой сейчас занимаются наладчики Копейского машзавода. А вот с режущим органом комбайнов – и ПК-8, и «Урал-10», и ШБМ – проблема, и еще какая, Федор Георгиевич, не только у нас, но и у «Беларуськалия». Получаем зубки для режущего органа из города Тореза в Донбассе, а у них часто нет твердого сплава. Помогайте, план по добыче срываем.

– Слышал про зубки, но пока решения нет, – Клинов достал записную книжку и сделал пометку.

– У нас проблем столько, – включился в разговор Егоров, – вашей книжки не хватит все записать.

– Егоров, ты бы лучше ремонтировал, про запасные части мы еще обсудим с Федором Георгиевичем, – Пендуров с осуждением посмотрел на инициативного механика.

Минут через двадцать «Минка» остановилась перед выработкой, где работал комбайн ПК-8 Ясиноватского машзавода. Руду грузили на самоходный вагон «Джой», купленный

в Северной Америке, который отвозил ее к дучке, чере которую руда руда попадала на магистральный конвейер и дальше к скиповому стволу для выдачи на-гора.

Егоров махнул машинисту, и работа горного комбайна остановилась. Как сказал машинист комбайна, остро стоит вопрос нехватки режущего инструмента, ну и, конечно, запасных частей к комбайну.

– Запчасти к комбайну скоро будут, – с гордостью объявил командор и вспомнил свое первое письмо в «Союзгормаш».

– Нам уже не раз обещали, а воз и ныне там, – снова не удержался механик рудника.

– На этот раз воз сдвинем с места!

Возле нового комбайна, который проходил испытание, возились два молодых парня в спецовках.

– Здравствуйте, молодые люди, – обратился Пендуров, – как продвигаются дела?

Было видно, что с Пендуровым и Егоровым отношения у ребят из Копейска если и не приятельские, то вполне доверительные.

– Да вот продолжаем биться с автоматикой, вроде нашли причину, нам только кое-что необходимо, может быть, поможете, а, Виталий Иванович?

– Может, и помогу, что надо?

– Тут сгорели несколько диодов, кроме того, хотим поменять концевики, и еще нужны некоторые материалы и контрольный кабель.

– Хорошо, я попрошу Энгеля, знаете нашего главного прибориста?

– Знаем, но не так, чтобы что-то попросить.

– Подойдите завтра до оперативки, я переговорю с ним, и он поможет тем, что есть в цехе КИПиА.

– Спасибо, Виталий Иванович, из Копейска бы ждали недели две, не меньше.

Обедали в административном здании «Уралкалия», где, кроме директора и служб, находилась и ведомственная гостиница «Золотая клетка» для особо важных персон.

В огромном кабинете – не хуже, чем кабинет у первого заместителя министра Коваля, заметил Клинов, – за необъятным письменным столом располагался директор Уралкалия, под стать величественности кабинета: в темно-коричневом пиджаке, белой рубашке и темном галстуке. Впечатление недоступности тут же испарилось, как только он вышел из-за громадного стола и подошел к механикам.

– Приветствую вас с прибытием на уральскую землю. Надеюсь, с гостиницей все в порядке, – радушно улыбаясь, Иван Иванович Борченко внимательно смотрел на Клинова, отмечая молодость посланца главка.

Все трое присели за отдельно стоящим столиком, Борченко попросил секретаря принести чаю. Разговор носил общий характер: о новой структуре ведомства, о том, что еще до войны уже существовал «Союзкалий», коснулись ремонтной службы и хронической нехватки запасных частей.

Уральцы

Простота и радушие, исходящие от Ивана Ивановича, растопили чопорность, обычно свойственную первой встрече незнакомых людей, связанных служебной подчиненностью.

– Если вы не устали, Федор Георгиевич, все-таки с дороги, к тому же пошел седьмой час, предлагаю по маленькой за знакомство, вы как?

– Только за, – ответил Клинов, – если, конечно, не будет возражать Виталий Иванович.

Механики сдержанно рассмеялись.

Директор вышел к секретарю, и буквально через пять минут приятная во всех отношениях девушка поставила перед механиками поднос с графинчиком водки, вазочкой с красной икрой и бутербродами с сырокопченой колбасой.

«Пока все складывается нормально, и директор, и главный механик – отличные мужики, пока все путем», – командор, засыпая в «Золотой клетке», подводил итоги первого дня.

Утром Клинова разбудил телефонный звонок.

– Федор Георгиевич, возникла маленькая поправка к распорядку сегодняшнего дня: мне непременно надо быть на строящемся четвертом калийном комбинате. Хотите, я заеду? Вам, думаю, интересно будет ознакомиться с ходом

строительства.

– Согласен, заезжай, Виталий Иванович, едем на четвертый.

На огромной стройплощадке строительство шло полным ходом. Клинов сразу же обратил внимание на буровые установки для бурения замораживающих скважин, которые разрабатывал его отдел в «Спецшахтопроекте».

– Виталий Иванович, хорошо, что мы сюда заехали. Ты занимайся своими делами, а я схожу к буровикам. Проект, по которому они бурят замораживающие скважины, разрабатывал твой покорный слуга.

Иван Скряга

– Как жизнь, Федор Георгиевич? Смотрю, вы в большие начальники выбились, – Скряга, характерный голос которого нельзя было ни с кем перепутать, как всегда, говорил с усмешкой, и подчас было трудно понять, то ли он шутит, то ли серьезно. Не зная его, можно было подумать, что этот убеленный сединами, но еще статный и даже интересный мужчина хочет человека обидеть.

– Жизнь течет и изменяется, а ты, Иван Семенович, каким был насмешником, таким и остался. Ну, здравствуй, что ли.

Они обнялись, похлопали друг друга по плечу. Скряга в сапогах и телогрейке махнул рукой мастеру – мол, я отойду

– и отозвал Клинова в сторону.

– Сколько времени прошло с тех пор, как ты уехал из Донбасса? Не забыл еще Першотравенск, пропади он пропадом? Дай сосчитаю, – он задумался.

– Что там считать? Я уже пять лет отработал в «Спецшахтопроекте», до этого еще полтора года в науке.

– А что в науке не остался?

– Не мое это, Вань, не мое. В таких заведениях надо иметь определенный характер, уметь для всех быть хорошим, уважать начальство.

– Это уж точно не твое. Приходько до сих пор тебя вспоминает…

– Не забыл, наверное, как я ему тогда высказал все.

– Ты знаешь, Федор, нет, того случая он не вспоминает. Я тебе скажу, теперь-то можно: жалеет, что ты уехал. Да и мне, честно скажу, жаль, что ты уехал: с тобой было и по делу, и по жизни интересней.

– Ну, спасибо за комплимент.

– Да брось ты, какие комплименты? Я говорю как есть.

– Ладно, давай вечером посидим где-нибудь, идет?

– Не вопрос, в Березниках я остановился в гостинице, вот там в ресторане и посидим.

– Ладно, Семеныч, тебе бурить дальше и глубже, мне – знакомиться с новым хозяйством!

Вернувшись в заводоуправление, Пендуров и Клинов зашли к главному энергетику.

Петр Долганов – пермяк в третьем или четвертом поколении, невысокий, худенький, очень лаконичный – на вопрос Клинова, в чем нужна помощь главка, назвал старые котельные жилого поселка в Нартовке и частые ограничения по электроэнергии от Яйвинской ГРЭС.

С Рудольфом Энгелем – главным прибористом, веселым компанейским поволжским немцем – Клинов задержался. Тот посвятил в проблемы с автоматикой горного комбайна. Оказалось, что комплектующие Копейский завод получает от нескольких заводов, некоторые из них ждут поставки из-за рубежа.

Вечером Клинов и Скряга, заказав на закуску знаменитые «Мазурики Динамо», что в переводе означало котлеты из медвежатины с соусом из брусники, засиделись допоздна, вспоминая Донбасс, бурение и крепление шахтных стволов.

– С назначением Леонида Васильевича начальником горного цеха, – рассказывал Иван Семенович со своей характерной усмешкой, – я не хотел оставаться работать с Приходько: не нравился он мне как руководитель, и вскоре после того, как ты уехал, добился перевода на бурение стволов установкой Булаха «РТБ-2,08» в Уч-Кудуке, Зарафшане и Сабырсае. Ты же тогда приезжал, не забыл? Помнишь, что написано на въезде в Зарафшан: «Волей ЦэКа, руками ЗэКа здесь будет построен город Зарафшан».

– Как же, такое не забудешь, самым сложным оказалось не бурение, а крепление и крепь, которую я рассчитывал в

Спецшахтопроекте.

Но лучше всего я запомнил историю, как один известный в тресте «Шахтспецстрой» специалист вечером с молодой особой ритмично раскачивали деревянную вышку, с которой охранники зоны днем следили за порядком среди заключенных, строивших дома в Зарафшане.

– Что было, то было, – ухмылялся Скряга, – мы с ней услышали какое-то движение, посмотрели, а из люка, через который попали на вышку, показалась милицейская фуражка!

Принять с недоделками

Прошло полгода с момента приемки в эксплуатацию завода в Солигорске. В середине декабря Клинова вызвал Кондратов.

– Федор Георгиевич, завод в Белоруссии твоими усилиями введен в эксплуатацию.

– Нашими усилиями, Лев Александрович, нашими.

– Не кокетничай, Федя, тебе это не к лицу. На очереди – Березниковский ремонтно-механический завод. Там все гораздо сложней. Не тебе мне рассказывать, сам лучше меня знаешь. Ты назначен председателем государственной комиссии по приемке Березниковского завода в эксплуатацию.

– Шутите, Лев Александрович, там нечего принимать в эксплуатацию, вы же знаете, мы не все станки получили, но

это еще куда ни шло: очистные сооружения еще только строят, на заводе нет тепла, еще работать и работать, может, к середине лета, не раньше.

– Я в тебе не ошибся, Федор, ты, конечно, все говоришь и делаешь правильно, вон Петров – наш капитальщик, он же к заводам руки не приложил, заводы – твоя заслуга. Но есть партийная дисциплина, и тебе придется выехать на Урал и организовать работу комиссии по приемке завода в эксплуатацию в этом году.

– Как – в этом, Лев Александрович?

– В этом, именно в этом, и не позже 31 декабря, ты меня понял?

– Понял, – в голосе командора начальник Главка услышал безнадежные нотки.

– С тобой поедет Семякин Борис Иванович, свяжись с ним, он тебе во всем поможет. Он в этих делах человек опытный, Владимир Александрович, слава богу, от нас уходит в Главсоль, опальный Семякин с нового года придет на его место.

Да, Клинов, чуть не забыл, тебя в связи с Березниковским заводом вызывают в Ведомство, к первому заместителю министра Ковалю Владимиру Ефимовичу, поезжай к нему сейчас.

***

– Наслышан о вас, Клинов, поэтому и предложил назначить председателем государственной комиссии.

– Спасибо за доверие, Владимир Ефимович, вы ведь знаете о том, как обстоят дела со строительством и поставками оборудования.

– Да, все это мне известно, тем не менее, завод должен быть принят в эксплуатацию, и эта миссия поручается вам неспроста. Вы хорошо себя зарекомендовали.

– Еще раз благодарю, но все же я не представляю, как подписать акт, если нет очистных сооружений и на заводе нет тепла.

– С вами будет товарищ Семякин, он специалист опытный и во всем будет помогать. Вам предстоит встретиться с секретарем обкома и горкома, я с ними согласовал вашу кандидатуру. Не подведите Ведомство.

Понимая, что аудиенция окончена, председатель государственной комиссии поднялся, Коваль подошел к нему:

– Первый раз всегда трудно. Желаю удачи! – и улыбнулся.

***

Клинову льстило назначение. Он нервничал, представляя встречи с партийными боссами, и в то же время где-то глубоко в подсознании еле слышный голос предупреждал: «Не все так, как тебе говорят. Тебя подставляют! Примешь завод с огромными недоделками, и именно тебя эти же люди будут

склонять за то, что принял завод, не готовый к выпуску продукции».

На Урале, в Березниках, стояли жесточайшие морозы, которым предшествовали многодневные снегопады. Двухметровые сугробы отделяли проезжую часть от тротуаров. Город словно вымер. Редкий прохожий в валенках, укутанный в шарф, мелькнет и исчезнет. Машины с водой в радиаторах остались в гаражах, а машины с антифризом – только у руководства.

Подрядчики сосредоточили на заводе технику и строителей, бригады работали днем и ночью, сменяясь каждые два часа. Для штаба стройки отапливали несколько помещений заводоуправления самодельными электрическими обогревателями.

Профессиональный строитель, пятидесятилетний Семякин два года маялся в опале из-за своего несдержанного характера: он позволил себе многоэтажно и ненормативно сделать замечание проверяющему из обкома партии. В остальном это был умный и веселый человек, хорошо знающий свое дело.

Он раздобыл для себя и Клинова военные полушубки, валенки, рукавицы, договорился с генеральным подрядчиком, чтобы в распоряжении председателя комиссии круглосуточно была машина с водителем, назначил ответственных по строящимся объектам завода и объявил, что каждый день в двадцать два часа председатель государственной комиссии

будет заслушивать ответственных о ходе выполнения заданий.

Двадцать девятого декабря в двадцать два часа, как всегда, начал работу штаб стройки. Подрядчик сообщил, что даже если собрать строителей всего Урала, очистные сооружения и теплотрассу 31 декабря закончить не удастся.

На следующий день утром в штабе появились партийные боссы.

– Баженов Владислав Пантелеймонович, – представили одного из них. На нем были пыжиковая шапка и широкое черное пальто с каракулевым воротником. «Это крупная шишка из обкома, – решил командор, – да и лицо у него обкомовское».

– Здравствуйте, товарищ Баженов, – заулыбался Семякин, – рад вас видеть. Вот, – он повернулся к Клинову, – председатель государственной комиссии Клинов Федор Георгиевич – главный механик «Союзкалия».

– Здравствуй, здравствуй, Борис Иванович, – поглядывая на Клинова, отвечал тот, – давненько тебя не видел. Смотрю, ты снова на передовой, это хорошо.

А вот, пожалуйста, – представил он коллегу, – секретарь Березниковского горкома партии Геннадий Иванович Ермаков, прошу любить и жаловать. Слышал, что в строительстве завода возникли проблемы со сроками сдачи, или я ошибаюсь? – Баженов мельком глянул на Семякина и остановил вопросительный взгляд на Клинове.

Федор понял: это его выход. Как он сейчас поведет себя, такая слава разнесется здесь, в Уральском крае, и долетит до Ведомства.

– Проблемы, конечно, есть, их бы не было, если бы мы не строили завод, шалопай слушал себя и удивлялся своему наглому вранью, – но у нас есть задача ввести завод в эксплуатацию, и мы должны это сделать. Работы ведутся круглосуточно, мобилизованы все ресурсы генерального подрядчика.

«Ну и трепло ты, Клинов, далеко пойдешь, а не податься ли тебе в партийные ряды, а, Председатель комиссии? Уж больно гладко излагаешь», – язвительное замечание А-Клинова, его попечителя и хранителя, не зацепило механика. «Стараюсь для дела, с партийным начальством иначе нельзя, не поймут…»

Баженов удовлетворенно оглядел присутствующих:

– Ну что ж, товарищи, обком и городской комитет уверены, что при таком настрое завод будет построен в сроки, установленные Центральным комитетом партии. Теперь мы должны побывать на строительной площадке.

Обедали в заводоуправлении «Уралкалия». Выпили, разговорились, Баженов и Семякин вспомнили недавние стройки.

– А вот тот, забыл его фамилию, все еще работает в обкоме? – поинтересовался Семякин.

– Это тот, через кого ты, Борис, в проектный институт был переведен? – Баженов стал серьезен, он прекрасно помнил

выскочку Кострецкого.

– Точно, Кострецкий, – подтвердил Семякин, хотя хорошо помнил засранца, из-за которого был понижен в должности.

– Год уже как не работает. Могу добавить: немало сил я приложил, чтобы избавиться от этого проходимца, по-другому не могу сказать.

Клинов посмотрел на Ермакова:

– Предлагаю выпить за знакомство!

– С удовольствием, мы с вами, мне кажется, ровесники.

– Похоже на то.

«Нормальный парень, без партийных лозунгов, и выпить может, хотя не очень понятно, зачем ему партийная карьера, – рассуждал Клинов, – интересно, что этим человеком движет?»

Они разговорились. Геннадий окончил горный институт, причем такой же факультет, что и Клинов, работал в лаборатории горных машин, в руднике, стал директором второго рудоуправления. И чем дольше они говорили, тем лучше понимали друг друга.

Вечером на заседании штаба было доложено: «Члены комиссии по приемке завода в эксплуатацию, два врача санэпидстанции, отказываются подписать акт, поскольку на заводе нет тепла, теплотрасса будет закончена не раньше марта, и нет оборудования для очистных сооружений. Кроме того, сказали, что им здесь больше нечего делать, и они

уезжают».

– Давай так, Семен Исаевич, – Семякин посмотрел на генерального подрядчика, – дам из СЭС не отпускать, приставить правильного человека, кормить, поить, ублажать, но акт должен быть подписан.

– Будет сделано, Борис Иванович, такой человек есть, организуем.

– Что остальные члены комиссии, как настроены?

– Замечания пожарной инспекции, милиции, Борис Иванович, будут устранены завтра, и они готовы подписать.

– Ну а что профсоюз: за или против?

Довольный Семякин ходил по комнате, он не сомневался: Семен все сделает, как надо, а профсоюз, как всегда после таких событий, устроит банкет.

Утром 31 декабря акт подписали все члены государственной комиссии. В два часа дня состоялся банкет. Председатель комиссии коротко поздравил членов комиссии, немного выпил, и его отвезли в гостиницу.

В самолете, которым возвращались домой, Семякин рассказал Клинову, что никакие аргументы и обещания не помогли убедить санитарных врачей. А вечером 30 декабря правильному человеку доложили о том, что одна из санитарных дам, между прочим, посетовала в разговоре, что давно ищет, но не может приобрести собрание сочинений А. С. Пушкина. В тот же вечер ей вручили полное собрание сочинений классика. Дамам ничего не оставалось, как только

подписать акт приемки завода в эксплуатацию.

Приятелей на работу не брать

Тем временем Миша Суслов вошел во вкус, появилась уверенность в действиях, в голосе зазвучали начальственные нотки. Клинов радовался за товарища.

Однажды Кондратов вызвал Клинова к себе.

– Федор Георгиевич, начальники главков завидуют нам.

– С чего бы это, Лев Александрович?

Командор понимал: разговор не праздный, но к чему бы это – пока не уловил.

– Завидуют нашим двум заводам, хотят тоже строить, вот и интересуются, как это нам удалось.

– Они еще не знают, что построить – хотя и сложно, но можно, а вот получить оборудование, выбить фонд зарплаты и численность… Вы ведь знаете, каких трудов стоило выбить металлопрокат, литье, поковки, горюче-смазочные материалы.

Но я что-то не очень понимаю, Лев Александрович, есть какие-то к нам претензии?

– Претензий к нам нет, есть претензии к тебе, Федор Георгиевич.

– Вот это да, не ожидал. Чем же я провинился?

– Вот, держи жалобу на тебя, читай здесь, – и протянул Клинову бумаги.

На трех листах знакомый почерк обосновывал необходимость вывести главного энергетика из-под начала главного механика. Мало того, Миша считал, что начальник не разбирается в его работе.

– Прочитал, – объявил Клинов, – ну и что мне делать с этим?

– Решать надо тебе, товарищ Клинов! Как скажешь, так и будет!

– Я бы дал Суслову время найти другую работу.

– Ну вот, на том и порешили! А чтобы у тебя не болела голова о поисках своего заместителя, этим делом займется наш кадровик. Зайди к нему.

Виктор Иванович Власов, как и большинство кадровиков, был из отставных офицеров, причем не из пехоты или артиллерии, а из тех, что служили в разведке или в органах безопасности. Веселый и общительный, не прочь выпить, Власов симпатизировал Клинову. Отношения у них были самые приятельские.

– Говорил я тебе, Федор Георгиевич, что приятелей и родственников не следует брать в подчиненные, а ты мне не верил. Располагайся, – Власов показал на стул, – Кондратов мне звонил, я в курсе твоей проблемы с энергетиком.

– Наверное, Виктор Иванович, ты прав, но мне как-то не по себе, чувствую себя виноватым, жалко мне Суслова, но и работать вместе теперь не получится.

– С Сусловым я поговорю сам, может быть, и работу ему

подыщем. Так что занимайся своими делами, а кадры – это моя прерогатива. Будет у тебя энергетик, не волнуйся.

***

Миша Суслов вернулся в тот же научно-исследовательский институт, из которого ушел в Главк, а через три месяца позвонил.

– Все образовалось, Федор, занимаюсь тем, что я хорошо знаю, начальство не мешает, аварий нет, нет авралов, как в главке.

– Я рад за тебя. А как платят?

– Платят, как и раньше, конечно, меньше, чем в главке, но я решил взяться за диссертацию, через три года защищусь.

– Хорошо. Миш, надеюсь, ты не обижаешься?

– Было, конечно, было, но теперь нет.

– Ну, так давай как-нибудь посидим.

– Согласен! Передавай всем привет, до встречи!

Власов слово сдержал, и однажды в комнату, где размещался отдел Клинова, вошел молодой мужчина с очень темным цветом лица монгольского типа.

– Здравствуйте, могу я видеть начальника отдела?

– Можете, проходите, – и Нелли Васильевна, испуганная и удивленная, показала на Клинова.

– Присаживайтесь, – Клинов привстал, давая понять, что начальник – это он.

– Меня к вам направил Виктор Иванович Власов, он сказал, что вам нужен энергетик. Меня зовут Максим Кудрат.

В комнате воцарилось молчание. Механики и энергетики, разинув рты, смотрели на претендента. Первым спохватился Клинов.

– А вы энергетик? – начальник отдела понял, что сморозил глупость, извинился и поправился: – Что вы окончили?

– Карагандинский горный институт, факультет горной электромеханики, работал на шахте в отделе главного энергетика, теперь живу недалеко от Москвы.

Карагандинский монгол говорил ясно, без намека на акцент, держался уверенно. Смущение прошло, и Клинов, понимая, что ни за что не возьмет этого не то китайца, не то монгола в свой отдел, судорожно думал, как ему отказать.

– Максим, э… простите, как ваше отчество?

– Анатольевич, – располагающе улыбнулся Кудрат, глянул на сотрудников – те тут же занялись бумагами – и посмотрел на Клинова: – Я – уйгур, когда я был маленький, родители со мной и двумя сестрами бежали из Северного Китая, провинции Синьцзян, в Казахстан, жили в Караганде, поменяли имена.

– Понятно, я слышал, что жизнь уйгуров в Китае очень тяжелая. Теперь относительно работы: мы рассмотрим вашу кандидатуру, и Власов сообщит решение.

– Спасибо, – уйгур поднялся, – надеюсь, еще встретимся, до свидания, – и вышел.

«А мы надеемся, что больше не увидимся», – и эта ясная объединяющая мысль пролетела по отделу.

По внутренней связи позвонил Власов.

– Слушаю, – в голосе Клинова звучало недовольство.

– Надо поговорить, как будет минутка, зайдите, пожалуйста, ко мне.

– Понял, зайду ближе к вечеру, сейчас много дел.

После обеда, все еще под впечатлением уйгура, Клинов поднялся к Власову.

– Только не обижайся Золотов узнал, что нам нужен энергетик, и вот прислал уйгура, извини, я не мог отказать начальнику кадрового управления.

– Ладно, проехали, раз прислал Золотов, тут ничего не поделаешь.

– Вот и хорошо, – Виктор Иванович достал бутылку водки и два стакана. – Только закусить нечем, – и вопросительно посмотрел на Клинова.

Клинов сбегал в отдел, разжился у Веры остатками обеда, они выпили, обсудили инцидент и довольные разошлись.

У министра

Предшественник Клинова Глазунов был идеологом новой горной машины, хотя обычно новой техникой и автоматикой в главках занимался технический отдел. Не зная традиций, Клинов с интересом продолжил дело Глазунова.

При формировании главка позвонили из ЦК КПСС Белоруссии и на должность главного инженера – первого заместителя начальника Союзкалия попросили взять Ярцева – главного инженера Белорускалия.

Сергееву, который рассматривался на это престижное место, были вынуждены предложить должность начальника технического отдела. Валерий Иванович тяжело переживал, согласился, но обиду затаил.

Со своим непосредственным руководителем – Василием Яковлевичем Ярцевым, простым компанейским мужиком, но тем не менее лауреатом Государственной премии, самолюбивый Сергеев держал себя демонстративно холодно, отвечал высокомерно, всячески подчеркивая свое превосходство. Досталось от обиженного и Клинову.

Дело в том, что вопросы автоматизации на предприятиях «Калия» никак не могли найти себе ответственного исполнителя в Главке.

Обычно автоматика – прерогатива технического отдела, но Сергеев, зная, что разработку новых горных комбайнов вел Глазунов, а продолжил Клинов, запросы и поручения по широкому спектру автоматизации производственных процессов отправлял в отдел главного механика.

Мудрый Кондратов не хотел разбираться между отделами, тем более что ему претила заносчивость Сергеева, он считал, что придет время, и ситуация разрешится. Так оно и случилось.

– Федор Георгиевич, здравствуй, это Кондратов, собирайся, через десять минут едем в Ведомство к министру.

Начальник главка симпатизировал чубатому механику, ему импонировали его предприимчивость и настойчивость, а после приемки машиностроительного завода на Урале он стал относиться к нему с известной долей уважения.

Они сели вместе на заднее сиденье «Волги».

– Федор, – приятельское обращение предполагало что-то необычное, во всяком случае, не разнос и не выволочку, – как продвигается изготовление нового калийного комбайна?

– Вчера разговаривал с главным конструктором Копейского завода, нет комплектующих изделий, их изготавливает завод Горного Ведомства. Мурашев меня заверил, что вопрос почти решен, просил подождать неделю.

– На Урале позарез нужен новый комбайн. Есть еще проблемы?

– Думаю, что Горное Ведомство поможет, послезавтра буду там, у коллеги – главного механика. Не получится – надо будет подключать министра.

– А как обстоят дела с автоматикой для комбайна?

– С импортной автоматикой комбайна дело хуже: закупка через «Техмашимпорт», они пишут письма немцам, те обещают, но пока нет даже примерных сроков поставки.

– Так вот об этом речь.

– Лев Александрович, есть еще какие-то проблемы или я чего-то не знаю?

– Ты прав, одна проблема есть, но не связана с комбайном.

– Это как-то связано со мной?

– Да, с тобой, но не буду тебя томить, к деятельности твоего отдела нет особых претензий, разве что энергетика нет, но Виктор Иванович свое дело знает, и скоро у тебя будет энергетик. А вот ты мне скажи, хотел бы поехать в Финляндию?

От неожиданности Клинов опешил.

– Причем тут Финляндия, – Клинов растерянно улыбался, не понимая, к чему клонит начальник.

– Так хочешь в Финляндию или нет? – Кондратова явно веселили разговор и растерянность главного механика.

– В Финляндию хотелось бы, но ведь я и в социалистических странах не был.

– Считай, что сразу, минуя соцстраны, едешь в Финляндию, а теперь вопрос: автоматизацией будешь заниматься?

– Автоматизацией заниматься буду, – Клинов еще не знал, что все это значит, но чувствовал: надо соглашаться!

Он хорошо знал контрольно-измерительные приборы, датчики, исполнительные механизмы, разбирался в вопросе и даже участвовал в монтаже слаботочной схемы автоматики на буровой установке в Донбассе.

– Ну, вот и договорились! Сейчас нас ждет министр.

Ведомство находилось все там же, в здании с итальянскими окнами, где не так давно Клинов получал наставления по приемке в эксплуатацию уральского завода.

Кондратов и Клинов вышли из машины, поднялись на третий этаж, прошли второй контрольно-пропускной пункт и оказались в приемной министра. Высокий черноволосый человек подошел к калийщикам.

– Добрый день, Лев Александрович, – пожав руку Кондратову, Натаров, помощник министра, кивнул Клинову.

– Здравствуйте, Алишер Рустамович, мы по Финляндии.

– Проходите, вас ждут.

В огромном кабинете министра никого не было. Визитеры топтались у двери, не зная, что делать.

Неожиданно в дальнем углу возле окна открылась неприметная дверь, в кабинет стремительно вошел крепкий мужчина в белой рубашке с галстуком и подошел к смущенным посетителям.

– Прошу вас, – Костандов указал на стулья, снял с напольных плечиков пиджак, быстро надел, поправил галстук и сел за стол.

– Что будет с планом в этом и третьем квартале, Лев Александрович?

– Держим на контроле все семь комбинатов, Леонид Аркадьевич, – Кондратов говорил спокойно и уверенно.

«Вот что значит партийная выучка: вагонов железная дорога не дает, по электроэнергии сплошные ограничения, а у него все хорошо», – удивлялся Клинов своему начальнику».

Словно отвечая Клинову, министр, явно подготовленный к встрече, сказал:

– С вагонами начальник транспортного управления Федулов поможет, по электроэнергии дело сложнее, на Яйвинской ГРЭС авария, но план должен быть. Есть еще что-то по производству?

– Есть текущие проблемы, вы же знаете, на Урале в сентябре пойдут грибы-ягоды, рыбаки и охотники разными путями, но отправляются на заготовки, кто за свой счет, кто по болезни – тем не менее, план дадим!

– В этом году ты заканчиваешь строительство шахтных стволов на четвертом калийном комбинате, я хотел бы посмотреть рудник.

– Организуем, – Кондратов мельком глянул на Клинова, и тот, уловив посыл, смекнул: «Надо будет с Борченко и Пендуровым продумать детали визита министра».

– Теперь о Финляндии и автоматизации. Ты ведь знаешь Лужкова, он возглавляет «Химавтоматику».

– Да, с Юрием Михайловичем мы знакомы, – и Кондратов, жестом показав на Клинова, рассказал, что с Лужковым уже обсуждался вопрос создания филиала по автоматике для «Калия».

– Отлично! Так вот, он несколько дней назад вернулся из Финляндии. Оказывается, в части автоматизации горных производств у них есть интересные предложения для «Калия». Твой сотрудник, – министр повернулся к Клинову, – насколько я понимаю, специалист в области автоматизации?

Наконец-то, вот и мой черед настал, а то сижу тут непо-

нятно зачем: не то сотрудник, не то водитель зашел, чтобы не скучно было ждать в машине.

Теперь оба, министр и начальник главка, выжидающе смотрели на Клинова.

И тут Кондратов спохватился: «Я же не представил своего главного механика, опростоволосился, утрачиваю навыки, парень сидит «не в своей тарелке».

– Простите, Леонид Аркадьевич, моя оплошность, позвольте представить: начальник отдела главного механика и энергетика Федор Георгиевич Клинов.

– Федор Георгиевич, – улыбнулся министр, – вы главный механик, а какие у вас отношения с датчиками, исполнительными механизмами, системами контроля? Наконец, грядет внедрение вычислительной техники в технологические процессы – как у вас со всем этим?

– Начинал я учиться на горного электромеханика, а продолжал и окончил по автоматизации горных производств. Работал в Донбассе, где монтировал уникальную горную машину для безлюдной проходки вертикальных шахтных стволов глубиной восемьсот метров и диаметром семь с половиной метров. Эта машина укомплектована мощным электроприводом на постоянном токе, оснащена датчиками давления, расхода жидкости, системой автоматического управления.

– Так-так, – министр оживился, глаза загорелись, – очень интересно, не слышал, однако крайне занимательно. И что

же, построили стволы?

– Пройдены, то есть пробурены и закреплены шахтной крепью, два вертикальных ствола диаметром семь с половиной метров и глубиной: один – четыреста семьдесят, другой – триста двадцать метров.

– Лев Александрович, тебе бы этот опыт, а? Однако вернемся к Финляндии и Лужкову.

Министр нажал кнопку вызова, и тут же вошел Натаров: «Алишер, соедини, пожалуйста, с Лужковым».

– Юрий Михайлович, у меня Кондратов, ты его знаешь, и главный механик «Калия», надо посвятить в финскую тематику. Механик с тобой свяжется.

Кондратов и Клинов, удовлетворенные встречей с министром, возвращались в главк.

– Дело за тобой, Федор Георгиевич, не подведи, у тебя личное поручение министра.

– Постараюсь, Лев Александрович, надо еще послушать, что такого интересного для горняков привез Лужков, он ведь химик.

– Юрий Михайлович не только химик, он еще и фаворит министра, а этого смогли добиться единицы, тебе это надо учесть, когда будешь у него.

Сергей Буров

В пивном ресторане на Новом Арбате всегда было свежее пиво, и не только «Жигулевское», но даже чешское, правда, не для всех. К пиву можно было взять шпикачки или свиные ребрышки, приготовленные на огне, и, конечно, черные сухари, обжаренные в масле с чесноком.

Качественное пиво, великолепная закуска, наконец, уютная обстановка очень скоро снискали ресторану «Жигули» такую известность, что попасть туда подчас не представлялось возможным: такая стояла очередь.

Зная особенности модных кабаков, Клинов приехал пораньше, занял стол на двоих и стал ждать Бурова. Клинов допивал вторую кружку и собирался уходить, когда появился Сергей Леонидович.

– Ты извини меня, Федор, – экстренное совещание у заместителя министра, в Кузбассе на угольном разрезе вышел из строя шагающий экскаватор. Как дела, товарищ главный механик?

Сергей Леонидович был в хорошем настроении. Здесь он с Клиновым, который ему симпатичен с тех пор, как когда-то их свела вместе Тула. Сын его Леха тоже, как говорится, вышел в люди: работал на Кольском полуострове главным инженером автоколонны горнотранспортной техники, теперь начальник отдела… и тем не менее так, как сейчас, посидеть,

выпить пива ему приятнее с Клиновым.

– Пока все идет хорошо, как говорил один парень, падая с небоскреба и пролетая первый этаж.

Буров рассмеялся:

– Так у нас у всех именно так, все на грани фола.

– Если серьезно, Сергей Леонидович, я уже втянулся в работу главка, не без вашей помощи.

– Ну ладно, какая там помощь, просто некоторое содействие и все.

– Советами своими, Сергей Леонидович, они были очень кстати.

Хорошо, что советы пошли впрок, но ты, наверное, не только пива хотел попить со мной сегодня, я правильно понял?

– И пива попить тоже, а также нужна поддержка на Копейском машзаводе.

– Где-где, а в Копейске тебе точно помогу. Что там за проблема?

– У Копейска на выходе калийный комбайн. На Урале его ждут – не дождутся. По сравнению с предшественником – комбайном ПК-8 – суммарная мощность четыреста пятьдесят киловатт, площадь сечения – десять квадратных метров.

– Хорошая машина, а, Федор? Такую бы мощность – да в угольную шахту.

– Да, машина должна быть что надо, но вот незадача: нет комплектующих и автоматики, которую, как я узнал, разра-

ботали и изготавливают западные немцы.

– М-да, – Буров отпил пиво, закурил, – с комплектующими я решу. Теперь относительно автоматики: нет, не для вашего комбайна, в нашем ведомстве это общая проблема. Мне нужен перечень, и я порешаю твою задачу.

– Буду вам признателен, Сергей Леонидович.

– Скажи, как дома, как девочки?

– Девчонки в порядке, старшая увлекается журналистикой, младшая хорошо рисует, ходит в первый класс, любит лыжи, просится в биатлон, – Клинов помрачнел, закурил.

– Ты чего, Федор, что-то не так?

– Да нет, Сергей Леонидович, все так…

– Ну, это ты брось, я же вижу, как по тебе словно туча пробежала, не держи в себе, глядишь, и полегчает.

– Боюсь, не полегчает. Это даже не туча… Камень какой-то. Дома у меня все движется к разводу… – Клинов говорил медленно, с неохотой.

Буров поискал официанта, позвал и попросил принести триста граммов водки.

– Федор, давай-ка по маленькой. Нет безвыходных ситуаций, а семейные проблемы, пожалуй, самые сложные, уж ты мне поверь. Я все этапы семейной жизни испытал, как видишь, живой, – он поднялся, взял сигареты. – Я отлучусь в туалет, вернусь, и мы продолжим.

Тихий гул пивного ресторана действовал умиротворяюще. Клинов, закинув левую руку за спинку стула, смотрел по

сторонам, правой машинально постукивал вилкой по столу. Вспомнился Западный Донбасс, степной поселок…

***

Очнулся Клинов от нахлынувших воспоминаний, лишь когда Буров потряс его за плечо.

– Федор, как ты?

– Нормально! Пока вы отсутствовали, вспомнил Донбасс, женитьбу…

«…Все тогда пошло по какой-то накатанной дороге, автоматически. Родилась первая девочка, и тогда я словно проснулся. Поглядел на жену, и пелена с глаз упала: «Неужели я на ней женился по любви?..»

– Что-то ты, парень, загрустил, – Буров сочувственно смотрел на Клинова, – это не по-нашему. Никто не знает, что такое «по любви». Однако чем-то она тебе не угодила? Я думаю, жизнь каждого из нас состоит из череды хорошего и плохого, веселого и грустного, горячих чувств, влечений и охлаждения. Вот сейчас у тебя такой момент. Наберись терпения, а если и потом будешь испытывать отторжение, ну тогда следует подумать, что делать.

В голосе старшего товарища слышались сочувствие и участие.

– Вы уж меня простите, Сергей Леонидович, нашло что-то на меня, – Клинов налил водки. – Так поможете с автома-

тикой?

– Ты знаешь, что помогу, – Буров посмотрел на часы. – Засиделись мы с тобой, надо закругляться, давай на посошок, берем такси – и по домам!

У Лужкова

Юрий Михайлович был плотного телосложения, чуть ниже среднего роста, с открытым выражением улыбающегося лица. Не прошло и нескольких минут общения, как Клинову передалось действие его кипучей натуры, которая заряжала окружающих легкостью и оптимизмом.

Клинову показали несколько отделов, рассказали о разработках в области средств автоматизации, отвели в огромный машинный зал с электронной вычислительной машиной.

– Вы видите вторую в Советском Союзе ЭВМ производства американской компании IBM, – голос Юрия Михайловича выдавал волнение и неприкрытую гордость.

– А где же первая ЭВМ производства американской компании IBM? – задал ожидаемый вопрос посланец министра.

– Первая ЭВМ производства американской компании IBM, – в голосе Лужковского зазвучали торжественные нотки, – установлена в Министерстве обороны, – взволнованный директор «Химавтоматики» посмотрел на Клинова, который тут же продемонстрировал восхищение увиденным.

Финская баня

Министр получил от КГБ согласие на командирование Клинова, имевшего доступ к сведениям особой государственной важности. Комиссия ЦК КПСС, выслушав коммуниста, отправляющегося во вражескую страну, кандидатуру одобрила. Паспорт гражданина СССР забрали, выдали служебный. Клинов получил финскую валюту и обязался отчитаться.

Наконец два специалиста, второй был главный приборист из «Беларуськалия» по фамилии Заяц, оказались в поезде, который остановился на границе для пограничного и таможенного досмотра.

Таможня изъяла у Клинова две бутылки водки, выдала непонятную бумажку, Клинов пригорюнился, считая это плохим предзнаменованием, однако вскоре инцидент был забыт, потому что начались всякие интересные заграничные события.

В Хельсинки на вокзале купцов встретили два представителя компании. Плотный приветливый Вармола хорошо говорил по-русски, был предупредителен и любезен, второй, Гренинг, сумрачный и молчаливый, по-русски не говорил, а по-фински если и скажет что-то Вармоле, то очень коротко и тихо.

В гостинице их ждали: разместили в два отдельных но-

мера, тут же пригласили в небольшую комнату для переговоров, налили, выпили. Согласовали программу на каждый день пребывания, получили финские марки и обалдели от небывалых впечатлений.

В машине, на пути в Эспо, где находилась компания Outokumpu, Вармола, смеясь, сказал, что гостиница гостям оплачена и что завтрак входит в стоимость номера. Купцы поняли, что хотя их и принимают по первому классу, но считают деревней.

Офис компании располагался в современном здании из стекла и бетона. Стильная мебель, кондиционеры, чистота и порядок. Их поводили по отделам, показали схемы обогатительных фабрик, подчеркнули особенности автоматических систем.

Обедали в ресторане. Сопровождающие неотступно были с купцами. Вармола не раз бывал в Ленинграде, хорошо знал русский менталитет, человеком оказался компанейским и веселым.

Первое впечатление от Гренинга полностью подтвердились: замкнут, серьезен, по поводу чего Заяц предположил: «Этот Гренинг, скорее всего, из разведки. Ты посмотри, он ведь все время куда-то ненадолго отлучается, значит, отсылает сообщения о том, как идут переговоры!»

– Завтра утром летим в Лапландию. Спустимся в рудник и осмотрим обогатительную фабрику, где используется автоматика, которая вас интересует, вы согласны, господин За-

яц?

– Конечно, господин Вармола, для этого и приехали, интересно посмотреть не только автоматику, но также и технологическое оборудование фабрики.

– Рудник у вас подземный или работы ведутся открытым способом? – решил продемонстрировать свою эрудицию главный механик.

– Рудник в Лапландии подземный.

В аэропорту гостей поразила быстрота, с которой были пройдены все предполетные процедуры. После короткого разбега Douglas взял настолько круто вверх, что у Клинова и Зайца дух захватило.

На аэродроме в Лапландии к самолету подкатил представительский автомобиль черного цвета с водителем в форменной фуражке.

Купцы, с возрастающим ощущением своей значимости, сели в машину, Вармола всю дорогу болтал с водителем, а Гренинг, не отрываясь, смотрел на осенний пейзаж уходящего северного лета.

В небольшом аккуратном заводоуправлении гостей представили директору рудника и начальнику обогатительной фабрики, обсудили программу пребывания.

– Спустимся в рудник, потом на фабрику, посмотрите систему автоматики, вечером баня, утром возвращаемся в Эспо, – Вармола, видимо, загодя согласовал с принимающей стороной весь план, потому что те только согласно кивали и

улыбались.

Поражало отсутствие людей, вернее, они были, но находясь на портативной связи, а радиостанция была у каждого, появлялись в нужный момент и, посовещавшись, быстро исчезали.

Клинов расспрашивал об объемах производства, численности персонала, о ремонтной службе, подрядных организациях, Заяц интересовался схемами, датчиками, контрольными приборами, исполнительными механизмами.

Все, что запланировали, было выполнено, купцы и продавцы остались довольны, гостям предложили отдохнуть полчаса и готовиться к бане.

Заяц привычно зачерпнул в ковш воду, рукавицей открыл дверцу и кинул на малиновые камни. Финнов как ветром сдуло. Гости напарились всласть, меняясь вениками, поддавали пару, несколько раз выбегали и ныряли в маленький пруд.

Когда все хорошо устали, хотя силы еще есть, но веники намокли, и уже не то, парилка остывает, а под ложечкой засосало, потому что пора подкрепиться, участники завернулись в большие простыни и подсели к широкому столу из строганной сосны.

– Коля, слушай, дорогой, у тебя же на таможне не отобрали водку, я совсем забыл, доставай, – Клинов глотнул пиво. – Господин Вармола, мне говорили, что финны высоко ценят русскую водку.

– Да, вы правы, во всяком случае, она не хуже финской, – Вармола уже расставлял рюмки.

– Николай, разлей, пожалуйста, пусть ребята оценят, – Клинов посмотрел на Гренинга, который, как всегда, молчал.

Все выпили, помолчали, а потом будто освежающий ветерок пробежался по финской степенности. Дружная компания засиделась до глубокой ночи.

Купцов подняли ни свет, ни заря, всех четверых, хмурых и сонных, усадили в тот же представительский автомобиль с водителем в форменной фуражке, и «крайслер» лег на обратный курс.

До Хельсинки предстояло ехать часов пять или шесть. Заяц спал, Клинов с отвращением глядел на безрадостный осенний пейзаж, мелькавший за окном, и сожалел о том, что не прихватил в дорогу пару банок пива. Легкое покачивание мощного «крайслера» и безупречная дорога убаюкали пассажиров, и они клевали носом.

Неожиданно машина остановилась, Вармола обернулся к удивленным купцам.

– Предлагаю размяться, и, может быть, кому-то нужно в кусты, – финн улыбался, словно не было бани, водки.

Когда они вернулись, то глазам своим не поверили: в открытом багажнике авто был накрыт стол с баночным пивом и бутербродами. Вармола широким жестом пригласил всех к столу.

Гости с жадностью пили пиво, уплетали бутерброды. Вар-

мола, довольный произведенным эффектом, пояснял, почему финские машины днем не выключают фары, Гренинг курил с водителем.

И снова «крайслер» мчался по узкой безлюдной дороге в южном направлении. Заяц и Клинов проснулись, лишь подъезжая к Хельсинки.

Любовь без границ

С компанией Outokumpu заключили контракт. В Солигорск приехал руководитель проекта – финн Юхани с помощниками, и работа закипела.

Обогатительную фабрику обследовали, взяли пробы из множества точек измерений, которые обычно выполняли операторы вручную. Разработали проект. Привезли, смонтировали датчики и контрольно-измерительные приборы, всю систему объединили в электронно-вычислительной машине. Систему автоматизации отладили и запустили в эксплуатацию. Эффект от автоматики был очевиден.

Фабрика выпускала полтора миллиона тонн продукта в год, при этом часть уходила в отвал, когда же заработала система автоматического контроля, потери существенно сократились.

Кроме экономического эффекта на обогатительной фабрике, который обеспечил финской компании популярность на аналогичных производствах, произошло событие, которо-

го никто не ожидал.

Юхани влюбился в молоденькую сотрудницу заводоуправления, а надо сказать, что девка была ой как хороша, и решили они пожениться.

За дело взялись сразу две стороны: Солигорская коммунистическая власть с одной и капиталистическое руководство Outokumpu с другой. Тем временем молодая уже понесла, а Юхани съездил домой, известил текущую жену и как честный человек подал на развод.

Единственным препятствием для него оставались пятилетняя девочка и трехлетний мальчик: все трое не хотели расставания. Однако белорусская красавица так очаровала финна, что ни коммунисты, ни капиталисты не могли ничего сделать.

Слухи о коварстве белоруски, разбившей семью и оставившей детей без отца, стали достоянием финской общественности и докатились, наконец, до Ведомства и главка.

Эта мощнейшая сила все вернула в первоначальное состояние, конечно, за исключением мальчика, которого родила сотрудница заводоуправления и которого вернуть вспять, было никак нельзя. Но для этого участника все сложилось благополучно: ему были оформлены отцовские алименты.

В вертолете

В Москве шли затяжные осенние дожди, главк, как и вся

страна, страдал гриппом. Шмыгая носом и постоянно сморкаясь, Кондратов на оперативке объявил состав делегации «Калия» на коллегии Ведомства, которая должна состояться через неделю в Березниках.

– Коллегия будет по вопросам развития калийной отрасли, поэтому едут заместители, начальники отделов, главные специалисты.

На коллегию Ведомства с Гороховым отправлялась Митрофанова. С того дня, как на банкете главка Клинов познакомился с Татьяной, их отношения оставались формальными. Лишь однажды, будучи в отделе оборудования, Клинову показалось, что она как-то по-особенному посмотрела на него, но и только.

Мимолетные встречи в главке не давали Клинову никакого намека, никакой надежды на сближение, и тем не менее, все в ней нравилось ему.

Черноглазая Татьяна, гордость спецшколы с английским языком, рано вышла замуж. Чувства разгорелись и заполыхали буквально одновременно с получением аттестата зрелости, на выпускном вечере. Она стала Митрофановой, родила мальчика, а через год отец малыша разбился на мотоцикле.

С пустяковыми увлечениями, не оставляющими в сердце следа, молодая вдова окончила Московский химико-технологический институт и два года поработала в проектном институте.

Надеясь, что Татьяна обретет новую любящую семью, за-

боты о малыше полностью взяла на себя бабушка, однако на это призрачное счастье не возникло даже намека. И вот теперь стараниями родственников Татьяна оказалась в калийном главке.

Калийщики шумною толпой дружно и весело погрузились в реактивный самолет и через два часа приземлились в аэропорту Большое Савино. Пермь встретила холодным дождем со снегом и сильным ветром. Кондратов надолго ушел к начальнику аэропорта, москвичи приуныли, теряясь в догадках, лишь Петров спокойно читал газету «Социалистическая индустрия».

– Не все получилось, как было задумано, – удовлетворенно улыбаясь, рассказывал Кондратов, – но проблема разрешилась, летим не на АН-2, а на вертолетах!

Клинов боялся вертолетов. Ему казалось, что случись малейшая неисправность несущего винта – и машина колом полетит вниз. То ли дело АН-2. Мотор отказал, а машина спланирует и худо-бедно как-то приземлится. Такое простое представление о воздушных судах было только частью подсознательного протеста летать, поэтому на Урал он обычно ездил поездом.

Необъяснимый, тщательно скрываемый страх оторваться от земли знаком многим людям. Иногда, как у Клинова, аэрофобия может исчезнуть, но может и вернуться.

Бывало, богатое воображение помимо его воли рисовало Клинову картины самых немыслимых ситуаций, которые

лишь отдаленно связаны с настоящей опасностью в полете. Например, он мог ярко представить себе столкновение самолета с ракетой, случайно выпущенной системой противовоздушной обороны.

Сопоставив предстоящий полет на вертолете с низкой облачностью, ветром и снегом с дождем, Клинов запаниковал.

– Какой-то вы сегодня задумчивый, Федор Георгиевич, с чего бы это? – Митрофанова улыбалась и всем своим видом располагала к легкому светскому разговору.

– Да вот прикидываю, – Клинов обрадовался неожиданной собеседнице, ожил, вернулась присущая ему ироничность, – когда прилетим в Березники, будет уже двенадцать.

– И что вас беспокоит?

– Беспокоит, что вы не выспитесь, будете плохо выглядеть, можете разонравиться некоторым людям.

– Это кому же? – заиграла глазами шалунья. – К тому же, хочу заметить, я сплю мало, мне хватает шести часов.

Татьяна была в хорошем настроении, она чувствовала, что нравится главному механику, знала, что у него проблемы с женой, но собственный опыт подсказывал не торопиться.

«А я тоже сплю мало», – хотел было сказать Клинов.

– Все на посадку! – раздался простуженный голос Кондратова.

– Я с вами, Федор Георгиевич, вы не против?

– Как вы могли такое подумать, Татьяна, – от избытка нахлынувшего чувства голос шалопая дрогнул, Клинов спохва-

тился, чтобы не выдать себя. – Я не только не возражаю, но буду даже рад.

И они двинулись к вертолетам.

Все, что было дальше, Клинову казалось, происходит не с ним: полутемное чрево военного вертолета с откидными сиденьями вдоль борта, испуганные калийщики, столпившиеся под грохочущим несущим винтом, теплая рука Татьяны в его руке.

Лишь когда вертолет мягко сел на твердь Березниковского аэродрома и стихли звуки двигателей, Клинов пришел в себя. Он постарался улыбнуться, но ничего не получилось.

– Мы, кажется, приземлились, – не своим голосом прохрипел Клинов.

– Отдайте мою руку, – Татьяна понимающе посмотрела на Федора, и тогда тот понял, что продолжает крепко сжимать женскую руку.

– Прошу прощения, что-то я задумался.

– О чем же думает главный механик в такой необычной ситуации?

– Да вот, – к шалопаю возвращалась привычная уверенность, – хотел у вас спросить, как прошел полет.

– Полет прошел и даже пролетел прекрасно, правда, вы так сжимали мою руку, что я, наверное, долго не забуду крепкое рукопожатие, – девушка смеялась откровенно, лукаво поглядывая на смущенного парня.

В шахтной клети

В первый день планировался спуск в рудник. Были выданы спецовки, каски, самоспасатели, провели инструктаж по технике безопасности. Министра сопровождал Кондратов.

– Лев Андреевич, где твой главный механик? – неожиданно обратился министр, когда они подходили к копру клетьевого ствола. – Он с нами?

– Клинов, – позвал начальник главка, – где ты пропадаешь?

– Я тут, с Пендуровым – главным механиком Уралкалия.

***

Министр когда-то был главным механиком на электрохимическом заводе в Узбекистане, быстро поднимался по карьерной лестнице, чему способствовали природные способности, высокий образовательный уровень, смекалка и производственная инициатива.

Еще в Москве Леонид Аркадьевич высказал пожелание спуститься в калийный рудник. Подготовку и проверку на первом Березниковском рудоуправлении провели самым тщательным образом.

В клеть набралось человек пятнадцать. Клинов успел вместе с Кондратовым и министром.

Стоять в клети надо чуть согнув ноги в коленях и крепко держась за поручни. Звучит команда на спуск, и пол уходит из-под ног. В ничем не прикрытом проеме клети мелькает крепление ствола.

Состояние людей в летящей со скоростью пассажирского поезда клети, мягко говоря, необычное!

Громко шипит сжатый воздух, дует ветер, и сильно закладывает уши. Их надо не забывать продувать или сглатывать слюну.

Вдруг клеть неожиданно и резко остановилась, да не на рудном дворе, на глубине около трехсот метров, а прямо-таки посреди ствола.

Стало видно тюбинговую крепь, проводники и расстрелы шахтной армировки. В клети воцарилась жуткая тишина.

«Мне конец, – мелькнула мысль, – выгонят», – Клинов даже не подумал, что клеть могла не зависнуть, а просто оборваться, и тогда… подняв глаза, к своему удивлению, он увидел, что Кондратов о чем-то спокойно говорит министру.

Сопровождающий достал рацию.

– Подъем, я клеть, ответьте.

– Клеть, я подъем, – отвечал уверенный мужской голос, – сохраняйте спокойствие, сняли напряжение, дежурная бригада уже на подстанции, с минуты на минуту электроснабжение будет восстановлено!

Выездная коллегия

Выездную коллегию Ведомства открыл министр.

Он дал краткую оценку производственных показателей «Уралкалия» и пригласил выступить Кондратова. Коллегия включилась в привычную работу. Выступали директора рудоуправлений, руководители производственного объединения «Уралкалий». Последним докладывал о развитии Березниковского ремонтно-механического завода Михаил Чачин.

Калийщики разместились в первых рядах зала, следили за процессом, комментируя выступающих. Клинов слушал невнимательно, обычного для такого случая конспекта не вел.

Внимание шалопая было приковано к Татьяне, которая сидела впереди, в следующем ряду, рядом с Гороховым и оживленно с ним перешептывалась. «А ты, оказывается, ревнуешь, – с удивлением отметил А-Клинов. – Ай-яй-яй, да ты, Клинов, опять влюбился!»

– На трибуну приглашается, – прозвучал характерный голос министра, – главный механик «Союзкалия».

Клинов услышал свою фамилию и оторопел.

– Федь, а Федь, – Стружков толкал приятеля в бок, – ты что сидишь, – шипел обогатитель, – тебя министр на трибуну вызывает.

Клинов очнулся. На него, обернувшись и делая большие

глаза, смотрели калийщики. Вскочив под неодобрительный гул зала, он почти бегом пустился к сцене, спотыкаясь, добрался до трибуны. Зал стих. Кондратов с беспокойством, министр с любопытством смотрели на главного механика и ждали.

– Добрый день, уважаемые товарищи, – ни с того ни с сего брякнул механик. И тут зал взорвался безудержным смехом, в разных местах раздались аплодисменты. Клинов растерянно улыбался.

– Мы слушаем вас, Федор Георгиевич, – спокойно сказал министр, – мне говорили, есть нерешенные проблемы Березниковского завода, это так?

– Да, это так, проблемы, и еще какие, – тут он увидел серьезные глаза Татьяны и словно сорвался с цепи.

Все, чего он не мог добиться в главке, от своих же коллег, да вдобавок бесполезные хождения в департаменты Ведомства, а это недостаточный станочный парк, нехватка металлопроката, горюче-смазочных материалов, невозможность набрать специалистов, так как не выделены фонды на оплату труда, и многое другое было, пусть сумбурно, выложено перед министром.

– Вы знаете, товарищ министр, завод может делать не только запасные части для горных машин, приобретенных у немцев, отдельные виды оборудования тоже можно изготавливать, а не покупать за валюту. Однако департамент снабжения не выделяет нержавеющий металлопрокат, управле-

ние оборудования пять токарных станков и два расточных дало Раздольскому заводу, а ему они понадобятся только через год.

Заседание выездной коллегии Ведомства подходило к концу, люди устали. Спонтанное выступление и эмоциональный доклад механика «Союзкалия» взбодрили народ. Кондратов что-то говорил, министр согласно кивал.

Клинов понял: у завода будет карт-бланш – режим наибольшего благоприятствования, а это в условиях хронической нехватки всего и вся означает, что, может, не сполна, но в большей части завод получит почти все.

– Поздравляю, Клинов, – хлопал по плечу Стружков, – теперь ты в Ведомстве можешь ногой открывать двери департаментов.

– Ногой не ногой, хотя бы сразу посылать не будут, а еще, думаю, Назаров и Осипов на меня теперь зуб затаили.

– Не без того, – Вячеслав знал, что высокомерие к сотрудникам главков – отличительная черта Ведомства. – Поворчат и привыкнут. Ты, главное, используй, пока все помнят одобрение министра.

На выходе из зала секретарь Кондратова, обходительная дама средних лет, отозвала Клинова в сторону:

– Федор Георгиевич, будете ужинать с Кондратовым, я вам покажу, где это будет.

– Ну вот, Федор Георгиевич, ваша карьера еще резче пошла в гору, – Стружков иронизировал, но в то же время нель-

зя было не заметить легкую зависть.

В Москву возвращались разными группами и путями. Кондратов с финансовым блоком и заместителями до Перми летел тем же военным вертолетом. Клинов отказался от вертолета, и не столько из-за своих фобий, сколько потому, что Митрофанова и Горохов заинтересовались речным маршрутом.

Механикам, отделу оборудования, плановикам и капитальщикам главка предоставили корабль с командой, и они отправлялись в Пермь по Каме.

Конечно, корабль – громко сказано. На самом деле это был реконструированный командирский катер времен войны с металлическим корпусом, деревянной рулевой рубкой, для пассажиров – открытый кокпит и салон на 11–14 человек. Обслуживала команда из трех человек.

– От Березников до Перми вам идти часов 10–12, – пояснял Виталий Иванович Пендуров – главный механик Уралкалия. – Мы тут с Мишей Чачиным кое-что подготовили вам в дорогу и подвезем прямо в речной порт.

– Зря вы, Виталий Иванович, затеяли это, как-то неудобно.

– Федор Георгиевич, вы нам и заводу много чего хорошего сделали, а сегодня вы наш гость, в то же время не получилось посидеть за рюмкой водки. Это не по-нашему, не по-уральски, так что там, на катере, выпейте за уральцев.

– Ладно, хорошо, тогда за мной кабак в Москве!

Романтическая ночь

«Пока все складывается как нельзя лучше. Впереди целая ночь, главное, не испортить ее какой-нибудь глупостью, своей или чьей-то», – шалопай испытывал такое сильное волнение, что сам себе удивлялся. Подогревалось волнение интуицией, которая подсказывала, что Татьяне он небезразличен.

«Лишь бы не влез между нами Горохов, чувствую – неравнодушен он к ней», – но и в этой части Клинов не предполагал препятствий. Остальные – не в счет!

Вечером калийщиков доставили в речной порт, Пендуров с Чачиным проводили путешественников к трапу, возле которого их ждал матрос. На пирсе, перед трапом, состоялось прощание, Федор протянул Татьяне руку, помог перейти на катер, принял тяжелые сумки с провиантом, за ними последовали остальные.

Наступил волнующий момент, трап был убран, сильнее заработал судовой двигатель, катер незаметно отшвартовался от причала и в темноте ноябрьского вечера стал выбираться на середину Камы. Вскоре исчезли береговые огни, и пассажиры отправились осваивать судовую территорию, на которой все было в новинку.

Наверху было ветрено и холодно, и пассажиры быстро спустились в салон, или, как подсказал матрос, кают-компа-

нию. Здесь было уютно и тепло. Стружков разбирал сумки, доставал закуски и спиртное.

– Молодцы твои механики, Федор Георгиевич, – приговаривал Вячеслав, раскладывая припасы, – честно скажу, ожидал, что купят что-нибудь в магазине, а тут селедка уже разделана, холодец, соленые грибы, колбаса, причем, кажется, языковая.

– А у нас, у механиков, только так, тут я тебе скажу, что это заслуга Миши Чачина – директора завода. Он мужик хозяйственный, не только по части закуски, он дневал и ночевал, пока строили завод, а уж когда подошло время оборудования, то проявил просто чудеса изворотливости здесь, и в главке, и в Ведомстве.

– Мальчики, – вмешалась Татьяна, – а может быть, хватит про завод, про оборудование, мы же с вами в таком потрясающем путешествии: ночь, река Кама, военный катер, кают-компания, целая ночь впереди.

– Не хватает гармошки и песен, – Горохов вошел в салон, зябко ежась и потирая руки. – Я смотрю, у вас закуски из ресторана?

– Как догадался? Во всяком случае, не от отдела оборудования Уралкалия, – заметил Игорь Корнаков, тучный заместитель начальника отдела капитального строительства, балагур и знаток анекдотов армянского радио.

– Но и не от капитальщиков, – парировал Игорь Веткин из отдела техники безопасности и секретарь партгруппы главка.

– У нас не из чего есть и тем более пить, – заметила элегантная Ниночка Першина, начальник планового отдела, приятельница Клинова и, как разносила молва, пассия Миронова, – нельзя ли попросить посуду? – обратилась она к матросу.

Все обещало приятную вечеринку, без официальной чопорности и формальностей.

Заданный Митрофановой тон сразу же с подсознательной благодарностью был принят, тем более что экспромт необычной ситуации и само по себе место невольно сплотило еще недавно чужих людей, и они сбросили маску служащих, позволили себе простоту и доброжелательность, сравнимую с детской непосредственностью.

Капитан не остался в стороне от торжества. Когда приготовления были закончены и спонтанное общество с шутками и разговорами разместилось за большим столом, в кают-компании неожиданно появились капитан с матросом. Они водрузили на стол громадную кастрюлю, открыли крышку, и по кают-компании распространился ароматнейший запах уральской ухи.

Был поднят тост за встречу, удачное путешествие, семь футов под килем. Капитану и матросу налили водки, пригубив и поблагодарив, моряки раскланялись и отправились нести вахту, а благородное, но проголодавшееся собрание устремилось к закуске.

– Постойте, постойте, господа, все, что здесь вы видите,

– это все наше, поэтому бросьте вилки, послушайте, мы же не есть сюда собрались, а поговорить о важном, духовном, о любви, – Митрофанова отложила вилку и улыбнулась Клинову, – а также о дружбе, – продолжал шалопай и подмигнул Татьяне, сидевшей рядом с Гороховым, прямо напротив него.

– Федор Георгиевич, ты бы поменьше говорил, а то останешься без обеда, несолоно хлебавши, – заметил Веткин, – смотри, как капитальное строительство нажимает на языковую колбасу.

– Честно признаюсь, Игорь Иванович, – Корнаков, не прекращая жевать, смотрел на парторга, – первый раз в жизни ем такую вкуснятину, не могу оторваться.

– Друзья, коллеги, хочу вам сказать, – Клинов окинул взглядом калийщиков, – кажется, все просто: побывали на предприятии, послушали министра, теперь вот идем по Каме. На самом деле то, что с нами происходит, – это же огромнейшее событие, – народ смолк и с любопытством слушал вдохновенную речь главного механика, – и я вам обещаю, повторения не будет, а сегодняшний день запомнится на всю жизнь!

– Ура, товарищи! – провозгласил взволнованно Стружков, – я полностью согласен с Федором, давайте выпьем.

Все разом заговорили, Нина Першина поправляла галстук главному горняку Ищенко, Галина Гаврилова что-то шептала на ухо Веткину, Клинов через стол чокнулся с Митрофа-

новой, та раскраснелась, улыбнулась, опустила глаза.

Клинов поднялся, достал «Приму», накинул матросский бушлат, висевший у выхода, и отправился наверх покурить.

Холодный ветер с мокрым снегом обдал разгоряченного механика, он попытался прикурить, но ветер гасил спички одну за другой. Закурить удалось, лишь прикрывшись бушлатом.

Кромешная тьма окружала катер, ходко идущий под мерный гул судового дизеля по ориентирам, известным одному капитану, который хорошо был виден в слабо освещенной капитанской рубке.

– Не скучно одному, да еще на таком ветру? – раздался голос Татьяны, – тут легко простудиться, Федор Георгиевич, вы будто не слышите меня.

– Не только слышу, но и вижу, и даже удивлен, как же Горохов отпустил вас одну.

– Ну что вы, все Горохов да Горохов, – в голосе прорывались нотки обиды. Девушка явно замерзла, укрыться от пронизывающего ветра было негде, черная челка и чуть вьющиеся волосы быстро намокли, и она повернулась, чтобы уйти. И тут Клинов, не раздумывая, распахнул бушлат, Татьяна невольно прижалась к нему, спрятав лицо у шалопая на груди.

– Так-то лучше, Таня, где вы там, откликнитесь?

– Здесь у тебя тепло и хорошо, – послышался довольный голос.

Приглашение на повышение

– Всем привет, как дела, механики, как дела, энергетики? – Клинов сел за свой стол, достал большую тетрадь, с которой бывал на оперативных совещаниях.

– Все идет по плану, – в тон начальнику заметил его новый заместитель – главный энергетик Костя Сапегин.

– Клинов, зайди ко мне, – раздался по внутренней связи голос Петрова.

– Хорошо, Владимир Александрович, иду!

– Присаживайся. Только что мне сообщили, что в горном главке Пищепрома, в «Главсоль», ищут заместителя начальника главка.

– И что?

– Как что, здесь ты уже четвертый год, я считаю, тебе расти надо!

– Да мне и здесь неплохо, а там у меня никого нет.

– Будет у тебя там свой человек, – улыбался Петров.

– И кто же этот человек? – начал догадываться Клинов.

– Я!

– Ничего себе! Вот это да! Поздравляю, Владимир Александрович, искренне рад за вас!

– А тебя я приглашаю заместителем!

Клинов не знал, что сказать, настолько неожиданным ока-

залось предложение. Его отношения с Петровым были не более чем формальные.

Да и приятельских отношений у них не образовалось. Тем не менее вот предложение, и, скажем прямо, весьма заманчивое. Не говоря о зарплате и статусе одного из руководителей главка!

– Спасибо, Владимир Александрович, не ожидал, мне надо подумать.

– Слушай, Федор, чего там думать, соглашайся, такие предложения бывают раз в жизни, давай так: завтра чтобы был ответ!

– Хорошо, завтра так завтра!

Неожиданное предложение вызвало к жизни похожие сомнения, которые он испытывал, уходя из Спецшахтопроекта. Прежде всего, сам Петров.

Такой же выходец из партийных рядов, но полная противоположность Кондратову. Если Лева в партийных структурах был инородным телом, то Петров в них – как рыба в воде.

Не так много было пересечений с Петровым, но и те, что были, Клинов вспоминал с неохотой. Он старался избегать людей неискренних и лицемерных. Возможно, и они чувствовали это.

«С другой стороны, – оценивая все за и против предложения Петрова, анализировал командор, – в «Калии» я свой человек, практически со всеми в дружеских отношениях, что позволяет успешно вести дела не только в главке, но и в Ве-

домстве.

А приду я в новое ведомство, не такое уж центровое, как теперешнее, крупнейшее предприятие в Донбассе, соляные рудники в Сибири, Крыму, Армении, но все они не на слуху, как и когда там сложится – неизвестно.

А главное, Петров – это не тот человек, который, подобно Миронову, поддержит и заступится, если что не так, а ведь у меня запросто может возникнуть это «не так».

Пригласили бы в центральный аппарат Ведомства к знаменитому армянину, сразу бы согласился, – мечтал Клинов, – вот это было бы то, что я хочу, вот это повышение, а Пищепром все-таки мелковат!»

На следующий день, еще и девяти не было, Петров позвонил по внутренней связи.

– Федор Георгиевич, зайди.

– Хорошо, иду, Владимир Александрович.

– Ну что, товарищ заместитель начальника «Главсоль», я надеюсь, ты принял правильное решение? – снисходительно улыбался Петров.

Клинов с чувством облегчения, которое утром окончательно укрепилось, не садясь, спросил:

– Когда покидаете «Калий», Владимир Александрович?

– Приказ на меня уже подписан, так что еще пару дней… – и тут его словно осенило, – я что-то не понял, а ты-то что решил?

– Владимир Александрович, я еще раз благодарю за очень

лестное предложение, но я решил остаться в «Калии».

Нескучный сад

В конце мая Клинова неожиданно вызвал Ярцев. Поднимаясь к нему на второй этаж, Федор перебирал в памяти возможные причины приглашения.

Дело в том, что за несколько лет в главке сложились вполне определенные оперативные контакты между отделами и руководством, и Клинова в контактах главного инженера не было. Отношения между ними ничто не омрачало, но и общих дел они не вели.

– Добрый день, Василий Яковлевич, слушаю вас.

В ту же минуту, еще не закончив приветствия, он уловил свежий запах водки. Было известно, что главный инженер частенько выпивает, а иногда даже чрезмерно.

– Здравствуй, Федор Георгиевич, редкий ты у меня гость.

– Так уж сложилось, вы меня не вызываете, а напрашиваться не положено.

– Эх, кто знает, кому что положено, – это было сказано с такой тоской, что Клинов тут же с сочувствием спросил:

– У вас что-то случилось?

– Случилось, у меня давно случилось, а теперь случилось у нас у всех, – речь Ярцева становилась путанной, он обхватил голову руками. – Что теперь будет – одному богу извест-

но…

С этими словами он уронил голову на стол, потом откинулся на кресле, мутным взглядом окинул Клинова, закрыл глаза и, видимо, отключился.

Клинов выбежал в приемную, предупредил секретаря, чтобы никого не пускала, и отправился в бухгалтерию.

«Ярцев в дружбе с экономическим блоком, вот пусть Зиночка с ним и разбирается!»

– Зинаида Герасимовна, зайдите, пожалуйста, к Василию Яковлевичу.

– С чего бы это вдруг, – удивилась еще вполне интересная дама, – он меня вызовет, если надо, по внутренней связи, – и тут же мучительно покраснела.

– Не знаю, с чего, но лучше вам зайти, и как можно быстрее.

«С места мне не сойти, у них роман», – мелькало у Клинова в голове, пока он возвращался к себе.

В отделе царила необычная тревожность. Сотрудники сидели вокруг стола Сапегина и тихо переговаривались.

– Костя, что тут у нас происходит?

– У Кости все в порядке. Пропал Кондратов, – Нелли Васильевна говорила спокойно, но голос выдавал волнение. – Сведений о том, где он и что с ним, нет никаких. Прибегала несколько раз жена, спрашивала, нет ли каких вестей. Миронов звонит в разные места, пока ничего неизвестно.

За несколько лет работы у каждого сложились с Кондра-

товым свои отношения, и можно было, не сомневаясь, сказать: свое будущее люди связывали с ним.

И вот теперь, предполагая плохое, потому что шел второй день и не было никаких известий, преданные ему люди стали задумываться о собственных перспективах.

На третий день в главк приехал человек в темном костюме, которого между собой называли «смотрящий» или «из «Детского мира».

Особенность таких персонажей заключалась в том, что запомнить их не удавалось – настолько умело, они не выделялись в толпе. Смотрящий побывал у Миронова и исчез.

Как взорвавшаяся граната, из аппарата внутренней связи раздался тяжелый бас Миронова.

– Клинов, зайди!

Клинов бегом бросился к начальнику.

– Нашелся? – в голосе были слышны надежда и сомнение.

– Нашли. В трех километрах вниз по течению Москвы-реки вчера рано утром был выловлен труп Кондратова…

Предполагали разное, тут тебе и «попал под машину», и уехал за Урал, и даже загулял у девок. Такие вещи с ним бывали, кто не без греха, тем более что с женой у него давнишние нелады. Но чтобы «в реке» – в голове не укладывается. Чего только не говорят, как он попал в реку, это же какая-то фантастика.

– Федор, для общего пользования версия такая: 27 мая, в субботу вечером, Кондратов был в Нескучном саду. Кстати,

ты же помнишь, какой ливень был? Известно, что он страдал от высокого давления. Спустился по лестнице к воде, поскользнулся, упал и ударился головой о ступеньку, потерял сознание и оказался в воде.

– А на самом деле что произошло?

– На самом деле, Федор Георгиевич, все произошло почти так, как я тебе рассказал, но есть ряд обстоятельств, которые в двух словах не расскажешь. Я сейчас еду в Ведомство, а ты возвращайся в отдел, займись текущими делами.

То ли мы в игру играем, и нас дергают за нити Кукловоды-невидимки – судьбоносные творцы. Каждый внутрь своей души загляните и спросите: Правим мы своей судьбой или некие лжецы? Принимаем мы решенья или все за нас решили?

Кондратова похоронили на Кунцевском кладбище рядом с известным актером Владиславом Дворжецким и заброшенной могилой детского писателя Николая Носова.

Возвращаясь с похорон, Зиночка, поминутно прикладывая батистовый платочек к глазам, шла рядом с Клиновым.

– Не все так просто в его смерти, как говорил Александр Николаевич. Там, в Нескучном саду, у самой воды нашли аккуратно сложенный его пиджак, на нем пропуск в поликлинику и часы. Также сказали, что в легких воды не было.

– А что это значит: была вода в легких или не было?

– Я не знаю, что это означает, но, опять же, говорят, что это плохой признак.

– Какое теперь имеет значение?

– Я тебе сказала то, что мне известно. Понятно одно: причина, по которой Лев Александрович попал в воду, может иметь криминальный характер.

Главк лихорадило. В тот день, когда Ярцев вызвал Клинова, он уже знал о смерти начальника и тяжело запил.

Партийный секретарь Игорь Веткин, приятель Федора и Васин собутыльник, съездил к нему домой. Вечером Клинов и Веткин пришли к Власову.

– Как там Василий Яковлевич? – спросил Власов, доставая бутылку водки.

– Плохо. Разговора не получилось. Пьяный в дым. Все повторяет, что виноват в смерти Кондратова, и плетет какую-то ересь. Дома беспорядок, жена с дочерью уехали в Солигорск, одним словом, беда.

– Ну, в смерти Кондратова он себя зря считает виноватым. Почему? Сейчас поясню, но сначала давайте помянем товарища, – кадровик разлил водку. – Мужик Лев был настоящий, вечная ему память.

Они выпили.

– Темное какое-то дело – его смерть, – Веткин потянулся за бутылкой, чтобы разлить по второй, но Власов его остановил.

– Подожди, Игорек, кое-что мне известно, так что послу-

шайте, вам я могу рассказать. Вы отлично знаете, строительство нового калийного комбината шло ни шатко, ни валко. Не было основного оборудования – Федор Георгиевич, ты-то понимаешь это лучше меня, – потому что у Уралхиммаша не было комплектующих изделий, а у тех, кто их изготавливает, какие-то свои проблемы. Это одно. Игорь Иванович в курсе, кто в отделе химии политического ведомства контролирует стройку, – Веткин, подтверждая, согласно кивал головой. – Ну вот, – Власов замолчал, взял бутылку и налил каждому.

– Что дальше? – торопил Клинов.

– А дальше вот что. Не знаю как, но Кондратову проблему удалось решить. Несколько раз он ездил в Свердловск на завод «Уралхиммаш», потом к его поставщикам, детали мне неизвестны, но оборудование поступило на строительную площадку, строительство пошло полным ходом, строители стали получать премии, и комбинат вот-вот введут в эксплуатацию.

– Так все же здорово, – перебил рассказчика нетерпеливый механик.

– Не торопись, Федя, лучше разлей, – Власов посмотрел на Веткина, и тот заговорил.

– Наверное, я скажу то, что каждый сейчас думает: как теперь мы будем без него работать, кого к нам пришлют или назначат, и кто бы это ни был, такого уже не будет. Кондратов был Человек с большой буквы. Я буду помнить его всегда.

– Все же что за тайна кроется в смерти Кондратова? – Кли-

нов не мог успокоиться.

– На Урале три месяца работала КПК, – возобновил рассказ Власов.

– Коммунистическая партия Китая? – съехидничал механик.

– Да нет, – рассказчик осуждающе покачал головой, – Комиссия партийного контроля, слышали о такой?

– Что за комиссия? – в один голос воскликнули Веткин и Клинов.

– Это, я вам скажу, друзья, партийный орган, с которым лучше никогда не встречаться. С виду ничего необычного, люди как люди, правда, в основном одни латыши, но повторюсь: не дай бог попасть к ним на заметку.

– Выходит, Лев Александрович стал жертвой КПК – латышских стрелков?

Власов видел, Клинов и Веткин заинтригованы и ждут разъяснений, он разлил остатки водки.

– Давайте помянем, и я расскажу то, что мне известно, но сразу предупреждаю, мне известна только какая-то часть, – он выпил, пожевал корочку черного хлеба и продолжил: – Обычно КПК берется за дела, связанные с нелегальными доходами партийных чиновников, особенно близких к экономическим сферам. Иногда они измеряются десятками миллионов рублей, а милиция не имеет права касаться деятельности людей, начиная с определенной ступени партийной иерархии.

Три месяца тому назад на Урале работали три контролера КПК, к слову, у одного из них предок был латышским стрелком. Что они накопали – не знаю, кто настучал – никто из моих знакомых не знает. Не знаю, замечали ли вы, что последнее время, где-то примерно месяц, может быть, больше, Лев Александрович был сам не свой.

– Я ничего такого не замечал, – Клинов почесал затылок.

– Я тоже ничего такого не припомню, – вторил ему Веткин.

– Где уж тебе припомнить, вы же с Васей все больше по девкам и по стакану.

– Обижаете, Виктор Иванович, – стушевался Игорь, – разве что иногда.

– Ладно, замяли. В последнее время у Льва Александровича было очень высокое давление, просто на пределе, я ему говорил про поликлинику, а он только рукой махал, говорил, не до того, мол, да и с женой у него был разлад, бывало, что и спал он в кабинете на диване – домой не ходил… такие дела.… Все, молодежь, расходимся, прошу языком не трепать.

***

После похорон Кондратова наступило затишье. Формально обязанности начальника главка исполнял Ярцев, фактически было безвластие.

Вася потихоньку пил, Зиночка его покрывала, а с нею,

зная решительный характер главного бухгалтера, ссориться, было небезопасно.

Самонадеянно решив, что наступило время действовать, Сергеев написал жалобу министру. Изложив свое видение дел в главке, Валерий Иванович дал высокую оценку своего послужного списка, при этом указал, что нынешний исполняющий обязанности не только не на своем месте, но и вредит делу. А как только он сам возглавит главк, будет и план, и успешное развитие калийной подотрасли.

От министра сочинение Сергеева попало в управление кадров к Мише Золотову, и он позвонил Власову.

– Привет, Виктор Иванович, тут у меня интересное сочинение на тему дня. Подъезжай ко мне, обсудим.

– Михаил Николаевич, добрый день, ты меня заинтриговал. Не скажешь тему, чтобы я подготовился, а то ведь без подготовки могу пару получить.

– Виктор Иванович, ты у нас числишься круглым отличником, так что приезжай без подготовки.

Кадровики обсудили жалобу, и пришли к однозначному выводу.

Прежде всего, Сергеев – не та фигура, которая может рассматриваться на начальника главка уже потому, что на следующий год ему стукнет шестьдесят четыре года.

Но есть и другое, негласное, но более веское основание – сама по себе жалоба. Сергеев нарушил неписаное правило: написал донос, а это вещь непростительная. Это, пожалуй,

главная причина отказать.

– Виктор, мы с тобой решили ту часть, которая относится к нашей компетенции, кандидатура на начальника главка – это компетенция известного армянина и заведующего отделом в политическом ведомстве, между прочим, взрывника.

– Это ты к чему про взрывника, Михаил Николаевич?

– К тому, уважаемый Виктор Иванович, что в случае твоего главка взрывник, как хорошо знакомый с горным делом, с пристрастием будет рассматривать кандидатуру начальника «Калия».

– Ярцев – это еще одна наша проблема.

– Хороший, я понимаю, человек, но у вас он не прижился.

– Могу лишь подтвердить твои слова, Михаил Николаевич, на производстве он был на месте. Поманили столицей – и все пошло наперекосяк.

– Будем помогать. Посмотри, Виктор Иванович, например, в ваш институт в Питере или Минске, а я посмотрю здесь в проектный институт. Кстати, ты же знаешь Знакова Валентина Афанасьевича? Он один из претендентов, и в настоящее время проявляет чрезвычайно кипучую деятельность.

– Этого только нам не хватало, – всполошился калийщик, – не может быть.

– Еще как может, Витя, так что будь и к такому повороту готов, как решат, так и будет, сейчас же займись Ярцевым, надо искать для него место, пока он дел не натворил.

– Понял, Михаил Николаевич, разрешите идти?

– Ладно, ладно, не ерничай, давай как-нибудь посидим вне Ведомства.

– Договорились!

Кадровые перестановки обычно сопряжены с интригами, тайнами, они обрастают множеством слухов и вызывают жгучий интерес у заинтересованных лиц. Должность начальника главка стала одной из горячих тем в Ведомстве.

Несмотря на опалу, Валентин Афанасьевич, животик которого не только не уменьшался, но и, наоборот, прибавлял, понемногу привыкал к совершенно не пыльной работе заместителя директора проектного института по общим вопросам.

Платили не густо, но с учетом регулярной доплаты в ЗагНИИ жил он неплохо и спокойно.

Однако нет-нет, да вдруг начнет точить червячок сомнения и даже некой обиды за понижение. Как только он узнал про трагические события, червячок просто взбесился, не давал покоя.

«Надо действовать, – решил Знаков, – мне сорок пять лет, я хорошо знаю калийное производство, кандидат технических наук. Было, это никуда не деть, нагрубил, но, во-первых, давно, и говорят, что он не злопамятный, во-вторых, больше за мной нет никаких грехов, а что касается ЗагНИИ, то у тамошнего директора у самого рыльце в пушку».

Хорошо зная кадровую кухню, толстяк составил список

людей, которые так или иначе могли бы содействовать его назначению. Одним позвонил, к другим съездил, он терпеливо двигался к цели, не все шло гладко, начался отпускной период, и все-таки своего добился.

Тем временем безвластие по-разному отразилось на сотрудниках «Калия».

Ярцев слег в больницу, сразу оттуда его спровадили в отпуск. Осенью Васю назначили директором Минского филиала Галургического института. Кабинет первого заместителя главка все это время оставался пуст. Сергеев смирился, доносов больше не писал, к Клинову приставать перестал.

Жизнь продолжается

Веткин, его заместитель и Клинов обнаружили уютное местечко на отшибе Парка культуры имени Горького. Рослые черноволосые ребята из южных пределов страны торговали шашлыками и свежим пивом. Цены были терпимыми, публика – компанейская, и калийщики, предупредив, что идут на переговоры, уходили туда с обеда.

К первопроходцам по свежему пиву и шашлыкам как-то само собой присоединились кадровая служба в лице Власова и коллега Клинова из главка «Упаковка» Стас Прокофьев. Свежее пиво, отличный шашлык, дружная компания, наконец, лето в разгаре и буйная зелень укромного местечка.

В один из погожих дней, пробегая к себе на третий этаж,

Прокофьев озабоченно шепнул Клинову: «Федя, по пиву сегодня идите без меня. У нас какая-то заварушка, начальника нет четвертый день, найти не могут», – сказал и исчез.

***

…Начальник главка «Упаковка» представлял собой классический тип ответственного руководителя столичной организации.

Чтобы ни надел Кондратов, детали и нюансы костюма выдавали в нем горнозаводского человека приполярного Урала – человека из провинции.

Начальника же «Упаковки» можно было бы назвать пижоном, настолько стильно он был одет: галстук подобран со вкусом, пиджак, несмотря на пятьдесят лет за плечами, подчеркивает спортивную фигуру, и в завершение стиля – все из-за рубежа.

Он прирожденный лидер: собран, деловит, хладнокровен, невозмутим, разговаривает спокойно и тихо, с коллегами и подчиненными держит дистанцию, в отличие от демократичного Кондратова – рубахи-парня. Прокофьев если и упомянет своего босса в разговоре, то непременно с заметным уважением и даже с неким почитанием.

Бывало, расположившись в Парке имени Горького с шашлыками и пивом, Власов любил подначить Стаса, и особенно ему нравилось пройтись по пижонству Захарова и какой-то

его недосягаемости.

При этом Прокофьев никогда не позволял себе каких-либо критических замечаний в отношении своего начальника и на едкие шутки Власова по поводу его преклонения перед шефом не реагировал.

Пивная компания знала, что основной деятельностью «Упаковки» является закупка оборудования, что Прокофьев при этом выступает в качестве технического эксперта, однако в подробности любопытный Клинов не вдавался.

Исчезновение начальника «Упаковки» калийщиков не интересовало – своих событий было в избытке, только командор несколько раз спросил Прокофьева, где его начальник, но тот уклончиво ответил, что не знает.

В конце августа был выпущен новый справочник телефонов Ведомства, в котором фамилия начальника «Упаковки» была замазана черной тушью, а в сентябре пропал Прокофьев.

Только в начале октября дама из отдела главного механика «Упаковки» шепнула Федору: «Стас, будучи в поликлинике на ул. Заморенова, выпал из окна седьмого этажа».

Спустя год командору стало известно, что, ведя коммерческие переговоры, в которых Прокофьев отвечал за технические показатели оборудования, с одной крупной итальянской компанией по поставке целой серии упаковочных линий и материалов к ним, начальник главка и главный механик получили от итальянцев очень приличное вознагражде-

ние. Купцам было сделано предложение, от которого они не смогли отказаться.

Будучи в Италии, Захаров позвонил дочери в Белград. Сообщил, что в Союз не вернется, а еще через некоторое время стало известно, что там же, в Риме, он скончался от несварения желудка…

***

Дружная компания калийщиков продолжала обедать в парке с пивом под шашлыки, пока однажды утром Власов не позвал Клинова к себе.

– Пиво, Федя, сегодня отменяется, – Виктор Иванович был необычно серьезен.

– Переходим на водку? – пошутил было Клинов, да напрасно.

– У нас с тобой новый начальник. Из хорошо осведомленных источников известно, Знаков водку не пьет, пьяных на дух не переносит.

– Значит, все-таки его назначили. У меня предчувствие, что придется мне тоже место искать, – закручинился механик.

Власов не на шутку разволновался:

– Федя, ты брось эту ерунду!

– Ладно, брошу, только попомни мое слово, я хорошо его натуру знаю по Загородному институту, где он меня настав-

лял на путь истинный.

Предчувствие не обмануло командора.

Тронная речь

В понедельник состоялось оперативное совещание. С программной речью выступил Знаков. Он прошелся по работе калийных рудников и фабрик, увязал отставание горно-капитальных работ на третьем рудоуправлении Уралкалия с пассивностью производственного отдела, подчеркнул успехи Беларускалия, раскритиковал затянувшийся остановочный капитальный ремонт на втором Солигорском рудоуправлении, при этом бросил многозначительный взгляд на главного механика.

После Ленинградского горного института Знаков несколько лет работал в цехе по ремонту большегрузных самосвалов в Апатитах, оттуда перевелся в Госгорхимпроект, где нашел свое призвание, взявшись за написание кандидатской диссертации.

Статус ученого не удовлетворял Валентина, и после ряда сложных перемещений его приняли в Главгорхимпроме, где через несколько лет он стал заместителем руководителя.

Головокружение от успеха, чрезмерные амбиции сыграли со Знаковым неприятную шутку: на совещании у заместителя министра он позволил себе настойчиво возражать, заме-

чание не принял во внимание – и буквально через две недели вернулся в Госгорхимпроект заместителем по общим вопросам.

В опале Валентин Афанасьевич духом не упал, надежды вернуться в сильные мира сего не утратил. *Кипучая энергия толстяка нашла выход, и Знаков, пользуясь связями, устроился в ЗагНИИ на восемьдесят рублей, оказывая директору разного рода услуги, в том числе посвящая во всевозможные слухи, сплетни из министерства.*

В операцию «стать начальником Калия» Знаков вложил всю свою энергию, предприимчивость, связи, умение льстить и лукавить, сыграли ему на руку и трагическая гибель Кондратова, и переход Васи Ярцева в филиал института в Минске. Главк был без руководства.

За несколько лет в каждом отделе «Калия» выработалась определенная схема, точно так же сложилась определенная система взаимоотношений между отделами. Что хочет новый начальник, не было ясно! Начальники отделов сидели притихшие, ожидая радикальных изменений в деятельности главка.

– Руководить машиностроительными заводами, – гремел новый начальник главка, – должны производственный и плановый отделы, – он посмотрел на Мишу Перова, у которого в отделе было всего два человека, тот был сам не свой.

Продолжая тронную речь, он осторожно перевел взгляд на Першину, острого язычка которой побаивались не только

в главке, как бы спрашивая ее мнения:

– А главному механику следует взяться за капитальные ремонты.

Краса и гордость «Калия» Ниночка Першина, отличавшаяся независимостью, прямотой и справедливостью, к тому же симпатизирующая главному механику, прервала монолог начальника.

– Такие резкие повороты, Валентин Афанасьевич, надо было делать четыре года тому назад, в самом начале, при организации главка. Теперь же, когда сложилось четкое взаимодействие не только с предприятиями, но с Ведомством, отделом химии ЦК КПСС, Госпланом и Госснабом, нововведение приведет к тому, что действующий порядок исчезнет, а нового налаженного не будет. Мои сотрудники не имеют представления о машиностроительных заводах, а производственный отдел состоит из специалистов по добыче калийной руды, и они не понимают, какое оборудование должны изготавливать на заводе в Березниках и в Солигорске.

Нина Першина, кроме своего профессионализма и женской неотразимости, через прокурорские связи мужа, минуя обычный порядок отбора кадров, попала в главк, очаровала первого заместителя министра, с Клиновым была дружна с первого дня, он же, однажды оказавшись свидетелем ее романа с Мироновым, держал язык за зубами.

Власов посвятил Знакова в хитросплетения, которые образуются в результате неудачных рокировок, из Ведомства

намекнули оставить все на прежних местах.

Клинов продолжил работать по заводам, капремонты и так были за его отделом, и Нелли Васильевна легко с ними справлялась, только теперь командор обиду запомнил, а еще у него исчезли легкость и прежний энтузиазм.

Стало ясно: Знакова задели за живое, щелкнули по носу, и он не потерпит самостоятельности, к которой Клинов привык. Даже не привык, а был приучен к самостоятельности, прежде всего Мироновым и Кондратовым. Командор понимал, что Знаков не забудет такого унижения, о котором теперь только и говорили в Ведомстве.

Особенно обидными запомнились такие слова в речи Знакова: «А что мы видим? Вместо ремонтов главный механик увлекся двумя машиностроительными заводами, а этим должен заниматься производственный и плановый отдел».

«Надо же: я увлекся, вот гад! Так я и знал», – Клинов еще раз мысленно повторил «так я и знал», но, к своему удивлению, не почувствовал душевного расстройства, когда нет настроения и ничего не хочется так, что и выпить нет желания.

Напротив, возникло облегчение, основой которого был разговор с Мироновым. «Ведь вот как бывает, – вспоминал Клинов, – когда-то я и представить себе не мог, что наступит время, и суровый начальник станет если не товарищем, то уж точно защитником и благодетелем!»

Клинов не понимал логики нового начальника главка, и мысль об уходе стала обретать реальные очертания.

Неизбежная встреча

Налицо успешная карьера, дальнейшие перспективы далеко не исчерпаны, командор чувствовал, что есть все основания для перехода в Ведомство, Власов уже намекал, а Миронов прямо сказал: готовься. Если что-то в «Калии» и удерживало Федора, то вовсе не сожаление – он уже вырос из главка.

Но с тех пор, как он вернулся из Березников, где на выездной коллегии министерства, можно сказать, состоялся дебют, его терзали противоречивые соображения. С одной стороны, ему казалось, что он готов многим пожертвовать ради той, которую укрыл матросским бушлатом на борту командирского катера.

А та, что укрылась на груди шалопая, с того самого момента находилась в растерянности, потому что ее терзали такие же противоречивые чувства.

Обоих мучили одни и те же сомнения, оба не знали, как решить неразрешимую задачу, и никто из них не хотел разрыва отношений – наоборот, и Татьяна, и Федор мечтали о встрече, хотя и боялись ее.

Неопределенность семейных обстоятельств в контексте отношений с Митрофановой являлась камнем преткновения: командор не был готов бросить своих девчонок и одно-

временно не мог решиться связать себя с Татьяной.

Провидение, указание свыше, действие ли той самой частицы, сопровождающей каждого из нас, или банальная случайность – нам не дано знать, только в тот день, буквально в дверях на выходе из Ведомства, Федор столкнулся с Татьяной.

– Какими судьбами, вот уж никак не ожидал, – шалопай глазам своим не поверил, но это была Татьяна, и она шла в Ведомство.

От неожиданности Татьяна не нашлась что сказать, краска залила лицо, и она смутилась.

– Таня, давай отойдем, мы мешаем людям проходить.

– Хорошо, Федор Георгиевич, – почти шепотом ответила девушка, и они отошли в сторону.

Смущение прошло, к Татьяне вернулась привычная легкость, она улыбалась, кокетливо смотрела на механика, а повеса откровенно радовался встрече.

– У тебя в Ведомстве какие-то дела? – поинтересовался Федор.

– Мне нужно забрать трудовую книжку, но я могу и завтра зайти.

– Постой, Таня, это значит, ты уволилась?

– Да, а ты разве не знал?

– Откуда, первый раз слышу.… Но объясни, почему ты ушла, насколько я знаю, тебе и работа, и обстановка нравились, что случилось?

– Были причины, – уклончиво сказала девушка, взяла Клинова под руку, они ушли с улицы Кирова и теперь медленно двигались по Кузнецкому мосту.

– Чувствую, неспроста мы с тобой встретились в дверях Ведомства, – Федор остановился, Татьяна вопросительно смотрела на него.

– Можно поподробнее?

– Можно. Я ведь, душа моя, был в Ведомстве последний или предпоследний раз.

– Вот это да, ты тоже уволился?

– Не совсем. Перехожу в другое министерство, оно недавно образовано, меня берут главным механиком отрасли.

– Это же здорово, Федя, я рада за тебя! Не только я, многие считают, что ты давно вырос из механиков главка.

– Спасибо, Татьяна! Такие события, нежданная, а может быть, неизбежная встреча: а давай-ка отметим, меня просто поражает, что встретились не в Ведомстве, не на улице, что можно было как-то объяснить, но в дверях. Это просто какое-то предзнаменование, ты не находишь?

– Все это неспроста, да и наши отношения – нечто загадочное. Отметить надо, я согласна, очень все это меня заинтриговало!

– Здесь неподалеку, на Пушечной, есть ресторан, раньше он назывался «Савой», сейчас – «Берлин». Пошли, я так хотел тебя увидеть, и тебе там понравится!

Уйти или остаться

«Савой» не был популярным рестораном, как, например, «Прага», во всяком случае, горняки из четырехэтажного дома в Северном пригороде здесь завсегдатаями не были.

Тем не менее ресторан, или венское кафе (именно так он назывался до 1917 года), стоил того, чтобы его посетить: декор в стиле рококо подчеркивал расписной потолок, венецианские зеркала и мраморный фонтан, из которого по выбору гостя вылавливали рыбу. Вообще, именно безукоризненный сервис сделал «Савой» знаменитым.

Из всей компании Северного пригорода только Федор любил район Кузнецкого моста, часто бывал в магазине, где продавали музыкальные инструменты. Выбрав семиструнную гитару, играл, но не покупал, ему нравилось здесь, продавцы знали его и не гоняли.

От Лубянки сюда, к «Савою», идти недолго. Татьяне что Кузнецкий, что Лубянка – не более чем просто центр. Бывать в этих местах не приходилось, и сейчас, с Клиновым под ручку, все вокруг ей представлялось интересным и праздничным.

Вполне возможно, не уютный центр старой Москвы, а неожиданная встреча, которая полгода оставалась в мечтах, была причиной такого хорошего настроения.

Они сели у окна, но так, чтобы был виден бассейн с ры-

бами. Принесли меню. Татьяна занялась выбором, а Федор махнул официанту, стоявшему неподалеку, отвлек спутницу от громадного меню с замысловатыми названиями.

– Нам, пожалуйста, один салат из овощей, селедочку с картошкой, язык, что-нибудь из горячего и сто пятьдесят граммов водки. Таня, я взял на себя смелость сделать заказ, схожий с тем, что когда-то поздней осенью мы с удовольствием ели в кают-компании военного катера, если у тебя нет возражения.

– Я бы еще взяла воду, – она отложила меню, – очень пить хочется, – и обратилась к официанту: – Водки и селедки с картошкой не надо, – она наклонилась и шепнула Федору: – водка есть у меня.

– Я не понял, Тань, что ты сказала, как понимать «водка есть у меня»?

Татьяна помолчала, взяла сигарету, закурила и, не поднимая глаз, сказала:

– Дома у меня есть водка и коньяк.

– Вот оно что, это хорошо, что дома есть водка… – шалопай растерянно смотрел на предмет своего обожания, Татьяна не отрывая глаз от дымка сигареты, молчала.

Смысл сказанного: «*водка есть у меня*» только-только начал доходить до повесы.

– А вы, прости, Федя, не вы, а ты…, ты, я смотрю, хорошо помнишь выездную коллегию в Березниках.

– Не коллегию в Березниках я помню, а темную ночь на

Каме и матросский бушлат, укрывший от ледяного ветра очаровательное создание, от которого и сейчас у меня голова идет кругом.

Шалопай говорил, чуть улыбаясь, до него наконец дошло замечание про водку. Татьяна затушила сигарету, а Федор закурил и отошел к бассейну с рыбами, спокойно ждущими своей участи.

– Очень непроста твоя пассия, – заметил Клинов, – не по тебе девка, будешь ты зависим от нее и ничего противопоставить не сможешь, одним словом: «не по Сеньке шапка!»

Официант ловко сервировал стол, поставил воду, салаты и язык, чуть погодя принес два дымящихся бифштекса. Вся эта снедь выглядела красиво и аппетитно, и действительно оказалась вкусной и недорогой.

– Едем ко мне, – утвердительно сказала Татьяна, выйдя из ресторана, взяла Клинова под руку, посмотрела по сторонам: «Нам бы машину поймать, не хочется толкаться в общественном транспорте».

Повеса волновался, чувствовал себя в ее всепоглощающей власти, помалкивал и не возражал. Татьяна вела себя так, будто они семейная пара, возвращающаяся из театра.

Клинов быстро поймал машину, Татьяна сказала адрес, и через полчаса они вышли на одной из Фрунзенских улиц, возле семиэтажного дома довоенной постройки.

– Это мой дом, – сказала Татьяна.

В большом холле сумрачно и тихо, старинный лифт бес-

шумно доставил на четвертый этаж, Татьяна открыла массивную дверь:

– Проходи, Федя, надень тапочки, сюда повесь пиджак. Родителей нет, они в Крыму, у нас с тобой свобода и раздолье.

Только однажды, на дне рождения приятеля Лехи Бурова, Федор был в такой же огромной квартире с потолками не меньше четырех метров. То был знаменитый дом на набережной возле кинотеатра «Ударник».

Осторожно, чтобы не растянуться на сверкающем чистотой паркете, шалопай не торопясь рассматривал тяжелую мебель из темного дерева, точь-в-точь как у Форсиковых, постоял возле потемневших рам картин, возможно, даже фламандских мастеров, а более всего заинтересовался старинным сервизом, тоже, видимо, трофейным…

И тут неожиданно, откуда-то из глубины бесконечной квартиры, донеслись звуки танго, и перед Федором появилась танцовщица, в которой он не сразу признал совершенно преобразившуюся Татьяну.

Шелковый, изумрудного цвета с иероглифами халат совершенно преобразил подругу: исчезла строгость привычного образа, хотя и он отличался отменным вкусом. Перед ним была соблазнительная восточная красавица с гибким станом, томным зовущим взглядом черных глаз, а не сотрудница главка, занятая рутинной работой.

– Ну как, нравится? – она улыбалась, кружась в такт с му-

зыкой, с лукавством поглядывала на восхищенного парня, убеждаясь, что произвела впечатление, радуясь его смущению, а он все никак не мог прийти в себя.

– Нравится – не то слово, я просто очарован. Честно, я сначала не узнал тебя: настолько ты преобразилась. Ты потрясающе великолепна, – повеса обнял ее, а она лишь скрепила объятия. Девичьи руки были у него на плечах, легкий халат открылся…

***

– Мне кажется, я попал в квартиру высшего командного состава, – повеса, завернувшись в простыню наподобие римской тоги, глянул на себя в большое зеркало, нашел сигареты, закурил.

– Ты почти угадал, – Таня поднялась, накинула изумрудный халат. – Пойдем на кухню, там покурим, ты не ошибся, здесь живет один из них.

Они перебрались на кухню. Была глубокая ночь. Из холодильника была извлечена водка, поджарили яичницу с колбасой, выпили.

День был насыщен таким количеством событий, открытий, переживаний и неподдельного счастья, что оба устали. Татьяна была молчалива и грустна.

– Может быть, будешь коньяк? У меня есть. Так как? – она вышла, принесла коньяк. – Вот нашла: Napoleon, изготовлен

французским коньячным домом Courvoisier в 1909 году.

Девушка читала этикетку, шалопаю же казалось, что она поглощена чем-то серьезным и важным и как будто отсутствует. Он обнял ее, она прижалась к нему, словно ища защиты, уткнулась в плечо, и теплые капли слез намочили римскую тогу.

– Тебе плакать не идет, – Федор слегка отстранился, чтобы увидеть несчастную, – вся красота пропадает, – он хотел было слезы утереть простыней, но тога римлянина тотчас съехала на пол.

Татьяна рассмеялась, слезы высохли, красота вернулась, Клинов снова завернулся в простыню, они выпили водки, съели яичницу, закурили, и Федор спросил:

– Скажи, пожалуйста, душа моя, грусть и слезы были неспроста? Что-то мне неведомое тому причина?

– И да, и нет, но мне не хотелось бы сейчас об этом, – она быстро взглянула на Клинова и опустила глаза.

– Он явно собрался уйти, – осенило Татьяну. – А так не хотелось бы. Неужели снова не тот?

– Тотчас Федор почувствовал ее беспокойство, но оставаться не хотел – почему? – объяснение не нашлось.

Самолюбие и гордость не позволяли Татьяне задать сакраментальный вопрос: «А что с нами дальше?»

Федор остро чувствовал немой вопрос, повисший в безмолвии ночной тиши, но останавливала не только бесконечная усталость, у него не было ответа.

– Чурбан, дубина бесчувственная, – возмущался А-Клинов, не вздумай уйти! Она открылась тебе, ждет искренних и нежных слов, но не сдержанности, а ты, словно каменный гость…

– Тот, не тот, – размышляла А-Татьяна, – может быть ты не та? И вообще, такого дня и уж тем более ночи, как сегодня, что-то не припомню – только за это можно благодарить судьбу и его. Кого его? Да механика твоего – вот кого! И пусть сейчас он уйдет – это даже хорошо – не исчезнет чувство праздника!

– А-Клинов понял: ответить надо прямо сейчас, немедленно, на размышления время не дано, отложить на потом не получится. Все это написано в девичьих глазах, она ждет и тоже готовит решение.

Ответ ведь очень простой: «Останусь, конечно!» Но этого сказать он не решился.

Не ответив, Федор вышел, быстро оделся и, возвращаясь на кухню, столкнулся с Татьяной, она тоже была одета:

– Я тебя провожу.

Федор клял себя за безволие и трусость, смотрел в сторону.

В такие жизненные моменты, которые определяют будущее, только женщина наделена умением поступить правильно.

«Он не знает, как быть, – подумала Татьяна, – и это хорошо, потому что у нас с ним еще есть время…»

Ведомство

Из Главка в Ведомство

В восьмидесятых годах двадцатого века химическая отрасль, ставшая локомотивом промышленности всей страны, достигла столь грандиозных масштабов, что управлять всем многообразием четырехсот с лишним предприятий становилось все сложнее.

Друзья, а министра химической промышленности Костандова и председателя Совета министров Косыгина объединяли не только деловые связи, но и чисто дружеские отношения, решили так: создаем два Ведомства, одно будет называться «по производству минеральных удобрений», другое останется «химической промышленностью».

Оба, Леонид Аркадьевич – в расцвете сил и мудрый Алексей Николаевич, обладали схожим мировоззрением и являли собой редчайший тип чиновников из высшего эшелона власти, пекущихся исключительно о государственных интересах страны.

Как решили, так и сделали.

Весть о создании двух родственных Ведомств быстро облетела все управления и посетила главк «Калий», где за пять лет Клинов достиг всего, чего мог достигнуть инициативный

начальник отдела. Он навел справки и узнал, что в департаменте главного механика и энергетика Ведомства по производству удобрений уже появился начальник.

***

Геннадий Федорович Киселев двадцать пять лет возглавлял большой отдел главного механика в институте азотного главка. Отдел включал несколько подотделов и лабораторий, которые охватывали весь спектр технологического оборудования. Азотные предприятия составляли половину нового Ведомства.

Было совершенно естественно, что и руководство Ведомства преимущественно состояло из азотчиков. Особенность же назначения кандидата технических наук Киселева заключалась в том, что он не соответствовал стандарту отбора руководящих кадров, так как не работал ни проектировщиком, ни на производстве.

Коваль, назначенный первым заместителем министра и хорошо знавший Киселева, на возражения кадровиков и даже политического Ведомства твердо заявил: «Мне нужен именно этот человек!» – и дело было решено.

Более ста предприятий Ведомства удобрений, в котором хотел бы служить Клинов, производили и отправляли продукцию на экспорт. Этот источник валюты страны шел следом за нефтью, газом и оружием.

***

Основное оборудование для производства минеральных удобрений купили у немцев, японцев, итальянцев, американцев и даже у французов, которые, кроме сыра, вина и парфюмерии, делать ничего не научились. К оборудованию ежегодно покупали на 30 миллионов долларов запчастей. Но этого было недостаточно.

Тогда решили построить собственные машиностроительные заводы, укомплектовать станками, снабдить металлом, набрать рабочих и специалистов и изготавливать запасные части к импортному оборудованию.

Для этих целей Клинов подходил, как никто другой. Два завода, один на Урале, другой в Белоруссии – оба дело его рук, его настойчивости, – уже выпускали запасные части и сменное импортное оборудование.

Коваль запомнил главного механика «Союзкалия», который не только принял заводы в эксплуатацию, но и активно добивался выделения необходимых ресурсов, с чем не раз обращался к нему за содействием.

***

Федор обдумывал разные варианты продвижения в Ве-

домство.

Первое, что пришло в голову, – написать, например, Ковалю. Однако, поразмыслив, отказался: «Нет, писать, мол, возьмите меня на работу, я хороший – это ерунда. Все дело испорчу! Можно пойти к Киселеву, незнакомому человеку, проситься на работу. Нет, это еще хуже, чем писать Ковалю!»

Ничего не придумав, Клинов решил было позвонить Петрову, спросить: «Не нужен ли еще вам, Владимир Александрович, заместитель в «Главсоль»?» Мало ли что, времени прошло немного, может быть, возьмет.

Ему не нравился Петров, а «Главсоль» вообще был terra incognita, но и оставаться в «Союзкалие», при Знакове, тоже уже не хотелось.

***

И тут о себе напомнил Миронов.

Он ходил по кабинету, собирал книги, бумаги и складывал на столе.

– Здравствуйте, Александр Николаевич, вы никак покидаете нас?

– Покидаю, время пришло. Давай-ка присядем, – он пододвинул стул, сел за стол. – Я ни на минуту не сомневаюсь, что ты с удовольствием перешел бы в новое Ведомство, да, Федор?

На лице Миронова играла загадочная улыбка.

– Вы, как всегда, в точку, Александр Николаевич, но как это сделать, к кому там обратиться, ума не приложу.

– Эх, Клинов, Клинов, сколько мы с тобой работаем вместе, а прийти ко мне, тебе не пришло в голову, ну да ладно.

Вчера я был у Владимира Ефимовича, я не перехожу в новое Ведомство, а остаюсь в старом, впрочем, оно теперь тоже новое. Коваль предложил мне место начальника департамента оборудования, но у меня уже все согласовано на такое же место в Ведомстве химической промышленности, и я отказался. Тогда я и сказал ему про тебя, он все помнит: как ты принимал заводы в эксплуатацию, добивался ресурсов, решал заводские проблемы. Одним словом, Владимир Ефимович сказал, чтобы ты приехал к нему завтра.

– Спасибо, Александр Николаевич, большое спасибо! – Клинов от избытка чувств чуть из штанов не выскочил. Он поднялся, пожал Миронову руку. – Александр Николаевич, век не забуду, уж не знаю, как благодарить.

– Ну, мы же с тобой не навсегда расстаемся, – Миронов смотрел на радостного механика, и было видно, что он доволен не меньше Клинова. – Федор, вот еще о чем было сказано, возьми на заметку, пригодится.

Как ты, наверное, догадываешься, на такую должность желающих более чем много. Так вот, одну кандидатуру, секретаря из Ворошиловградского райкома партии, двигают особенно настойчиво. Какой-то Мирославский, выходец из укра-

инского Райпотребсоюза, а там очень уж настырная публика и в Москве имеет крепкие блатные связи во всех эшелонах власти. Коваль морщится, но понимает: он не всесилен. Он как услышал про тебя, сразу же воодушевился и сказал: «Это ты вовремя мне напомнил!»

На следующий день, в девять утра, предъявив пропуск в министерском коридоре, Клинов сидел в приемной Коваля. Зазвонил телефон у помощника.

– Федор, иди, Владимир Ефимович тебя ждет, удачи тебе, – Данилюк Володя, помощник заместителя министра, был в приятельских отношениях с Клиновым.

– Здравствуйте, Владимир Ефимович, вот пришел, как вы велели.

– Присаживайтесь, Федор Георгиевич, Миронов сказал вам, о чем пойдет речь, поэтому сразу к делу: вы рассматриваетесь на должность заместителя начальника департамента главного механика и энергетика, коротко – главный механик отрасли, Ведомства, как вам угодно.

– Спасибо, Владимир Ефимович, большое спасибо.

– Рано благодарить, пройдешь все согласования, тогда и поговорим. Все, сейчас тебе надо познакомиться с Геннадием Федоровичем Киселевым, я ему звонил, иди, он тебя ждет, потом в кадры к Золотову!

***

В отделе главного механика главка «Союзкалий» Костя Сапегин и Нелли Васильевна расспрашивали Федора о Кустове, который должен был прийти на смену Клинову, как вдруг неожиданно вошел Знаков.

– Здравствуй, Нелли Васильевна, давненько мы с тобой не виделись, – прямо от порога, широко улыбаясь, начал Знаков, при этом смотрел то на энергетика, то на Клинова, который, как и все в отделе, был немало удивлен столь неожиданному визиту.

– Здравствуйте, Валентин Афанасьевич, редкий вы у нас гость, проходите.

– Да вот, решил зайти, знаю, Федор Георгиевич, вас пригласили в новое Ведомство, ведь я в определенной степени способствовал, – он смотрел на Клинова, всем своим видом выражая радушие.

– Очевидно, что без вашей рекомендации меня вряд ли пригласили бы.

Не обращая внимания на сарказм, Знаков поспешил добавить:

– Да нет, не было никаких рекомендаций, просто вы, Федор Георгиевич, стали известным человеком в Ведомстве, и повышение закономерно, – вывернулся льстец.

***

Киселев располагался в небольшой комнате на первом

этаже старинного здания на Волхонке.

Клинов нашел Департамент, постучался.

– Заходите, открыто.

За большим столом сидел плотный широкоплечий мужчина, при галстуке, с приветливым лицом, на котором выделялись широко расставленные, глубокосидящие внимательные глаза.

– Проходите, – Киселев указал на стул, – мне недавно звонил Коваль.

– Добрый день, я только что от него.

– Фактически я уже дал согласие на вашу кандидатуру. Одна из ключевых задач департамента – это обеспечение сменным оборудованием и запасными частями для технологических производств, закупленных в капстранах. Недавно вышло постановление КПСС и правительства об импортозамещении. У вас есть опыт по этой части: два завода уже работают. Будете курировать строительство других машиностроительных заводов, ввод в эксплуатацию и все вопросы, связанные с их функционированием. Строятся они пока в составе главков, но потом мы должны взять их под свое крыло!

Командор не мог скрыть радость от случившегося.

Сбылось! Он в Ведомстве, согласован двумя главными руководителями, зарплата в полтора раза выше, спецобслуживание! Он слушал своего нового начальника и не мог скрыть удовлетворения, на лице играла сдержанная улыбка.

Киселев заметил чрезвычайное оживление своего будущего заместителя и понимающе улыбнулся.

– У вас еще много оформительских дел, так что не теряйте времени, сейчас идите к Золотову, он вам все расскажет.

Киселев вышел из-за стола, и оказалось, что он ростом чуть ниже Клинова, зато в плечах необычайно широк. «Видимо, занимался тяжелой атлетикой», – решил Федор, пожал широченную лапу начальника и отправился в департамент кадров.

Золотов, назначенный начальником департамента кадров нового Ведомства, ждал Клинова.

– Можно к вам, Михаил Николаевич?

– Заходи, присаживайся. Коваль и Киселев тебя согласовали, считай, что дело решенное, но в ЦК, к Горохову, надо съездить.

Кадровик тут же снял трубку и позвонил: «Владимир Семенович, приветствую вас, у меня Клинов, когда ему подъехать?»

– Горохова не будет, для согласования тебе надо подойти к Василию Владимировичу Семенову.

Клинов вышел на Волхонку. Начиналось лето. Легкий теплый ветерок приятно освежил взволнованного механика, еще не главного, но это вот-вот состоится!

В здание 4 он не шел, нет, и в метро он тоже не спустился, хотя ехать до станции «Площадь Ногина» всего ничего. Этот короткий путь командор летел. Не высоко, не низко, чуть

быстрее пешеходов, но летел!

По коридорам политического ведомства Клинов двигался с некоторой долей беспокойства и непонятного чувства приобщения к чему-то важному и необычному.

Семенов, с медальным профилем и статью римского сенатора, высокий, представительный, с открытым выражением лица, оказался приветливым и общительным человеком.

Беспокойство и беспричинный страх прошли. Василий Владимирович расспросил о работе в главке, поинтересовался семейным положением. А провожая и прощаясь, посоветовал зайти в буфет, потому что там можно купить то, чего в магазинах нет.

Знакомство с политическим ведомством, а позже и с Комитетом государственной безопасности, избавило командора от негативного стереотипа, устойчиво бытующего у обывателей.

Клинову там не встретились одиозные личности, напротив: народ в комитетах отличался приветливостью, профессионализмом, достоинством и порядочностью. Впрочем, как всегда, правила имели исключения.

Отмеченный Богом

В 1953 году Костандов стал начальником главка «Азот», через пять лет его назначили председателем Государственного комитета по науке и технике, в 1965 году он уже ми-

нистр химической промышленности.

Леонид Аркадьевич был отмечен божественным знаком, дарованным единицам, и он это предназначение оправдал сполна. Лидер от природы, мыслящий категориями государственного масштаба, он в сжатые сроки создал химическую индустрию, ставшую локомотивом всей промышленности страны.

Сталин хорошо относился к Косыгину, 16 лет, до 1980 года, Алексей Николаевич являлся председателем Совета министров и с большой симпатией относился к Леониду Аркадьевичу.

Несмотря на возражения бюрократического аппарата, Косыгин поддержал, предложенные Костандовым строительство аммиакопровода в Одессу и компенсационные соглашения с США, позволившие увеличить производство минеральных удобрений.

В 1980 году Костандов стал заместителем Косыгина. Под руководство Леонида Аркадьевича перешли химическая и нефтехимическая промышленность, производство минеральных удобрений, металлургия, лесная и целлюлозно-бумажная промышленность, продукты биотехнологий.

Казалось бы, заместитель председателя Совета министров мощной державы мира, а по существу – не более чем звучная должность, без рычагов, без простора деятельности, в порочном кругу бюрократического болота, среди завистников и конъюнктурщиков.

В звучной должности заместителя председателя Совета Министров Костандов стал каким-то грустным, угнетенным.

Как-то он заметил: «Наша страна погибнет от некомпетентности». Чьей – не уточнил, хотя теперь легко догадаться. Эти слова оказались пророческими.

Было совершенно очевидно, что среди послушных исполнителей воли генерального секретаря и серого кардинала, Костандов – единственный, кто мог бы с успехом для блага страны возглавить управление народным хозяйством СССР.

Это было настолько ясно бюрократическому аппарату Совета министров, что прохиндеи и карьеристы, засевшие в управлении народным хозяйством, быстро смекнули: Костандов не даст спокойно паразитировать, и путем интриг и подстав на пост ставшего неугодным Косыгина, выдвинули бесцветного Тихонова.

Леонид Аркадьевич имел свой стиль, любил красивую одежду, одевался со вкусом, был заядлым охотником и рыболовом. Прекрасно готовил, слыл щедрым, гостеприимным хозяином и хорошим семьянином.

И в этом проявлялось его особое человеческое качество – абсолютно доброго человека, сочетающего в себе бескорыстие с гражданской позицией Человека с большой буквы, радеющего за государственные интересы.

Ни Косыгин, ни тем более Костандов даже не представляли, насколько ошибочным будет повышение по службе.

Необычайные организаторские способности, неординар-

ное мышление, глубокие профессиональные знания Леонида Аркадьевича не были нужны в закоснелом бюрократическом аппарате, погрязшем в интригах и междоусобицах.

В результате потеряли талантливого руководителя, бескорыстного государственника, имевшего все качества возглавить страну, а получили еще одного чиновника высшего ранга, скованного формальными обязательствами.

Натуры и манеры

Впечатление, которое сложилось у Клинова на первой встрече, оказалось верным: кряжистая фигура начальника департамента свидетельствовала об основательности, выдержке и спокойствии Киселева. К этому нельзя не добавить врожденную интеллигентность, доброжелательность в отношениях с подчиненными.

С вышестоящим руководством Геннадий Федорович всегда демонстрировал достоинство, без всякого резонерства или подобострастия.

Обычно он твердо стоял на своих инженерных позициях, которые, как правило, были тщательно обоснованны и продуманны.

Ведомство комплектовалось очень быстро. Руководящий состав, а это начальники департаментов, члены коллегии, заместители министра, в основном соответствовал стандарту

отбора. Учитывались предыдущие службы, выяснялись манеры, способности, характер.

Но не всегда, как, например, с Мирославским, который добился-таки своего: его взяли заместителем начальника в ремонтный главк.

Ведомство удобрений возглавил Петрищев, до этого служивший начальником азотного главка.

В качестве одного из своих заместителей Алексей Георгиевич пригласил директора химического завода из Дзержинска. В Ведомстве Косоглазов стал курировать несколько департаментов, в том числе департамент главного механика и энергетика.

По стенам его кабинета были развешаны поучительные изречения: «Упавший духом гибнет первым», «Задний ум всегда мудрее», «Раз уж начал – побеждай», «Лучшее – враг хорошего» и тому подобные перлы.

Когда помощник Косоглазова вызывал Киселева, а того не было на месте, ни тот ни другой заместитель не хотели идти к Борису Ивановичу и всячески отнекивались, ссылаясь на то, что этот вопрос к нему не относится.

А все дело заключалось в том, что Борис Иванович слыл неприятным человеком.

Первым к нему попал второй заместитель Киселева – главный энергетик Файзула Ходжаев, опытный специалист и корректный человек. Он вошел в небольшой кабинет и остановился возле двери.

– Здравствуй, прошу садиться, – буркнул заместитель министра.

– Здравствуйте, – осторожно ответил Файзула и тут же уловил, что хозяин кабинета чем-то недоволен.

– Ну и сколько это будет продолжаться, я тебя спрашиваю, ты же главный энергетик?

– Я, – растерялся Ходжаев и еще больше съежился. Не зная, в чем причина недовольства, он уже чувствовал себя виноватым.

– А раз ты главный энергетик, то объясни мне, почему Дзержинскому заводу ты урезал нормы расхода на печное топливо?

– У него нормы по расчету, Борис Иванович.

– Вот ты мне и доложи, какие у него нормы, почему такие, и доложи немедленно, понял?

– Слушаюсь! – демонстративно рявкнул энергетик. – Будет сделано, разрешите выполнять?

В последних словах явно присутствовала издевка. Косоглазов хотел было осадить наглеца, потом махнул рукой:

– Иди!

В Дзержинске, где Косоглазов проработал полжизни, он был и царь и бог, не был он обделен почестями и у городской власти: член всяких комиссий, член горкома партии, депутат Верховного Совета.

От него зависело все, что было важно сотруднику: должность и карьера, зарплата и премия, квартира и отпуск.

Сказалась ли на характере непоколебимая уверенность во всеобщем уважении и даже любви или тому причиной был очень уж маленький рост, сказать трудно. Люди, с которыми он работал, привыкли к тому, что возражать Косоглазову нельзя. Тот, кто не принимал такое правило, покидал службу.

Но вот какой парадокс. Получив повышение, которое в корне меняет статус, образ и уровень жизни, Косоглазов не испытывал никакого удовлетворения. Напротив, его не оставляло глухое раздражение.

Служба главного энергетика рассчитывала и распределяла энергетические ресурсы, основой всегда служили отраслевые нормы, полученные сверху, а дальше энергетики перераспределяли нормы по главкам, те, в свою очередь, по предприятиям.

Дзержинскому заводу по всем правилам, а это каждой сестре по серьге, главк выделил строго по расчету, исходя из того, что главку распределил главный энергетик Ведомства.

Руководствуясь поучительными изречениями, не сомневаясь в своей исключительности и компетентности, вскоре после доклада Ходжаева Косоглазов потребовал заменить главного энергетика и пригласить из родных мест на эту должность директора ТЭЦ Крошкина, с которым был в приятельских отношениях.

То ли Косоглазов с Крошкиным ходили в один детский сад и там они исповедовали одни те же ценности, то ли уни-

верситет марксизма-ленинизма оставил неизгладимый след в их девственных душах, мы не знаем, только теперь, облеченные властью, они были уверены, что схватили бога за бороду и владеют истиной в последней инстанции.

– Здравствуйте, я Крошкин Владимир Андреевич, направлен в департамент в качестве главного энергетика и вашего заместителя, – четко, по-военному, доложил вошедший прямо от дверей.

Киселев посмотрел на приземистого, лысоватого, немолодого человека – своего заместителя и невольно подумал: «Не было печали…, да черти накачали…, кадровый департамент постарался, теперь у меня заместителем будет Крошка!»

Он уже свыкся с назначенцем, имел с ним формальную встречу, поэтому с присущим спокойствием сказал:

– Да что вы, Владимир Андреевич, – он вышел из-за стола, подошел, протянув руку, – что за официальный тон, проходите, садитесь, обсудим направления вашей работы, – он указал на стул, сам вернулся на свое место.

– Что же обсуждать, я уже и с министром говорил, а с Борисом Ивановичем, в голосе заместителя была непривычная безапелляционность, можно сказать, мы план составили.

– М-да, – нехорошая мысль резанула невозмутимого начальника: «Послать бы тебя куда подальше», – но он тут же взял себя в руки. – Это совсем другое дело, Владимир Андреевич, это хорошо, что вы поговорили с Петрищевым и даже с Косоглазовым план составили, – выдержав паузу, он

продолжил: – Коли у вас все определилось, остается маленький вопрос: зачем вам начальник департамента?

Крошкин явно смутился, не ожидая такого поворота:

– Я, возможно, не так выразился, Геннадий Федорович, вы уж меня извините.

– Бывает. Вы ведь в своем городе бывали в горкоме, у вас же, как у начальника ТЭЦ, всегда были вопросы, связанные с властью и общественностью. Если мне память не изменяет, мощность ТЭЦ, где вы работали, порядка двухсот пятидесяти мегаватт, я не ошибся?

– Нет, это точно, – Крошкин терялся в догадках, к чему клонит начальник департамента.

– Так вот энергетические мощности Ведомства на несколько порядков превышают вашу ТЭЦ, и все эти мощности находятся в химических технологических производствах, в которых очень мало похожего на ТЭЦ. Давайте так, сейчас я представлю вас сотрудникам, познакомлю с вашими отделами, они вам расскажут, что да как, а потом мы с вами обсудим, договорились?

– Да, хорошо, договорились.

Под свое начало Клинов получил три отдела. Часть сотрудников перешли из старого ведомства и хорошо знали свое дело. Остальные были из главков или с предприятий отрасли.

Отдел ремонтов возглавил Василий Васильевич Проценко, поработавший на двух отраслевых заводах. Педант по на-

туре, спортивного телосложения, брюнет, без единого седого волоса, несмотря на предпенсионный возраст, Василий Васильевич был человеком выдержанным и хорошо знающим службу главного механика.

Начальником другого, машиностроительного отдела, еще до назначения Киселева был принят протеже министра Фуркаев.

Фуркаев, будучи под покровительством Петрищева, работать отделу не мешал, благо его замом был опытный специалист азотчик Володя Донцов, добродушный умница, безупречно знающий дело, тактично щадивший самолюбие Фуркаева.

Третьим отделом, который распределял фонды, руководила Тамара Протасова. Она была асом своего дела, по поводу нее даже возник спор: прежнее ведомство не хотело даму отпускать, решить назначение удалось привлекательной зарплатой.

Кроме отделов, Клинов под свое начало получил научно-производственное объединение «Техводхимпром» с машиностроительным заводом в Северодонецке.

От прежней работы в «Союзкалии» обязанности Клинова отличались, прежде всего, масштабом. То, что приходилось выполнять в главке, предстояло организовать для двенадцати новых главков со ста семнадцатью предприятиями, входящими в состав нового Ведомства и разбросанными по всему Союзу.

Это была рутинная работа, повторяющаяся ежедневно и ежегодно с множеством неразрешимых разногласий и неизбежными компромиссами, постоянно возникавшими в условиях системного дефицита в материальных ресурсах.

Особой статьей в его деятельности, ставшей постоянной заботой, стали машиностроительные заводы. Часть из них что-то уже изготавливали, несколько заводов находились в состоянии вялотекущего строительства.

Памятуя напутствие первого заместителя министра, Клинов обдумывал несколько замыслов, которые, по его представлению, могли бы вывести эти предприятия из подчинения главков и сделать их полноценными производителями импортного оборудования и запасных частей.

***

Прошло года полтора. Департамент главного механика и энергетика, как все новое Ведомство, функционировал четко, без сбоев, как швейцарский часовой механизм.

В соответствии с незыблемым порядком, заведенным еще в давние, а возможно и в царские времена, сотрудники и отделы департаментов Ведомства функционировали, именно функционировали, в строгом соответствии с поручениями министра и его заместителей.

Каждое поручение оформлялось по утвержденной форме, в которой указывались департамент и срок предоставле-

ния ответа. Специальный отдел следил, проверял, напоминал, требовал и добивался исполнения поручений.

***

Служебную дисциплину в ведомстве вполне можно было сравнить с армейским распорядком, и не всем она была по нраву. Клинова она подчас раздражала, но он терпел, пока не привык, хотя далось это не сразу.

«Федор Георгиевич, – по внутренней связи позвонил Киселев, – заходи ко мне, обсудим наши дела».

В просторном кабинете начальника департамента за длинным столом для совещаний уже сидели начальники отделов и второй заместитель. Перед Киселевым лежали бумаги с пометками.

Это было первое организационное совещание департамента главного механика и энергетика, затянувшееся на три часа.

— Все свободны, объявил Киселев после совещания, а вас, Федор Георгиевич, я попрошу остаться.

— Геннадий Федорович, – обратился Крошкин, оставаясь сидеть, – по вопросам производства машиностроительной продукции, мне кажется, надо быть хотя бы в курсе дела.

— Конечно, Владимир Андреевич, но пока мы обсудим лишь организационные дела, так что занимайтесь нормативами, тем более что Косоглазов ждет пояснений по Дзержин-

ску.

Совершенно неудовлетворенный ответом, Крошкин понял, что его деликатно отстраняют от нового направления деятельности департамента, которое будет на слуху и на контроле министра и его заместителей.

Два сапога – пара

Вечером Крошкин и Косоглазов сидели на Кропоткинской улице в маленькой невзрачной закусочной. Здесь, как правило, завсегдатаями были офицеры генштаба. Народ солидный, тихий, водку можно было принести с собой, директриса смотрела на это сквозь пальцы – лишь бы не было скандалов.

Энергетик поделился своим разочарованием:

— Меня, Борис Иванович, сегодня, как бы это тебе сказать, пододвинули, что ли, ну или не допустили к машиностроительной продукции. Ты же знаешь про постановление по импортозамещению.

— Это плохо, но не смертельно. Наливай, что-то я устал, день сегодня выдался тяжелый. Ты же знаешь, за мной выполнение плана, а он на сегодня трещит по швам, Тольятти хронически не выполняет, оборудование импортное американское, казалось бы, лучшее в мире, а оказывается, нет: то одно, то другое.

Они выпили, Косоглазов, занюхивая корочкой черного хлеба, сморщился, поковырял селедку, Крошкин не закусывал.

— Ты из-за этого такой кислый? Плюнь, все в наших руках, подумаешь, его отстранили, как отстранили, так и вернут, понял? Давай еще по одной. Имей в виду, начальник департамента – протеже первого заместителя министра. Всю жизнь работал в научно-исследовательском институте, возглавлял там отдел механика, кандидат технических наук, несколько раз на крупных авариях консультировал министра, одним словом, фаворит.

Но на производстве Киселев не работал, а ты с производства – это главное. У тебя хорошие организаторские способности, я уверен, где-нибудь через год будем тебя двигать на начальника департамента, ну а Киселева вернем в институт, пусть себе пишет докторскую! Так что, не дрейфь, Володя, мы с тобой научим этих москвичей, как надо работать!

— Ты понимаешь, Борис, там не только этот Киселев, там еще есть Клинов.

— Знаю, знаю, бывает у меня часто, непростая штучка, я наводил справки: работал механиком в Донбассе, в проектном институте, в крупнейшем тресте Минмонтажспецстроя, который строит все наши предприятия. У химиков был главным механиком калийного главка, его тоже Коваль пригласил. Построил два машиностроительных завода.

— Не нравится он мне, – Крошкин скривился, – больно

прыткий. Киселев чуть что – «Клинов, зайди».

— Они же механики, а ты энергетик, тут, дорогой Володя, застарелая ревность: энергетики всегда были в подчинении у механиков, деньги на капремонт распределяет главный механик – как решит, так и будет, первый претендент на должность главного инженера предприятия кто? – Главный механик, ну и все вопросы директора – к главному механику.

— Да он же сопляк по сравнению со мной!

— А вот здесь ты ошибаешься, и знаешь почему? Давай еще по одной, потом скажу.

— Ну и почему?

— А потому, что «молодым везде у нас дорога, – пропел неверным голосом заместитель министра; два офицера за соседним столиком удивленно осмотрелись, – старикам везде у нас почет».

— Выходит, что мы с тобой старики?

— Разница, считай, двенадцать лет, и мы с тобой ближе всех к старикам, так что время не теряем, боремся за себя, и своего добьемся!

— Хорошо бы!

Политическое Ведомство

– В работе нашего департамента, Федор Георгиевич, будет и политическая составляющая, – Киселев зашел в кабинет

командора, – в этом непростом деле опыт есть только у тебя.

– Это вы про что, Геннадий Федорович? – он знал манеру начальника сначала заинтриговать, но на этот раз терялся в догадках.

– Ты мне говорил, что, работая в «Калии», тебе приходилось сотрудничать с отделом химии в ЦК, если мне память не изменяет, у тебя там сложились хорошие отношения с Семеновым.

– Ну да, было дело, и буфет там классный, – он понял, куда клонит начальник и что это за политическая составляющая.

– Вот и отлично! Теперь к делу. Нас туда приглашают к заместителю заведующего отделом Ольшанскому. Приехал из Афганистана.

– Из Мазари-Шарифа, наверное?

– Нет, если бы с нашего азотного завода, я бы знал. Говорят, он был с какой-то политической или военной миссией.

– Точно известно, – заметил Клинов, – Ольшанский работал в Сумах на резинотехническом заводе механиком. Завод, между прочим, – Федор усмехнулся, – по производству изделия номер два.

– Это что, из группы 100?

– Да нет, – Клинов хохотнул, – вы, правда, не в курсе?

– Нет, не в курсе, – смутился начальник.

– Изделие номер два – это презервативы, которые, кроме известного назначения, применяются во взрывном деле.

– Что от нас надо – не знаю. Приглашают также глав-

ных механиков из Химического, Нефтехимического и Целлюлозно-бумажного Ведомства, к чему готовиться, не знаю, поговори с Семеновым.

У Клинова был небольшой опыт сотрудничества с отделом химии ЦК. С Семеновым, разбирались с мошенниками Киевского института автоматики. Там в течение нескольких лет разрабатывали автоматическую систему безлюдной работы горных комбайнов для Уралкалия. Затраты составили несколько миллионов, а когда Клинов и Геннадий Ермаков - директор Уралкалия, спустились в забой, то воочию убедились, что ничего из того, что было в отчетах Киевского института, на горном комбайне нет и в помине.

Клинов позвонил Семенову.

– Василий Владимирович, это Клинов из Минудобрений, добрый день. Мне Геннадий Федорович сообщил про совещание у Ольшанского, не скажете, к чему готовиться?

– Да, здравствуйте, завтра у Николая Михайловича совещание по вопросу выполнения постановления ЦК и Совмина по импортозамещению. Приезжайте к десяти, пропуск на вас заказан.

– Василий Владимирович, скажите, пожалуйста, о каком выполнении сейчас можно говорить? Постановление вышло только что, мы лишь «шапку ищем под лавкой».

– Так вот, Федор Георгиевич, чтобы долго не искать шапку, Николай Михайлович и проводит совещание.

В просторном кабинете за большим столом Клинов уви-

дел своих коллег: Колю Жолудева из Минхимпрома и Бориса Белобородова из Миннефтехимпрома, с другими не был знаком.

Появился Ольшанский: высокий, плотный мужчина средних лет в хорошо сшитом костюме. «Стильный мужик, – подумал командор, – сейчас начнется раздача поручений, так что готовься, механик».

В интонациях и густоте тембра голоса Ольшанского явно присутствовали признаки того, что его статус предназначен для чего-то большего, нежели сегодняшнее совещание.

«Ладно, поживем, увидим, – решил Клинов, – но что с ним работы прибавится – к бабке не ходить!»

Так оно и оказалось. Николай Михайлович передал каждому участнику совещания таблицу, подготовленную им от руки, и велел через неделю предоставить с комментариями.

– Данные таблицы, – пояснял заместитель заведующего отделом химии политического ведомства, – позволят сделать анализ, насколько эффективно используется станочный парк на предприятиях ваших отраслей.

– Можно вопрос? – Клинов поднял руку. – В нашем ведомстве свыше ста предприятий, научно-исследовательских институтов с опытными производствами, то есть это те предприятия, где есть станки и другое оборудование, необходимое при производстве запасных частей и сменного оборудования. Отчетности по ним нет, как быть?

Все механики согласно кивали, давая понять, что вопрос

актуален.

– Вот вам и надо будет собрать данные, – мягко пояснял замзавотделом, – потом мы с вами определим, насколько эффективно используется обрабатывающее оборудование и что можно изготавливать взамен закупок по импорту.

– Николай Михайлович, – шалопай не унимался, – не так давно вышло распоряжение Совмина о запрете собирать данные с предприятий, не предусмотренные статистической отчетностью ЦСУ.

– Необходимость анализа, который мы обсуждаем, – неотъемлемая часть нашей работы, – полное лицо Ольшанского побагровело, он мельком бросил неприязненный взгляд на выскочку и продолжал: по выполнению постановления Центрального комитета КПСС.

А шалопай понял, что он накликал на себя недовольство сильного мира сего, и теперь его несдержанность, так или иначе, вылезет ему боком!

После совещания Семенов, провожая участников, отозвал Клинова в сторону.

– Федор Георгиевич, как-то неудачно получилось, не надо было перебивать Николая Михайловича.

– Учту на будущее, Василий Владимирович, но ведь на самом деле ЦСУ запретил, да мы и без ЦСУ завалили механиков требованиями всяких справок.

– Ну, вот видите, тут дело даже не в этом, а в деликатности.

Креативные механики

Расстроенный главный механик медленно шел к метро «Площадь Ногина» и все корил себя за несдержанность: «Умеешь ты, парень, нажить себе неприятности, ну кто тебя тянул за язык, ЦСУ не велит, да этому Ольшанскому плевать на твое ЦСУ! Ладно, проехали».

Возле метро он постоял, постоял, да и отправился в Ведомство пешком: кончалась весна, приближалось лето, настроение становилось лучше, а что касается задания, то каких только заданий ни приходилось выполнять, выполним и это, тем более что свежий воздух навеял великолепную идею!

– У нашего департамента, Геннадий Федорович, теперь есть еще один начальник, – рассказывал Клинов, входя в кабинет Киселева прямо от дверей.

– Я вижу, ты буквально в восторге от цековского буфета.

– А вот в буфет на этот раз я даже не зашел.

– Что ж так?

– Да очень увлекательное поручение мы получили, задание надо выполнить за неделю, а как – черт его знает.

– Судя по твоему настроению, как его выполнить, ты уже знаешь.

– Ну вот, хотел заинтриговать, а вы все испортили.

– Рассказывай, ты и так меня заинтриговал.

– Надо собрать со всех наших предприятий, заводов, научно-исследовательских институтов данные по количеству металлообрабатывающего оборудования. Это станет исходными данными для анализа возможности воспроизводить импортное оборудование и запасные части.

– Вообще-то такие данные мы не можем собирать, более того, вряд ли на предприятиях знают эту статистику.

– Я все это слово в слово и сказал, за что, думаю, попал в опалу.

– Ну, тебе это не впервой, а вот как это все выполнить – ума не приложу.

– Выполнить, Геннадий Федорович, можно, придется посидеть, покорпеть.

– Так ведь для этого надо разослать письма за подписью заместителя министра, пока там получат, проведут инвентаризацию, да пришлют ответ, пройдет не меньше месяца, а некоторые, ты знаешь, ответят, что дополнительная информация – только с разрешения ЦСУ.

– Мы сделаем так: по нескольким предприятиям данные есть, на их основе, примерно, сделаем интерполяцию, составим красивую таблицу и через пару недель предоставим.

– Согласен, а иначе и не получится, так что вперед.

Через две недели на двенадцати страницах печатного текста по форме, предложенной в политическом ведомстве, была составлена справка о наличии металлообрабатывающего

оборудования на предприятиях Минудобрений. А еще через неделю позвонил главный механик Жолудев из Минхимпрома.

– Федор, ты, говорят, справку по оборудованию уже составил, не поделишься, как?

– Кто говорит, Николай?

– Мне сказал Василий Владимирович из ЦК. В те сроки, которые нам обозначил Ольшанский, представить через неделю – нереально! Он что, с дуба рухнул? Мы только письма написали и ждем ответы. А под конец разговора Семенов посоветовал поговорить с тобой.

– Ну, ясно, откуда ноги растут. Хорошо – с тебя бутылка, присылай кого-нибудь, поможем!

На следующий день случился такой же разговор с Белобородовым из Минефтехимпрома и Костиковым из Целлюлозно-бумажной промышленности.

Позвонил Жолудев:

– Федор, какие известия по нашим справкам?

– Тишина, Коля, не знаю, что и думать, подожду немного и позвоню Семенову.

– Василий Владимирович, механики нервничают, хотелось бы узнать результат, да и с мест спрашивают, – слукавил командор.

– Данные по станочному парку включены в общий доклад. Николай Михайлович не сделал никаких замечаний, это можете принять на свой счет.

– Приятно слышать, Василий Владимирович, спасибо.

Грандиозный замысел

– Геннадий Федорович, – по внутренней связи звонил Клинов, – у нас все готово, и мы с Донцовым готовы доложить.

– Отлично, давайте завтра в одиннадцать, я прямо с оперативки – к тебе.

– Владимир Иванович, – Клинов позвонил Донцову, – заходи ко мне, посмотрим еще раз план, Ларичев назначил рассмотрение на завтра.

– Федор Георгиевич, – Донцов, стоя в дверях с пачкой исписанных листов, спрашивал: – Кого еще позвать?

– Сначала посмотрим с тобой, потом, если потребуется, пригласим других. Давай, Владимир Иванович, начинай.

– У нас на сегодня пять действующих и четыре строящихся машиностроительных завода, – начал Донцов, – поэтому план предусматривает два направления работы: контроль за строительством и второе, а скорее первое, – планирование и производство машиностроительной продукции.

– Отдельно, – добавил Клинов, – нам следует предусмотреть переподчинения заводов из главков в Ведомство напрямую департаменту главного механика и энергетика. Это непростое мероприятие надо отдельно обсудить с Ларичевым. Он обладает умением убеждать.

– Что да, то да, – подтвердил Донцов, – при этом его невозможно сбить с толку, настолько он спокоен и уверен, но надо иметь в виду, что, например, «Калий» будет стоять насмерть и не отдаст свои заводы в Ведомство. Азотчики, скорее всего, согласятся, им, чем меньше хлопот, тем лучше. Есть еще один щекотливый вопрос, – продолжал Владимир Иванович, – обеспечение металлопрокатом, литьем, комплектующими и прочими материальными ресурсами, особенно металлом.

– Согласен, – Клинов отодвинул бумаги, встал, прошелся по кабинету, помолчал. – В этом вопросе мы вступаем в конфронтацию с департаментом материально-технического снабжения. Более того, отбираем у него привилегии, то есть представь себе картину: приезжает начальник снабжения, например из Дальнегорска, идет в департамент снабжения, открывает дверь, становится на колени и с протянутой рукой ползет к Кречинскому…

– Знакомая и обычная картина, мало того, что мы собираемся такой лакомый кусок, как распределение металла, забрать у Кречинского, мы ведь отбираем у него его значение и амбиции.

– А нам эту картину надо сделать своей привилегией в части ресурсов на производство машиностроительной продукции. Ты же, Владимир Иванович, хорошо знаешь эту проблему, не так давно сам был в таком унизительном положении просителя.

– Было. Такое не забывается. Приезжали к Кречинскому с

директором, привозили всякие подарки, лишь бы умаслить, а он нам талдычит: я вам выделил на ремонтно-эксплуатационные нужды. А потом говорит: Госплан требует обеспечить экономию и спускает план по экономии пять процентов. Мы ему говорим: введена новая мощность, надо добавить ресурсы, а он свое: вы получили все, что вам полагается.

– План такой: сначала докладываем Косоглазову, затем в Госплане в нашем отделе химии я прошу Позднякова организовать встречу Ольшанского с зампредом Госплана. Ну, конечно, готовим бумаги обоснования, докладываем министру, и потом встреча на высшем уровне.

– Ну а дальше?

– Дальше – главное: наше Ведомство, кроме плана по производству минеральных удобрений, берет народно-хозяйственный план по производству машиностроительной продукции.

– А на черта нашему ведомству такая обуза?

– Под план нам будут обязаны выдать ресурсы в полном объеме и в первую очередь, мне так и сказали в Госплане.

– А ты, Федор Георгиевич, представляешь, что, например, твой любимый Березниковский завод не выполнил план по производству горно-шахтного оборудования и запасных частей к нему? Вызывают твоего Чачина на коллегию, поднимают Киселева, устраивают разнос.

– Ну а что ты хочешь, как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж, дело серьезное, поэтому не хочу пока

других приглашать на обсуждение.

– Да, Георгич, затеваешь грандиозное дело. Ты не забывай, что есть еще плановый департамент, как бы Маслов не стал в позу.

– Так не только Маслов может быть против, об этом пока никто не знает, могут появиться заместители министра, например Косоглазов или Свергуненко. Будем работать со всеми, но своего должны добиться, иначе так и будем называться, как раньше: «функциональное управление».

***

На следующий день, как и обещал, Киселев зашел к Клинову, Донцов уже был там.

– Ну, заговорщики, что мы имеем?

– Из множества вопросов мы выделили несколько главных моментов. Первое: готовим письмо в Госплан, в котором указываем, что для выполнения постановления по импортозамещению просим установить нашему министерству план по производству машиностроительной продукции на такую-то сумму и расписываем по номенклатуре и по годам. Под это дело указываем, сколько и каких ресурсов нам надо.

– Это, уважаемые, заключительный этап, до этого самое трудное – согласовать замысел, – Киселев задумчиво смотрел то на Донцова, то на Клинова.

– Вот про согласования мы и вели вчера наши обсуж-

дения, Геннадий Федорович. Что же касается обоснований, расчетов, записок – мы с Владимиром Ивановичем подготовим.

Тут многое, – командор подмигнул Донцову, – зависит от вас. И вот почему: необходим ваш уровень. Я – вспыльчив, могу нагрубить, вы же знаете меня, Владимир Иванович – скромен, часто излишне. Департамент снабжения, как нам кажется, пока вообще не надо посвящать в нашу затею.

– Отличная работа, – похвалил Киселев, – заместителей министров, членов коллегии, Маслова беру на себя. С Кречинским договориться будет трудно, но попробую – он опытный человек, работает с Госпланом и Госснабом, Ольшанский без него решения не примет. А вам надо будет подготовить все бумаги.

И вот еще что: надо прикинуть по главкам объемы – это раз, а в Техводхимпроме создать отдел планирования машиностроительной продукции и технической документации по Ведомству в целом.

Сейчас в Техводхимпроме появился Балашов Евгений Васильевич, по образованию механик, кандидат технических наук, пришел к нам из оборонки, точнее из ГРУ, он ведет машиностроительный завод в Северодонецке, а также отвечает за водоохлаждающие системы по всем предприятиям отрасли.

Вот в масштабах отрасли у него создадим отдел машиностроительной продукции, и тогда у него по представлению

главков будут готовиться сводные материалы по отрасли. Кажется, – Киселев улыбнулся, – мы все решили и предусмотрели, вроде вопросов больше нет.

***

Департамент механиков замахнулся на сложившуюся министерскую практику, основополагающую систему. Реализация замысла-предложения придавала совершенно иной статус механикам, превращала их из второстепенного функционального управления в ведущий департамент, отвечающий за народно-хозяйственный план по производству машиностроительной продукции, точно такой же, как народно-хозяйственный план по производству минеральных удобрений.

Статус департамента

Прошло несколько лет.

Ведомство, а вместе с ним департамент главного механика и энергетика, четвертый год успешно справлялись с планом производства минеральных удобрений и таким же по важности, но несопоставимым в денежном выражении планом по выпуску сменного оборудования и запасных частей к импортному оборудованию.

Департамент Киселева – рядовое функциональное управление – незаметно перешел в разряд ключевых подразделе-

ний Ведомства, таких как плановый и капитального строительства. Обсуждался вопрос назначения Киселева членом коллегии министерства.

Кречинский стал частенько захаживать к Геннадию Федоровичу для решения оперативных вопросов, связанных с распределением ресурсов, ведь теперь, например, металлопрокат, особенно нержавеющий, распределялся только по согласованию с департаментом механиков.

Да и другие департаменты Ведомства изменили отношение к механикам. Тот же Назаров, который еще недавно иронизировал и посмеивался по поводу станочного оборудования для машиностроительных заводов, приходил к Клинову и спрашивал, сколько и какому заводу надо выделить станков.

План по выпуску машиностроительной продукции был на несколько порядков меньше, чем выпуск минеральных удобрений, однако в показателях ведомства они имели одинаковое важное значение. Если бы в каком-то квартале по машиностроительной продукции план не выполнили, то даже при выполнении плана по минеральным удобрениям Ведомство не могло выплатить премии.

Да что там премии, Ведомство склоняли бы в Совмине, Госплане, требовали объяснений.

Киселеву и Клинову только одного раза хватило, чтобы понять, насколько чревато для них невыполнение плана, но и этого было достаточно и помнилось долго.

Невыполнение составило полтора процента. Считая, что это мизер, ерунда, и тот и другой отнеслись к событию легко и спокойно.

Вызвал Косоглазов.

– Ну что, интеллигенция, вы уже нашли себе место работы?

– Пока еще не искали, – как всегда, не вовремя, улыбаясь, выскочил Клинов.

– А зря, как раз самое время поискать. Я смотрю, вы оба не понимаете всю тяжесть вашего положения. У вас есть какие-нибудь убедительные причины, почему план не выполнен?

– Невыполнение всего-то полтора процента, в следующем квартале все наверстаем, – Киселев только сейчас начал понимать, что дело вовсе не в количестве процентов, а просто в факте невыполнения народно-хозяйственного плана.

Дальше Косоглазов перешел на сплошную ненормативную лексику, заместитель министра был в гневе, собой не владел, ничего путного не сказал, механики ушли к себе.

Потом их песочили у Ольшанского, Клинов писал объяснительные записки, одним словом, получили сполна. В завершение разноса Клинов, хотя и в выражениях более приличных, получил выговор в отделе Госплана.

Разбираться с заводом в Березниках уехал Киселев, упредить на будущее завод в Солигорске отправился Клинов, Донцов с такой же миссией улетел в Тольятти на «Азотрем-

маш».

Оказалось, что все машиностроительные заводы, как и в департаменте, не придавали невыполнению плана сколько-нибудь серьезного значения. Рассудили так же, как Клинов: полтора процента – слишком мало, чтобы расстраиваться.

Ты меня арестуешь?

– Будь здоров, Николай Иванович, как ни зайду к тебе, ты или сморкаешься, или чихаешь, – Клинов присел у большого письменного стола начальника второго управления Ведомства. – Тебе бы заняться спортом, что ли.

– Так я каждое утро плаваю в пруду, и не только летом.

– Неужто и зимой, – подначивал Клинов.

– А ты не смейся, – полковник хотел что-то сказать, но тут же засопел, чихнул в приготовленный платок, – ты же не просто так зашел, тебе же передали, что к тебе есть вопросы.

Начальник второго управления Вериго и главный механик Ведомства отвечали за выполнение поручений, относящихся к закрытой тематике, главным в которой являлось производство важного компонента топлива для полета «Бурана».

Не все шло гладко, производство находилось в азиатской республике со специфическими особенностями, тем не менее ведомственный тандем, преодолев собственные разногласия, задачу решил, дело наладил. «Буран» слетал куда на-

до. Общее и очень непростое дело их сблизило, хотя Вериго был старше Клинова лет на пятнадцать.

– Да, пришел, как ты и просил, по делу, но прежде хочу сказать, надо проанализировать, почему, несмотря на то, что ты регулярно плаваешь в любую погоду, – в голосе Клинова была очевидная доброжелательность, – у тебя частые простуды.

– Ты правильно говоришь, Федя, я уже думал об этом, но ничего пока придумать не могу.

– Попробуй не просто идти к пруду, а бежать, не быстро, но так, чтобы разогреться.

– Я подумаю. А у меня к тебе неприятное дело, и касается оно твоей сестры.

– И какое же это дело?

– Начну с того, что, когда начал работать в Ведомстве, ты подписал бумагу, по которой обязался немедленно сообщать обо всех контактах, которые будут возникать с гражданами иностранных государств.

– Ну да, было, подписал, более того, сообщал. Ты же помнишь про Кречинского – начальника управления снабжения и встречи с ним у финнов.

– То да, было, но сейчас разговор о твоей сестре.

– А что с ней не так? И потом, она гражданка Советского Союза, у нее молоткастый и серпастый паспорт.

– С нею, наверное, все так, а вот к тебе вопросы. Стало известно о том, что твоя родная сестра четыре месяца назад

вышла замуж за иностранца, а ты об этом не сообщил.

– Вот оно что, я даже об этом, ну, о том, что надо сообщать, и не подумал.

– Надо было думать, Федор Георгиевич, надо.

– Ну и что теперь делать, ты меня арестуешь?

– Ты не расстраивайся, Федор Георгиевич, – Вериго был серьезен и клиновских шуток не принимал, – ничего страшного, просто мне нужны некоторые сведения о твоем свояке.

– А вот никаких данных, паспорт или еще что-то, у меня нет.

– Надо. Я напишу, что предоставить.

Разлом

Сумерки располагают к размышлению, а уж если это вторая половина декабря, и дождь смывает всякое упоминание о зиме, ничего не остается, как предаться философскому анализу прошлых событий, явлений, характеров.

Год близился к завершению. Как всякий другой, этот, находящийся на излете, еще свеж, однако ясности и логичного объяснения собственных поступков нет, и оттого на душе мучительная тягостность.

В одном доме жили две сестры, одна другой старше, и была у них мать, и был отец. Ни дать ни взять семья, как всякая в те времена, что нынче зовутся «застоем».

Старшая сестра окончила школу, хорошо усвоила испанский язык и мечтала стать стюардессой на латиноамериканских и, может быть, испанских авиалиниях.

Младшая к этому времени лишь перешла в третий класс, где была средней ученицей. В ней со всей очевидностью прослеживались талант художника и спортивные наклонности. Больше всего ей нравился биатлон, лыжи и стрельба из винтовки.

– Вот немного подрастешь, – убеждал отец, – тогда сможешь начать тренироваться в биатлоне, а пока тебе надо научиться бегать на лыжах.

– А сколько ждать?

– Думаю, года три-четыре, если очень хочется – надо выдержать, придет время – я тебе помогу.

– Я выдержу, – в этом утверждении была такая уверенность, что Клинов по-новому посмотрел на девочку: а характер у нее непростой, выдержит – это точно!

Старшая обладала ярко выраженным эмоциональным характером с очевидными способностями к журналистике, любовью к детям, младшая была совершенно другого склада: сдержанность, замкнутость, застенчивость – вот, пожалуй, что ее отличало.

Между собой сестры были дружелюбны, но какой-либо привязанности, что-то вроде наставничества старшей, между ними замечено не было.

Родители сестер были самые что ни есть советские, ничем

не отличавшиеся от сотен таких же: среднего достатка, с жилищными проблемами, терпеливо сносящие повседневную во всем скудность и хроническую нехватку денег.

Была одна особенность, и родители как могли старались ее скрыть. Дело в том, что не любили они друг друга, но, как часто бывает в таких случаях, продолжали жить вместе, молча неся тяжелый крест, следуя извечной отечественной традиции терпеть ради детей.

Если младшая не улавливала витающей на четырнадцатом этаже холодности и неприязни, то старшая, безусловно, это чувствовала, распространяя уже свое неприятие на обоих родителей.

Когда школа и второй класс остались в прошлом, жизнь сестер вместе с родителями, худо-бедно продолжавшаяся много лет, получила ожидаемое и резкое изменение.

***

Лето того года сестры с отцом провели в Малороссии на Северском Донце – симпатичной тихой речке с рыбой, с заросшими живописными берегами. В посадках созрели белый налив и разные ягоды.

Отец сестер был не только ответственным сотрудником, главным механиком Ведомства по производству минеральных удобрений, которому подчинялось одно из лучших предприятий – Северодонецкий «Азот»; у него сложились

дружеские отношения с директором и главным механиком.

При эксплуатации установки полиэтилена высокого давления, купленной для завода у немецкой компании, возникли технические неполадки.

Клинов вызвал специалистов: приехали немец-поставщик и сотрудник университета из Англии – разработчик того самого узла, который никак не давался русским умельцам.

Немец-поставщик – явно делец, около пятидесяти, уверенный в себе, и англичанин – не старше сорока, тихий и скромный, из университета в Бирмингеме, через переводчика обсудили с Клиновым план действий.

Клинов предложил пообедать, и, захватив с собой переводчика, они уехали в гостиницу. От выпитой водки англичанин разоткровенничался; из его пояснений Федор понял, что вышедший из строя узел изготовлен по технологии автофретирования.

Уникальность технологии заключается в повышении прочности внутренней поверхности цилиндрических металлических деталей: сосудов, труб, артиллерийских стволов и тому подобного.

На специальной насосной установке в стальной трубной заготовке создают внутреннее гидравлическое давление, значительно превышающее давление, которое развивается при выстреле. При этом происходит деформация стенок трубы: внутренние слои получают остаточную деформацию, а наружные – упругую.

После сброса давления внутренние слои металла остаются в сжатом состоянии и не дают внешним слоям возвратиться в исходное состояние.

***

Хитрого немца, который старался не оставить англичанина одного, чтобы тот по пьяному делу не раскрыл секрет автофретирования, напоить не удалось – пил не хуже русских и не пьянел, но его сумела отвлечь очень приятная девушка, в результате все остались довольны, а Клинов с тех пор стал желанным гостем на предприятии!

Вернувшись поездом в Москву, веселые и загорелые девчонки с отцом подъехали к своему дому, такси остановилось неподалеку.

— Ну вот, – повернувшись к дочерям, сказал отец, – мы приехали.

Обе девочки удивленно посмотрели на него, в машине стало тихо и тревожно.

Помедлив, он продолжил:

— Я домой не пойду, я ухожу от матери, буду жить в другом месте. Каждой из вас сейчас надо решить: идти домой или не идти и уехать со мной и больше в этот дом не возвращаться.

Младшая еле слышно промолвила: «Я пойду домой, к маме», старшая тут же заявила: «А я поеду с тобой!»

Сложившийся за многие годы семейный уклад, в котором, кроме повседневной рутины, хватало всего: праздников и будней, радостей и обид, хорошего и плохого, рухнул в одночасье.

Ставшая невыносимой жизнь обыкновенных москвичей раскололась на два новых направления, каждое из которых жутко испугало девочек.

Порвать, прекратить тяжелое для всех существование, наполненное страхом и неопределенностью, надо было давно. Но, видя, как незримые связи младшей крепко держат ее равно как с матерью, так и с отцом, глава семейства до поры до времени не мог решиться.

Дни бежали за днями. Работа в Ведомстве, частые командировки, заботы о детях, хронический недуг текущей жены, наконец, пассия – все это так плотно занимало день, что, добравшись к ночи до постели, даже не подумав хотя бы об одной супружеской обязанности, глава семьи мгновенно засыпал беспробудным сном.

Текущая, а сказать, что она дурнушка, было никак нельзя, не скрывала своих желаний и бунтовала, однако, видя полнейшее равнодушие, с обидой отворачивалась к стене и тоже засыпала, правда, сон не приносил ей ни отдыха, ни утренней радости.

Оказалось, разрубить тяжелый узел было далеко не все, чтобы позволить свободно вздохнуть Клинову и его старшей дочери Каро, которой только что минуло семнадцать лет. Но-

вая жизнь для бездомных только начиналась.

— А где мы сегодня будем спать? – неожиданно спросила дочь, когда Руся – ее сестра – закрыла дверь такси и они остались вдвоем.

– Уважаемые, – не выдержал водитель, – счетчик я выключил, но надо и честь знать, мы как, едем или нет?

Ничего не ответив на резонный вопрос, потому что сам не знал, где, в самом деле, хотя бы приткнуться сегодня на ночь и куда сейчас они поедут, Клинов глянул на дочь и сказал водителю:

– Поехали, я покажу.

Обираловка

В начале декабря в кабинет Клинова вошел Василий Васильевич Проценко. Выглядел он совершенно необычно, можно сказать, светился и улыбался.

– Здравствуй, Федор Георгиевич, вот, зашел попрощаться, завтра с Аней уезжаем в Варшаву. Хочу сказать, что надо иметь крепкие нервы, чтобы пройти все оформительские процедуры. Полтора месяца оформлялся. Представляешь, в одном месте меня экзаменовали, спрашивали, какие партии есть в Польше, а я, честно говоря, и знать не знаю, какие партии там.

– Ну что ж так плохо подготовился, – расхохотался Кли-

нов, – надеюсь, к нам не поступит жалоба.

– Не поступит. Ну ладно. Вот тебе ключи, имей в виду, на входной двери замок старый, разболтанный, придется повозиться, со временем наловчишься. И еще, Аня часть мебели и вещей сложила в маленькой комнате и закрыла. Тебе и дочери по комнате, на кухне есть всякая посуда. Тебе надо будет платить за квартиру, свет, газ, кажется, рублей шесть или семь. Главное: тебе от меня и от Ани большое спасибо за организацию командировки в Польшу, большое дело ты для нас сделал.

– Тебе, Василий Васильевич, я и Вениамин Николаевич желаем удачи. Возникнут проблемы – звони!

Незадолго до Нового года, в одиннадцатом часу вечера, голодные и усталые Клинов и Каро стояли перед квартирой Васи Проценко в Обираловке. Федор пытался открыть дверь, но, сколько ни бился, ничего не получалось.

– Поехали к Буровым, я больше не могу ждать, я устала и хочу спать, – Каро явно была готова расплакаться. Клинов опять и опять брался за дверь, но все было тщетно.

– Да, ты права, придется ехать к Лехе с Настей, – он безнадежно разглядывал дверной замок и думал, что вот вроде с жильем наладилось, а оказалось – нет.

При мысли снова идти по жуткому холоду на станцию, потом в разбитой и холодной электричке еще сорок минут ехать до Москвы, Клинов помрачнел. Положение было катастрофическим.

«Надо было приехать днем одному, осмотреться в квартире, – ругал он себя, – потом уж звать Каро. А так, впопыхах, вот как теперь быть?»

При всей доброжелательности Насти Буровой Клинов понимал, что заявиться ночью, теснить их, как вчера, ну совершенно невозможно. Еще раз ткнуться к родителям? Но и там последний раз отец так нехорошо посмотрел на них, что дочь сказала: «Лучше в каком-нибудь подвале, но не к дедушке с бабушкой!»

В тот самый момент, когда, вконец расстроенные, они повернулись, чтобы уйти, неожиданно приоткрылась дверь соседней квартиры.

– Василия Васильевича нет дома, – объявила пожилая дама в цветном байковом халате.

– А его и не может быть дома, потому что Вася с Аней уехали в Варшаву, – спускаясь по лестничному пролету, бросил в ответ Клинов.

– Постойте, постойте, а вы случайно не Федор Георгиевич? – оживилась соседка.

– Да, это я, а что?

Клинов остановился, Каро с надеждой обернулась.

Соседка вышла на площадку, внимательно посмотрела на Клиновскую дочь, потом обратилась к командору:

– Мне Василий Васильевич говорил только про вас, а вот про девушку, – она еще раз окинула ее внимательным взглядом, – он ничего не сказал, вот я и испугалась.

– Карина, студентка института, – представил Федор. – Сам-то, – в голосе командора соседка уловила не только раздражение, но и элемент угрозы, – господин Проценко шлет вам, мадам, горячий привет из Варшавы, он также велел передать, чтобы вы нас сегодня накормили! Вы меня поняли, мадам?

В этот момент замок решил поддаться, дверь открылась, пропустив дочь, Клинов уже в дверях обернулся:

– Так как насчет ужина, а?

– Так у меня только вареная картошка и квашеная капуста, а Василий Васильевич про ужин ничего не говорил.

– Ну что ж, картошка так картошка, а если что есть покрепче, то милости просим, ждем вас, мадам, минут через десять!

Вот так, незадолго до Нового года, в Восточном пригороде скитальцы обрели надежный кров и соседку-приятельницу, которая не раз выручала постояльцев.

Анфиса играла на гармошке, любила выпить, всю жизнь скромно зарабатывала, снимаясь в массовках на «Мосфильме».

Артем Тарасов

С Артемом Тарасовым, русским армянином, высоким кучерявым парнем, Клинов был знаком еще со времен главка.

Тогда в ЗагНИИ Артем занимался автоматикой горных

машин. В уральских копях, на полукилометровой глубине горняки с удивлением посматривали на диковинную аппаратуру, которую потом сняли в связи с ненужностью, а Тарасов занялся другими не менее интересными затеями.

В научной среде позднего советского социализма главным было обосновать и утвердить тему на ученом совете. Затем доверенный коммуникабельный человек отправлялся в главк. И даже если затея носила сомнительный характер, но все было сделано как надо, деньги выделяли, и ученые жили благополучно и даже припеваючи. Таким доверенным человеком и был Тарасов.

Приветливый и обходительный, в главке у Клинова он получал поддержку и продолжал заниматься так называемыми изысканиями и общественной жизнью института.

Как только дряхлую власть в стране сменили пьющий мужик и молодые проходимцы, а порулить народным хозяйством страны дали губастому толстяку и рыжему гаеру из такой же среды, как ЗагНИИ, прикладная наука в подобных заведениях покатилась ко всем чертям и вскоре практически замерла.

Молодые инженеры отправились торговать, вернее, сказать челночить. Площади институтов сдали в аренду, пожилые сотрудники устроились, кто куда смог, а иные запили.

У многих челночить получилось гораздо продуктивнее, нежели двигать прогресс в народном хозяйстве. Исчезновение большинства научно-исследовательских институтов ни-

как не отразилось на промышленности и сельском хозяйстве, в то же время сфера частной торговли сразу скакнула на небывалую высоту.

Параллельно с челноками образовалась прослойка из так называемых реформаторов и богемы. Богема хотела больше денег и заграничных поездок, невостребованные реформаторы рвались к власти, которая являлась источником таких благ и доходов, которые богеме просто недоступны.

Как те, так и другие обладали эрудицией, хорошо поставленной речью, но ни за что и никогда не несли личной ответственности, и потому не то чтобы не понимали, а просто не догадывались обо всем многообразии сложнейшей системы взаимосвязей и взаимозависимостей в структуре народного хозяйства страны.

Толстый губошлеп с революционной фамилией и рыжий гаер с другими пройдохами, претендующими на истину в последней инстанции, представляли собой циничное сборище, устроившее пир во время чумы.

Но не потому, что были монстрами или злодеями, а потому, что по природе своей не были государевыми людьми, так и оставшись пробирками-институтками, исповедуя исключительно личную выгоду и преклонение перед Западом.

Богема ладно, она по своей сути легкомысленна и безответственна, она всегда имела статус комедиантов и шутов. Опасна невостребованная номенклатура, зацепившаяся у власти, не обладающая гражданственностью, талантом,

знаниями. Бездарность, отсутствие достоинства и чести у реформаторов – это беда непоправимая. Она и случилась.

Произошло то же, что и в 1917 году. Несомненно, что и тогда, и теперь жители страны стали заложниками предприимчивых авантюристов и заговорщиков, не согласных с собственным статусом и страстно желающих власти и денег.

Слава богу, что не развязали гражданскую войну, а то ведь до сих пор русская цивилизация никак не восстановится после октябрьского переворота.

Как тогда, так и сейчас основой воздействия на общество остается циничное словоблудие, удачно использующее подтасованные события и сложившиеся ситуации.

***

Со свойственной ему неординарностью Тарасов потянул носом, уловил могучий ветер неясных перемен, да что там ветер – ураган перемен, и отправился в маленький, но богатый северный городок.

Будучи человеком креативным, попробовал себя в разных областях и даже в самодеятельности. Скажем прямо, помыкался да и вернулся ни с чем.

А в столице его осенило, и он сколотил кооператив «Лопе де Вега». К испанскому драматургу кооператив не имел никакого отношения, но уж больно красиво звучало!

Артем первый извлек практическую пользу из бездарных

действий власти. Он быстро понял, какие безбрежные возможности заработать таит переходный от социализма к капитализму период, когда нет правил, когда прежние порядки отменены, а новых нет.

Охотников, людей предприимчивых в еще непонятной, но заманчивой сфере во все времена хватало с избытком.

Для отчетов Тарасов пригласил миловидную даму, в качестве советников взял неудавшегося юриста и ловкого каталу из Сочи.

Каждый из них набрал сподвижников, и завертелась капиталистическая деятельность.

Сначала специализировались на простой перепродаже, вскоре стали получаться товарообменные сделки.

Неудавшийся юрист, человек вздорный и мелочный, из желания выпятиться демонстративно заплатил партийные взносы в небывалой по размеру сумме девяносто тысяч рублей.

Однако банальная торговля вскоре перестала устраивать Артема.

Это был уже не тот благообразный кучерявый юноша, обаятельный любимец незамужних дам, стеснительно рассказывавший о том, как машины без человека добывают под землей руду. Он понимал, что продажи на экспорт сулят такие деньги, которые и не снились, и не забыл, что Клинов хорошо к нему относился.

И вот как-то, со свойственной ему деликатностью, Тара-

сов предложил командору обсудить весьма интересную тему.

– Я, Федор Георгиевич, организовал кооператив. Есть основной костяк и ряд различных направлений. Появились и первые заработки, но пока все это мелочи. Нужны крупные сделки, – говорил Артем, пока шли в ресторан «Вертинский», где уже был заказан стол на двоих.

– Я, пожалуй, соглашусь, – задумчиво сказал Клинов, – знаю руководство на многих предприятиях, только это может произойти примерно через месяц или два.

– Нельзя ли побыстрее, как говорится, время – деньги!

– Я подумаю.

Отказаться от повышения

Клинова отпускать не хотели. Министр вызвал его к себе.

– Мне сказали, что вы хотите уйти.

– Да, это так.

– Куда, если не секрет?

– На вольные хлеба.

– На вольные – это хорошо…, но ведь и здесь у вас неплохо, мы вам квартиру предоставили в Марьиной роще, а это, знает ли, было очень непросто.

– Что касается квартиры, то я вам, Николай Михайлович, чрезвычайно признателен и благодарен, я знаю, что это ваша заслуга. Но ведь и я не зря зарплату получал. Вы же знаете, что нам удалось удвоить ресурсы для отрасли!

– Ну вот, а вы все-таки решили уйти. Между прочим, мы рассматриваем некоторые кадровые перестановки, и вы в них учтены с очень приличным повышением.

– Благодарю вас, Николай Михайлович, за доверие и оценку моей работы, я подумаю.

Взвесив все за и против, Клинов предпочел уйти из Ведомства.

…Не всем дана смелость расстаться со спокойной и обеспеченной жизнью и очертя голову, пуститься в неизведанное плавание, где нет ни путеводных звезд, ни лоций, а только будоражащая душу жажда приключений... конечно, не без сомнений…

С Тарасовым договорились, что командор возглавит внешнеторговое бюро, наберет специалистов, и что до первых сделок Артем будет выделять столько денег, сколько скажет Клинов.

Артем слово держал. Без разговоров главе нового бюро выделял наличные деньги – практически столько, сколько тот заявлял. Надо лишь было отчитаться, хотя бы счетами из ресторанов.

Быстро были оформлены контракты на экспорт продукции из Щекино, Новомосковска, Черкасс, Куйбышева, Великого Новгорода, Чимкента, Рустави. Готовились контракты с Северодонецком, Горловкой, Чирчиком.

Правил не было: старые - не работали, новые - писались на ходу, были сырыми и слабыми, с множеством прорех.

Директорам дали право продавать за рубеж продукцию своих предприятий, но те не знали, как эту свободу использовать. А тут Клинов, с которым немало выпито, друзья по работе и по жизни.

Со своими-то надежней. Правда, и Клинов в экспорте-импорте «ни уха, ни рыла». Через многочисленных министерских коллег был рекомендован специалист.

Дмитрий Бухарин оказался крупным, дородным человеком лет сорока с седеющей бородой. Одет небрежно, держится независимо, говорит убедительно. Бородатый химик, записной гуляка, сибарит, продемонстрировал эрудицию в химических технологиях, ум и смекалку в организации экспорта.

Вскоре, к удовольствию партнеров, обнаружилось объединяющее пристрастие к хорошему, а нет хорошего, то можно и к рядовому, застолью и развлечениям. Это обстоятельство упрощало многие деликатные моменты, которые неизбежно возникают в начальный период совместной работы, тем более связанной с большими деньгами.

Тарасов щедро финансировал деятельность, а она состояла в подготовке и заключении контрактов на продажу за рубеж, например, карбамида, или метанола, или сульфата калия, да чего угодно из того, что производилось на ста крупнейших заводах Ведомства.

Директора и только что созданные и очень сырые с точки зрения квалификации отделы внешней торговли на пред-

приятиях, страстно хотели самостоятельно, а не через государственного посредника – Минвнешторг – что-нибудь продать на экспорт и купить на валюту не только оборудование для завода, но что-нибудь для себя. Однако, ни умения, ни опыта не было, а так хотелось.

Клинов с Бухариным все, связанное с внешней торговлей брали на себя. Заводчанам рисовались радужные картины зарубежных поездок, респектабельные иностранные покупатели, фешенебельные отели, наконец, собственные деньги, не деревянные, а зеленые, и много, много.

Все у Тарасова было на новенького: кооператив, договора, иностранцы, таможня, импорт-экспорт, доллары.

Сам Артем Михайлович прост и демократичен. Затраты, возникавшие у Клинова, компенсировал легко и без вопросов.

Не те, конечно, были деньги, очень уж немного тратилось, с его точки зрения, с точки же зрения Клинова, траты были неприлично высоки.

Так вот и во всем и всегда: одному много, другому мало!

Глава 5. Контрабандист

В завязке вся сказка…

Умей всегда быть в духе,больше пей,
Не верь убогой мудрости людей
И говори: «Жизнь – бедная невеста!
Приданое в веселости моей».

Допрос

Идет десятый день допросов, с девяти до шести вечера. Подследственный сидит в конце кабинета за маленьким столиком-приставкой, перед ним каждое утро выкладывают свежие газеты: «Правда», «Советская Россия», «Красная звезда». За высоким окном виден один и тот же безликий дом.

Декабрь. В Киеве сухо и холодно. Снега нет, сильный пронизывающий ветер метет пыль и мусор по Владимирской улице. Все плохо, мерзко и безнадежно.

Вопросы и ответы следователь ловко печатает на маленькой пишущей машинке. В конце дня Стецюк продиктовал: «С моих слов записано верно, мною прочитано, замечаний и дополнений нет». Федор повторил слово в слово и неверной рукой подписал свой первый в жизни протокол допроса.

Тотчас А-Клинову поступило сообщение из пятидесяти-

летнего прошлого: «Что бы тебе ни сказали в этом учреждении, стой на своем, веди свою линию, я всегда с тобой. Твой дед».

Вечером с мадемуазель Тумановой они устраиваются в уютном ресторанчике, выпивают, тщательно разбирают линию, которую ведет майор, выстраивают логическую последовательность клиновских ответов. В номер берут сухого вина, чтобы утром, перед допросом, приободриться.

С утра у шалопая красное подпухшее лицо, особенно выделяется нос, который недвусмысленно свидетельствует о том, что алкоголь давний спутник его жизни. И это сущая правда. Утренний факел от подследственного как красная тряпка, и старший следователь по особо важным делам Стецюк не выдерживает:

– Я Вас очень прошу, пожалуйста, перестаньте приходить выпивши.

– Да я выпиваю-то всего ничего, – лукавит шалопай, – бутылка сухого и все. На самом деле выпивается больше, обычно водки. Сухое вино утром, чтобы подавить страх и похмелье.

Измученный чернобыльской радиацией, непьющий майор к вечеру валится с ног. Радикальных средств, ослабляющих действие радиации, нет. В народе существует твердое убеждение, что помогают каберне и водка. В Киеве продажу водки не ограничили, в то время как на спиртное по всей стране действует карточная система.

Два государственных умника: Меченный пятном и другой, кажется, Егорка, не мудрствуя и наивно предполагая, что все беды в России от водки, а не от их бездарности, производство алкоголя сократили, виноградники повелели вырубить, а свободную продажу – запретить. Полагая, что Бога за бороду схватили, они, как и другие вожди, считали, что лучше всех знают, чем народ живет и что ему надо...

Стецюк понимает, что его замечание по поводу выпивки безнадежно, а шалопай испытывает легкое удовлетворение. С одной стороны, он и так бы выпивал, а с другой подтверждается линия, которую упорно гнет подследственный, о том, что он многое не помнит, так как все время пил и был пьян.

Скромный кооперативный кабачок. Частное предпринимательство только-только, очень робко пробивает себе дорожку в бетонных зарослях социализма. Частник начинает с ресторанчиков, закусочных, кафе и прочей торговли. В Киеве их мало.

Преступление

Уютный киевский ресторанчик на Подоле. Водка, музыка понемногу снимают напряжение. Совершенно очевидно, что следствие по делу о контрабанде, по которому Клинов пока проходит свидетелем и остается на частичной свободе, вот-

вот будет завершено.

Дело номер один поручено майору Стецюку – старшему следователю по особо важным делам. Ведет он дело квалифицированно и обстоятельно. В его группе два полковника. Они выполняют поручения старшего группы, хотя и младшего по званию и возрасту.

Стецюку тридцать пять лет. Шатен, невысокого роста, аккуратен, выдержан и приветлив. Окончил юридический факультет университета и высшую школу КГБ. При дознании не пользуется устрашением. Да и ни к чему это. Там и так страшно и жутко.

***

Дима Бухарин, советник по экспорту и приятель Клинова, вместе с заместителем директора завода в Малороссии, бывшим моряком, составил незатейливый договор о поставке в Альпийскую республику двуокиси легкого металла. Из Альп на эту же сумму предусматривалось отправить сантехнику, телевизоры, видеомагнитофоны.

В это время экспорт еще лицензировался. Не хотела власть допустить к экспортному пирогу всех желающих. Чтобы держать на коротком поводке, партийная власть издала постановление, в котором перечислялась вся экспортная продукция. Нарушение постановления влекло за собой уголовное наказание.

Бородатый Бухарин, как всегда, выпивший, назвал двуокись порошком – абразивным отходом производства. На-

звание понравилось и продавцам, и покупателям.

В преступном сговоре приняли участие Клинов, Туманова, Этелла. Покупателя представлял Штуцер – классический мошенник и авантюрист, специализировавшийся на Советском Союзе и даже вступивший для этих целей в компартию республики. От продавца абразивного отхода выступал малороссийский моряк, веселый разбитной толстяк, отвечавший за приобретение бытовой техники.

Дело спорилось и ладилось. Людям на заводе в Малороссии разъяснили новое название экспортного продукта, и вот уже первые четыре мощных «Мерседеса» «Совоктранслогик» повезли сто тонн контрабанды в альпийский Штахермахер, через неделю ушла вторая партия.

Альпийская сторона поощряла представителей продавца. Были всякие подарки, не бог весть какие, но заграничные. Российская сторона любила застолье, которое было регулярным и даже чрезмерным.

Тревожная весть появилась в конце лета: вторая партия в Штахермахер не прибыла. Позвонил обеспокоенный моряк. Прошло еще несколько дней. Неопределенность наводила на всякие предположения. Например, не случилось ли чего с машинами, но в «Совоктранслогик» тоже ничего не знали и волновались не меньше москвичей и альпийцев.

Клинову удалось узнать, что груз задержан при досмотре на границе, оставлен в таможне на складе, тягачи отцеплены и возвращаются в порт приписки.

После неоднократных звонков таможня сообщила, что предполагается несоответствие названия, указанного в таможенной декларации, фактическому названию груза, находящегося в однотонных биг-бэгах. О том, что это контрабанда, пока никто не догадывается.

Грозная весточка полетела в Малороссию, Альпийскую республику, Штахермахер.

Ясность наступила в начале сентября одним недобрым утром в московском офисе «Овал интервал». Офис располагался на пятом этаже гостиницы «Кузьма». Полный неясных предчувствий, Клинов ехал в метро.

Неодолимая сила, будто не пускает, словно предупреждает о какой-то неприятности. Чем ближе он к офису, тем тревожнее чувство опасности.

В длинном коридоре люди с автоматами, суета. Испуганные лица поминутно выглядывают из комнат, но выходить боятся.

Подошел человек в коричневом костюме. У Клинова внутри захолодело и опустошилось, появилась безнадежность и усталость. Коричневый костюм, глядя мимо собеседника, бесстрастным тихим голосом вежливо объяснил, что происходит обыск, что выходить нельзя, что надо пройти в свою комнату: «Там вас ждут».

Постепенно люди успокоились, сотрудники киевского и московского КГБ переписали все деловые и пустяковые бумаги, сложили их в мешки и уехали восвояси.

***

«Овал интервал», в котором Клинов директорствовал, являлся филиалом совместного предприятия «Таиров интерфраер».

Познакомились с «Интерфраером» случайно. Узнав, что у Клинова в Альпийской республике живут деловые люди, Таиров предложил организовать филиал.

Создание филиала оказалось предельно простым: подписали три странички деклараций о взаимной заинтересованности, изготовили печать, открыли счет.

Конторе Клинова освободили в «Кузьме» трехкомнатный номер, т. е. офис, там поместили диковинный аппарат по имени факс, пишущую машинку, в шкафах поставили папки для бумаг.

Первая сделка, принесшая невиданные деньги, была совершена играючи.

Как-то сидели и пили водку в Марьиной Роще. Приехала эффектная красавица Этелла, с нею – долговязый и высокомерный Штуцер.

Штуцер русский понимает, но говорит крайне плохо. Его иностранность завораживает простого советского служащего и открывает дорогу к всевозможным махинациям. Сейчас ему внимают с восторгом и детской доверчивостью. Его авторитет непререкаем, его слово последнее и решающее. Он плательщик или представитель плательщика, что для начинающих из «Овала» одно и то же.

Огромный, с седеющей бородой Бухарин, сильно пьющий, при этом эрудированный химик, предложил продать метанол. Штуцер тут же обсудил с родиной, получил согласие, и сделка завертелась.

Получалось по сделке так: за кордон две тысячи тонн метанола, оттуда на вырученные деньги тридцать компьютеров.

Привезенные компьютеры продали, и на счет «Овала» упала куча денег. Столько денег никто никогда не видел! В небольшой квартирке на седьмом этаже дома в Марьиной Роще началось что-то невообразимое. Это был перманентный банкет.

Днем и ночью не переводились друзья, приятели, знакомые и знакомые знакомых, приносили водку. Сухого закона, действовавшего в Москве, будто бы и не было.

Банкет гудел целыми днями, а количество денег не уменьшалось, ну разве что так, слегка, но не более. Исчезла привычная нехватка денег. Но сразу привыкнуть к достатку нельзя, нельзя сразу преодолеть врожденное чувство бедности. Эх, да что там говорить: из грязи в князи.

Потому-то и казалось, что идущее следствие относится не к ним, а к другим, что ничего опасного нет, все как-нибудь образуется. Потому-то наивный Клинов с товарищами по контрабанде дело номер один всерьез не воспринимают.

Пока легкомысленные и неопытные советские бизнесмены гуляют и веселятся, зловещее следствие набирает силу. Оно раскручивается на фоне гремящих по телевидению и в

прессе, небывалых и непостижимых для обывателя других коммерческих авантюр.

По чистой случайности на западной границе задержали железнодорожный состав с военной техникой, заявленной как металлолом. В Корею своим ходом, а вернее летом, ушли боевые вертолеты, в Мурманске на металлолом резали титановые подводные лодки.

Журналисты осваивали новые штампы, в которых рефреном звучало: Родину разворовывают.

Удивительнее всего, что жесткая коммунистическая идеология не вытравила ловких предприимчивых людей. Оказалось, что они терпеливо ждали своего часа, и вот этот час настал.

Контрольные органы, таможня и власть в целом сбились с ног, не зная, что делать. Не хватало специалистов, а многие из тех, что были, сами взялись за контрабанду.

Конфискация

Вскоре после налета чекистов на офис в «Кузьме» Клинова вызвали в бандеровский город. Лето на исходе, уютный приграничный городок усыпан каштанами. Клинова и Туманову устраивают в лучшую гостиницу города.

Вечером в ресторане они присоединяются к участникам педагогической конференции. Шумная компания гуляет до глубокой ночи или раннего утра, а в девять надо быть на до-

просе.

В половине девятого начинается гостиничный скандал.

Клинов и мадемуазель, во власти тяжелого похмелья, пытаются объяснить администратору, почему в их номере такой ужасный беспорядок и кто вчера пел непристойные песни.

У администрации каменные лица: «Постояльцы должны немедленно покинуть нашу образцовую гостиницу».

Постояльцы в восторге от такого предложения, но не Марковников. Ему надо начать дело номер один. Он рассчитывает стать начальником следственного управления, и ему не нужны гостиничные проблемы.

После переговоров с управлением КГБ администратор, отводя глаза в сторону, делает последнее предупреждение, и москвичи остаются в самой лучшей и образцовой гостинице славного бандеровского города.

Это первый контакт со следственным управлением КГБ, в кабинете полумрак, свет настольной лампы направлен на Клинова. Следствие начинает выстраивать дело. Марковников задает вопросы общего характера (родился, учился, работал и так далее) в угрожающей форме.

Клинов еще в Москве определился и строго держит линию пьянства: был выпивши или пьян, много пили, помню смутно или не помню. То, что, по его мнению, не влияет на дело, излагает обстоятельно.

В конце концов, следствие было вынуждено принять эту

линию, тем более что другие, проходившие по делу, все как один, как сговорившись, подтверждали что, в самом деле: пил много, часто, сильно, бывало и до бесчувствия.

Через неделю они вернулись из приграничного города. Теперь не было никаких иллюзий, впереди петля, от которой не уйти.

Еще через несколько дней шалопай оказался на Малой Лубянке. Вместо Марковникова дело теперь вел Стецюк.

В маленьком обшарпанном кабинете Клинов под диктовку на трех листах написал выдержку из газеты и еще на двух листах образцы своей подписи. Росписи и диктант передали графологам, те описали особенности почерка и неопровержимо доказали подлинность клиновских подписей.

– Теперь, – обрадовал Стецюк, – мы поедем к вам домой, вот постановление на обыск.

– Что искать будете?

– Улики, подтверждающие вашу причастность к делу.

– Поедем на такси или пешком пойдем?

– Ваши шутки неуместны.

Перед домом долго стояли, ожидая, пока Кочегаров, полковник следственной группы, пригласит из института инженеров транспорта двух студентов в качестве понятых. Тем временем Клинов мысленно посылал сигналы своей подруге спрятать деньги, документы, а главное, приглашение в Варшаву от Кшыштова Дрозда.

Не получила Туманова никакого сигнала, так как второй

час трепалась по телефону с закадычной подругой, грудастой Алкой, сотрудницей телевидения.

Обидно было и то, что, пока ждали понятых, из дома вышла Беднякова – бухгалтер «Овала». Смекалистая баба, чьи круглые коленки любил погладить Бухарин, сразу отметила чужой взгляд Клинова, специфических мужиков возле него и тут же за углом стала названивать мадемуазель, но все оказалось напрасно: телефон был занят пустым разговором.

Туманова продолжала самозабвенно, в подробностях рисовать приключения последних недель. Только продолжительный звонок в дверь прервал захватывающий рассказ. Стецюк, Кочегаров, второй оперативник Непейбаба, два студента в качестве понятых.

Обыск продолжался более четырех часов. Искали по всем правилам сыска. Обстучали столы, шкафы, стены, извлекли белье и одежду.

– Товарищ майор, нашел! – радостно воскликнул Непейбаба. – Понятые, подойдите сюда: сберегательная книжка с большой суммой, снятой вчера.

– Где деньги? – лукаво улыбаясь, спросил следователь.

– Потерял, – бесстрастным голосом объявил шалопай.

– Как потерял? – опешил следователь от такой наглости.

– Да вот вчера ехал в метро, был сильно выпивши, деньги в пакете, заснул, проснулся, а ни пакета, ни денег как не бывало.

– Это неправда, Федор Георгиевич! – в сердцах сказал сле-

дователь.

Клинов с подругой тяжело молчали, беспрерывно курили, держались вместе, наблюдая за чекистами.

Кочегаров пишет, майор диктует, Непейбаба рыщет и вынюхивает по всей квартире и так упрел, что вынужден был снять пиджак, под которым обнаружился на кожаной подвеске пистолет.

К концу обыска и протокола все устали и иссякли. Видно было общее безразличие и равнодушие к происходящему.

А деньги-то у входа, в ведре, на виду у всех, мимо него сто раз бегал тот, что упрел. В письменном столе, за которым Стецюк писал протокол, и тоже на видном месте лежало приглашение в Варшаву от Кшыштова, но и его умница Стецюк так и не увидел.

Самолюбие старшего следователя по особо важным делам сильно задели досадные промахи, возникшие при обыске. Через год, когда Клинов снова оказался на допросе в Киеве, выдержанный майор даже вспылил, не желая признать и поверить в то, что приглашение было у него на виду и не было замечено.

А ведь именно оно позволило командору бежать из России через Польшу, Чехословакию и Венгрию. В шикарном венгерском ресторане приграничного Шопрона, глотая пьяные слезы от безысходности, под изводящий душу чардаш, шалопай крепко выпьет и с бутылкой водки поздно ночью зашагает через границу в Альпийскую республику.

…Это все неспроста: деньги в ведре на видном месте, а особенно приглашение с вкладышем к внутреннему паспорту, позволяющее выезд за рубеж. Это работа той самой частицы, по-другому – попечителя и хранителя, оберегающего Клинова…

Обыск закончился конфискацией: в принесенный с собой мешок чекисты сложили маленький импортный телевизор, подаренный альпийцами, теннисную ракетку, диктофон и охотничье ружье бокфлинт двенадцатого калибра.

После короткого совета, убедившись, что конфисковать больше решительно нечего, киевляне вежливо попрощались и ушли.

Была середина октября.

Следующий допрос продолжался две недели в Киеве на Владимирской улице.

На прощание, отдавая Клинову повестку на двадцатое февраля следующего года, Стецюк разъяснил: «Когда приедете, Вам будет предъявлено обвинение и определена мера пресечения: заключение под стражу или подписка о невыезде».

«Стецюк, Стецюк, ну кто ж тянул тебя за язык? Зачем было об этом говорить? Ведь заключение под стражу, а это тюрьма КГБ, где он должен будет провести несколько месяцев до суда, в неизбежности которого Клинов не сомневался, его никоим образом не устраивало. Арест, тюрьма, суд, лагерь, где за нарушение вздорного запрета партийных

властей Клинов проведет от восьми до двенадцати лет.

Не понял Михаил Николаевич, не уловил сути подследственного. Мало оказалось двух высших образований, вот и вышел просчет.

Не совсем так, – возразил А-Клинов – хранитель и попечитель Клинова, – нет просчета у Стецюка. Он намеренно подчеркнул именно «заключение под стражу», в расчете на то, что Клинов поймет и решится на побег.

Все прекрасно понял следователь. Он искренне сочувствовал подследственному и сделал максимум, что было в его силах»

***

Декабрь Туманова и Клинов провели в кремлевском санатории Сочи, еще сохранявшем все прелести четвертого управления. Было сыро и холодно, темнело рано, в новогоднюю ночь Клинов искупался в море.

Как только вернулись, сразу стали готовиться к отъезду.

Дело решенное, альтернативы нет, вернее есть, но неприемлемая.

Побег

Одна только мысль о лишении свободы, тюрьме, пересылках, лагерях повергала шалопая в такой ужас, что побег представлялся единственно правильным и разумным, хотя

совершенно неизведанным и страшным делом.

Приглашение Клинову и Тумановой в Польшу от Кшыштова Дрозда позволило получить вкладыши в советские паспорта, разрешающие выезд за рубеж. На девятнадцатое февраля куплены билеты до Варшавы. С Альпийской республикой и польским ляхом идут напряженные переговоры. Договорились, что Этелла встретит их в Варшаве и там будет решено, что делать дальше.

Подельники, друзья, родственники, все, кто знал об отъезде, постепенно свыклись с мыслью и были уверены, что Клинов покидает Россию навсегда.

Эта мысль, сначала его пугавшая, становилась неизбежной и привычной. Все так хорошо начавшиеся дела в России свертываются, возврата нет, и вот брезжит и возникает какая-то другая, неизвестная жизнь.

Девятнадцатого февраля 1990 года в Марьину Рощу попрощаться подтягиваются свои люди. Ведь он вряд ли вернется. Прощальные разговоры. Кто подъезжал, тот и водку привозил.

Надежному человеку – старому товарищу Яничу – на сохранение отдано много денег. «Ха-ха! Говорит, что не вернется, а деньги оставил!»

На вокзале все прошло сумбурно и весело, будто проводы в пионерский лагерь. Обнимались, целовались, пели, что-то пили. Может быть, даже кто-то и плакал. Но чего не видели, того не видели. Хотя почему бы и не поплакать. Ведь точно

не вернется.

***

Поезд отстукивает свой железный ритм, а беглецы, занимая все четыре места в купе, пьют дальше, обсуждая попутчиков, проводницу, предстоящую таможню, да и то, что Тумановой еще предстоит возвращаться, а вот когда и как все сложится – никто не знает.

Они почти уверены, что в их совместной жизни это последние дни. Будущее по отдельности представлять не хочется, да и не получается. И оттого подкатывает и сжимает горло.

На душе сумерки. Водка, конечно, смягчает остроту безнадежности. Но она сильно жмет, и они снова наливают. Сколько же этих рюмок, а точнее стаканов. Уж не берет водка-то, но другого способа избавиться от страха неизвестности, сейчас нет.

В Бресте, в сумрачном ночном освещении, никак не могли взять в толк, чего хотят эти люди в форме. Потом поняли – граница.

Преодолевая рвотные позывы, нашли паспорта и вкладыши. На лицах форменных людей нескрываемое осуждение. Им не нравится эта пьяная пара. За окном вагона в сумрачном февральском утре мелькают серенькие польские дома, поезд несется по чужой стране.

Водки осталось мало, но для того, чтобы подавить общее отвращение, хватит.

В огромном варшавском вокзале неожиданно встретили Лестерова. Он знал о контрабанде и не удивился, увидев Клинова.

***

– Какая встреча, Федор Георгиевич, да с такой интересной сподвижницей! – подмигнув обоим, воскликнул Лестеров с явным намеком, понятным только Клинову.

Шалопай вспомнил неприятную историю, закончившуюся легким бланшем.

Не так давно, ну, может быть, пару или тройку недель тому назад, когда возник срочный вопрос по отправке товара в Альпийскую республику, он никак не мог дозвониться Лестерову, а тот попросту в это время пьянствовал. Клинов приехал к нему домой. Транспортник был пьян, однако дело свое знал.

– Георгич, с «Совоктранслогик» я договорился, надо только сделать предоплату, – говорил он заплетающимся языком, но вполне вразумительно.

– Ну, хорошо, что так, – успокоился Клинов, – а то я уж думал, все пропало.

– Не, не пропало, Георгич, я все сделал, давай отметим.

Трясущейся рукой он налил гостю полный стакан, себе плеснул чуть-чуть, и тут в комнату, запахнувшись в домашний халатик, поправляя светлые волосы, вошла молодая женщина.

– Вот, Зин, это мой начальник, познакомься, отправляем

контрабанду, и скоро будут деньги. – Он выпил, понюхал корочку черного хлеба, посмотрел на Клинова, потом на жену. – Ну, вы тут выпейте, а я немного отдохну, – и нетвердой походкой ушел в другую комнату.

– Я Федор, – Клинов протянул даме руку.

– Очень приятно познакомиться, Сашка рассказывал о вас, меня зовут Зина.

– Мне тоже очень приятно, такая неожиданная встреча с такой очаровательной женщиной, по этому случаю можно и выпить.

– Согласна с вами.

– Ваше согласие, Зиночка, дорогого стоит, ваше здоровье.

Совместная выпивка располагает людей друг к другу. Зиночка становилась все очаровательнее и, что интересно, привлекательнее.

Выяснилось, что она преподаватель марксизма-ленинизма в университете, а он коммунист с двадцатилетним стажем. Это еще больше сблизило. Они перешли на диван. Шалопай погладил открывшееся очень соблазнительное колено. Зиночка откровенно взглянула на него, и тут в комнате неожиданно появился заспанный Лестеров.

Недолго думая, Сашка звезданул начальнику в глаз, Зиночка взвизгну, хотела было убежать, но оскорбленный муж успел перехватить изменницу. Халатик остался у него в руке, голая дама инстинктивно присела, а Федор отметил ладные перси и бедра.

***

Искренне порадовавшись встрече, поговорив о текущем моменте, они разошлись. Лестеров, слава Богу, не ведая, сколько ему осталось в этой жизни, покатил на родину. Через пять лет, будучи в сильном подпитии, он будет убит в Сокольниках.

Клинов же с тяжелым сердцем, полным безрадостных ожиданий, с неунывающей Тумановой отправился на встречу с Этеллой в отель «Мариотт».

Прождав напрасно около трех часов и давно поняв, что никто не придет, москвичи совсем приуныли.

Недалеко от вокзала нашли почту, позвонили Кшиштову. К телефону не подходят. В Москву звонить – только создавать тревогу. А денег-то польских нет. Нет и привычной в Москве раскованности. Одинокие и потерянные, они медленно бредут по чужому городу.

По адресу, который указал Кшиштов, никого не оказалось. Пся крев, матка бозка. Хорошо хоть приглашение прислал.

***

Только сейчас, в безрадостной и враждебной Варшаве, мадемуазель отчетливо увидела безнадежность их положения. Ей бы остаться там, в Москве. Вовсе не обязательно было ехать вместе. Тем более что в Альпийской стране ждут только его. С другой стороны, ей хотелось побывать за границей, да и отпустить Клинова одного было бы просто свин-

ство. Он хорошо держится, но скрыть не может, как изводят его сомнения.

Тюрьма, СИЗО, этап, лагерь, зона, заключенные. Картины иной жизни обрываются, потому что разум не хочет их рисовать.

Ночью, прижавшись, друг к другу, они сидят на вокзале среди бродяг. Спать – не поспишь, только измучаешься. Напротив них развалилась старая вонючая шлюха. Она не просто сидит или спит – она выбирает вшей из слипшихся волос и сбрасывает их на пол.

Некуда от этой публики деться. Отошли в сторону – и оказались рядом с гнусной рожей, которой пришлось отдать недопитое пиво.

Утром, кое-как приведя себя в порядок, снова отправились в «Мариотт» снова ждать встречи с Этеллой.

Не сказать, что свыклись, и не то, что утром обязательно просыпается оптимизм, а, может быть, просто надежда никогда не оставляет нас, но шли они как-то увереннее, будто не все так уж плохо.

На командоре темное, наглухо закрытое, видавшее виды пальто, темно-серая восьмиклинка из плотного твида. Мадемуазель в легкой шубке, на кудрявой головке сиреневый шерстяной шарф.

Красивая, молодая, смышленая авантюристка. Да и как иначе назвать человека, очертя голову бросившегося в сомнительные предприятия, да еще в компании с этим седым

гулякой и балагуром.

События теперешней жизни во много раз интереснее и занимательнее, чем развлечения в суздальском гостиничном комплексе в компании с высокой блондинкой Лесей из украинской глуши. Мы вернемся к ее судьбе позже.

***

Так вот они и идут, с теплящейся надеждой, думая каждый свою невеселую думу.

Тем временем Этелла и Штуцер на вместительном бежевом «Мерседесе» представительского класса уже подъезжают к варшавскому вокзалу. Сами того не ведая, они опаздывают на сутки. Да и никто не ведает, потому что Клинову пить надо меньше или вообще этого не делать, раз с памятью такое творится.

Случай тривиальный: банальное пьянство отшибло память, и о том, что встреча должна быть двадцать первого, а не двадцатого февраля, пока им невдомек. А они сидят в Варшаве, клянут судьбу, звезды, свое невезение.

Так что и это недоразумение, которое не очень сильно, но все-таки нарушило план, свидетельствует:

«…Никогда и никого не вини в своих несчастьях. Все, что с тобой происходит: и плохое, и хорошее, и удачи, и неудачи, – все это сам создал или разрушил. Имей Бога в сердце – и тебе воздастся по заслугам твоим…»

Когда темно-серая кепка и легкая шубка подходили к фешенебельному «Мариотт», из представительского «Мерсе-

деса» бежевого цвета вышел долговязый Штуцер в тонких очках. Он обогнул любимое авто, открыл дверцу и помог выйти красивой даме южного типа. Дама, обворожительно улыбаясь, близоруким взглядом скользнула по странной паре, огляделась вокруг, снова поглядела на замечательную парочку, призадумалась, потом бросилась к ним.

Ну вот, встреча и состоялась.

В субботу венгерское консульство в Варшаве закрывается в два часа. Сейчас двенадцать. Времени в обрез. Московский поезд уходит во второй половине дня, и можно успеть проводить мадемуазель.

Консульская дама, у которой голова уже пошла кругом, особенно от южной красавицы, стукает в советский паспорт Клинова венгерскую визу и на простом мадьярском говорит: «Поставила я визу, хотя делать этого нельзя, но, может, это вас устроит».

Печать в советском паспорте, который паспортом является лишь в СССР, действительно всех успокоила. Удовлетворенная компания приятно пообедала, приободрился и Клинов.

А уже через час мадемуазель Туманова со щемящим чувством смотрела из окна отъезжающего поезда на бледного и измученного Клинова. Увидятся ли они? Здесь, на варшавском вокзале, он был уверен: больше им друг друга не видать.

Сумерки надвигались прямо на глазах. Штуцер быстро и

уверенно гнал авто к границе с Чехословакией. Этелла оживленно болтала с ним, а измученный контрабандист, не спавший и выпивший, дремал на заднем сиденье.

После бессонной варшавской ночи среди бродяг мягкий комфорт сладко убаюкивал. Не было Киева, следователя, контрабанды, только покой да мерное покачивание автомобиля.

Поздно ночью на пограничном переходе в Цешине поляк махнул рукой, и вот они уже на чешской стороне.

Чех же пограничник несколько раз обошел шикарный «Мерседес», как бы примеряясь к пассажирам. Потом что-то не то спросил, не то сказал, его не поняли, и тут дернул черт Клинова вякнуть: «Да мы из одной компании, что разглядываешь?»

Лучше бы молчал.

Чех как с цепи сорвался! Видно, не понравилась ему компания. К тому же он запросто чесал на русском.

Держа в руке советский паспорт Клинова с удивительной, непонятно как попавшей сюда печатью венгерского консульства, пограничник просто из штанов выпрыгивал от переполнявшего его благородного возмущения: «Очень интересная компания! Очень, ну очень интересно, как это все в одной компании!»

Дело принимало плохой оборот.

Альпийский гаер вышел из машины, незаметным жестом пригласил зануду-чеха в сторону, что-то сказал, слазил во

внутренний карман – и вот уже «Мерседес» несется по тесным дорогам Чехословакии. Заночевали в старой придорожной гостинице в Тренчине.

Чешско-венгерскую границу пересекли спокойно, без проблем. Штуцер, не выходя из машины, показал веером три паспорта, и, несмотря на то, что впереди предстояло самое тяжелое, все трое вздохнули с облегчением.

То, что предстояло, Клинову пока не сказано. Да и стоило ли говорить раньше, чем они доедут до Шопрона? А предстоял нелегальный переход границы. Справедливости ради следует все-таки сказать, что время было необычное.

Необычное время, будоражившее весь мир, способствовало удаче беглеца. Это потом, когда все окажется позади и начнет забываться, пристрастный наблюдатель найдет несоответствия, укажет на какие-то очевидные просчеты в действиях. Такой дока непременно и, прямо скажем, резонно заметит: «Ну а ведь можно было бы так-то и так…»

На венгерской территории приходится ехать медленно, с тем, чтобы в Шопроне быть к вечеру.

Граница

На окраине Шопрона контрабандист с подельниками, усталые и голодные, заняли столик в фешенебельном ресторане. Всех троих поразила роскошь этого деревенского заве-

дения с казино и другими развлечениями, которые теперь не вызывали даже праздного любопытства. Отсюда в Альпийскую республику Клинову предстоит идти пешком.

– Если не встретят пограничники, сначала мадьярские, потом альпийские, часа за два с половиной или три можно добраться до деревни Мебиш.

– И ты уже у нас, – переводит Этелла четкие инструкции Штуцера, выражение лица которого убеждает, что он все хорошо понимает.

Клинову хочется спать. Двое суток побега от всевидящего ока Киевского КГБ, две границы, три страны. Без отдыха, а только подливая водки. Он на пределе сил, в состоянии тщательно скрываемого напряжения. Нервная дрожь мешает говорить, и он лишь кивает головой, чтобы подтвердить, что все, что ему говорится, он слышит и запоминает.

«Так, так…. Все-таки не каждый день границу переходим, к тому же тайно, то есть нелегально. Нелегально! Пожалуй, только сейчас обнажилась реальность ситуации, без иллюзий и фантазий».

«Ну а если его увидят пограничники, могут ведь застрелить?» Наивный вопрос вызвал горькую усмешку: «Чему быть, того не миновать!»

– Федя, давай-ка поешь, – растормошила его Этелла.

Перед ним стояла рюмка водки и дымился аппетитный бифштекс. Он выпил, попросил налить еще и попробовал бифштекс.

– Я в норме! Готов к преодолению вражеских рубежей!

– Теперь остался один вражеский рубеж — венгерский, а дальше будут твои новые и даже родные рубежи. Вот тебе десять тысяч, – Этелла протянула пачку денег, – здесь шиллинги и форинты. Полторы–две тысячи отдашь за ресторан. Две тысячи — на мадьярских пограничников, остальные — на альпийских. Я, Федя, буду за тебя молиться, чтобы все прошло нормально, и я уверена, все так и будет!

Водка сделала свое дело, и Клинов внимательно слушал, понимая, что тут уже не до смеха.

– А что говорить, если такая встреча вдруг да и произойдет? – спрашивает Этелла у предводителя.

– Пусть скажет, что заблудился, – ржет гаер, и обстановка разряжается.

– По пути встретишь, – продолжает Этелла переводить инструктаж Штуцера, – вспаханные полосы и проволочные заграждения, в этих местах надо идти осторожно, не задевай проволоку, смотри внимательно. Не думай, что там кромешная темнота.

– Интересно, ходил он там, что ли? – удивляется Клинов, а Штуцер продолжает:

– Ничего не бойся. Но имей в виду: граница есть граница, поэтому будь предельно осторожен, но одновременно надейся на лучшее.

– Если это так, то, может быть, лучше днем пойти? Всем вместе? – Тут уж смеются все вместе.

– Повторяй за мной, – инструктирует Этелла, – «Я политический беженец! Политише азыл!» — это скажешь альпийским пограничникам, ну естественно, когда они появятся.

Договорились, что Этелла и Штуцер будут ждать Клинова на альпийской стороне, в деревне Мебиш. Деревня маленькая, пивная одна, мимо не пройдешь, работает круглые сутки.

– Все будет хорошо, – Этелла поднялась, потрепала Федора по плечу. Штуцер в пальто ждал ее у выхода. – Ты уже почти на свободе, осталось совсем чуть-чуть!

– Надеюсь. Ты тоже не волнуйся, прорвемся. Ничто не может нас вышибить из седла. Иди, Этелла, Штуцер уже бьет копытом, пока!

«Точно! Ганс бывал в этих местах, иначе вряд ли смог бы так хорошо ориентироваться! Теперь мне надо отсидеться здесь, в ресторане, пока не стемнеет», – командор позвал официанта.

– Принеси бутылку водки, – официант не понял просьбы. «Не понимает», – отметил Клинов и сказал по-английски: – Give me please one bottle of vodka. – «Нет, не въезжает».

Он нарисовал бутылку на салфетке, и, видимо, зря, потому что официант понес что-то совершенно неразборчивое.

Мадьяр никак не мог взять в толк, зачем этому и так изрядно выпившему русскому здесь, в ресторане, целая бутылка. Клинову же хотелось самому подливать себе по мере на-

добности. Но то ли он уже был хорош, то ли официант тупой, из объяснений ничего не вышло, тем не менее Клинову стали приносить по дозе — по сорок граммов. В конечном счете это даже понравилось.

«Выхожу в девять вечера, – прикидывал контрабандист, – по дороге через четыреста метров направо, там под уклон, дальше виноградники, вдоль них идти долго. Интересно, сколько? Если, как говорил Штуцер, я до Мебиш дойду за три часа, прибавлю на всякий непредвиденный случай еще час, получится всего часа четыре, и тогда к ним я приду в час или два ночи. Нормально!»

– Время еще есть, немного, конечно, но осталось, – размышлял попечитель. – Можно же передумать? Обратно дороги не будет, это последний рубеж, когда еще можно сдать назад, – вещал строгий голос. – Так, может быть, вернемся?

– Э, нет, – возражал подопечный, – решение принято, не надо меня провоцировать. Двум смертям не бывать, одной не миновать!

– Ну что ж, считай, что это приговор, прекращаю провокации, зови халдея, чтобы принес водки!

Перед ним, вместо официанта, в шляпах с пером возникли четыре толстяка в красных, расписанных золотом жилетках и белых апаш-рубашках. В руках у мадьяр были скрипки.

«А ведь я их ждал, – мелькнуло в пьяной голове. – Гуляю напоследок!». Шалопай дал мордатому мадьяру сто форин-

тов, предназначенных пограничникам, и скрипки рванули.

Удивительное дело: безнадежность сменилась приятной грустью.

«Такой класс эти мадьярские скрипки! А граница никуда не денется. Подождет граница!»

Толстяки в жилетках знали свое дело. Они виртуозно играли чардаш за чардашем. Не было только Монти. Беглец махнул мордатому, отдал еще сто форинтов и попросил Монти. «После Монти ухожу!» Они играли только ему. В ресторане больше никого не было. Мадьяры сняли шляпы, утерли пот и сели неподалеку.

«Пора, – сказал себе контрабандист, – ровно девять вечера по Гринвичу».

Он купил сигареты, помахал скрипачам и вышел. В кармане, припасенная еще в Варшаве и уже ставшая привычной, стояла бутылка водки.

Для февраля было тепло. Пустынная улица быстро кончилась, и он оказался на плохо освещенной дороге. Отсчитав примерно четыреста метров, свернул направо.

«Смотри-ка, точно, уклон! – Это была не шоссейная, но хорошо накатанная проселочная дорога. – Надо же так помнить! Нет, это не феноменальная память. Ганс со свойственной ему педантичностью специально изучил эту местность! Ну что ж, придется отдать должное альпийскому бизнесмену. Однако это потом. Сейчас надо идти вдоль склона, вдоль бесконечных виноградников, по мягкой рыхлой земле».

Когда глаза привыкли, оказалось, что не так уж и темно. Вполне различался невысокий кустарник и просветы в нем.

«Интересно, сколько времени я иду? – прикидывал Федор, трогая в кармане бутылку. – Уже не менее тридцати-сорока минут. Пожалуй, можно и отдохнуть. До границы еще идти и идти».

Мысль о границе ослабила невесть откуда взявшийся оптимизм. Он присел прямо на тропе и достал бутылку. Предвкушение снова воодушевило.

Изрядно отхлебнув, он закурил. Тут же спохватился по поводу огня, но благодушие уже растекалось внутри, и никакие пограничники его больше не беспокоили.

«Какие там пограничники, – расслаблялся шалопай, растянувшись в наглухо застегнутом пальто вдоль тропы. – Да если и встречусь, что ж это я – да не договорюсь! Ерунда! Договорюсь, конечно! Может, с альпийцами окажется сложнее, но уж с мадьярами договорюсь точно».

Ему представлялось, как он выпьет с пограничниками, потом даст денег, ну и, конечно, пойдет себе дальше, а они, пограничники, пойдут своей пограничной дорогой.

Он поднялся, отряхнул пальто, поставил остывшую бутылку в карман и пустился дальше в неизвестность по еле видной тропе.

«Ну, наконец-то, – с облегчением сказал себе беглец, когда совершенно неожиданно наткнулся на тонкую, сильно натянутую проволоку. – Вот тебе и граница! А ты гово-

ришь», – неизвестно к кому обращаясь, не то подумал, не то сказал шалопай.

Сказал или подумал – уже не имело значения. Он сделал это!

Все леденящие ожидания позади. Он прошел, повезло, вернее не повезло, а не так уж он и грешен, что ему способствует удача.

Робкая, застенчивая мысль о Создателе, помогающем и всепрощающем, мелькнула и пропала. Пропала только на время, потом вернется и станет осознанной и глубокой. Пока же атеизм силен, но уже теряется его четкость и незыблемость, потом исчезнет, как бездарная, ненужная, навязанная догма...

Когда улеглась, успокоилась радость от пересечения границы, вернулась реальность пограничных виноградников, он отметил, что еще идти и идти, и сказал себе: «Давай-ка, одинокий волк, в связи со свершением махнем по маленькой, отдохнем, а там уж вроде немного осталось до Мебиш».

Он пролез под туго натянутыми проволоками, оставил отчетливые отпечатки своих стоптанных башмаков на следовых полосах границы, отшагал еще сколько-то, и, считая, что уже в Альпийской республике, выбрал местечко, чтобы принять водочки.

И тут, неожиданно о прошлом напомнил хранитель и попечитель А-Клинов: «Давным-давно был памятный разговор на Чистых прудах. Дед сидел на корме лодки, Федя – на

веслах».

– Дедушка, что Вы делали на Дальнем Востоке перед войной?

– Чтобы японцы, союзники фашистской Германии, не решились напасть на нашу страну с востока, я был внедрен в военную разведку Японии и передавал им дезинформацию о том, что у нас на Дальнем Востоке очень сильная армия, которая разгромит японцев, если они вздумают напасть на Советский Союз.

Для выполнения задания у меня были документы, по которым мог свободно пересекать границу».

Этим напоминанием о том, что дед свободно мог пересекать государственную границу, А-Клинов хотел подбодрить подопечного.

Водки осталось мало, шалопай ее допил, пустую бутылку оставил под деревом, и радостно зашагал навстречу свободе. Он шел с хорошим настроением. Впереди наметился просвет, сначала еле заметный, потом стал виден отчетливее.

Он обостренно чувствовал время: два перекура, после следовой полосы еще два раза приложился к бутылке. От быстрой ходьбы стало жарко, пролезая под проволоками, вообще взмок, не то от усердия, не то от волнения. Его внутренние часы отсчитали четыре часа.

«Сейчас час ночи, – решил Федор, – кажется, я у цели: впереди – та самая деревня Мебиш».

Одновременно с долгожданным открытием шалопай

неожиданно оступился, взмахнул руками, осел назад, потом вбок, падая, ударился головой обо что-то твердое, сознание помутилось, и он скатился, оказавшись над самым поворотом дороги.

Придя в себя, он понял, что лежит на краю подпорной стенки, над дорогой: «Еще немного – свалился бы вниз и точно свернул бы себе шею»!

Ну вот, ты в Альпийской республике!

«Эх, мать, – пронеслось в голове, – знала бы ты, где сейчас обретается твой сын!»

***

В четырехэтажном доме, стоящем покоем в Северном пригороде, нарушив тишину глубокой ночи, зазвучали настенные часы и торжественно пробили один раз.

В тот же миг сердце Арины остановилось, потом забилось так, словно хотело выскочить из груди. Она вздрогнула от пронзившей ее боли, опустила на колени вязанье, поискала глазами корвалол, он всегда был под рукой, выпила, и тахикардия стихла.

«Сынок, Феденька, где тебя носит, неугомонный ты мой? Не случилось бы чего. Помоги тебе Бог, – она перекрестилась на образа Девы Марии и Николая-угодника».

На чужбине

Пивная в Мебиш

Федор осторожно спустился по подпорной стенке, выложенной камнем, отряхнулся и двинулся по узкому асфальтированному шоссе искать пивную.

В маленькой пивной было тепло и уютно. Клинов приоткрыл дверь, с опаской осмотрелся и вошел. Дама средних лет, видимо, хозяйка, с сигаретой в уголке рта поставила перед двумя пожилыми альпийцами пиво; у окна за пустым столиком курили Этелла и Штуцер.

Увидев Федора, Этелла бросилась к нему, обернулась к хозяйке и альпийцам, волнуясь и улыбаясь, сказала:

– Это наш человек, мы его ждали, он пришел из Шопрона, он политический беженец!

Клинов снял кепку, расстегнул пальто, растерянно топтался у дверей. Этелла, продолжая рассказывать, как ехали через границы, взяла его за руку, отвела за столик. Штуцер попросил всех угостить водкой, позвал альпийцев.

Выпили, водка взбодрила Клинова, оживила ночных завсегдатаев пивной, ставшей, как выразился Ганс, отправной точкой русского на пути в свободный мир. Клинов успокоился, снял пальто, попросил налить еще. Этелла расспраши-

вала, как он себя чувствует, говорила, что все теперь позади, одновременно рассказывала хозяйке про вредного чеха на границе и как Гансу удалось его успокоить.

Про смену власти в ГДР и Венгрии хозяйка слышала, но из контекста было ясно, что она равнодушна к этой теме. Штуцер курил, что-то тихо пояснял старым альпийцам. Клинов, не понимая, о чем речь, неожиданно подумал, что старики наверняка воевали против русских.

Так глубоко ночью в альпийской деревне был отмечен удачный рейд контрабандиста, а возможно, политического беженца!

***

Открыв глаза, Федор обнаружил, что светло, а он находится на раскладушке возле окна. Хотелось узнать, сколько времени, где сподвижники, что происходило с тех пор, как они уехали из пивной в Мебиш. Спросить было не у кого.

– Привет-привет, – радостно улыбалась Этелла, входя в комнату.

«Удивительно, она вообще всегда улыбается, – вспомнил Клинов, – и когда все хорошо, и, как сейчас, когда все безумно плохо, а она улыбается».

– Ты спишь примерно восемнадцать часов. Мы уже несколько раз приходили тебя будить, беспокоились. Разве можно столько спать? Отлежишь себе все.

Этелла говорила, ни на минуту не оставаясь на месте, что-то прибирала, перекладывала, было видно, что здесь она хо-

зяйка.

Вошел крупный мальчик, в котором Федор не сразу узнал своего племянника Жоржа. Он и Этелла были очень похожи друг на друга. Ему чрезвычайно интересен был новый человек, родственник, дядька.

А вот еще два члена интернациональной семьи: в комнату с девочкой на руках вплыл Ганс Штуцер. Трехлетняя Лола, черноглазая кокетка и каприза, с неподдельным любопытством смотрела на чужого дядьку, который теперь будет здесь жить. Она еще не знает, хорошо это или плохо.

***

Постоялец изменил их жизнь. В просторной четырехкомнатной квартире трехэтажного дома в тихом пригороде альпийской столицы появился не то гость, не то родственник, соседям известно лишь, что он из России.

Клинов не считал себя нахлебником. Как-никак несколько контрактов реализовано с огромным преимуществом альпийской стороны, а по последней сделке прибыль была просто баснословна.

С другой стороны, его спасли от тюрьмы. Здесь он в безопасности, КГБ его не выдадут. Правда, у него не только нет прав, но и просто его здесь нет. Клинов – нелегал.

Там, на родине, его положение из плохого превратилось в ужасное: к предъявленной статье Уголовного кодекса «Контрабанда» прибавилась еще одна – «Измена Родине».

«Контрабанда», «Измена Родине» – эти категории особо

тяжких преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР 1939 и РСФСР 1960 года, карались вплоть до смертной казни.

В 1939 году Островский был осужден Особым совещанием при НКВД на 8 лет, теперь, через 50 лет, Клинову грозило 12 лет – какая-то мистическая связь и зловещая параллель в судьбах деда и внука.

Прошло несколько дней. Федор с осторожностью, хотя вроде бы бояться нечего, но так, на всякий случай, мало ли что, поглядывая по сторонам, невольно определяя, нет ли русских среди встречных людей, стал выходить из дома.

Зашел в «Billa» и был поражен изобилием. Вот он, корень стремления соотечественников уехать за границу! Чего только нет! Колбасы, сыры – выбор такой, что глаза разбегаются. Вот главный аргумент, который манит обывателя и которому, кроме лозунгов, нечего противопоставить!

Равнодушный к продуктовому изобилию, даже Федор такого не ожидал. Он обошел ряды бакалейных, кондитерских товаров, сравнивал цены, с удовольствием отметил, что «у нас есть продукты дешевле».

Жизнь контрабандиста постепенно входила в незнакомое русло чужой семьи, вдали от привычного и независимого уклада. Неотступно стучала мысль: «А что дальше?»

Эта же мысль не оставляла и Этеллу.

Только Жорж, сразу и искренне привязавшийся к беглецу, проявил к нему расположение, и никакие расчеты не омра-

чали их приятельские отношения.

Жорж обладал безупречным слухом и много времени отдавал музыке. Несмотря на желание матери приобщить его к бизнесу, он упорно занимался эстрадой, учился игре на гитаре.

По своей природе Клинов, как и Жорж, был музыкален. В Жорже он видел несомненное музыкальное дарование, всячески поощрял его, и это еще больше их сближало.

Жизнь Клинова выглядела комфортной. Не имея никаких обязанностей или занятий, он много времени проводил с племянником. И это было очень кстати: парню не уделялось внимания. С отчимом его отношения не сложились с первого дня: альпийский гаер сух и педантичен, склонен к догмам, часто нетерпим и занудлив. Было известно, что и со своими двумя мальчиками, оставшимися от первой жены, он не хотел видеться.

Politisches Asyl

Однажды утром Штуцер и Этелла пожаловали к Клинову. Стало ясно: неспроста, пришли с решением.

– Мы все обдумали, – расточая улыбки и оптимизм, заговорила Этелла. – Ганс считает, что надо оформлять статус политического беженца.

Этелла тут же отметила, как Федор изменился в лице.

– Если я правильно понял, то мне после легализации надо будет учить язык, возможно, удастся устроиться на работу, жить придется у вас. А других вариантов нет? – вопрос повис в воздухе.

– Нет, дорогой, мы думали, это единственное в нынешних условиях решение, конечно, если только ты не решишь вернуться в Россию. Но я думаю, что не вернешься. После того как получишь статус политического беженца, ты легализуешься, будешь получать пять тысяч шиллингов, бесплатно будешь заниматься языком, ты станешь полноправным гражданином страны. А главное, статус политического беженца дает тебе защиту: КГБ не сможет тебя затребовать, и тебя не выдадут.

Клинов опустил голову. Только сейчас со всей ясностью он понял недоступность прежней, оказывается, такой классной жизни. С безнадежностью и тоской он смотрел на говорящих, но, поглощенный безрадостной перспективой своей жизни, не слышал их.

Те увлеклись, часто переходили с альпийского на английский. Ганс явно лучше, чем Этелла, владел английским. Он обстоятельно излагал, что нужно делать. Главное же в том, что эрудиция и знание предмета делали его мнение убедительным.

От Клинова ничего и не требовалось. Только согласиться и рассказать некоторые детали.

После нескольких дней обсуждений на трех страницах от

первого лица была изложена история о том, как сотрудника крупнейшей компании Советского Союза в период деловой поездки на балтийский химический завод вместе с задержанными демонстрантами забрали в полицию, предъявили обвинение, держали в камере, а затем, взяв подписку о невыезде, отпустили.

В истории упоминались детали, пустяки, конкретные фамилии. Клинов бывал в том городе, и именно в описываемый период там были волнения.

Правда о тех событиях, мастерски изложенных в заявлении с просьбой о предоставлении политического убежища, удачно переплеталась с вымыслом. Так что вполне можно было поверить в правдивость легенды и преследование по политическим мотивам.

Ганс навел справки по поводу условий и практики получения политического убежища. Время самое подходящее. Из Союза несколько человек уже получили это самое убежище.

Заявление приняли. Из него следовало, что он подвергся гонению по политическим мотивам и потому бежал.

В назначенный день в мрачном старом здании он занял очередь для получения статуса. Впереди стояли невзрачная мадьярка и несколько темнокожих парней. Пакистанцы, индусы или кто-то вроде того. С мадьяркой разговора не получилось. Девицу трясло не то от страха, не то от какой-то болезни. С индусами разговаривать и вовсе не хотелось.

Оформление продолжалось целый день. Их обмеряли,

взвешивали, описывали приметы, снимали отпечатки пальцев. Вопросов не задавали. Процедура была отработана до мелочей. А Клинова неотступно преследовала мысль, что именно так же происходило в концлагерях и в тюрьмах.

Персонал выполнял рутинную процедуру с невозмутимыми лицами, молча. Они презирали эту жалкую публику. Клинов долго не мог забыть гнетущего впечатления и ощущения собственной ничтожности. Но все проходит, прошло и это.

На бумажке с фотографией указывалось, что он является политическим беженцем и находится под защитой конвенции, принятой, кажется, в Швейцарии несколькими европейскими государствами.

Такую бумажку получить непросто. Политический беженец может работать, получать страховку, более того, ему, пока он не работает, полагается денежное пособие, а главное, его не могут выдать по требованию властей другой страны, в данном случае России.

На пособие можно существовать, хотя и очень скудно.

Здесь, в этом мрачном здании, все без исключения просители политического убежища были молодыми людьми. У них было достаточно времени — целая жизнь впереди, чтобы стать своими в чужой стране. Адаптация пройдет быстро и незаметно. У Клинова большая часть жизни была позади, времени на адаптацию, чтобы стать своим, у него не было.

Только здесь он начал понимать эту мрачную перспективу, постичь которую раньше не мог. В нем подспудно начало

зреть радикальное решение…

Тем временем жизнь продолжалась вне зависимости от того, получит или нет Клинов политическое убежище.

Ганс крутил мошеннический бизнес — кстати, в основном в России. Этелла хлопотала по дому, водила трехлетнюю капризулю в детский сад, готовила мужу обед, одновременно пила крепкий кофе, курила, подолгу говорила по телефону.

Она была центром вращения: вокруг нее всегда били ключи, улыбки — одним словом, легкость. Она яркая, представительная, часто уезжала с Гансом на переговоры. Но понять глубину раздумий Федора не могла: их разделяла разница в пятнадцать лет, перешагнуть которую вряд ли кому-нибудь удается.

Через две недели после того, как он занял очередь в мрачном старом здании, Клинову выдали документ, и с этого момента он приобрел статус politisches Asyl.

Теперь, когда аусвайс в кармане и Клинов легализован, он ушел на второй план: текущие дела хозяев вытеснили его проблемы.

Пленник

Дел-то много, а денег мало. Это обстоятельство его удивляло. Всего месяц назад по договору с Гансом крупнейший химзавод отгрузил десять тысяч тонн экспортной продук-

ции. Сделка была товарообменной: из России на полтора миллиона долларов поставлено продукции, а в Россию — всего на сто тысяч долларов дефицитных товаров.

И не надо удивляться: были и смешнее сделки. Кроме того, часть криминального, то есть контрабандного, товара успела проскочить границу, а уж по этой сделке соотношение просто не лезло ни в какие ворота!

Глядя на жизнь родственников, Клинов диву давался: «Что ж так бедно?!» Спрашивать не позволяли деликатность и положение гостя, а точнее, чувство должника, потому что был избавлен от тюрьмы.

Прошло полтора месяца.

К Клинову стали привыкать. Да и он в какой-то степени адаптировался к непривычным условиям обитания. Он обошел все окрестности, побывал в разных концах альпийской столицы. Город оказался небольшой. Очень красив в центре. Много зелени. А она только пробивалась. В остальной части город неинтересен: сер и однообразен.

Впервые в жизни у него оказалась уйма свободного времени. В одночасье пропали, исчезли ставшая привычкой обязательность и обостренная ответственность за множество поручений, собственных разработок и замыслов, намеченных встреч и командировок, прочих больших и малых дел в Ведомстве, не говоря о личных контактах и конфиденциальных мероприятиях. Без выходных и отпусков, когда подчас некогда оглянуться, а иногда забываешь, что есть простые житей-

ские радости, не требующие мобилизации сил.

В Ведомстве и главке, в Спецшахтопроекте и в Донбассе день всегда был забит до отказа. В ежедневном графике для души оставалось крайне мало места. Поэтому если и возникали романтические моменты и ситуации, то исключительно в производственных паузах, легкомысленных компаниях, дальних дорогах и командировках. В таких, скажем прямо, попутных обстоятельствах не было ничего стоящего или хотя бы оставляющего приятное воспоминание.

Все, чем занимался Клинов, он делал старательно, с интересом и настроением, никогда не ныл и не жаловался. Будучи от природы любознательным, он не только расширил горизонт мировоззрения до масштабов огромнейшей страны, но и имел представление о промышленной деятельности европейских стран.

Теперь всего этого не стало, и Федор испытывал мощнейший инерционный стресс, сравнимый с аварийным торможением курьерского поезда.

Каждый день он вышагивал по четыре–пять часов в окрестных городках. Это были аккуратные добротные ухоженные дома без излишеств, обустроенные, обычно в зелени. Наблюдал идиллическую картину чужой жизни, которая подавляла своей многовековой незыблемостью, будто так было всегда в этой Альпийской республике, а время остановилось, хотя была и не одна разрушительная война.

Отмеряя километр за километром, Федор уставал, остро-

та тоски притуплялась, он отвлекался от навязчивой мысли о бесперспективности своего пребывания в чужой стране с непонятной речью, нравами, правилами и безразличием друг к другу.

Но помимо воли неотступно сверлила мысль и мучила неразрешимая задача: что дальше? То, что он здесь не останется, являлось будто бы уже решенным и не подвергалось сомнению.

Однако, соглашаясь с такой гипотетической перспективой, согревающей душу, хотелось этим и ограничиться, поскольку тюремное заключение в России как неизбежное следствие обдавало его леденящим холодом и жутью.

Однажды, забравшись очень далеко от дома, он присел отдохнуть на низком берегу реки. Вода всегда успокаивает. Безмятежное течение скрашивает и уносит навязчивые проблемы, тяжелые думы, гасит и поглощает тоску и утраты.

Еле слышный шум и всплески воды на камушках, птицы, реющие над водной гладью, навеяли воспоминания из времен полувековой давности. Они всплывали одно за другим, выстраиваясь в закономерную последовательность, подчиненную логике и забытым ощущениям тепла, согревающего его ожесточенное сердце.

Здесь, в Альпийской республике, он пленник. Отличное питание, бытовой комфорт. Даже бывают развлечения. Ганс периодически арендует четырехместный самолет, сажает жену, дочь, ну и Клинова, и они летят к горам.

Альпы! Из самолета видны склоны со снегом и лыжниками. Все так далеко, что лыжники видятся точками, а деревья на склонах – кустиками.

Самолет снижается, но видно все равно плохо, и они снова поднимаются к бескрайнему небу. На высоте около семисот метров висят красавцы воздушные шары. Под некоторыми хорошо видны корзины с людьми и горящий газовый факел.

С утра сумбур и суета. Лолу собирают в детский сад. Еще не привыкшая к обществу детей, капризуля упрямится, ее уговаривают на разных языках, одевают. Ганс, взъерошенный и недовольный, везет и сдает Лолиту приветливой воспитательнице.

В доме, где от правосудия скрывался контрабандист, жесткого рабочего графика не было. Была некоторая зависимость от режима трехлетней Лолы. Иногда ее брали с собой, но чаще с ней оставалась нанятая для этих целей нянька – молоденькая девушка, только что окончившая школу.

В первые, после пограничных переходов, дни все участники испытывали чувство удовлетворения от успешно завершенной, сложной и опасной операции по переброске Клинова через несколько границ и спасению его от неминуемого ареста и тюрьмы в России.

Однако течение жизни неумолимо возвращает людей в рутинное русло. Сегодняшний день похож на предыдущий и завтрашний. А те чрезвычайные события все более отдаляются и стираются из памяти.

Клинов становился частью чужого быта, эдаким стареньким мальчиком на каникулах. Денег нет, языка не знает.

Пообвыкнув, он возобновил утренний бег. Вставая раньше всех, он надевал кроссовки и бежал по чистым безлюдным улицам среди аккуратных и красивых альпийских домов.

Дистанция обычно от семи до десяти километров, потом на стадионе разминка. Часа через два, когда он вернется, Жорж уже будет в школе, а Лола – в детском саду. Родственников дома нет, и он в какой-то мере испытывал относительное спокойствие, напоминающее жизнь там, в Москве, в Марьиной роще.

Это, пожалуй, лучшие, но слишком уж непродолжительные моменты в его альпийской жизни. Гораздо больше времени остается ничем не занятым. Вот эта свобода и изводит более всего.

Тоска по родине

Ни бег по утрам, ни многочасовые походы по окрестностям не могли погасить изнуряющую тоску. Привязанность к России, о которой он узнал только здесь, была откровением и открытием.

Вышагивая среди благополучных, уютных и безлюдных пригородов, Клинов мысленно переносился на знакомые, но

теперь недоступные московские улицы.

Там ему часто приходилось бывать среди своих людей, обсуждать текущие дела. Заходили выпить, сидели в офисах, он бывал в разных организациях, часто забегал к коллегам в Ведомство. Всегда с головой в самых разнообразных делах и мероприятиях, на все не хватало времени, многое не успевал, но это-то и была жизнь.

«Эх, а как классно в сплаве на байдарке по Клязьме, Хоперу, Угре!» Теперь байдарок не будет. (Тут он ошибся: через десять лет он все-таки сплавится по той же Угре.)

Для Клинова предполагался такой стратегический план: язык, устройство на работу, жилье, приезд мадемуазель. Этот план постоянно обсуждался с Этеллой и Штуцером, и потому подразумевалось, что Клинов сам всего этого хочет.

Однако, воочию увидев, он сердцем понял, где ему теперь придется жить, и стало ясно, что была б его воля – не стал бы он здесь оставаться. Все пошло по непредвиденному сценарию. Спонтанно.

Дальнейшие его действия, развернувшиеся совсем не так, как они обсуждались, внешне кажущиеся пока импульсивными, на самом деле были совершенно последовательны и подчинены внутренней логике.

Они шли вразрез с согласованными, но совершенно неискренними, построенными исключительно на банальном, бездушном и обывательском расчете, основой которого являются жилье, еда и зарубежная страна.

***

Альпийская весна в самом разгаре, все цветет, непривычно тепло и сухо. Вечером снова зашел разговор о его перспективах, а шалопай возьми и ляпни про деньги. Разговор превратился в скандал и закончился предложением не считать деньги в чужом кармане.

Клинову собраться – только подпоясаться, и утром, ни свет, ни заря, он в сердцах хлопнул дверью и покинул родственников.

Добравшись до мрачного здания, где стал политическим беженцем, шалопай кинул в окошечко аусвайс, потребовал назад свой примечательный паспорт с незаконной визой и отправился на Westbahnhof. Купил билет до Будапешта и сел в поезд «Ориент». До Будапешта примерно три часа пути.

Сразу после отправления пришел веселый пограничник, с удивлением повертел странный документ, решил, что что-то тут не так, сказал Клинову, что ему лучше вернуться назад. Тот из сказанного ничего не понял и спокойно поехал дальше.

А вот и Хегешалом – пограничный переход между Венгрией и Альпийской республикой. Это уже на мадьярской стороне, и порядки здесь другие, пока еще социалистические.

Мадьяр-пограничник с неподдельным интересом изучил советский паспорт с венгерской визой, выданной в Варшаве, и приставил к Клинову вооруженного солдата, который со-

проводил его до Будапешта.

В будапештской комендатуре Клинова посадили под арест. Охранял тот же солдат. Малый оказался добродушный, принес пива, все время что-то говорил на своем непонятном языке, потом камеру закрыл, сам же задремал.

Утром нарушителя границы погрузили в «Ориент», следующий назад, в столицу Альпийской республики, и вскоре он встретился с веселым пограничником, который еще вчера не советовал с таким паспортом ехать в Будапешт.

Так бездарно закончился первый побег из альпийского плена.

Теперь шалопай был вынужден идти на поклон к родственникам. А как не хотелось! Очень страдало самолюбие и не давало покоя. Но реалии жизни оказались сильнее амбиций.

Как побитая собака, он тихо прошел в комнату, которую делил с племянником. Жорж радостно улыбался, принес бутерброды и сообщил, что здесь сильно беспокоились, ругались по поводу него меж собой.

Пришла Этелла, вплыл Штуцер. Деликатно умалчивали про побег, были обходительны и всячески демонстрировали приветливость.

Внук Сталина

Теперь он снова на нелегальном положении. Повторное

предоставление политического убежища категорически исключалось.

Между тем жизнь продолжалась. Заканчивалась теплая солнечная весна. Несмотря на отчаянность и бесперспективность своего положения, Клинов сохранял оптимизм. Он был уверен, что все изменится к лучшему. А это лучшее он видел и понимал исключительно, как возвращение в Россию.

Находясь под следствием в Бутырской, потом в Лефортовской тюрьме, потом в тюрьме УНКВД в Хабаровске, дед тогда, а внук теперь, ни на минуту не сомневался, что все скоро кончится и изменится к лучшему.

Как удивительно устроены люди: они всегда надеются, что невзгоды пройдут, и жизнь снова станет прекрасной и удивительной!

Поначалу возвращение, а, следовательно, возобновление уголовного дела в отношении него представлялись Федору катастрофическими: следствие, тюрьма, пересылки, лагерь.

Не имея уголовного опыта, картины лагерной жизни он заимствовал из книг, рассказов очевидцев, кино, блатных песен, например такой: «Таганка, все ночи, полные…» Богатое воображение повергало его в смятение, он обрывал навязчивые мысли, но они возвращались снова и снова.

Однако мало-помалу шалопай стал привыкать к мысли, что придется посидеть в тюрьме. При этом ему казалось, что отсидка не будет долгой, хотя бы потому, что он хороший, что и там он не пропадет, что и там ведь живут люди.

Все это тяготило и бередило душу, но сравнивая с тем, что у него здесь, за кордоном, как собака на коротком поводке, он выбирал возвращение.

***

У знакомых Штуцера, державших контору Hobby-Gartner по обработке приусадебных участков, шалопаю предложили поработать за шесть долларов в час. Заявление о приеме на работу он не писал. Страховка и медицинское обслуживание нелегалам не полагались.

Его определили в бригаду из двух ляхов и одного серба. Все трое крепкие молодые мужики. Один из ляхов окончил Краковский огородный институт и дело свое знал великолепно, в чем Клинов позже убедился.

К шести утра на два пикапа были погружены шанцевый инструмент, тачки и садовая техника, а в начале восьмого часа бригада уже выполняла работы в семидесяти километрах от конторы.

На большой зеленой лужайке высокопоставленный чиновник крупнейшей отрасли России штыковой лопатой срезал старый дерн. Часов в двенадцать он спросил у ляха про обед и весьма удивился, когда тот долго ржал с приятелем, поглядывая на новичка. Сомнений не осталось: про обед он явно сморозил глупость.

Бригада не обедала. Оказалось, что вообще нет никаких перерывов. Попил воды, перехватил бутерброд – и вперед. Обедали и ужинали поздно, около десяти вечера, в тесной

комнате, где мастера огородного дела жили пять месяцев в году. С ними была пожилая тетка, которая стирала и готовила.

«Ничего себе хобби», – прикидывал чиновник, возвращаясь в одиннадцатом часу с руками, разбитыми в кровь от штыковой лопаты. От непривычной работы ныла спина. Он еле-еле тянул ноги, мучительно хотелось спать.

«Лучше бы не пил я с ними». С другой стороны, надо было познакомиться.

Огородники отнеслись к нему с пониманием и, видно, жалели, он это чувствовал. На следующий день трудились у той же хозяйки, лопата валилась из рук, но он терпел. Теперь ныло все тело.

Днем солнце припекало так, что в глазах темнело, но он продолжал подрезать дерн, хотя лопата стала гораздо тяжелее, а тачка, в которой он перевозил чернозем, норовила вывернуться набок. Из разбитых ладоней сочилась сукровица.

Через две недели он все-таки втянулся, но работал медленнее всех. Сказывался возраст. Ляхи терпели, хотя могли бы все делать и без него.

Последний для шалопая приусадебный участок был недалеко от Бадена. Как всегда, уехали около шести утра на двух пикапах. Участок оказался очень большим.

Старинный дом, огромная территория, фруктовый сад, вьющийся виноград опутал старинную беседку, даже скорее не беседку, а какой-то крытый зимний сад.

Клинов медленно брел среди всей этой красоты. Вспомнились эпизоды из кинофильма «Семнадцать мгновений весны». Ему представилось, что вот в таких усадьбах и жили нацистские бонзы.

«Какой-нибудь пленник, вроде меня, так же ухаживал за садовыми растениями и за этим вьющимся виноградом».

Тут Клинов очнулся, вспомнил про заглохший триммер, пустил его снова в работу и с усердием принялся скашивать сорняки, которые ему указали ляхи, подчеркнув, чтобы он был осторожен и не скосил заодно цветы.

Кто знает, скосил он не то или просто его интеллигентный вид тому оказался виной, только неожиданно, как снег на голову, из-за японского дерева вылетела в крайнем раздражении сухопарая альпийская дама.

Дама оказалась в столь преклонных годах, что можно было с уверенностью предположить, что она помнит старину Мюллера или уж наверняка была знакома с Кальтенбруннером, а возможно, и с Моцартом зналась (нет, с Моцартом вряд ли: уж очень немузыкально она вопила).

Нацистская старуха орала непонятное, но орала так, будто она подозревает или даже уличила его в краже фамильного серебра, доставшегося от Бисмарка.

На вопли бесноватой фрау прибежал лях, что-то быстро и заискивающе сказал, и та, посмотрев на Клинова с удивлением и опаской, замолчала.

Этот прекрасный день стал последним днем обработки

вражеских садов. Шалопай был счастлив, как может быть счастлив раб, только что получивший вольную. В тот же день его рассчитали.

Вечером, выпивая с огородниками, лях объяснил, чем он так поразил альпийскую даму, что она замолчала: «У вас, мадам, сегодня работал внук Иосифа Сталина».

***

Июль. Жара. Дни похожи друг на друга. Первую половину дня он проводил на стадионе. Старался быть незаметным, но при такой малолюдности это не получалось.

Как-то раз старый дородный служитель стадиона, следивший за порядком, заговорил с ним. Не понимая, но уловив доброжелательность, Федор, как мог, рассказал свою легенду, достаточно близкую к реальной. В другой раз они попробовали сыграть на теннисном корте в теннис. Но Клинов плохо видел мяч, а тучный альпиец был слишком тучен и неважно играл.

В конце июля с Этеллой снова возник ненужный разговор о его перспективе. Тут же вошел Штуцер, и шалопай взорвался давно копившимся возмущением.

Он вспомнил подписанный договор о пяти процентах комиссионных. Срывающимся голосом орал, что у него положение собаки на привязи. Оно, в общем-то, так и было: кормят хорошо, дают деньги на сигареты, покупают вещи.

– А кто тебя спас от КэЖэБэ?! – перекрикивал его Ганс. – Сколько стоит твое спасение?! Мы рисковали, но везли тебя

через три границы.

– Ты вез сюда не меня, а гарантии, что получишь еще много денег!

Скандал усиливался взаимным непониманием, языковым барьером, жарой, раздражением от отсутствия какой-нибудь перспективы.

Хозяева устали от Клинова и не могли скрыть недовольства. Пусть с ним столько заработано, что раньше и не снилось. Быт заел всех. Надо было что-то делать, но что? Никто этого не знал.

Ходжа-Ахмет

Утром шалопай снова ушел.

«Теперь без возвратов, хватит. Сначала к Ходже-Ахмету, потом будет видно! Не получится – махну домой».

Эта мысль посещала его все чаще. Деморализующая перспектива лагерей становилась все менее драматичной.

«В соответствии с Уголовным кодексом УССР вам может быть назначено наказание в виде лишения свободы от восьми до двенадцати лет с конфискацией имущества и ссылкой до четырех лет», – декларировал Стецюк. Клинов от этих слов цепенел и был готов на все, только чтобы избежать тюрьмы.

«От восьми до двенадцати – это максимум, ну и что? Да не

такой уж я отпетый преступник, не рецидивист, возьму характеристики. Сам напишу. Не откажут. А потом – примерное поведение, и выйду по УДО. Взять Шураб – это ж была настоящая ссылка, тюрьма, да и лагеря там есть, жил в бараке бывшей зоны, работал. Обошлось. Ну, пошлют на горные работы, например, в Узбекистан. Буду там механиком», – так шалопай успокаивал себя, привыкая к мысли о зоне.

***

Ходжа-Ахмет уехал в Альпийскую республику из Ленинграда по туристической путевке, остался, получил политическое убежище, ежемесячное пособие в пять тысяч шиллингов, учился языку на бесплатных курсах.

Его фамилия скорее удивляла, нежели соответствовала. На самом деле Сергей – обычный парень из Питера, с утра крутился на Mexiko-Platz, менял валюту, приторговывал еще чем-то.

Он всячески помогал Федору, ходил с ним к адвокату, познакомил с разными русскоговорящими людьми. Быстро освоившись в чужой стране, овладев разговорной речью, Сергей ощутимо поддерживал беглого контрабандиста.

Однако действовать надо было Клинову самому. А как – он пока не знал. Некоторое время он тоже потолкался на Mexiko-Platz, пробовал предлагать валюту, но народ шарахался от него и обращался к другим.

Сергей пояснял, к кому подходить, как обращаться с предложением, но уроки впрок не шли. Желающих обратиться к

нему не было: глянув на его изможденное и озабоченное лицо, клиент интуитивно шел к другим – молодым, приветливым, контактным. К тому же предложение валют на Mexiko-Platz значительно превышало спрос, и он обычно оставался без заработка.

Сергей понял, что зарабатывать на торговле валютой у москвича не получится: возраст, манеры – да все в нем выдавало чиновника, привыкшего поручать, приказывать, а не договариваться, идти на компромисс, соглашаться.

Клинов попытался устроиться грузчиком. Его не взяли, хотя магазины держали грузины, говорящие по-русски. Он вызывал подозрение.

Время шло. Днем он мерил город вдоль и поперек, а душные августовские ночи Клинов проводил с большим разнообразием.

Дело в том, что, хлопнув дверью, он лишил себя гарантированного ночлега, а устроиться без денег оказалось проблематичным. Периодически он спал на Westbahnhof.

В ту первую вокзальную ночь все обошлось. В шесть утра пришли уборщики, бесцеремонно растолкали спящих бомжей, велели выметаться. В следующую ночь Клинов устроился на церковной скамейке и уже было задремал, как вдруг услышал шаги: «Ну все, сейчас заметут», – а у него только смешной русский паспорт с венгерской визой и книга «Похождения бравого солдата Швейка», которую он клал под голову.

Каково же было его удивление, когда ночной прохожий оказался приличным пожилым человеком с объемным портфелем.

Они познакомились. Университетский профессор из Белфаста объяснил Клинову, почему бродит ночью возле церкви, а не устроился в отеле, но Клинов ничего из его речи не понял. Зато, узнав, что тот преподаватель, нарисовал на песке эпюру моментов балки на двух опорах. Профессор, видимо, принял его за коллегу, нарисовал на песке еще несколько эпюр, и они славно поговорили о том, что сопротивление материалов имеет общие закономерности в разных странах.

Несколько ночей, скажем прямо, наиболее спокойных, Федор провел у Сергея.

Ходжа-Ахмет познакомил Клинова с одесским евреем. Арнольд, как и многие русские евреи первой волны, жил в Израиле, а жаркое лето проводил в Альпах. Они долго трепались о том, о сем. Клинов без утайки рассказал все как есть, и в этом рассказе подтекстом сквозил вопрос «что делать?».

– Тебе надо возвращаться в Союз, – уверенно сказал одессит. Это был первый, кто вот так просто взял и сказал: «Будь у меня сейчас кто-то в Одессе – уехал бы, не задумываясь. Но у меня там давно никого нет».

«Надо возвращаться в Союз, в Москву, пусть срок, но все равно лучше там, дома», – решение было принято, и Клинову, впервые за последнее время, стало хорошо.

Он уже несколько ночей проводил в укромных уголках го-

рода: к Сергею приехала Наталья, в маленькой съемной комнате с печным отоплением места для Клинова не было.

– Завтра пойду в консульство. Так жить – сил моих больше нет. Пусть тюрьма, но так, как сейчас, я больше не могу.

– Ну, смотри, тебе видней, но имей в виду: останешься - найду для тебя другое, приличное жилье, и не только.

– Спасибо, конечно, Сергей, но я все-таки схожу в консульство.

– Сходи, наведи справки. Раньше не хотел тебе говорить, но вполне возможно, что ты вернешься в Россию, – Сергей стал серьезен, Федор прислушался, почувствовав, что разговор неспроста. – У меня идут переговоры с серьезными людьми. Предполагается крупный бизнес с Россией, ты мог бы в новом деле принять участие, я уже сказал этим людям про тебя.

– Что это за бизнес между странами, не очень понятно?

– Давай так: когда вернешься из посольства, тогда и поговорим.

Не ждали

Консул

Федор подошел к советскому посольству, потоптался возле охраны, нашел консульский отдел. Из расписания следовало, что отдел в этот день не работает.

«Эх, была не была, чему быть, того не миновать», – и нажал кнопку домофона.

– Говорите, – раздался бесстрастный мужской голос.

– Можно войти?

– Сегодня неприемный день, приходите завтра.

Клинов помолчал, подавил возникшее было, сомнение, а потом, глядя в динамик, сказал:

– Мне в Россию надо вернуться.

Замок щелкнул, на крыльцо вышел человек, доброжелательно улыбнулся и жестом пригласил войти.

В безупречном современном офисе консульства худой, с тревожными глазами бродяга казался совершенно нелепым. Затравленный взгляд выдавал страх. Бояться было чего.

Он скрывается от правосудия, от органов государственной безопасности, на нем особо тяжкое преступление – контрабанда в особо крупных размерах, контрабанда стратеги-

ческого сырья, еще подлоги, подмены и много чего еще, что войдет в общий срок, охватываемый наказанием за контрабанду.

Консульство сделает запрос. Узнают, что к чему: ага, скрывается, находится под следствием КГБ, нелегально бежал за границу, изменник родины, потому что еще не истек срок давности – пять лет, – с тех пор как он имел доступ к сведениям особой государственной важности.

Стоя посреди невиданной роскоши советского консульства, он тяжело вздохнул, нерешительно переступил с ноги на ногу: «Ну да ладно, назад хода нет, решился – так терпи. Ничего, подержат где-нибудь тут, а потом этапируют в Киев, прямиком к Стецюку».

В комнату вошел человек в строгом сером костюме и протянул руку:

– Сенин, начальник консульского отдела, – представился он.

– Клинов, – промямлил контрабандист.

Сенин пригласил его в кресло, сам сел напротив.

Федор кратко изложил подготовленную версию появления за рубежом. Консул избегал уточнений и, желая успокоить беглеца, вообще не задавал вопросов.

– Когда я смогу уехать в Союз? – задал он свой главный вопрос и замер в ожидании. Вот сейчас, сейчас ему будет сказано, что надо подождать или подождите, вас сейчас проводят, а там, когда он выйдет, его возьмут под белые руки

двое в темных пиджаках, и с того момента и начнется зона.

– Уехать можно прямо сегодня, – консул слегка улыбнулся, – только надо сфотографироваться для выездного свидетельства. Ближе всего фотография на Westbahnhof. Кстати, как у вас с деньгами? – приветливо поинтересовался Сенин. – Если нужно, выделим.

– Нет, нет, что вы, у меня немного есть, – Клинов был обескуражен и ошеломлен, от нахлынувших чувств подкатило к горлу, не зная, что сказать, и совсем растерявшись, он поперхнулся, закашлял.

Седой консул внимательно и сочувственно посмотрел на несчастного, все понял, поднялся, проводил Клинова к двери и сказал, чтобы тот не задерживался.

На вокзале, фотографируясь в автомате, он успокоился. Исчез привычный и безотчетный страх. Люди, город, вокзал. Только что все это было чужим и враждебным, а сейчас он идет с фотографией для выездного свидетельства, он уезжает из плена, он свободен!

…Где-то внутри слабый, но верный голос говорил, что не все так просто, но это «не просто» было на фоне свободы. Пусть эта свобода – только пока.

«Мы же вас предупреждали», – вещал тот же верный голос. – «Ну и что! Это будет потом, и неизвестно еще, как оно будет...»

Он пил кофе в консульстве, а ему готовили свидетельство на выезд. Было так хорошо и радостно, что хотелось про-

длить это удовольствие, чтобы не очень уж торопились со свидетельством.

Между тем в комнату вошел высокий, стильно одетый человек лет сорока пяти. Манера держаться, седеющие волосы выдавали в нем интеллигента с претензией на аристократизм.

– Попов, специальный корреспондент «Комсомольской правды», – представился он и располагающе улыбнулся, приглашая к взаимности.

Клинов молчал, зная, что с прессой лучше ни о чем не говорить.

Корреспондент

Подчеркнутая доброжелательность корреспондента, рассчитанная на откровенность репатрианта, его вкрадчивая интонация насторожили Клинова. Еще час тому назад, смирившись с неизбежностью тюрьмы, с тем, что отсюда его повезут под конвоем, он рассказал бы все как есть. Однако, как только консул упомянул выездное свидетельство, он понял: никакой тюрьмы не будет, и никакого конвоя тоже.

Они расположились в комнате, очевидно, предназначенной для переговоров.

– Я бы хотел, чтобы в публикации не было моей фамилии.

– Конечно, конечно, это я вам обещаю.

Поспешность, с которой были даны скоропалительные гарантии, окончательно убедила контрабандиста в лицемерии журналиста.

– Ну что ж, спрашивайте.

– Расскажите, пожалуйста, что побудило вас уехать в другую страну.

– Во все времена люди искали лучшей жизни. Немало предприимчивых людей уехало из России. И по сей день они живут в Канаде, Соединенных Штатах. Между прочим, существенная доля экономического благополучия Европы и Штатов создана эмигрантами. Много русских оказалось во Франции, Германии и других странах Европы.

«Да он насмехается надо мной и не собирается ничего толком рассказывать, – Попов сдержанно улыбнулся, скрывая раздражение. – Попробую что-то нейтральное».

– Это так, вы правы, наших соотечественников действительно можно встретить во многих странах мира. Если можно, расскажите, пожалуйста, о себе. – Он физически ощутил стену, отделившую его от беглеца.

– О себе… – Клинов явно повеселел. Он заметил раздражение корреспондента и почувствовал себя увереннее. – Да не вопрос! Я горный инженер, кандидат технических наук, специалист в области специальных способов проходки шахтных стволов практически на всех месторождениях страны… Основной способ – это замораживание горных пород…

– Простите меня, пожалуйста, – Попов уже не скрывал

недовольства, – не могли бы вы рассказать о своей личной жизни и о том, почему именно сюда, в эту страну, решили уехать.

«Все он, конечно, знает. Почему и отчего уехал. Не секрет, что зарубежные корреспонденты одновременно являются стукачами, а иные под прикрытием ведут работу в интересах государства. Вот и пусть ведут. А зачем ему моя история, совершенно понятно – напечатать про меня, что я бежал от правосудия, но убедился, что за границей жизнь не сахар, для других будет наука. Вот ему», – Клинов скрутил фигу под столом и посмотрел на журналиста.

– Что касается личной жизни, то могу сказать: женат, есть дети! Что-то еще?

– Нет, все, – Попов встал и, не попрощавшись, вышел.

В комнату заглянула девица и пригласила к консулу. Мудрый Сенин, не упоминая корреспондента, протянул выездное свидетельство, под любопытные взгляды сотрудников проводил до выхода и пожелал удачи.

– А жизнь-то продолжается! А, Клинов, как тебе такой оборот?! Собирался в тюрьму, а идешь свободным человеком по прекрасному городу, куда хочешь, туда и идешь!

– Это ты, дорогой мой, пока идешь на свободе по красивому городу, это пока идешь туда, куда хочешь. Рано или поздно придется оказаться у Стецюка, он тебя ждет не дождется в Киеве, на Владимирке.

– Может быть, это и так, но Стецюк никуда не денется,

подождет. А я увижу мадемуазель, она ведь не знает, что я уже на пути к ней.

– Только увидишь, а тут тебя хвать – и к Стецюку.

– Эх ты, а еще попечитель, преданный хранитель, не даешь порадоваться. Ладно, сейчас же я свободен, так что вперед и с песнями!

– Ну-ну, не обижайся, ведь я – это ты и твоя истинная сущность!

Вспомнив неоконченный разговор с Ходжа-Ахметом, Федор решил, что просто так Сергей трепать языком не будет, что-то явно интересное затевается с Россией. Мало ли что, глядишь, и закрутим мощный бизнес, почему бы нет!

«…Тот факт, что мафия из России тем временем привела в исполнение свой первый смертный приговор, вызвал тревогу у органов безопасности Альпийской республики.

В сентябре 1994 года среди бела дня на одной из респектабельных улиц альпийской столицы был буквально изрешечен очередью из автомата 37-летний россиянин Сергей Ходжа-Ахмет.

…Он прибыл в страну в 1989 году и поначалу жил в лагере для беженцев. Неожиданно у него появилось много денег, он основал фирму по торговле автозапчастями и арендовал офис в одном из самых дорогих районов города. Ходжа-Ахмет делал деньги на проституции, наркотиках и, возможно, контрабанде оружием...»

«…За последние два года это уже третье убийство представителей русской мафии.

Убитый, Сергей Ходжа-Ахмет, был известной фигурой в преступном мире. Он владел несколькими публичными домами и занимался перепродажей краденых машин...»

На свободе

Клинов нашел автомат и позвонил в Братиславу Биссонову. Володя, правая рука Корнина в Загородном институте, был командирован на приемку оборудования для восстановления деталей методом порошкового напыления, закупленного для совместного предприятия.

– Володя, здравствуй! Как жизнь протекает за границей?

– Да вашими молитвами, Федор Георгиевич, а вы как поживаете?

– Пока мимо не протекает, пока все идет нормально, как говорил один парень, падая с небоскреба и пролетая первый этаж. Пока все идет хорошо! Но подробнее расскажу часа через два.

– Это как?

– Вот так, только скажи мне свой адрес!

К Биссонову Клинов приехал на поезде через полтора часа. Первое, что поразило, так это городская обветшалость. «Ну и ну! Это не Европа, а какой-то Кологрив. Никакого сравнения с Альпийской республикой!»

Поймав такси, Федор прочитал водителю адрес. Бомбила сразу понял, открыл дверь, что-то говорил на языке, очень похожем на малороссийский, и минут через двадцать остановился среди серых пятиэтажных домов.

«Натурально, Восточный пригород, никакой разницы, заштатный пыльный городишко, типичный Совок!»

А ведь не далее как в I веке нашей эры второй римский император Тиберий из династии Юлиев-Клавдиев, при котором казнили Иисуса Христа, здесь построил опорный пункт дунайской оборонительной линии, в XII веке венгерский король основал свою резиденцию.

– Можно сказать, попал в родные места, – выходя из машины, поделился он впечатлением с Биссоновым, ожидающим его у дома.

– Здесь все такое же, как в родных местах: дома, улицы, нравы и обычаи, язык начинаешь быстро понимать, одним словом, я тут в своей тарелке.

– А я там, – Федор махнул рукой назад, – альпийский язык так и не усвоил, чаще пользовался английским.

Биссонов показал небольшую, скромно обставленную однокомнатную квартирку на первом этаже.

– Я к тебе на денек, – сообщил Федор, – потом еду домой. Завтра надо купить билет до Москвы, а пока хорошо бы посидеть, поговорить, заодно и расскажу про альпийскую эпопею.

Денек растянулся на пять дней. Клинов тяжело возвра-

щался к своему привычному образу жизни: слегка иронич-ному, несколько свысока, с большой долей самоуверенности.

– Да вы, Федор Георгиевич, не только похудели, в вас что-то изменилось, не могу понять, правда, что.

Они отправились на местный рынок «Бурза», раскинувшийся на огромном пустыре. Здесь, как пояснил Володя, можно купить все: от «Московской особой» водки до пулемета или танка.

– Такая же толкучка на Рижской, возле метро, – заметил Клинов, – бывало, что и пройти невозможно. А что касается чего-то купить, так, говорили, стрелковое оружие – не вопрос, были бы деньги!

У Биссонова нашлись записи Шуфутинского, они крутили их снова и снова, пили водку, вели бессмысленные разговоры, вздорные и пустые. Навязчивая перспектива тюрьмы сидела в госте глубоко, никуда не уходила, сколько бы Клинов ни пил, она крепко держалась в его измученной душе.

Пять дней пролетели незаметно. И все это время, как только немного рассеивался пьяный туман, к Федору возвращалось видение: Стецюк, киевский суд, из суда в наручниках, а дальше картины путались и мрачнели.

– Товарищ майор, получена шифрограмма из Альпийской республики, зайдите, пожалуйста, посмотреть, – доложил Кочегаров.

– Хорошо, сейчас буду, – Стецюк почти бегом шел прочитать шифрограмму. – Прав был я, не сможет он там жить:

рано или поздно вернется, так оно и оказалось, только теперь надо упредить, чтобы не навредил сам себе.

Из шифрограммы следовало, что Клинов выехал поездом в Москву.

– Кочегаров и Непейбаба, – Стецюк был весел и спокоен, – вы немедленно выезжаете на границу. Задача: встретить, задержать и доставить контрабандиста в Киев.

Но не смогли опытные оперативники встретить и задержать беглеца. Им и в голову не могло прийти, что все это время, а они в течение трех дней тщательнейшим образом, с привлечением местных оперативников проверяли все поезда, следующие на Москву, Клинов просто пьянствовал в Братиславе.

– Какие наши дальнейшие действия? – звонил из бандеровского города Кочегаров.

– Вы выезжаете в Москву. С московскими коллегами согласовано. В вашем распоряжении будет машина. Задача та же: задержать, а что дальше – сообщу позже.

Поимка контрабандиста

В Москве стояла теплая осень, бабье лето, время, которое так любил Клинов, а теперь, сойдя с поезда, он шел с чувством тревоги и опасности.

Казалось бы, все обдумано и решено, суда, тюрьмы не миновать, вроде бы свыкся с неизбежностью, и тем не менее он

продолжал на что-то надеяться. Горечь не проходила, ласковое солнце и с детства знакомые улицы лишь усугубляли тоску и чувство безнадежности.

Клинов побывал у матери, съездил к Тумановой. Все отмечали худобу и озабоченность во взгляде. Его старались отвлечь, расспрашивали о планах, он нехотя и односложно отвечал, вызывая сострадание.

В столице шли стихийные и организованные демонстрации. Милиция присутствовала везде, но не разгоняла и не задерживала.

Туманова позвонила школьному приятелю, у которого несколько дней назад гуляли на свадьбе.

– Гарик, выручай, нужна квартира на некоторое время. Клинов на нелегальном положении.

– На некоторое время – это на сколько?

– Хотя бы на месяц, может, на два.

– На два – нет, на месяц могу. Мы с Ланской завтра улетим во Владик.

– Спасибо, ты настоящий друг!

В тот же день, получив ключи, Клинов с Тумановой расположились в квартире молодоженов недалеко от Даниловского рынка.

Вечером отмечали новоселье. Туманова практиковалась в салатах, Бухарин рассказывал анекдоты с клубничкой, школьная подруга мадемуазель Мадина, родившая сына вне брака, но по любви, отдыхала от осетинского гнета, Клинов

на удивление был весел, балагурил, наливал водку, все пили за свободу и здоровье.

На следующий день нетрезвые гости сорвали со стен только что наклеенные обои и написали на них большими буквами: «Да здравствует учредительное собрание». С этим плакатом и бутылкой коньяка они прошли через Красную площадь с толпой таких же бесшабашных демонстрантов, попивая коньяк прямо из бутылки.

По телевизору непрерывно шел балет «Лебединое озеро», столица была переполнена неясными слухами, одни чуднее других, было жутко и весело, все ждали, что грядут события, но не было понятно, какие и что ждет каждого.

Туманова и Клинов старались не привлекать внимания, получалось это плохо, потому что вскоре к ним потянулись знакомые. Всем было интересно узнать про заграничную жизнь. Клинов наводил туман, мадемуазель добавляла небылиц, а про ночной переход границы, ожидание встреч с пограничниками слушали затаив дыхание.

Прошла неделя. Ощущение опасности не оставляло Клинова ни на минуту. Он чувствовал, что опасность рядом, вот она, и лишь потрогать руками не мог. Тревога сопровождала его везде. Туманова видела и понимала его состояние, но ни водка, ни знакомые не могли избавить от страха ареста. Все чаще к Клинову приходила мысль прекратить скрываться и явиться с повинной.

– *Ну, хорошо, сегодня кое-как день прошел на свободе,*

завтра с утра снова, с тяжелым чувством преследования и опасности, начнется день, ты будешь озираться, думая, что вот, например, тот незаметный человек подойдет и скажет: «Гражданин, Клинов, вы арестованы», – увещевал попечитель. – И сколько так будет продолжаться?..

– Ой, как хорошо я тебя понимаю, но вот ничего поделать не могу: как представлю себя у Стецюка, так здравый смысл оставляет меня.

– Все уже предрешено, тебе осталось лишь выполнить неизбежное...

В субботу вечером мадемуазель и командор гостили у Бухарина.

Дима слыл гурманом, и это была одна из причин второго брака: белокурая Грета, немка по происхождению, красивая и добрая, потрясающе готовила, родила ему сына Ивана, тогда как первая жена смогла подарить лишь двух девчонок, хотя и хорошеньких.

Характером Бухарин был эпикуреец и сибарит, кроме вкусно поесть, обожал компании, женщин, при этом обладал широкими познаниями в химической отрасли.

Было около десяти вечера, когда неожиданно раздался звонок в дверь. Клинов вздрогнул.

– Грета, – голос командора сел, – посмотри в глазок и скажи, кто там, хорошо?

– Хорошо, хорошо, я сейчас.

Грета вернулась с испуганным лицом.

– Кто там?

– Какой-то мужик, открывать?

– Слушай, Дим, ты соседей по балкону хорошо знаешь?

– Ну, так, немного знаю, а что?

В это время снова, но уже непрерывно, зазвонили в дверь.

– Открывать или нет? – Грета шла к двери.

– Откроешь, когда скажу, – Бухарин вышел на балкон. – Федь, иди сюда, давай быстро лезь, Мишке скажешь… ну, скажешь, мол, так надо, он нормальный мужик, поймет.

Клинов встал на табурет.

Было холодно. Далеко внизу гремел проезжающий трамвай.

– Дим, поддержи меня.

– За что тебя поддержать? – хохотнул сибарит.

– За штаны, твою мать, не понимаешь, что ли?

Балконы разделяла пластиковая перегородка. Клинов, держась за Бухарина, перебросил левую ногу на Мишкин балкон, перехватился за перегородку и опустился уже у соседа. Хозяин стоял в дверях своего балкона и во все глаза наблюдал за происходящим.

– Мишаня, это мой товарищ, выпусти его, я тебе потом все объясню.

– Ладно, – успокоился сосед, – выпущу.

Поздно вечером следующего дня на выходе из кинотеатра два неприметных гражданина нежно взяли беглого контрабандиста под руки, при этом один из них задушевным голо-

сом предложил сесть вон в ту машину.

Клинов с готовностью согласился. Мадемуазель Туманова ничего этого не услышала, но все правильно поняла, поэтому на помощь звать не стала, а тихо следовала за тремя мужчинами, которые как будто вели своего подвыпившего товарища.

В машине Непейбаба, а это был именно он, показал бумагу: «Это ордер на ваш арест, камера в Лефортове для вас готова, вот, можете прочитать», – и помахал листочком.

Клинову и в голову не пришло прочитать ордер. Достаточно было услышать «Лефортово», «камера». Командор был в прострации.

«…Пятьдесят три года тому назад, тоже в Москве, тоже ночью, в Столешниковом переулке дом четырнадцать чекисты показали Островскому – агенту «21», главному исполнителю контрразведывательной операции «Маки-Мираж» ордер на арест. Они обыскали квартиру, конфисковали ценные вещи, оружие и отвезли в Бутырскую тюрьму, где его ждала камера…»

– Есть и другой документ, – вступил в разговор Кочегаров, – повестка на двадцать первое сентября к известному вам Стецюку. – Выбирайте, Федор Георгиевич, но если не приедете, вступает в силу ордер, и тогда вас ждет камера, а следственные действия переносятся в Москву.

– Я приеду в Киев, – сказал шалопай безучастным голосом и взял повестку.

Непейбаба вышел из машины и выпустил беглеца.

– Теперь в гостиницу – и по рюмочке, – заметил Непейбаба.

– А мне жаль этого Клинова, – Кочегаров смотрел вслед уходящему контрабандисту. – Я читал его досье: работал механиком в Донбассе, потом строил шахты по всей стране, дед его, контрразведчик, нелегал, двенадцать лет водил за нос японскую разведку, мы учились по его разработке.

– Дед его – это совсем другое дело, а Клинов – преступник – контрабанда в особо крупном размере.

– Ты это серьезно?

– Да, я тоже знаком с делом, настоящий уголовник.

– Эх, да ты безнадежно дремуч: Клинов нарушил не Уголовный кодекс, а партийное постановление, понял?!

– Почему они тебя отпустили? – мадемуазель стояла неподалеку.

– А ты хотела, чтобы меня отвезли в Лефортово?

– Нет, конечно, но ведь они тебя выследили и по логике вещей должны арестовать.

– Я и сам не пойму.

Как реагировать: радоваться или бояться, Клинов не знал. То, что его поймали и отпустили, не укладывалось в голове.

Тем временем Советский Союз трещал по всем направлениям. Прибалты, грузины, армяне и молдаване отказались проводить референдум за сохранение СССР.

Начался так называемый Новоогаревский процесс. Ме-

ченный пятном (бог шельму метит) и верные ему лица, преследуя исключительно шкурные интересы, сочиняли новую форму государства и в конечном итоге к лету договорились о мягкой, децентрализованной федерации.

А в августе, под аккомпанементом популярного танца из «Лебединого озера», грянул ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР, самопровозглашенный политический орган, существовавший с 18 по 21 августа 1991 года.

Однако, замахнувшись на государственный переворот, его организаторы оказались неспособными на решительные действия и буквально в течение нескольких дней были арестованы.

Пока одни в Ново-Огарево вынашивали бездарные планы, а другие, так называемые «путчисты», хотели ухватить бога за бороду, в Москве претензию на власть заявил малоизвестный доселе Ельцин.

Краснобай с претензией на исключительность, ассоциирующий себя с Годуновым, и группа ловких молодцов, почуявших в царящем бардаке золотую жилу, состряпали властные полномочия в новом государстве, распределили, кто, чем будет рулить, и захватили бесхозную страну.

Как показала дальнейшая их деятельность, государственных мужей, честных и бескорыстных, среди них так и не оказалось.

Царящая в великой стране политическая неопределен-

ность, все возрастающее бесчинство бандитских группировок, дефицит продовольствия вселяли в обывателей страх и безнадежность.

На фоне всеобщей озабоченности и неопределенности не только в будущем, но и в завтрашнем дне у Клинова теплилась надежда на благополучный исход уголовного дела. Он не знал, как такое может произойти, но надежда не покидала его, и он уехал в Киев.

В поезде он прочитал небольшую статью «Пошел туда, не знаю куда», напечатанную в «Комсомольской правде», о том, что «…горный инженер К. помыкался, помыкался в Альпийской республике, да и решил вернуться…». Вот гад, все-таки состряпал статью!

Командор всегда с недоверием относился к журналистам, а статья Попова окончательно убедила в продажности пишущей братии.

Первое, что удивило Клинова, когда в назначенный день он с привычной тоской на сердце появился в кабинете Стецюка, была доброжелательность, витающая в воздухе. Следователь по-прежнему был строг, выдержан и вежлив, но теперь в его отношении к подследственному что-то радикально изменилось.

Клинов, как обычно, расположился за приставным столиком, на котором снова лежали центральные газеты, и во все глаза смотрел на Стецюка, желая понять, откуда у него необъяснимое предчувствие чего-то хорошего.

Прошел день, второй, майор, не отрываясь и довольно быстро, печатал на машинке, вопросов не задавал, в перерывах вместе с подследственным обедал в столовой КГБ Украины.

Зная, что вопросы в этих стенах задают только ему, шалопай помалкивал, ни о чем не спрашивал и, несмотря на свои ощущения, считал, что Стецюк печатает постановление о передаче дела по обвинению в суд.

Он слушал однообразную мелодию печатной машинки, она корреспондировалась с перестуком колес поезда, который скоро доставит его в суровые края, покрытые снегами, среди которых стоят одноэтажные бараки…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.